

ЛАРА АЛЬМ

Я

ЛЮДИ

СОБЫТИЯ

Ростов-на-Дону

2017г.

И не внимая многолюдью
 Ни внешним бурным суетам –
 Я весь в себе, весь сам с собою...
 / Федор Глинка /

История первая. 1976 год Скромный работник тыла

Мне, Ромке Хруцкому, пятнадцать. Весна. Апрель. Я тайно влюблен в одноклассницу Риту Державину, в девчонку «так себе», как утверждает мой лучший друг Артур Барабанщиков по прозвищу Пионер. Почему-то у всех знакомых его фамилия вызывает ассоциацию с пионерским движением. Артур не обижается, всегда отзывается на приклеившееся к нему прозвище, хотя, еще осенью мы вступили в комсомол. С гордостью и большим удовольствием повесили на грудь комсомольские значки – показатель взрослости. Комсомолец Пионер был единогласно избран комсоргом класса, а я – членом комитета комсомола школы. Уж не знаю, за какие-такие заслуги мне оказали честь: учусь я средне, без троек, тем более, без двоек, дисциплина тоже «хромает» - устраиваю демонстративные коллективные побеги с уроков. Не беспричинные. Только в случае неуважения учителя к ученику.

Вот недавно был случай. Только мы вышли с весенних каникул, еще расслабленные прошедшим отдыхом и внезапно наступившей прекрасной весенней погодой - предательницей (кстати – всю каникулярную неделю лил дождь, температура не поднималась выше +5), как наша классная руководительница, учительница русского языка и литературы, решила устроить нам проверочную работу, называемую в народе диктантом. Естественно, все ученики получили по паре, кроме нашей зубрилки Дины Чайки, Шимпанзе с косичками. Шимпанзе с косичками ее никто открыто не называет: Динка - ябеда, у нее отец тренер по какой-то там борьбе. Ключевое слово – борьба. Всё становится ясным и понятным: лучше с этой семейкой не связываться. Но язык так и «чешется» - хочется Динку назвать Шимпанзе с косичками. А все почему? Потому что страшная эта Дина Чайка, как моя жизнь. Обиходное сравнение, на самом деле у меня нормальная жизнь... Вполне себе ничего... бывает. Но об этом позже.

Вернемся к диктанту. Новость нас не порадовала, мы поныли для порядка – вознамерились уговорить нашу руссичку Римму отложить написание диктанта. Да где там – разве ее уговоришь. Губы поджала, ручки колечком на груди сложила и принялась поочередно сверлить нас уничижительным взглядом. На мне, естественно, свой уничижительно-колючий взгляд задержала – дескать, уйми, главарь, свою банду. Я хоть бы хны – реакции ноль. Римме надоело сверлить взглядом - дыры делать, рывкнула и потребовала открыть тетради. Пришлось открыть.

Результаты диктанта мы узнали в тот же день, хотя, надеялись на отсрочку «приятного» известия.

Наша классная, Римма Ивановна, явилась в класс к окончанию шестого урока и потребовала у всех дневники. С величайшим наслаждением нарисовала в дневниках двойки-лебеди и предупредила: «Завтра рядом с двойками обязаны находиться родительские росписи: они видели результаты вашего труда».

- Завтра будет завтра, - философски пропел я и первым покинул класс, успев заметить заинтересованный взгляд географички, на урок которой заявила наша Римма.

Заинтересованность была направлена не на меня лично. Географичка, старенькая женщина сорока пяти лет, одинокая и несчастная, ожидала развития событий, которые обязаны последовать. Все-таки, неразумная школьная жизнь для географички - элементарное разнообразие. Она нередко утверждает, что со мной не соскучишься. И еще нарекла меня «гениальным лентяем»: прилагал бы усилия, был бы отличником. А мне оно надо?! Я трачу на выполнение домашних заданий минимум времени, притом, только на письменные, устные мне учить не надо, я внимательно слушаю новый материал на уроках. Не скрою – дополняю знания сверхзаданного по личной инициативе – самому интересно, и не премину блеснуть дополнительными знаниями. Не так хочу прихвастнуть, или «пятак» заработать, как макнуть учителя. Не каждого, лишь того, кто презирает неравных себе, по его мнению. Возраст и образование не дают ему права унижать тех, кто боится за себя постоять. Я не боюсь. Я, вообще, ничего и никого не боюсь. Возможно, причина моего бесстрашия в том, что мне никогда не грозила опасность. И рядом всегда находился мой отец, надежный друг и сдержанный учитель: в мою жизнь с нравовыми он старается не лезть, только в редких случаях. Я не прячусь за его спиной, и не перехожу черту дозволенного, в надежде, что меня прикроют. Я поступаю так, как мне велит моя совесть. И пусть это звучит высокопарно.

Вообще-то я по жизни мечтатель. Но лучше об этом никому не знать.

Да, мудрая географичка права - я лентяй, про гениальность умолчу. И догадлива: я не оставлю взбрык Риммы Ивановны без последствий. Заодно добавляю в жизнь, похожую на застоявшуюся лужу, - это я не о своей жизни, о жизни географички, «кусочек карбида» - взбаламучу воду: оправдаю ожидания.

Римма сама напросилась на скандалчик - не пошла навстречу пожеланиям трудящихся учебных масс...

На следующий день я подошел к школе на час раньше положенного времени. Приткнулся к перилам на крыльце школы и стал терпеливо ждать появления моих одноклассников. Вежливо здоровался с учителями, показательно отвернулся от классной, Риммы Ивановны. Краем глаза заметил, что она замешкалась у входа, хотела ко мне подойти, но не решилась.

Мои одноклассники группировались возле меня. Динка – Шимпанзе с косичками – тоже подошла, но я тактично проводил ее до дверей. Она попыталась увернуться, но у меня не забалуешь – сказал в класс, значит, в класс.

Прогуляв на свежем воздухе два урока литературы, мы вернулись в школу.

На разборки пришел директор школы. За ним семенила Римма с поникшей головой. Директор пугал нас самым страшным «оружием» - исключением из школы в восьмом классе, переводом в школу рабочей молодежи, при этом делал невероятно круглые глаза. Можно было подумать, в школе рабочей молодежи учатся полулюди-полуживотные, он их видел своими глазами и никому этого не желает.

Директор сообщил, что на пятницу он назначает родительское собрание нашего класса вместе с родительским комитетом школы, руководимым папочкой Шимпанзе с косичками, тем самым самбистом, борцом.

Не впервой назначает подобное разбирательство. Возможно, кого-то из моих одноклассников родители по голове не погладят за прогулы. Я не боюсь родительского порицания по одной причине – оно не последует. Поэтому я сразу всех предупредил: валите всё на меня! Мой друг Артур-Пионер, профессорский сыночек, тоже не трясется от страха. Предки Артура заняты научными открытиями, им не до революционных выходов отпрыска.

Моего отца больше интересовала политическая обстановка в мире: в Китае новый премьер Госсовета, в Эквадоре ушел в отставку президент страны, в Лондоне и Республике Родезия новые премьер-министры, Египет разорвал договор о дружбе с СССР, а Исландия – дипломатические отношения с Великобританией в ходе «Тресковой войны» - исландцы совсем обнаглели, прихватывают воды Британии для увеличения доходов от рыболовства.

Все события отец бурно обсуждал со мной. Правильнее сказать – я внимательно слушал его монолог. Так с 24 февраля по 5 марта он фанатично мне пересказывал решения партии на XXV съезде. Я откровенно скучал, вклинивался с сообщением – в этом году слишком часто происходят авиакатастрофы, называл даты – 3 января, 30 января, 5 февраля, 6 марта, места крушения – в районе аэропорта Внуково, под Фрунзе, под Иркутском, в Воронежской области. Две «Тушки» - ТУ-124 и ТУ-104 и два «ИЛ-18». И это всего лишь за несколько месяцев этого года.

Отец почему-то обзывал меня антисоветчиком. Если мне хочется поговорить на «отвлеченные темы» - любая тема вне политики – отвлеченная, то можно обсудить достижения наших спортсменов на XXII Олимпиаде в Инсбруке. Да, в Австрии наши спортсмены выступили прекрасно – первое место в общекомандном зачете, я готов говорить об этом бесконечно. Только бы не слышать о XXV партийном съезде и о речи Генерального секретаря Брежнева Леонида Ильича.

Я не высказывал свои антисоветские соображения по этому поводу. Я никогда не был антисоветчиков, в какой-то мере даже завидовал отцу, что он слепо верит в идеи, в строительство коммунистического общества. Я воспринимал все идеи, все призывы как должное. Я с ними родился. Мне с этими идеями было скучно.

Гораздо позже я понял, что иметь идею, набившую оскомину, – это гораздо лучше, чем не иметь никакой идею.

В то время капитализм загнивал, социализм расцветал бурным цветом. Все были с этим согласны. По крайней мере, все наше окружение. С удовольствием ходили на демонстрации – 1 мая и 7 ноября, с флагами и гвоздиками, смеялись, пели песни про молодого Ленина и юный Октябрь...

Мои подстрекательства - школьные проказы - отец тоже называл антисоветчиной, но иным тоном, по-доброму, даже ласково, будто гордился мною – я могу повести за собой людские массы, значит, у меня прекрасное будущее...

Мы жили с отцом вдвоем. Мама умерла от онкологии, когда мне было двенадцать лет. Отец только-только ушел из армии по состоянию здоровья в звании майора.

Я рос очень самостоятельным. Отец постоянно пропадал на службе, мать была активисткой женсовета летного полка. Роль активистки ей нравилась больше, чем роль матери. До трех лет меня опекала соседка по коммунальной квартире, у которой родилась девочка, моя ровесница, с трех лет я прилежно посещал детский сад.

Когда отец ушел в запас, мы перебрались к моей бабушке, матери отца. Какое-то время жили в квартире бабушки, потом получили ордер на собственную квартиру. Чему была очень рада моя мать, которая скучала по женсовету и от скуки грызлась со свекровью. Бабушка, будучи сдержанной интеллигенткой, на укусы невестки не реагировала и никогда не жаловалась сыну. Ему и без того было не сладко – он с трудом принимал жизнь на гражданке. Кадровому военному сложно адаптироваться в новых условиях.

Мой отец – Александр Хруцкий – не мог сидеть без дела. Сначала ему предложили работу в районном военкомате, но он отказался – резать, так резать. И пошел устраиваться на авторемонтный завод. Кем угодно.

Кем угодно у него не вышло, стал инженером по гражданской обороне. Как педантичный человек привел в порядок документацию, как активный партиец

постоянно выступал на собраниях партийной ячейки, в итоге был избран секретарем партийной организации автомобильного завода, к тому времени ставшем большим производственным объединением – в него «влились» еще два завода.

После смерти любимой жены муж с головой погрузился в принципиальную партийную жизнь, я был предоставлен сам себе.

Но я к этому привык. Чтобы легче перенести утрату я сказал себе: «Мама уехала по делам, вернется не скоро». Все.

И свято в это верил.

Не скажу, что очень любил маму. Просто любил. Отца я любил больше.

Мне всегда казалось, что я появился на свет по настоянию отца, он хотел ребенка от любимой женщины. Женщине легче было выносить и родить, чем постоянно спорить или молча выслушивать уговоры. Родила – получите, дальше как-нибудь сами.

Отец вызвал бабушку, свою мать. Ребенку нужен надлежащий уход, не какой-то там соседки со своим грудничком, а родного человека, зрелого и ответственного.

Отцу в ту пору было тридцать, матери – двадцать пять, бабушке – пятьдесят. Молодая была бабушка и работающая. Поэтому, проведя с внуком месяц – свой отпуск, предложила сыну повлиять на жену- общественную активистку, в крайнем случае – нанять няню. Если нужны деньги, она окажет материальную помощь...

Я ее не виню. Я вообще никого не виню. Жить с обидой в душе – вредно для своего здоровья. Этот вывод сделал гораздо позже, в детстве жил с этим понятием интуитивно.

Мне нравилось одиночество. Я привык.

В школе любил быть в центре внимания, любил бурно общаться с одноклассниками. И очень от этого уставал. Дома я отдыхал от общения. По-быстрому учил уроки, рисовал мои любимые самолеты, много читал. Или просто валялся на диване и мечтал, или сидел у окна и смотрел на небо – опять же мечтал, но это были мечты определенной направленности. Небо – самолеты – летная профессия.

Отец предлагал мне записаться в спортивную секцию. Я отказывался. Мне необходим отдых от людей.

Я был обычным мальчишкой. Иногда мне хватало полчаса отдыха, иногда – половину дня, а иногда я сразу выбегал на улицу гонять мяч или кататься на коньках, в зависимости от времени года. Больше всего в детстве я любил играть «в наших и фашистов». Я всегда был командиром «наших». Однажды один пацан предложил мне стать фашистским ефрейтором, я сразу заехал ему в глаз. Больше никто не решался делать мне подобных предложений. Вообще-то я дрался редко. Но отчаянно. Особенно бесила несправедливость. Это у меня от отца...

Апрель 1976 года.

Как давно это было и как недавно.

Скоро выпускные экзамены в восьмом классе. Всего четыре – русский устно и письменно, алгебра письменно, геометрия устно.

Долбим на уроках билеты – готовимся.

Я собираюсь идти в девятый класс. Зачем мне эти экзамены? Тем более сейчас, когда на улице весна, а в сердце... любовь к одной сероглазой девчонке, так себе. Может быть, для Пионера Ритка Державина и так себе, но для меня она лучше всех.

Сегодня я решился и написал ей записку. Передал через три ряда. Никто не наглед – не прочел мое послание. И не потому что оно – мое, просто у нас в классе не принято читать чужие записки. Так повелось. Даже зубрилка и стукачка Шимпанзе с косичками не решается засунуть свой нос в чужую переписку. Были прецеденты.

Устроили ей бойкот всем классом. Мы с ней не особо общаемся, но на вопросы отвечаем и списывать даем – зубрилке не всегда хватает ума решить задачу повышенной сложности. После двух дней жесткого молчания Динка сдалась, попросила перед всем классом прощения и дала клятву комсомольца, что больше так никогда не поступит.

При всех намеках на «антисоветчину», естественно, антисоветчиком я не был, уважаю строй, люблю свою Родину, всегда участвую в жизни школы и класса, а после вступления в комсомол с азартом включился в работу комитета комсомола школы, стал ответственным за прием в комсомол.

Спустя десятилетия разбуди меня среди ночи, потребуй процитировать устав ВЛКСМ, и я это сделаю без труда...

Когда вспоминаю прошлое, сердце тихонечко щемит...

Мы легко расстаемся с былыми ценностями, ничего не привнося взамен.

Потому и получаем то, что получаем...

Но я отвлекся.

Рита, сероглазая русоволосая девочка-тростинка - не «так себе», лучше всех - приняла мое предложение сходить в кино.

После школы я отправился в билетные касса кинотеатра «Россия» и купил два билета на фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» с Высоцким в главной роли. Не на последний ряд, о чем сожалею. Пока не решился. Всеу свое время.

После билетных касс забежал домой, перекусил на скорую руку кефиром и бубликом. Сменил школьную форму – жуткий синий костюм – на серые брюки и черную водолазку. Сверху набросил легкую куртку черного цвета и полетел на свидание.

Явился за полчаса до назначенного времени и стал наворачивать круги вокруг кинотеатра.

Рита пришла без опоздания. Она чувствовала себя неловко, я тоже чувствовал неловкость. Как будто мы впервые увиделись, а не учились в одном классе целых три года.

Естественно, направились в буфет. Взяли по стакану лимонада, по бутерброду с докторской колбасой и по пирожному «Корзиночка». Деньги у меня были, отец меня не баловал деньгами, но и не жадничал, когда я просил.

На дневном сеансе людей в зале было мало. На нашем десятом ряду, вообще, сидели мы с Ритой и рыхлый пацан лет десяти, рыжий и с совершенно веснушчатым лицом. Пацан весь фильм хрустел кукурузными палочками из картонной коробки, которую приволок с собой.

Меня раздражал постоянный хруст кукурузных палочек, как напоминание, что мы в кинозале не одни. Но больше всего раздражала моя нерешительность. Но в кинозале мы не одни и сидим в среднем ряду, не на местах для поцелуев. Но, опережая события, я мог показать свою... предрасположенность к Маргарите. Мог заграбастать ее руку и на протяжении всего фильма наслаждаться единением.

Я не взял, струсил. Потому не получил никакого наслаждения. От фильма в том числе. Я злился. К тому же у меня в животе «началась революция». То ли от волнения, то ли от кефира, который я выпил перед уходом. Мне казалось, что бешеные животные звуки заглушают диалоги в кинофильме. Больше всего я боялся, что начнутся серьезные проблемы – живот прихватит. То-то я опозорюсь.

Тогда я справился со своими проблемами – посоветовал животу не портить мне личную жизнь. И живот прислушался к моим советам.

После окончания сеанса Маргарите захотелось обсудить кинофильм. Я мало смотрел на экран, в смысл не врубился - как мы говорили в то время, поэтому

перевел разговор на обсуждение «Иронии судьбы...», комедии Рязанова, которую показывали в предновогодние дни. Вдруг меня «потянуло» в зиму. Весной-то. Просто комедия мне невероятно понравилась. И игра актеров, и сюжет, и песни, и стихи. После просмотра я всерьез занялся сочинительством. Первый опыт был неудачным, но с весной, порой любви, все начало получаться – по-моему, далеко непрофессиональному, мнению. В этом случае я вспоминал маму. Она любила говорить с вызовом: «А мне нравится!». Вопрос закрывался сам собой.

Мне мои стихи нравились. Пусть они были примитивными, а рифмы смешными. Я никому не собирался их показывать или цитировать полупрошепотом, вышагивая по полутемной улице и вдыхая весенний аромат - начало всему. Под «никому» я, естественно, подразумевал Риту Державину.

А пока мы обсуждали «Иронию судьбы...». Оба сошлись во мнении, что киносказка может быть былью.

Потом переключились на кинофильм «Мама» с советскими и зарубежными актерами.

Рита призналась, что ей нравится чешский певец Карел Готт. Я показательно ухмыльнулся и сказал:

- Меня интересует только группа «Led Zeppelin». 31 марта они выпустили шестой альбом, который называется «Presence».

Это я опомнился - вернул себе циничную взрослость. На самом деле, мне нравилась наша группа «Цветы» под руководством Стаса Намина. Особенно песня «Звездочка моя ясная». Начиналось мое увлечение современной эстрадой с «Самоцветов» и «Песняров». Первые грампластинки именно этих ВИА фирмы «Мелодия» появились у меня в день покупки проигрывателя. Какое это было счастье! Я так долго слушал «Песняров», что выучил белорусский язык. Причем включал на полную громкость, чем «радовал» соседей.

Сейчас бы «Звездочку...» назвали хитом, в то время она была очень популярной песней, которая обросла людскими домыслами. Когда я ее слушал, у меня к горлу подкатывал ком – я вспоминал маму.

Я очень надеялся, что Рита не будет забрасывать меня вопросами о заграничной рок-группе. Кроме названия я о ней ничегошеньки не знал.

Признаваться - тебе нравятся советские ансамбли - было стрёмно. Это словечко тоже из того времени.

По-честному мне еще нравились «Битлы» - группа «The Beatles», но отец запретил мне слушать «капиталистическую гадость». Назвал ее пропагандой. В некоторых вопросах мой демократичный отец был непреклонен...

Рита перескочила со скользкой темы на школьные будни.

Как бы мне не хотелось, но мы незаметно добрались до ее дома. На улице уже стемнело. Я решился. Взял Риту за обе руки. Развел руки, соединил, словно исполнял некий народный танец без музыки. Музыка звучала у меня в голове, в основной не бравурная, траурная с набатом. Причем так громко, что уши заложило.

- До завтра? - полувопросительно поинтересовалась скромная девочка Маргарита, с ожиданием уговоров. Своих рук не вырвала и не засемила к подъезду.

- Погода... хорошая... Может, пройдемся еще? – оправдал я ее ожидания.

- Ну... Давай. Только недалеко. Мама сказала, чтобы ровно в семь я была дома. Еще уроки учить. Завтра контрольная по алгебре.

- Я помню. Я тоже еще не учил уроки.

- Ты способный, раз, два и все готово. А я долблю, долблю... До меня долго доходит,

- откровенно призналась Рита. - Почти, как до жирафа, - рассмеялась она, чтобы снять напряжение. Кончики ее пальцев были ледяными и слегка подрагивали.

Комочек льда просочился внутрь меня, в район левой части груди. Я хотел почувствовать себя Каем, околдованным Снежной Королевой, - чтобы не надеть глупостей... Но не смог совладать с желанием сорвать первый в своей жизни поцелуй и... стать прежним Каем. Мечтал, чтобы меня расколдовали. Эту волшебную обязанность возложил на Риту Державину, она должна превратиться в Герду. Увы, Рита не торопилась с перевоплощением.

Я сам не понял, как ЭТО произошло. Как я осмелился.

Вышло совсем не так, как в кино. Быстро. Непонятно. Но трепетно. Захотелось повторить. И я повторил. Долго. Обжигающе. Но неумело.

Но Рите понравилось. Она не вырывалась. Потом и вовсе обвила своими ручками мою талию...

Мы еще долго «провожались» – замирали у подъезда и опять, не сговариваясь, решали «пройтись еще».

Не выдержала мать Риты. Наверное, она следила за нами из своего окна. Не думаю, что заметила наши поцелуи – мы прятались под раскидистым деревом с легким налетом зелени. Надеялись, что «дырявая» крыша скроет нас от чужих глаз.

Старшая Державина напомнила, что «не за горами экзамены». Я задрал голову и вежливо поздоровался. Мне ответили. Наверное, Риткина мать долго терпела, все надеялась, что дочь образумится и вспомнит о невыученных уроках. Ранее не заявила о себе только по одной причине: я считался воспитанным мальчиком из порядочной интеллигентной семьи, с которым «можно дружить».

Когда Рита бросила: «Сейчас», ее мать проворковала:

- Ритуля, пора-пора. - И скрылась в недрах квартиры, дав негласное разрешение на прощание.

- На этот раз точно - до завтра, - улыбнулась Рита.

Я не сводил взгляда с ее припухших губ. Непроизвольно потянулся к ним своими губами. Но Рита увильнула и убежала.

В народе давно «прижилась» фраза - «почувствовал себя на седьмом небе». Это обо мне в день моего первого поцелуя.

Но поцелуем этот необычный день не ограничился. Меня ждал сюрприз, который можно назвать жестким приземлением...

Расставшись с Ритой, я потянулся к своему дому. Где-то на середине пути я обратил внимания на пару, которая так же медленно прогуливалась по вечернему городу. Женщина держала мужчину под руку и о чем-то оживленно ему рассказывала. Мужчина время от времени поворачивал голову в ее сторону. Я отчетливо видел его профиль в свете уличных фонарей.

Отец никогда передо мной не отчитывался. Объявлял: «Буду во столько -то». И никогда не нарушал обещания «быть во столько-то». Всегда ночевал дома.

Сегодня утром он мне сообщил, что вернется не позже девяти.

Я взглянул на свои часы – было начало девятого.

Отец повторил мои действия – тоже взглянул на часы. И что-то сказал своей спутнице.

Я прислушался к себе. Поискал намеки ревности и не обнаружил их. Не сказать, что был рад открытию - отец нашел себе женщину, но в голове точно не помутилось. Но я отношусь к тем людям, которые невзначай могут обронить колкое, или не колкое, словцо - язвительно, или не язвительно, пошутить. Все зависит от чувства юмора, которое или есть, или его нет, третьего не дано. Я всегда понимал, что за человек передо мной, так сказать, ориентировался по обстановке.

Бывали случаи, когда меня несло – я себя не контролировал. Очень хотелось досадить человеку, который мне неприятен.

Я не был знаком с женщиной, идущей рядом с моим отцом. Но она уже вызывала у меня неприятие. Это была не подростковая ревность: отец был для меня идиолом, фараоном, если хотите. Равных ему нет и быть не может. Даже моя мать не была ему равной. Но она была моей матерью.

На всякий случай попытался себя вразумить, чтобы не наделать глупостей.

Всё ради отца. Я не имею права обижать его спутницу, тем самым обижать его. Я обязан принять его выбор. Прошло три года со смерти мамы, отцу всего-то сорок пять. Скоро исполнится, первого мая. Это с моей колокольни, с моих пятнадцати, он глубокий старикан. Не старик, мужчина в расцвете лет, вполне способен завести еще одного ребенка.

Как бы я отнесся к рождению брата или сестры? Не знаю. Потому что никогда об этом не думал, мысли не допускал, что кто-то посторонний войдет в нашу с отцом жизнь, разбавит наш дуэт. Дуэт превратится в трио, потом трио станет квартетом... И так далее, без ограничений. И кем я стану в этом «коллективе»? Пустым местом. Это в «Интернационале»: кто был никем, тот станет всем, в моей жизни все наоборот: был для отца всем, стал никем...

Называется – образумил себя. Скорее, накрутил.

Попробую еще раз.

Это не мое дело. Это личное дело отца и этой женщины.

Я не эгоист. Если я люблю отца, я обязан принять его выбор.

Если отец ее выбрал, то она хороший человек. И мне необходимо наладить с ней отношения. Ради отца.

И чего тянуть?

Я прибавил шагу, догнал пару, пошел рядом с отцом в ногу, это было дело привычным. Мой родитель не ожидал моего появления, безразлично повернул голову в мою сторону. Безразличие исчезло. Но я не заметил нервозности, заискивания. Отец сказал своим обычным голосом:

- О, сынок! А ты здесь откуда?

- Добрый вечер, - поприветствовал я обоих. – Я провожал Риту. Мы ходили в кино.

- Что смотрели?

- «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».

- Хороший фильм, говорят. Мы тоже хотели пойти, но потом решили прогуляться.

- Отец опомнился и представил мне свою даму, - познакомься, это Анастасия Олеговна. Мы вместе работаем.

Хотелось мне съязвить по поводу «вместе работаем», но я сдержался.

Анастасия Олеговна сунула мне свою ладошку - дала понять, что я взрослый, поэтому могу понять отца, и назвалась:

- Саможенова. – И зачем-то добавила, - с одним «ж».

Я сдержал рвущийся наружу смешок, посерьезнел и назвал:

- Роман... Хруцкий.

Обменявшись рукопожатием, мы продолжили шествие втроем. Повисло тягостное молчание.

- Александр... Федорович, я сама доберусь до дома, - прошелестела Анастасия Олеговна. – Тем более, до дома всего-то два шага.

- Хм... Мы тебя проводим. И не спорь, - не совсем уверенно произнес мой родитель.

Следующую часть пути мы обсуждали второй месяц весны. Проводили Саможенову - с одним «ж» - до дома: два шага вылились в поездку на автобусе, и

заняли минут десять. В ту пору люди не знали, что такое «пробки» на дорогах. А билет на автобус стоил пять копеек.

Не сговариваясь, в обратный путь мы с отцом отправились пешком. Отец откровенно мне рассказал о своих чувствах к Анастасии Олеговне. Но если я буду против их отношений, то... Я был не против. Но поставил одно условие – в нашей квартире не может поселиться другая женщина.

Отец мне обещал. И сразу повеселел, обнял меня за плечи, встряхнул и сказал:

- Эх, Ромка, всё у нас будет хорошо, даже не сомневайся! - Подумал и поинтересовался у меня, - я прав? Все будет хорошо?

- Даже не сомневайся, - повторил я его же слова и тоже обнял отца за плечи.

Со стороны мы походили на двух матросов, сошедших по трапу корабля на сушу и готовых к различного рода развлечениям.

- Она тебе понравилась? – не выдержал отец.

- С виду ничего, - промямлил я.

Отец странно на меня посмотрел. Я опомнился и поспешил исправить свою ошибку:

- Нормальная тетка, мне-то что, лишь бы тебе нравилась. Со мной ей не жить, - полувопросительно-полуутвердительно проговорил я.

- Не жить, - согласился отец, - твое условие я принимаю. Тебе не пять лет, справишься. Но оставлять тебя без контроля я не собираюсь.

Я хотел добавить: «Надеюсь, наша разлука будет недолгой», намекая на непрочный союз отца с этой женщиной, но отец решился на признание...

Оказывается, они с Анастасией тайно расписались. Он никак не решался мне об этом сообщить. И не только мне, вообще никому. И продолжали по инерции изображать коллег по работе перед коллегами по работе. А я - ни сном, ни духом, имя этой женщины отец ни разу не произнес в моем присутствии. А мог бы вернуть при разговоре, так, между прочим, я бы и значения не придавал – мало ли с кем общается на работе мой отец. Или мне это только кажется? Первый раз бы не придавал значения, на второй бы - насторожился, на третий - завел бы пространный разговор на тему «мачеха и пасынок, сын ее мужа». Привел бы классический пример издевательств, способных привести к самоубийству. Естественно, не мачехи. Отец бы задумался. Я бы продолжал ежедневно «капать на темечко». В итоге отец раздумал бы жениться.

Отец хитер. А еще меня постоянно называет хитрюгой.

На то он и отец, что видит меня насквозь. Опередил. Что мне остается? Согласиться. Пусть сам разбирается со своей личной жизнью.

А я кое-что выгадал с его женитьбой на Саможеновой – получил свободу, пусть и ограниченную: по общей договоренности в будние дни отец жил со мной, в выходные – с новой семьей. Оказалось, что у новой супруги отца есть сын, мой ровесник. Славиком зовут. Я тоже ношу очки, как и мой друг Артур Пионер. Одноклассники беззлобно называют нас четырехглазым чудищем, но не очкариками или ботаниками. Мы с Артуром очкарики, но не зубрильные зубрилы, мы с Артуром нормальные мужики. Чего не скажешь о Славике. Славик – настоящий ботаник. Очкастый отличник...

Я не чувствовал себя обделенным отцовским вниманием. В выходные он тоже ко мне забегал. И звонил по телефону много раз. Анастасия мне в матери не напрашивалась, не заискивала. И за это я был ей благодарен.

Жизнь вошла в третью фазу. Первая фаза – жизнь с отцом и матерью. Вторая – жизнь с отцом. Третья – жизнь с отцом-пятидневкой.

Бабушка утверждает, что человек ко всему привыкает. Еще она говорит: «Стерпится, слюбится». Это не про меня. Я не хочу считать чужую женщину матерью. Я воспринимаю ее, как новую жену моего отца. Не более того.

Мне уже пятнадцать. Я взрослый. Самостоятельный.

И я влюблен... Весна ударила в голову... Рита... В голове одна Рита...

И самолеты. Самолеты вне времени года и возраста. Сколько себя помню, всегда хотел стать военным летчиком, как мой отец.

В нашем военном гарнизоне я обожал смотреть на летчиков-асов в хрустящих коричневых кожаных куртках. Они выходили группой через КПП военной части и мне казалось, что хруст курток и хромовых сапог перекрывает все другие звуки. Я млел. Я мечтал. Мечтал быть, как они.

Мечтал, но знал – не пройду медицинскую комиссию по причине порока сердца, с которым появился на свет. К десяти годам родителям сообщили, что их сын «перерос», сердце находится в нормальном рабочем состоянии. Но пометка в истории болезни сохранилась.

Я не жалуясь на боли в сердце, исправно посещаю уроки физкультуры, не отлыниваю, но быстро устаю. Сердцебиение при физических нагрузках учащается, губы синеют. С таким здоровьем в авиацию не возьмут.

Но я знаю выход: я мечтаю поступить в институт инженеров гражданской авиации. Раз рожден ползать – ползай, но о мечте не забывай. Хотя бы так приобщусь к авиации... Но поживем – увидим...

Неожиданно отец появился в квартире днем. Объяснил – был неподалеку по делам. Я только-только вернулся из школы и собирался обедать. Он с удовольствием ко мне присоединился. Но я сразу заметил, что у отца нет ни настроения, ни аппетита. Он ковырялся в тарелке, был задумчив и молчалив. Я завел разговор на его любимую тему – о политике, он тему не поддержал, не вступил привычно в дискуссию, несмотря на то, что я намеренно искажал факты и высказывал мнение, идущее в разрез с мнением отца.

Тогда я решил тореадором – «потрясти красной тряпкой», раззадорить бычка. Бык – это мой отец.

- Я тут услышал... кое из каких источников, что тридцатого марта положено начало музыкальному панк-движению, прошел первый концерт группы «The Sex Pistols».

- Опять вражеские голоса слушал, - без особой реакции пробубнил отец.

- Так интересно же.

- А еще комсомолец, - и снова с полнейшим безразличием произнес мой батя.

- Откуда мне еще узнать, что делается в мире?!

- Из программы «Время».

- Из программы «Время» я узнаю, что страны капитализма загнивают, а страны социализма расцветают. И мы скоро придем к победе коммунистического труда. Ура, товарищи!

- Тебя что-то не устраивает?

- Я хочу знать правду.

- Какую?

- Правда одна... Вот, к примеру, в программе «Время» рассказывали, что первого апреля 1976 года Стив Джобс и Стив Возняк основали фирму «Apple Computer Company»? Не рассказывали!

- Ну, основали, тебе-то что от этого?

- Но как же...

- Ромка, заканчивай свои грязные делишки! – перебил меня отец. В голосе явно проскользнула угроза – все-таки какое-то оживление.
- Пап, что происходит?
- А что происходит?
- Ты мрачный какой-то. Как, вообще, жизнь, как здоровье?
- Здоровье в порядке, спасибо зарядке, - на автомате ответил батя, впад в безразличие.
- С Анастасией отношения разладились, что ли?
- А тебе этого хочется?
- Мне хочется, чтобы ты был счастлив.
- Я счастлив, поверь. Просто устал.
- У врача давно был?
- Вчера заходил в заводской медпункт, давление измерили, укол сделали.
- Ты так об этом говоришь, словно речь идет не о тебе! – возмутился я. – Если отправился в медпункт, то на это была причина? Давление подскочило?
- Слегонца, - выкрутился отец, употребив излюбленное словечко.
- Так я и поверил. Небось, плохо стало, ты и направился в медпункт.
- Вот привязался!
- Хочу знать причину.
- Славик болеет, Настя переживает, ну и я вместе с ней.
- Ах, вот в чем дело! – вспыхнул я. – Так бы сразу и сказал, а то я сижу, голову ломаю – вдруг с тобой что-то не так, оказывается, Славик болеет. И чем же болен ваш ненаглядный Славик? Неужели при смерти? Надо пойти, навестить, посидеть у постели тяжелобольного. Попрощаться.
- Ромка, чего ты злишься?
- Из-за Славика вашего ненаглядного! Почему мой отец должен страдать из-за него?! Кто он тебе? Никто и звать его никак!
- Он сын моей жены.
- Спасибо, что напомнил.
- Я пошел, вечером увидимся. Я немного задержусь. Если не смогу прийти, позвоню, сообщу.
- Пап, ты обиделся? Пап, извини, я был неправ. Погорячился. Что со Славиком? Что за болезнь такая, что ты не в себе?
- Не хочу обсуждать ЭТО с тобой?
- Дело во мне или дело в том, что произошло?
- Я не знаю, как ты к ЭТОМУ отнесешься.
- Звучит интригующе. Хочу напомнить – я не кисейная барышня. Взрослый разумный человек, чем смогу – помогу, можешь на меня рассчитывать.
- Одна голова хорошо, а две... - задумчиво пробормотал батя, пристально рассматривая меня, причем смотрел на макушку, как будто у меня на голове сидел живописный петух и собирался кукарекать. Не отдавая отчета своим действиям, я положил на голову руку, сообразил, что выгляжу нелепо, и стал ожесточенно приглаживать волосы.
- Тебе бы подстричься не мешало, - порекомендовал мой родитель.
- В моде длинные волосы.
- Хиппи ты никогда не будешь, - по-прежнему безучастно выдал приверженец всего правильного, не буржуазного.

Откровения не спешили литься из отца. Он положил локти на стол и принялся изучать хлебные крошки, рассыпанные на цветастой клеенке, которой был застелен кухонный стол. Я подскочил, взял тряпку и с ее помощью смахнул крошки в ладонь. Отец заметил на столе еще одну хлебную крошку, взял ее двумя пальцами и отправил

в рот. Дело плохо, - подумал я, - очень любопытно, чем же болен наш незабвенный Славик? Зря я язвил, отец обиделся и закрылся. Надо его задобрить.

- Пап, я купил новую грампластинку фирмы «Мелодия». На ней такие песни – закачаешься! – закатил я глаза. Поздно понял, что сморозил глупость – отцу точно сейчас не до песен. Отец опять обратил на меня свой взор. Теперь его взгляд говорил, что сын слегка помешался в уме по причине весеннего обострения. Я снова извинился перед ним. Нервно пошаркал ногами под столом, отец скривился – видимо, своим шарканьем я помешал работе мысли.

- Может, чайку попьем? У меня есть печенье... Как ты любишь.

- Деньги не закончились?

- Нет, конечно. Я не транжира.

Я не стал говорить, что подрабатываю грузчиком в магазине, в котором работает товароведом наша соседка. Прихожу в магазин рано утром, еще до школы, когда приезжает машина с молокозавода. Перетаскиваю ящики с молочными продуктами в стеклянных бутылках из машины в подсобку. Работа временная – постоянный грузчик сейчас в отпуске, я его замещаю. Деньги мне нужны на подарок отцу ко дню рождения, первого мая. Не буду же я просить деньги у именинника или у бабушки-пенсионерки, пусть и работающей. Бабушка, конечно, мне не откажет, тем более, она не бедствует – у нее хорошая пенсия, максимальная, плюс небольшая зарплата гардеробщицы в театре. Захотелось самому заработать на подарок, заодно мышцы подкачать, а главное – провести испытания своего организма.

О моей проблеме со здоровьем соседка не догадывалась. С виду я парень крепкий, кровь с молоком, хоть и очкарик. Не скажу, что новая работа меня сильно утомляет, но сердце дает о себе знать неприятной одышкой и терпимой болью в области грудной клетки. Но ничего, я выдержу. Недолго осталось до возвращения в строй постоянного грузчика. Я успел заработать целых восемьдесят рублей. Сумасшедшие деньги. Можно купить в подарок что-нибудь приличное. Кое-какие задумки у меня есть, хочу исполнить давнюю отцовскую мечту...

Без всякого вступления отец заговорил о том, что его мучило.

- На территории школы, где учится Славик, есть заброшенное кирпичное строение. Раньше там хранился всякий инструмент для хозяйственных работ во время субботников. От сырости инструмент быстро приходил в негодность, поэтому для его хранения нашли другое, более подходящее, место. На двери постоянно висит замок. Ключи хранятся у завхоза, еще один ключ есть у дворника. Сейчас дворник редко заглядывает в сарай: на дворе весна, а там хранятся лопаты для уборки снега, да бочки с песком. Но что-то дворнику понадобилось в том сарае. Он кинулся ключа, а ключа и нет. Висел у него в подсобке на крючке, и куда-то делся. Подумал, что забыл ключ в замке. Отправился с проверкой в сарай. Вход в сарай расположен так, что со стороны школы при всем желании не увидишь, открыта дверь или нет: вход «смотрит» в бетонный забор, огораживающий территорию школы. К тому же расстояние от здания школы до кирпичного сарая достаточное - надо пересечь большую спортивную площадку с футбольным полем и огибающими поле дорожками для бега. Когда дворник завернул за угол сарая, то обомлел – дверь приоткрыта, висячий замок валяется рядом, в траве. Из замка торчит ключ. По всей видимости, тот самый ключ, что висел у него в подсобке на крючке и пропал. Дворник всегда запирает свою подсобку на замок, но бывали случаи, когда отлучался на минутку и оставлял дверь открытой. Вероятнее всего, тогда-то ключ от сарая и похитили.

- Наверное, кто-то из учеников и свистнул ключ, - предположил я. – Но зачем? Ты сам сказал, что ничего ценного в сарае не хранится.

- Слушай дальше. Прежде чем навесить замок и закрыть его, дворник заглянул внутрь помещения, что естественно – надо проверить, все ли в порядке. Заглянул. И... увидел труп одного из учеников восьмого класса «Б», в котором учится Славик Саможенов.

- «Веселая» картинка.

- Веселее не придумаешь.

- Да, история неприятная. Убийство в школе - явление редкое. Славик узнал, расстроился и слег? Этот парень, убитый, был его другом?

- Нет, они не дружили. Учились в одном классе.

- Мало ли, кто с кем учится! Не Славик же его уколошил?! Кишка тонка у вашего Славика!

От моих слов отец скривился, как от зубной боли, даже ладонь приложил к челюсти. И не забыл осуждающе покачать головой.

- Погибший парень и его приятель...

- Приятель еще жив? – вклинился я со своим вопросом, прямо скажем – идиотским.

- Тебе бы всё шутки шутить, - набылся отец, - а дело серьезное. Эти парни издевались над Славиком. Унижали его перед всем классом. Мать ничего об этом не знала. Ну, ладно мать, слабая женщина, но мне-то он мог рассказать, поделиться возникшей проблемой с одноклассниками.

- Кто ты ему? Муж его матери. Поженились вы недавно, привыкнуть он к тебе не успел. С какой стати ему делиться с незнакомым человеком своими проблемами. Вот я бы, например, ни за что бы не стал...

- Ты! – хмыкнул отец. – Ты – совсем другое дело! А Славик - умный маленький мальчик, немного не от мира сего.

- От большого ума?

- Не знаю. Но мне кажется, не только от большого ума. Он воспитывался женщиной, без участия мужчины, который мог из него сделать Человека.

Когда отец начинал бросаться высокопарными словами, у меня самого начинали зубы болеть. Но я его не осуждал. Еще неизвестно, как я заговорю в его возрасте.

- Еще не всё потеряно, - обронил я, намекая, что отец способен сделать из Славика Человека.

- Как сказать, - развел руками батя. – Неделю назад еще была надежда, а сейчас... уже ни в чем не уверен. В будущее не заглядываю, в настоящем бы разобраться, прошлое перешерстить.

Отец говорил загадками.

- Пап, думаешь, эти парни довели Славика до белого каления, и он решил с ними расправиться, отомстить за нанесенные обиды?

Батя неопределенно дернул головой – понимай, как хочешь.

- Вот почему у меня вырвалось про второго парня, чей черед не пришел, - задумчиво протянул я. – Издевались двое, наказан один... Пока... Хоть убей, не верю! – в сердцах воскликнул я. – А ты сам веришь? - обратился я с вопросом к отцу, который во все глаза смотрел на меня. Последнее мое восклицание ему явно пришлось по вкусу. Я почувствовал себя Лениным на броневике и обратился к единственному слушателю, - сам подумай, как тощий вундеркинд мог совладать с двумя более сильными соперниками? Или с одним соперником – что в лоб, что по лбу: Славик слабак, им не ровня по массе и физической силе. Лично я таких пятнадцатилетних задохликов не встречал, у нас в классе с Саможеновым любяя девчонка справится... Хорошо, будем считать, что Славик решил, что с одним врагом он как-нибудь справится, и нашел способ их разъединить. Но мне все-таки интересно, куда подевался второй?

Отец проигнорировал мой вопрос, чем подтолкнул меня к мысли: второй враг опередил первого – отправился раньше на тот свет, но второй труп пока не нашли.

- Что бы ты не говорил, как бы не пытался меня переубедить, хотя, меня не нужно переубеждать – я не слепой, но в убийстве восьмиклассника подозревают Вячеслава Саможенова, - огорошил меня отец, перестав говорить загадками. - Следователь решил, и одноклассники это подтвердили, что Славику надоело быть изгоем, он хотел наказать обидчика, доказать, что он кое-на что способен. Ненависть придала ему сил.

- Дурак ваш следователь: на Славика посмотришь, и сразу поймешь – кто-кто, а этот слизняк не способен на убийство. Ненависть... ха-ха!

- Перестань его обзывать.

- Уже перестал. Каким способом... этот... милый мальчик избавился от обидчика? Кувалдой по голове огрел? Заранее все продумал, похитил из подсобки дворника ключи от сарая, назначил врагу встречу и воплотил план убийства в жизнь? Или не собирался убивать, хотел, так сказать, предупредить, но не рассчитал силу удара – много ненависти накопилось? И где был приятель погибшего? Смерть, как хочется узнать! Такие, как эти двое, всегда ходят вместе.

- Его приятель, еще один недруг Славика, в тот злополучный день в школе отсутствовал – чем-то отравился, дома отлеживался, покинуть квартиру не мог, дальше пяти метров от сортира не отходил. Соседка подтвердила - она заходила за чем-то к его матери и видела мальчика в весьма болезненном состоянии. Предложила свою помощь – она работает медсестрой в больнице. Промывала ему желудок, таблетками пичкала. Всё обошлось. Его отсутствие было Славику на руку – легче расправиться с одним врагом, чем с двумя. В этом ты прав.

- По мне так что с одним, что с двумя, - пробормотал я, повторившись. - И каким же образом наш достопочтимый Славик расправился с врагом? Про кувалду я уже высказался.

- Славик применил холодное оружие.

- Что-о-о?

- Нанес однокласснику три удара холодным оружием в область грудной клетки. Смерть наступила мгновенно. Орудие убийства находилось рядом с телом.

- Славик... этот маменькин сынок... убил... человека? - спотыкаясь на каждом слове, не поверил я.

- Получается, что так.

- Откуда такая уверенность?! Где доказательства, что убийство совершил Славик? Улики против него есть?

- Мой офицерский кортик.

- Твой кортик лежит в шкафу у нас дома.

- Лежал. Я его забрал пару недель назад.

- Зачем?

- От тебя подальше...

- От меня подальше, к Славику поближе, - сострил я. - Отпечатки пальцев Славика остались на рукоятке кортика?

- Отпечатков нет. Вообще нет никаких отпечатков.

- Что сам Славик говорит?

- Клянется, что не убивал одноклассника. Но есть свидетели, которые слышали, как Славик угрожал убийством своему врагу.

- Я тоже могу в сердцах кому-то бросить: «Я тебя убью!». Но это ничего не значит. В нашей молодежной среде такими фразами бросаются направо и налево, и еще

никто никого не убил. Всего лишь безобидная угроза, не подкрепленная действиями.

- Одна девочка видела, как Славик и его недруг вышли вдвоем вышли из здания школы после уроков и направились в сторону заброшенного сарая, который находится за спортивной площадкой. Зашли ли они внутрь, и что было дальше, она не видела. Как я уже говорил: вход в сарай с невидимой стороны. Между сараем и бетонным забором, отделяющим территорию школы, проход метра три, не более. Бетонный забор имеет выступы, поэтому любой желающий способен без проблем преодолеть забор и оказаться за территорией школы.

- А что за забором?

- Пустошь сорняковая и вырытый котлован под строительство – «замороженная» на начальном этапе стройка.

- На стройку парни не пошли, уединились в сарае, в который кроме дворника никто не ходит, да и тот ходит редко, - поразмыслил я. – Что еще рассказала девочка, видевшая Славика и его недруга, вскоре погибшего?

- Толком ничего не рассказала. Видела их вдвоем – это уже немаловажный факт, который играет против Вячеслава. Детей на спортивной площадке было много, все кричали, во что-то играли, кто-то просто разговаривал, сбившись в кучки. Двое ребят никогда бы не привлекли внимание одноклассницы, если бы это был кто-то другой - не Славик и его враг по жизни. Девочку очень удивила эта дружба. Как Славик покидал сарай, девочка не видела, ей это было неинтересно. Быстро забыла о возникшей дружбе между непримиримыми врагами. Но позже, когда в сарае обнаружили убитым ее одноклассника, все рассказала следователю. По ее словам, больше никто возле сарая не отирался.

- Некто третий мог уже находиться внутри сарая, поджидал этих двоих. Перемахнул через бетонный забор – ты сам говорил, что перелезть через забор – не проблема, проник в сарай и затаился.

- Шито белыми нитками. Откуда у этого третьего мой кортик?

- Отобрал у Славки! Именно этот третий убил парня и пригрозил Славике: его постигнет та же участь, если он проболтается. Славик боится сказать правду... Полный кретин. Ему лучше в тюрьме гнить, чем назвать имя настоящего убийцы.

- В тюрьму его никто не посадит, мал еще, а вот колония для несовершеннолетних ему обеспечена. Досидит до восемнадцатилетия, если выживет в непривычных для интеллигентного мальчика условиях, потом переведут в обычную колонию.

- Вы что же с Анастасией Павловной уже руки опустили, согласны, чтобы Славку засадили за убийство, которое он не совершал?! Или он готов признаться? Взять чужую вину на себя? Но почему?

- Не говори глупостей! Славик пока стоит на своем – не убивал, ничего не знаю... Но я очень боюсь, что он сломается и подпишет признательные показания. Мы наняли хорошего адвоката. Он пытался вызвать его на откровенность, но Славик твердит одно и то же, как зацикленный.

- Как ведет себя приятель убитого?

- Убивается по другу, - с горькой усмешкой ответил отец.

- Что еще рассказала девочка, наблюдавшая за мальчишками?

- Адвокат с ней беседовал, ничего нового она не сказала, только то, что была крайне удивлена, что два непримиримых врага идут вместе, как закадычные приятели. Разговаривают как ни в чем не бывало. Я тебе об этом уже говорил.

- Кроме Славика убитый с кем-то еще конфликтовал?

- Скорее всего, что да - он был парнем с нехорошей репутацией. И семейка у него еще та – отец крепко выпивает, мать в постоянных командировках, но на работе

числится на хорошем счету. Зарабатывает неплохо, парня балует – компенсирует свои постоянные отлучки.

- Получается, денежки у парня водились.

- Думаю, да.

- А ты не подумал, что ваш сообразительный Славик решил тоже разбогатеть.

- Напекаешь, что он предложил однокласснику купить мой офицерский кортик? Сделка должна была пройти в заброшенном сарае, что-то не заладилось – одноклассник не собирался платить, хотел кортик так забрать, завязалась драка... Нет, не может этого быть... Три ножевых удара... Один я еще понимаю... Настя сына деньгами не балует... Но и не отказывает. В любом случае, она бы не отказала, если бы он попросил удобоваримую сумму на что-то дельное.

- Мало ли на что ему понадобились деньги.

- Славик на глупости не разменивается.

- Надеюсь, это не «камень в мой огород»?

- Как ты мог подумать! У тебя, конечно, ветер в голове гуляет, но опрометчивых поступков ты никогда не совершишь... Ведь так? – с некой боязнью поинтересовался батя. Я изобразил пристыженный вид – якобы уже, совершил. Батя слегка лупцанул меня по плечу и заявил совсем не то, что я предполагал услышать, – всему свое время. В твоём возрасте у меня тоже ветер в голове гулял, мог и «дров наломать»... Все мы переживали первое чувство...

- Так заметно, что я влюблен?

- Глупыш ты мой! – На этот раз отец ласково потрепал меня по голове – выказал «кошачьи нежности» - его излюбленное выражение.

Я расчувствовался, как следствие – решил помочь Савику во что бы то ни стало. Не ради него, ради своего отца. Он мне нужен живой и здоровый. Отец для меня – все... Нет, не все... Кроме отца в моём не совсем здоровом сердце поселилась Маргарита...

Голова заработала, как счетная машинка.

- Пап, а если предположить, что Славик захотелось подружиться с одноклассниками, которые его угнетают. Он сболтнул про военный кортик, прихвастнул, те попросили принести кортик в школу.

- Допустим. Что дальше?

- Дальше... Что дальше, – задумался я, мысленно выстраивая продолжение версии...

- Значит, никаких отпечатков на кортике не обнаружено? Странно... Допустим, Славик нанес врагу три удара в грудь – сил ему придала душащая злоба на врага. Что потом? Потом бы... бросил оружие убийства и убежал с такой бы скоростью, только его бы видели. А он сначала уничтожил свои отпечатки, как настоящий злодей, опытный и расчетливый, и со спокойной душой покинул сарай. Это не спонтанное убийство.

Я представил, как милый очкарик Славик – не от мира сего – вышел из сарая после убийства одноклассника с видом беззаботного и абсолютно счастливого человека: руки в карманах брюк, на лице полубезумная улыбка, еще и насвистывает известную мелодию, типа – «Как хорошо в стране Советской жить, как хорошо страну свою любить»... С той же напутственной песней смерил взглядом бетонный забор, преодолел его в два счета и был таков...

- Занятно! – воскликнул я и ожесточенно потер ладони. Батя посмотрел на меня, как на умалишенного. Я резко заменил возбуждение деловитостью и спросил, – когда дворник обнаружил тело?

- В тот же день, ближе к вечеру, когда закончились уроки во второй смене. Дворник собирался идти домой, но что-то ему понадобилось в сарае.

В глазах отца впервые за все время нашего разговора забрезжила надежда на успех нашего мероприятия. Он понял, что не один, что нас двое. И этот второй, его сын, очень-очень сомневается в виновности Славика. А старший Хруцкий, грешным делом, стал сомневаться в его невиновности. Знает, какие метаморфозы могут произойти с человеком в минуту отчаяния.

Отец мне поверил! Он на меня рассчитывает!

Я обязан доказать свою правоту – доказать невиновность Славика Саможенова. Как бы я к нему не относился, какие бы чувства не испытывал к его матери, больше всего я ненавижу несправедливость, ненавижу, когда «у сильного всегда бессильный виноват».

И буду честен – хочу возвыситься в глазах родителя, который считает, что у меня в голове ветер гуляет. Пусть ветер гуляет временно, но он гуляет...

- Вспомни тот день. Как себя вел Славик? – требовательно спросил я.

- Ромка, ты прям как заправский следователь разговариваешь! – восхитился батя. - Надо тебе подумать о поступлении в юридический. Забудь о гражданской авиации...

- Сейчас не об этом. Но обещаю подумать.

- Значит, ты спрашиваешь, как вел себя Славик в тот день... Обычно вел... Так Настя сказала. Это был будний день, я был здесь, с тобой. Настя - человек наблюдательный, сына своего обожает, заметила бы любые изменения, вызвала бы на откровенный разговор.

- Она не лжет? Возможно, сына прикрывает.

- В любом случае, мне бы она сказала правду.

- Хочется верить.

- Ромка!

- Можно по-простому – Роман Александрович, - хмыкнул я.

- Я считаю: раз Славик вел себя, что утром, а тем более вечером, как обычно, это еще раз подтверждает его невиновность.

- Конечно! Убийства не вошли у него в привычку.

- Роман Александрович! – с укоризной пробасил отец.

- Где я, там шутки, веселье и смех... Пап, ты не думай, что меня не волнует судьба Славика... Он, как бы получается, наш новоприобретенный родственник. Больше твой, чем мой, поэтому тень, в первую очередь, ляжет на тебя. По городу разнесется жаркая новость – пасынок уважаемого человека, Александра Федоровича Хруцкого, жестоко расправился с одноклассником. Никому не будет дела, что парнишку довели до убийства, сам же убитый и довел. Убил – это главное, причина значения не имеет, важен конечный результат.

- Не наводи тень на плетень. Пока идет следствие, Славика не предъявлено обвинение.

- Я навожу тень на плетень?! Я работаю адвокатом гражданина Саможенова, пятнадцати лет отроду... Кстати, где сейчас находится мой подзащитный? Дома?

- Увы, не дома, в камере предварительного заключения. Адвокату не удалось договориться, чтобы его отпустили под подписку о невыезде...

- А вот за границей...

- Довольно! Ромка, ты...

- Я знаю, кто я.

В прихожей зазвонил телефон. Звонила Анастасия Олеговна. Она сообщила, что адвокат предпринял еще одну попытку вызвать своего подопечного на откровенность. Подопечный признался, что принес в школу кортик своего отчима с

одной целью - обещал показать одноклассникам на большой перемене. Но к большой перемене кортик из портфеля Славика таинственным образом исчез.

Отец сразу поделился со мной новостью.

- Кто, кроме убитого подростка и его приятеля, знал, что Славик принесет в школу кортик? - спросил я.

- Говорит, что никто. Только он и двое ребят.

- Получается, что в классе завелся воришка, который проверяет чужие портфели на переменах в отсутствие их хозяев. При очередной проверке натолкнулся на кортик и, недолго думая, прикарманил его. Почему бы не прикарманить? Можно продать кортик за хорошие деньги, подзаработать тем самым, -- предположил я.

- Пусть бы подзаработал. Это лучше, чем убийство одноклассника. А он решил расправиться с ним. Значит, знал заранее о кортике в портфеле Саможенова.

- Подслушал?

- Скорее всего. Потому запустил руку именно в портфель Славика, охотился конкретно за офицерским кортиком.

- И знал, куда пацаны направятся – в сарай, расположенный за спортивной площадкой. Место тихое, никаких свидетелей. Ключ от замка в зоне досягаемости. Девочка-свидетельница или не заметила третьего человека – убийцу, или...

- погоди, Ромка! Если к тому времени у Славика уже не было кортика, за каким чертом они направились в сарай?

- Хороший вопрос! И задать его надо Славику. Я бы предположил следующее - убийца рассчитывал, что пацаны ринутся в сарай без предварительной проверки офицерского кортика: Славик побоится доставать кортик на людях, вдруг кто-то заметит.

- Сегодня Славик признался - адвокат сообщил Насте, что он не ходил в сарай. Не имело смысла туда идти. Следователь ему не верит. Одноклассница видела ребят, идущих в сторону сарая? Видела. Раз видела, значит у них была причина туда идти – кортик по-прежнему находился в портфеле Славика. А его заверения, что кортик у него украли – всего лишь вялая причина отвести от себя подозрения. Как бы в таком случае кортик оказался на месте преступления? Подозреваемый врет!

- Почему Славик сразу не признался, что кортик из его портфеля украли?

- Откуда я знаю, что в голове этого вундеркинда! - возмутился отец.

- Адвокат надоумил? - призадумался я. – И правда ли это?

- Правда! Скорее всего, эмоции у Славика улеглись, память начала восстанавливаться. А следователь решил, и не без оснований, что это рассказы – выдумка чистой воды... Ну, Славик, ну, дурень, почему ж ты сразу не сказал, что кортик у тебя украли?! – застонал отец.

- Дурень каких свет не видывал, - согласился я. – Сам себе роет могилку... А нам остается одно – вплотную заняться свидетельницей, которая заявила, что Славик и позднее убитый одноклассник вместе шли в сторону сарая.

- Да, ее показания имеют важное значение.

- Ты ее видел?

- Видел. Серьезная девица.

- Комсомолка, спортсменка, красавица?

- Комсомолка – да, про остальное ничего не могу сказать. Лучше тебе самому на нее посмотреть.

- Интригуешь. Что можешь рассказать о ее семье? Семья имеет немаловажное значение для становления личности, - голосом генсека прошепелявил я. Получилось очень похоже.

- Роман Александрович, даже в этих обстоятельствах ты не можешь, чтобы не покривляться.
- Такой уж я уродился! Я вышел ростом и лицом, спасибо матери с отцом! - скороговоркой проговорил я, окончив короткое выступление артистическим поклоном в сидячем положении.
- Пожалуйста, - брякнул батя и продолжил начатую тему. – Папочка у девочки – шишка на ровном месте. Прикроет доченьку в случае чего, в обиду точно не даст.
- И кто у нас папочка?
- Директор центрального универмага.
- Ничего себе, - протянул я, - тоже мне, подобрал словцо – шишка на ровном месте! Это ого-го какая шишка. Сам подумай – директор центрального универмага! – вдохновенно процитировал я, как отрывок из поэмы о вожде пролетариата, еще и указательным пальцем указал на потолок.
- Все торгаши – жулики, - безапелляционно заявил отец.
- Не пойман – не вор.
- Ну его, - отмахнулся отец, пусть им ОБХСС занимается. У нас своих дел по горло. Лучше скажи, что нам делать? Мысли есть?
- Я расплавился в ручейке лести, но вида не подал, был сосредоточен и собран, как при вступлении в комсомол.
- Дай мне все данные на эту девчонку. Попробую за ней понаблюдать.
- Ты уж постарайся сынок, но на рожон не лезь. Береги себя.
- Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!»

В тот же вечер я стоял у дома интересующей меня особы и с нетерпением ждал ее появления. Нисколько не сомневался, что она появится: в такой прекрасный апрельский вечер сложно усидеть дома. Жаль, что рядом со мной нет Риты. Я очень соскучился, но пришлось перенести свидание ради выполнения ответственного задания. А если серьезно - мне искренне жаль недоумка Славика. Конечно, его сложно назвать недоумком, он умен, но доверчив и наивен, плохо ориентируется в человеческих отношениях. Надо же было такое выдумать - подружиться с врагами при помощи холодного оружия! Показал бы кортик в сарае, посмотрели, повертели, поахали. Дальше что? Предложили бы ему дружбу взамен на кортик. Отдал бы Славик им кортик, отец бы рано или поздно кинулся искать. Подозрение пало на Славика – больше не на кого. Прижал бы его к стенке, тот бы во всем сознался, кортик бы вернулся на «историческую Родину», Славик выглядел бы полным идиотом... Угодил парень в передрягу, так угодил. Ничего умнее не придумал? Дернул же его черт принести в школу отцовский кортик! Отец тоже хорош – от меня подальше. Честно говоря, я не горел желанием брать кортик в руки. При виде блестящего клинка меня накрывает неосознанный страх. Сам не понимаю причины... Я не трус, но я боюсь...

Мне повезло - недолго я промаялся у дома одноклассницы Славика. Был уверен, что узнаю ее сразу. Отец показал мне недавно выполненный фотоальбом 8-ого «Б». Блондинка в классе была одна и звалась она Ольгой Даниловой.

Из подъезда величественного дома, в котором проживала местная партийная элита, профессура и каким-то чудом затесавшийся торгош Данилов – папочка девочки Олечки, показалась та самая Олечка. Сопоставив папочку-торгаша с престижным домом, я пришел к мысли о существовании крепких связей папочки с сильными мира сего. Благодаря тем же связям нашему Славiku придется отдуваться за убийство, которое совершила... Но я опережаю события, пока у меня нет никаких доказательств вины Ольги Даниловой.

Девочка выглядела нескладной уткой - переваливалась при ходьбе. На вскидку я дал бы ей лет семнадцать благодаря высокому росту и широкому тазу. Ольга была совсем некрасивой девочкой, безликой. Одна утиная походка чего стоила! Еще больше впечатляло платье в мелкий цветочек длиной за колено, а поверх платья напялен свитер с растянутым горлом. Одежда - прощай, молодость. Наверное, папенька скупится, держит дочь в ежовых рукавицах. Дочь никуда не ходит, только в школу и обратно. Еще к бабушке. Пирожки приносит. Зря красную шапочку не нахлобучила на голову - хорошо бы «гармонировала» с линялым платьем и свитером «на последнем издыхании».

К мысли о пирожках для бабушки меня натолкнула большая хозяйственная сумка, которую Ольга держала в руке. Держала легко, без усилий. Я заключил: Ольга тяжелоатлетка. И сразу опроверг: все тяжелоатлетки коренастые, гораздо ниже ростом этой великанши. Следовательно, сумка набита чем-то легким. Да, поспешили на презент для бабушки... Сдалась мне эта сумка, чего я на ней заикнулся?! А потому и заикнулся, что чувствую себя весьма неудобно. Чувствую себя стукачом-сексотом, который тайно собирает информацию о подозрительных личностях и доносит информацию заинтересованным людям. Как будто я перенесся во времени – оказался в царской России, где подобные методы сбора информации о людях, способных нанести ущерб своей стране, очень даже приветствовались. Нечто подобное происходило во времена правления одной известной исторической личности, уже позже, после свержения царизма и установления власти большевиков. В ту «развеселую» пору стукачество «расцвело» в полную силу.

Пусть я лодырь, пусть у меня в голове гуляет ветер, и вообще, я человек несерьезный, почти диссидент, которому прямая дорога в края глухие или грозит высылка из страны, но я никогда не был шпиком, филером, называйте, как хотите. Шпик – это провокатор, мы по истории проходили, филер – это секретный сотрудник царской охранки. Именно секретный, в этом вся «соль»! Следит, наблюдает, возможно, втирается в доверие, собирает досье и сдает с потрохами нового «приятеля» или своего подопечного, который не догадывался, что его «вели» долгое время. Филер работает в тылу своей организации, я тоже... работаю в тылу нашей доблестной милиции, наших следственных органов. Однако ни милиция, ни следственные органы не догадываются о существовании пятнадцатилетнего филера - скромного работника тыла.

«Работник тыла» мне нравится больше, чем стукач, шпик или филер. Чувствуешь себя маленьким звеном большого механизма. Маленьким, да удаленьким – могу создать проблемы людям, работающим «спустя рукава». Но не в этом заключается моя задача, моя задача – найти убийцу одноклассника Славки Саможенова, успокоить отца...

Отбросив философию в сторону, я сосредоточился на своей подопечной, которая играла ключевую роль в непростом действе.

Вне стен школы девчонки из нашего класса одевались почти одинаково: в мини-платье из модного кримплена, яркие курточки из болоньи с легким утеплением – ватином, тонкие колготки цвета тела, на ногах носили тупоносые туфли на широких каблуках. Это я к чему вспомнил? А все к тому же: моя подопечная – Ольга Данилова - вышла из старых времен: платье точно позаимствовала из тридцатых годов, свитер «подкачал» - запоздал на несколько десятилетий. Похожие свитера носили модники в шестидесятых. Это время я помню смутно – мал был. Но с этими свитерами у меня связываются бородатые мужчины, гитары, песни у костра... Со всем этим никак не связывается платье в линялый цветочек и длиной за колено из

тридцатых. Впереди меня шествовало чучело огородное или деревенская жительница колхоза «Двадцать лет без урожая».

В душе родилась жалость к этой девочке-девушке, которую отец - человек, не живущий на одну зарплату, унижает своим пренебрежением. Или экономит на ней, или хочет показать на примере дочери свою социалистическую честность, партийную сознательность. По мне так он жадюга.

Чем человек богаче, тем жаднее. Потому и богач, что жаден, - пришел я к логическому умозаключению, позабыв, что в нашей стране нет ни богатых, ни бедных – все равны. Как по материальному благосостоянию, так и перед законом. Всё иначе в странах загнивающего капитализма. Там полный бардак...

Я отпустил Ольгу Данилову от себя подальше - двигалась она неспешно - и отправился за ней с беспечным видом. Мол, прогуливаюсь в одиночку, никем не интересуюсь.

Сначала Ольга еле ноги передвигала, но мере отдаления от собственного дома скорость ходьбы увеличивалась, я тоже прибавил хода, боясь упустить ее из вида. Ольга шла уверенно, даже перекачиваться при ходьбе, как утка, перестала. Голова дерзко вздернулась вверх, а до этого взгляд упирался в тротуар, как будто девочка выискала некую пропажу. Ольга не вертела головой по сторонам. Я подумал – она идет к кому-то в гости. Адрес ей известен... Как не знать адрес собственной бабушки, которой несет пирожки... Опять пирожки! Я проголодался, забыл поужинать, а обед прошел в напряженной обстановке – обсуждали преступление, которое Славик Соможенков не совершал.

Теперь совесть моя не кровоточила – я не чувствовал себя стукачом-филером, но ощущение своей значимости возросло: скромный работник тыла способен раскрыть правду.

Несведущему в делах сыска человеку могло показаться, что некрасивая и толстая девочка-девушка гуляет среди обычных непримечательных домов. Гуляет в одиночку, без сопровождающих, потому что никто не хочет дружить – стыдно идти рядом с таким чучелом в «собирабельной» одежде из прошлых времен. Не скажу, что одежда имела большое значение – никто особо не выделялся, но все старалась соответствовать друг другу, моде, какой-никакой, чтобы не стать изгоем. Ольга была изгоем, заметно невооруженным взглядом.

Кроме жалости, совсем мизерной: в моем возрасте жалость заменяет жесткое презрение ко всему иному, в голове рождалось недоверие. И тому виной было преобразование Даниловой: из неуклюжей уточки постепенно превращалась в занятную особу, с именем-названием которой я пока не определился. Но уже точно не жалел, что убил вечер на слежку за ней.

Ольга почти бежала, ее сидалище колыхалось под платьем из тридцатых, свитер неуклюже топорщился сзади, создав на талии складку. Я трусил сзади, исподлобья выслеживая «добычу». «Добыча» пропаровозила мимо очередного дома, свернула за очередной угол дома. Хорошо, что я находился в нескольких метрах сзади нее – успел заметить, как она зашмыгнула в один из подъездов, предварительно увеличив и без того высокую скорость передвижения, как легкоатлет перед финишем.

Я не решился последовать за ней в подъезд. Остался ждать развития событий на улице. Сделал вид, что рассматриваю припаркованный неподалеку ушастый «Запорожец», как придирчивый покупатель.

Ольга появилась через пятнадцать минут. И я с большим трудом ее узнал. Передо мной была вызывающе накрашенная девица лет двадцати. В босоножках-ходулях, увеличивающих ее и без того высокий рост на десять сантиметров. Широкие бедра обтягивала короткая юбчонка, блуза красного цвета в мохнатом жабо увеличивала

грудь. У меня непроизвольно отъехала вниз нижняя челюсть. Я вернул ее назад не сразу, а, вернув, выдохнул:

- Становится всё интереснее и интереснее.

Не сдержавшись от высказывания, устремился на Ольгой, давно переставшей быть уткой и одинокой и несчастной девочкой-девушкой, которая стремится показать свою независимость. Теперь гордая, сильно откормленная «лебедица» двигалась развязно, покачивая бедрами. Я заметил связь с одной героиней кинокомедии, а именно, с девицей из фильма «Бриллиантовая рука», которая затягивала главных героев к себе домой с определенной целью.

Вскоре я убедился, что мое сравнение с девицей легкого поведения угодило в «яблочко». Но это позже. Сейчас я удивленно наблюдал за преображением, за перемещением – за совершенно другом человеком, и всё произошло за каких-то пятнадцать минут. Скромный работник тыла был ошарашен. Но пока не побежден: Ольге не удалось обвести меня вокруг пальца. А могла бы. В таком наряде ее мать родная не признала бы.

Теперь у Ольги в руках была маленькая сумочка, ремешок которой она перебросила через плечо, придерживая его одним указательным пальцем. Чем ближе она подходила в городскому парку, тем вальяжнее становилась ее походка. Ольга достигла ворот из металлических прутьев. Через ворота поклонники ритмичных и неритмичных танцев попадали на танцплощадку. В настоящий момент танцплощадка была заполнена танцующими молодыми людьми. Пережидающие, отдыхающие и ожидающие приглашения теснились у высокого забора, из таких же, как ворота, металлических прутьев.

Ольга остановилась у ворот, без интереса наблюдая на публикой и подергивая плечами в такт звучащей музыке, которую исполнял вокально-инструментальный ансамбль. Музыка мне была незнакома, слов песни, которую не слишком старательно выводил солист, я вообще не разобрал. Вполне возможно, что солист пел на иностранном языке. Хотя, сомнительно – чужестранные песни не приветствовались. Я решил, что у солиста проблемы с дикцией, только и всего. И сосредоточился на своей подопечной, которая не спешила вливаться в дружно танцующий коллектив. Она не привставала на цыпочки и не тянула шею в поисках кавалера, затесавшегося в бурлящей толпе народа, просто стояла и подергивала плечами. Вдруг к ней подкатил парень. Его макушка с трудом доставала Ольге до плеча. Что-то сказал ей и в подтверждении слов поизвивался всем телом, согнув локти на уровне талии. Видимо, приглашал даму на танец. Дама расцвела в улыбке, дав понять, что ждала «такую красоту» всю свою сознательную жизнь, но, к моему удивлению, отказала. Парень загрустил, еще раз окинул даму плотоядным взглядом, что-либо сказать – обидеть дерзким словом - не решился: неподалеку маячили дружинники с красными повязками, зорко следящие за соблюдением порядка. Ольга проводила несостоявшегося кавалера взглядом и решила ретироваться, от греха подальше. Так я считал. Спрашивается – зачем преобразилась и пришла в парк? Ответ нашелся вскоре.

Но сначала Ольга потянулась по тропинке вдоль забора из металлических прутьев. В это время солист ансамбля подошел к завершению неизвестной мне песни, под которую дергались молодые люди, «подключенные к «источнику электрического тока», люди застыли, как при игре «море волнуется...» После короткого перерыва из микрофона полилась лирическая песня Евгения Мартынова «Яблони в цвету». На площадке быстро образовались пары. Я невольно начал тихо подпевать солисту ансамбля, двигаясь по тропинке за Ольгой Даниловой.

Ольга не обращала никакого внимания ни на танцующих, ни на музыку, пробиралась по протоптанной тропинке, внимательно изучая неровности. Я привычно отпустил ее подальше, чтобы не выдать себя.

Сзади возвышения, на котором расположился вокально-инструментальный ансамбль, забор из прутьев обрывался, начиналось ограждение сцены, составленное из широкой деревянной доски, выкрашенной в красно-синий цвет – цвета чередовались. Ольга замерла в ожидании, что подтверждало свиное вращение головы по сторонам. Не совсем свиное, скажем честно – при большом желании она не могла делать полный оборот вокруг шейной оси. Но ей это и требовалось – за ее спиной была сцена, предназначенная для выступления самодеятельных коллективов. Следить за девушкой становилось все труднее, тем более стоя от нее в нескольких метрах на узкой тропинке, огибающей танцплощадку. Кроме меня и Даниловой на тропинке никого не было. Я опомнился, быстрым шагом вернулся назад, к воротам, и двинулся по одному из тротуаров, который под острым углом отходил от нужной мне тропинки. Я облегченно вздохнул, завидев интересующую меня особу на прежнем месте, по-прежнему вертевшую головой. Явно кого-то поджидала. Я пристроился на скамейке, лицом к Ольге. Расстояние не близкое, но зрение меня никогда не подводило, к тому же на улице еще не стемнело окончательно. Издали было заметно, что девушка продрогла. И не мудрено – не лето, а она нацепила блузу и юбку, больше ничего. Куда-то подевался свитер из шестидесятых, в данный момент он бы ей пригодился. И смотрелся бы не так инородно, как с платьем из тридцатых.

Выходя из дома, я надел курточку, и то слегка подмерз. Днем было не апрельски жарко – выше климатической нормы, и солнце уверенно поджаривало, а с его уходом на покой температура значительно понизилась. Думаю, находясь рядом с Даниловой, я услышал бы ритмичное постукивание зубов.

Ей повезло – не успела замерзнуть окончательно. Из ниоткуда рядом с ней выросла мужская плечистая фигура. Мужчина сразу сграбастал ее в объятия и приник к губам. Мне стало неловко, я отвернулся. Но краем глаза наблюдал за парочкой, боялся выпустить из вида.

Мужчина вел себя фривольно. С порядочными девушками так себя не ведут. Порядочная девушка съездила бы ему по физиономии. А эта извивалась, как змея на сковородке, и пыталась наэлектризоваться от мужчины усиленным втиранием. Мне стало совсем неловко. Ничего подобного я в жизни не видел. Даже в фильмах определенного характера. Потому что на такие фильмы пускали тех, кому до восемнадцати. Я не стремился туда попасть.

Мне было неприятно лицезреть любовную сцену, но я остался.

Интересно, мужчина знает, что имеет дело с малолеткой? Скорее нет, чем да.

Мужчина что-то шепнул Ольге на ухо, и они двинулись к выходу из парка, избегая оживленных мест – шли по траве. Протиснулись сквозь подстриженные кусты, служащие природным ограждением парка, и подошли к припаркованному на обочине автомобилю. Я отметил про себя: «Жигули-пятерка». Мужчина сел за руль, девушка пристроилась рядом. Автомобиль умчался. Я не очень-то разочаровался: узнал все, что хотел.

Осталось доказать, что одноклассник узнал о двойной жизни Ольги Даниловой и начал ее шантажировать. Она принялась искать повод усмирить шантажиста. Подслушала разговор двух заводил класса с моим новоявленным родственником, который пытался подружиться со своими недругами. Сначала решила «оставить дома» приятеля шантажиста, разлучить друзей на время: что-то подсыпала в пищу во время обеда в школьной столовой. На следующий день выкрала из портфеля

Славика орудие предстоящего убийства. После чего договорилась с шантажистом встретиться в сарае. Якобы для передачи денег. Пока он не успел опомниться, сразу нанесла ему три удара в грудь кортиком моего отца. После чего стерла отпечатки пальцев с орудия убийства, оставила его рядом с жертвой и покинула место преступления.

И «перевела стрелки» на дурачка Славика, который притащил в школу офицерский кортик. А следователю Ольга поведала, что видела обоих одноклассников – и будущую жертву и Славика Саможенова – в то время, когда те направлялись к сараю.

И кто убил парня, если не Славик?

Какие еще нужны следователю доказательства?

Кортик принадлежит отчиму подозреваемого в преступлении, свидетельница видела их вдвоем. Кто усомнится в правдивости слов дочери уважаемого в городе человека, скромнице, не удивлюсь – отличнице. И мотив у Савика был – одноклассник постоянно унижал его при всем честном народе.

Но это всего лишь моя догадка. Нужны доказательства.

Но для начала мне нужно кое в чем убедиться. Не уверен, что очередная слезка что-то изменит, но все-таки...

Я вернулся домой, когда наша радиоточка прощалась с радиослушателями привычным образом – из радиоточки звучал гимн Советского Союза.

Я боялся получить нагоняй от родителя за позднее возвращение, но моего родителя не было дома. На кухонном столе он оставил мне записку, в которой сообщал, что будет ночевать у Маргариты. Ей нужна моральная поддержка.

Я отрезал себе горбушку хлеба, намазал сливочным маслом, присыпал сахаром и впился в горбушку зубами. Слопал за две секунды, недолго думая, повторил. Теперь я ел не спеша, запивал крепким чаем и размышлял.

Сделал вывод – у Ольги Даниловой «рыльце в пушку». Она тщательно скрывает свою вторую жизнь от родителей и от знакомых. Но найдется немало желающих поживиться на новости об Ольге. Кто ее отец, известно всему ее окружению. И в том числе известно, что отец приверженец жесткого воспитания. Открывшиеся новости о дочери, скромнице и отличнице, повлекут за собой суровое наказание...

Во избежание наказания Ольга Данилова может пойти на крайние меры, в том числе на убийство человека, который узнал о ее другой жизни. Или на убийство пошел ее близкий друг, которому она дорога. Тот широкоплечий бугай, с которым я видел ее в парке и с которым она куда-то умчалась. Бугай – это не Ольга, его не запугаешь и не выведешь на чистую воду. С ним гораздо сложнее...

Утром я пробудился раньше положенного времени, с трудом продрал глаза. Очень хотел поспать еще полчаса, но заставил себя подняться, умыться, перекусить на скорую руку и выйти из дома.

На улице весело чирикали воробьи, заливались соловьи, ворковали голуби. На клумбах красовались тюльпаны, похожие выправкой на стойких оловянных солдатиков. Между ними затесались ароматные гиацинты, удивленные нарциссы и пока не распустившиеся ирисы. Появилось желание двинуть в другую сторону, к Ритке. Встретить ее на крыльце дома с букетом цветов – не с клумбы, а купленными на небольшом рынке, который находился по дороге к ее дому. Я часто так поступал, чем радовал свою девушку.

Но сейчас я не мог так поступить, не мог забыть об обещании, данном отцу. Он на меня надеется. Так что первым делом – расследование убийства, а девушки – потом.

Я проехал несколько остановок на автобусе и быстро добрался до дома, где накануне совершила преобразование Ольга Данилова.

Во дворе усердно махал метлой пожилой дворник скелетообразного вида. Несчастный вид говорил о многом: сегодня он чувствовал себя гораздо хуже, чем вчера. Я дал ему рубль на поправку здоровья, он рассказал, что Ольга часто навещает свою бабушку, которая почти ослепла. Приносит продукты, то, се, иногда остается у бабушки ночевать...

Я пулей домчался до школы, в которой учится Ольга Данилова и мой новоявленный родственник Славунчик.

Ольга, как прилежная ученица, явилась в школу в числе первых. На ее лице не было и следа вчерашней косметики. Блекло, скучно, правильно. Под распахнутым плащом серо-грязного цвета виднелась школьная форма: унылое коричневое платье с кружевным белым воротником и кружевными белыми манжетами (про манжеты я додумал: они не видны под плащом), ужасные колготки с затяжками, туфли, похожие на те, что девочки носят в дошкольном возрасте, блондинистые волосы затянуты в тугую косу. Кстати сказать, коса была неизменный атрибутом пятнадцатилетней девушки: и в образе крестьянки, и в образе девицы легкого поведения, и сейчас, в образе прилежной ученицы. Я засек время, когда Ольга пришла в школу. Когда она скрылась в здании, прошел через футбольное поле, завернул за угол сарая. Именно в этом сарае произошло убийство. Изучил навесной замок, даже подергал его усиленно. За этим занятием меня застал седовласый старикан с кустистыми усами.

- А тебе чего тут понадобилось?! – взревел он похлеще выхлопной трубы автомобиля, нуждающейся в ремонте.

- Гуляю, - заговорщицки ответил я, сосредоточенно изучая дверь, ведущую в сарай. Начал обстукивать ее согнутым указательным пальцем и такать.

- Ты кто такой?

- А вы? Неужто тот самый дворник, который «проморгал» ключ от сарая?

- Дворник написал заявление об увольнении по собственному желанию. Я здешний завхоз. А ты? – повторил завхоз свой вопрос, но более сдержанно.

- Я? – удивленно протянул я, как будто был мировой знаменитостью, которую всякая собака знает. Понизил голос до доверительного и сообщил с придыханием, - я скромный работник тыла. Но об этом никому. – И приложил указательный палец к губам. Кажется, палец сегодня перетрудился.

- Понятно, - брякнул мужчина с усами, не желая выказать отсталость от жизни: мало ли, что еще напридумали власти.

- Что вы имеете сообщить по существу произошедшего в сарае убийства? – поинтересовался я, исподтишка взглянув на свои наручные часы. Время поджимало, к первому уроку я точно опоздаю. Но оно того требовало.

Завхоз не рассказал мне ничего нового, только время зря потерял. Еще повезло, что успел ко второму уроку...

Вечером я опять стоял у дома Ольги Даниловой.

Всё прошло по вчерашнему сценарию. Но меня волновал кавалер Даниловой.

На это раз рядом с ней в парке на тропинке появился совсем другой молодой мужчина. С глубокими залысинами, большеголовый коротышка.

Пара прошла по траве, преодолела кустарник. На это раз их поджидал другой автомобиль.

Мне стало ясно – Данилова меняет кавалеров, как перчатки. Возможно, это ее заработок, а возможно, действует из интереса. Я отдаю предпочтение первому варианту, так как папаша ее деньгами не балует...

После двух вечерних наблюдений я сделал вывод: Ольга может быть убийцей своего одноклассника. Не кавалер, а она сама могла убить парня, который пытался ее шантажировать, когда узнал о ее любвеобильности. Многочисленным кавалерам до ее проблем нет дела. Не станут рисковать ради... проститомы вульгариус.

О, каким литературным прозвищем назвал девицу легкого поведения, скрывающейся под маской прилежной пятнадцатилетней школьницы...

Следующий вечер я провел с Маргаритой. На короткое время забыл о проблемах Славика Саможенова. И кто меня за это осудит?! Весна, любовь, цветы, запахи. И Рита...

Но ночью, несмотря на греющие душу воспоминания о свидании, я настроился на нужную волну. Идея пришла незамедлительно...

Утром я стоял у школы, в которой училась Ольга Данилова, и с нетерпением ждал ее появления. Заочно взял у нее уроки перевоплощения. Сделал себе убогий чубчик, как в первом классе, сменил очки, нормальные на допотопные, застегнул верхнюю пуговицу на рубашке, отрепетировал перед зеркалом легкое косоглазие и косолапие, согнул спину, скукожил плечи – превратился в гибона.

Когда я окликнул Данилову, она удивленно вскинула брови, в голове не мелькнула мысль, что я могу быть одним из многих: слишком молод и похож на очкастого зубрилу. Слегка шепелявив, назвался братом Вячеслава Саможенова и прямо в лоб заявил, что знаю, что произошло на самом деле. Судьба Славки меня, конечно, волнует, но еще больше волнуют деньги. Я старался выглядеть полным придурком, которому до смерти хочется купить велик, чтобы гонять на нем по улицам и ловить завистливые взгляды. Чем я могу еще привлечь внимание к своей неяркой, мягко скажем, персоне, если не здоровским великом. Ольга сделала вид, что не понимает, о чем я говорю, и собралась уйти. Я ее не остановил, сильно косолапя, пошел рядом. Принялся рассказывать, как лучшему другу, что увлекаюсь фотографией, оказываюсь в нужное время в нужном месте. Ольга оторопела – намек поняла, споткнулась о невидимую преграду, собралась и спросила, стараясь говорить беспечным тоном:

- И что ты можешь мне предъявить?

Ольга была очень неглупа. Заходя издалека, попыталась узнать, есть ли у меня доказательство ее причастности к убийству одноклассника? Или доказательство существования ее второй жизни? Что из двух? Я решил бить наугад.

- Я был в тот день возле вашей школы. Ждал Славку. И фотоаппарат был со мной. Он всегда со мной.

- В какой день? Что ты имеешь в виду?

- Ты сама знаешь... И завтра я пойду к следователю. – Я старался выглядеть мальчишкой, отстающим в развитии. Еще немного и расплачусь. И если меня не успокоят, пойду и пожалуюсь на обидчика.

- Я не понимаю.

- После уроков я сюда вернусь, мы пойдем с тобой в тот самый сарай, и ты мне дашь много денег, - с мечтательной улыбкой идиота заключил я, не собираясь пускаться я в объяснения.

- Почему в сарай? Мы можем встретиться в другом месте.

Уже хорошо!

- Нет, я хочу именно в сарай, где все произошло, - закатив глаза, закапризничал я, еще и ножкой притопнул. Насупись и спросил, - или у тебя нет ключа от сарайчика? – мой вопрос прозвучал враждебно и вместе с тем предостерегающе. Какой талант погибает! Пойду в актеры. За несколько дней успел «сменить» несколько ампула.

- Почему же нет, все у меня есть, - пробормотала Ольга, отводя меня в сторону. Так за локоть схватила, что я скривился и понял – тяжелоатлетка. И в гневе страшна.

- Откуда?

- Слепок сделала с оригинального ключа. Потом вернула ключ на место.

- Ты молодец, - похвалил я ее и криво ухмыльнулся.

Моя участь была решена. Ольга повеселела, сообразив, что перед ней несерьезный соперник. С таким она справится одной левой.

- Кроме тебя никто не знает... ну, ты понимаешь, о чем я?

- Никто! – уверенно заверил я, встав по стойке смирно. Мой портфель шархнул меня по ноге, напомнив о своем существовании. С модным портфельчиком вышла незадача – он мог выдать меня, косолапого дебила, с потрохами. Но не выдал. Ольга успела погрузиться в составление плана по моему устранению, на портфель не обратила никакого внимания.

Мы договорились встретиться в два часа дня, когда первая смена закончит учебу, а вторая уже будет сидеть на уроках, не маячить на улице...

Оставшееся время я решал, идти одному или взять кого-то в помощь. Пионер, мой надежный друг, на эту роль не годился. Силенок слабовато, и будет задавать много вопросов. Мусолить тему я не хотел. Отца тоже не собирался привлекать, надо довести начатое дело до конца без чьего-либо участия - доказать, что способен решить сложную проблему самостоятельно... Справлюсь ли?.. Все-таки пойду один.

На минутку забежал домой. Есть не хотелось, но надо подкрепиться, набраться сил.

Казалось, что меня накачали воздухом, я хожу, не касаясь земли. Лучше бы улетел подальше... Но как быть с бедным Славунчиком? Место назначения – колония для несовершеннолетних? Не позволю убийце гулять на свободе, а невинному отбывать наказание за несовершеннонное преступление.

Руки слегка подрагивали, когда я открывал дверной замок, чтобы идти к Ольге. Вспомнил, что забыл прихватить с собой фотоаппарат (для видимости) и плотный конверт для фотобумаги, который впоследствии послужит доказательством того, что я сделал фотографии, изобличающие Ольгу Данилову. На самом деле в конверте находились неудачно выполненные фото - брак, который жаль выбрасывать. Поразмахиваю чужими снимками в конверте перед носом Даниловой, она не усомнится, что в конверте доказательства ее вины, и перейдет к решительным действиям. Жаль, нельзя взять с собой магнитофон, записать наш разговор. Наверное, когда-нибудь, в будущем, появятся крохотные записывающие устройства...

Я присел «на дорожку». Продумал свои действия. После признаний – а она обязательно захочет выговориться - Данилова набросится на меня, захочет убрать единственного свидетеля и завладеть доказательствами. И тут наступает самый ответственный момент: она не видит во мне равного соперника, действует вполсилы, и я... ее очень удивлю. Скручу, пока она не опомнилась, свяжу руки и отведу к директору школы, пусть он с ней разбирается. Если она начнет «водить за нос» - отнекиваться, я ее раззадорю, выведу из себя. Она потеряет над собой контроль и выложит правду...

Да, так я и буду действовать. Не забыть бы бельевую веревку...

Собрался и вторично занялся входной дверью. Я сильно волновался, пытался считать до пяти, до десяти, но счет мало помогал. Распахнув дверь, я натолкнулся на человека, который собирался звонить в дверной звонок. Я непроизвольно отпрянул, гость распахнул для меня свои объятия.

- Дядя Вова! – обрадовался я.

- Ромка! Какой же ты стал! – восхитился дядя Вова Коровинский, боевой товарищ моего бати. – Вы нас не ждали, а мы приперлись, - в своей привычной смешливой манере заявил дядя Вова. - А ты, я гляжу, куда-то намылится? Так иди, я сам разберусь. Отец скоро придет?

- Дядя Вова, я так рад вас видеть! Вы очень кстати!

- Приятно слышать, - расчувствовался гость.

- Я хочу, чтобы вы пошли со мной, - я произнес фразу уверенно, нисколько не сомневался, что судьба послала мне помощника в лице Владимира Коровинского. От таких подарков отказываться нельзя.

- Рассказывай! – приказал офицер запаса, убрав шутки-прибаутки, мгновенно осознав серьезность момента.

- По дороге, время поджимает...

Когда мы подошли к школе, где училась Ольга Данилова, я с удивлением заметил большое скопление народа. На сборище я никак не рассчитывал, незаметно для себя совершил обратное превращение из глупого задохлика в нормального парня Ромку Хруцкого: исправил осанку, убрал со лба дурацкую челку, сильно раздражающую меня, непроизвольно расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке – душно стало от накопившего недовольства – все правильно рассчитал, и что теперь делать? Многочисленные свидетели мне точно не нужны.

Школьники, учителя и обычные зеваки, столпились у бровки футбольного поля и, как по команде, смотрели в сторону сарая, куда мы с дядей Вовой направлялись. Направлялись, да затормозились. Тоже принялись, как и все, пялиться в сторону сарая. Я успел заметить, что несколько сотрудников милиции не позволяют двигаться через футбольного поле, зеваки не спорят, неотрывно наблюдают со стороны за тем, что происходит возле сарая. А возле сарая сгрудились милицейские автомобили, машина «Скорой медицинской помощи» и «носатый» небольшой автобус цвета военной полевой формы. Возле автобуса двое мужчин в гражданской одежде беседовали с тремя пацанами, по виду – первоклассниками, и представительным мужчиной, наверное, директором школы.

Молодые парни в милицейской форме, стоявшие в оцеплении, хранили молчание – на вопросы зевак не отвечали. Только один раз сотрудник милиции рывкнул на особо ретивого старшекласника, решившего пересечь невидимую запретную черту. Старшекласник было заспорил, но ему пригрозили задержанием, и он смолк. Задние ряды спрашивали у впереди стоящих, что случилось. Те отвечали коротко, одним словом – «преступление». Одна бабуля, видимо, пришедшая в школу за внучком, громким шепотом объявила:

- Я знаю, что здесь делает милиция. – И покосила глазом на одного из представителей правопорядка.

- Не обращайтесь на него внимания, - разрешила ей сопливая пигалица в форменном школьном платье и двумя хвостиками на голове. – Так что здесь произошло?

Зеваки раздвинулись, образуя вокруг бабульки плотное кольцо. Бабушке очень понравилось быть в центре внимания. Для начала она затянула концы платочка, повязанного, как у Аленки с шоколадной обертки, пошамкала губами, потисккала

потрескавшиеся ручки выдавшей виды дерматиновой сумки, после чего еле слышно произнесла:

- Ученица восьмого класса в сарае повесилась.

Вокруг заохали, запричитали, принялись высказывать предположения «кто, да почему».

Внутри у меня появился неприятный холодок.

Сопливая пигалица ориентировалась быстрее других, и поставила вопрос ребром «Кто?». У бабки был ответ и на этот вопрос.

Она назвала Ольгу Данилова, чем меня совершенно не удивила.

Ольга поняла, что рано или поздно ее тайна будет раскрыта, а следствие выйдет на настоящего убийцу. Она предпочла смерть, чем подтвердила мою догадку...

Вскоре слова всезнающей бабульки подтвердились – в сарае покончила жизнь самоубийством Ольга Данилова. Предсмертной записки не оставила, но ни у кого не появилось сомнений, что это было самоубийство.

Следователь, который вел дело об убийстве одноклассника Саможенова, рассказал моему отцу, что Данилова находилась у него под подозрением, а Вячеслава Саможенова задержали для его же безопасности...

Ольгу похоронили. Город еще долго гудел, обсуждая эту трагическую историю. Погудел, погудел и быстро успокоился.

Все успокоилось, кроме родителей погибшего парня, родителей Ольги и моего новоявленного родственника, который долгое время оставался под впечатлением дней, проведенных в следственном изоляторе...

Все проблемы завершились для нас благополучно, впереди, как я считал в то время, лежит путь к светлому будущему. Никак иначе: в моем возрасте никто не ждет удара под дых, не ждет неприятностей, тебя окружают прекрасные люди. В общем, не жизнь – рай, безоблачное существование. Если на горизонте появился тучка-невеличка, то сама и исчезнет – унесется с дороги. Или прольется коротким теплым дождиком душевных слез. А почему душа плачет? Любимая девушка ушла.

Проблема со Славиком – та же тучка-невеличка. Сама улетучилась. И надо сказать проблеме спасибо – набрались кое-какого опыта, авось в будущем пригодится...

Мы отметили день рождения отца. Собрались все свои: сам именинник, я, Анастасия Олеговна, Славик, моя бабушка, мать именинника, и дядя Вова, продливший свою командировку на несколько дней.

Я преподнес отцу подарок, о котором он давно мечтал: кожаный портфель благородного коричневого цвета. Отец сразу спросил, где я взял деньги. И одарил взглядом свою мать, та сразу же отрицательно покачала головой. Пришлось признаться – заработал. Больше вопросов на эту тему не последовало. Отцу было не до вопросов – восхищался подарком. Открывал и закрывал защелкивающийся замок, изучал внутреннее содержание, водил ладонью по кожаной поверхности, хвалил удобную ручку, в итоге заявил, что будет выглядеть с этим портфелем, как министр.

Отец был счастлив, я был счастлив вдвойне.

Человеку для счастья надо совсем немного – всего-то исполнения давнего желания.

Другие подарки, не менее нужные, отец, как человек воспитанный, тоже хвалил и восторгался. Но портфель стоял на первом месте, я нисколько в этом не сомневался...

Мне не могло привидеться в кошмарном сне, какую роковую роль сыграет в дальнейшем мой подарок, этот министерский портфель...

Конец учебного года подкрался незаметно. Как бы я не ленился, но к выпускным экзаменам пришлось готовиться. Отец просил «не ударить в грязь лицом», не посрамить фамилию. Как ему откажешь!

С Ритой мы каждый день виделись в школе, потом грызли гранит науки, а вечерами бродили по улицам, взявшись за руки.

Встречались всегда в одно и тоже время. Я подходил к ее дому ровно в семнадцать часов.

От моего дома до дома Маргариты всего десять минут ходьбы – если дворами, «срезая путь». Если по оживленным улицам, то затрачивал в два раза больше времени.

Однажды в одном из дворов я заговорил с незнакомым мужчиной. Спросил, который час - забыл дома свои наручные часы, не знал, хватит ли у меня времени для покупки мороженого для Риты. Опаздывать я не любил. Мужчина ответил: «Скоро пять» - «А точнее? – «Шестнадцать пятьдесят пять», - с усмешкой ответил он. Я поблагодарил и прибавил шагу – успею, если потороплюсь.

Но не успел далеко уйти, как раздался непонятный громкий хлопок. Показалось, что сзади меня лопнул газовый баллон. Я втянул голову в плечи, не подумал, что надо улепетывать, стоял и ждал непонятно чего. Еще и прикрыл руками голову – якобы защитился.

Вокруг закричали. Я обернулся и увидел лежащего на тротуаре мужчину. Того самого, у которого спрашивал «который час». Он упал навзничь и не шевелился. Ручеек крови вытекал из-под него, как обычный ручеек воды из-под здорового камня.

Я окаменел. Так и стоял вполоборота, пока одна громкоголосая тетка не заверещала на всю округу:

- Убиваюуюуюют!

- Уже убили, - с недовольством заметил странного вида тип с сальными волосами и сигаркой в уголке рта. Присел у распростертого тела и решил удостовериться в правдивости своих слов. – Не дышит, - заключил он и обвел взглядом людей, стекающихся к месту преступления со всех сторон. До этого двор был совершенно пуст.

- Надо звонить «02», - уже спокойным тоном приказала недавняя громкоголосая тетка.

Я покрутил головой в поисках телефона-автомата. На глаза попался мужчина средних лет, который вышел из трансформаторной будки, расположенной неподалеку, в метрах двадцати от места преступления. Мужчина в спецодежде совершенно не интересовался происходящим, как будто был слепым и глухим. Или жил в параллельном мире, где никаких убийств нет и в помине. Мне показалось это очень подозрительным: если кто из прохожих не спешил присоединиться к остальным любопытным, то хотя бы замедлял шаг, задавал вопросы, потом сам решал, как ему поступить – идти дальше или остаться и ждать развития событий.

Мужчина средних лет не только не вертел головой и не любопытствовал, но очень торопился покинуть двор, где всё произошло.

Я присмотрелся. И мне показалось, что я знаю этого человека в спецовке.

Проводив его пристальным взглядом и удостоверившись, что он удаляется с видом человека из параллельного мира, я потрусил к телефону-автомату, расположенному на углу одного из домов. Именно за этим углом скрылся подозрительный субъект, навскидку показавшийся мне знакомым.

Прежде чем войти в телефонную будку, я заглянул за угол. Мужчина почти бежал, время от времени оглядываясь назад. Значит, вернулся из параллельного мира. Подозрение в его адрес окрепло.

Я позвонил «02», рассказал, что произошло и вернулся к месту преступления.

Милиция прибыла быстро. Мы по очереди рассказали, кто и что видел. Оказалось, видели все одно: мужчина шел по двору, заговорил со мной, потом раздался звук выстрела, мужчина рухнул на асфальт, как подкошенный. Милиционер повертел головой, наткнулся взглядом на трансформаторную будку и обратился к своему коллеге, указав на нее:

- Пойди, проверь.

А я отключился от действительности, когда на глаза попался портфель, который валялся возле неподвижного тела. Кожаный портфель коричневого цвета – точь-в-точь, как у моего отца. Именно такой портфель – министерский – я подарил отцу на день рождения.

В голове начались какие-то передвижения, как будто в голову набросали металлические обломки и сильно потрясли. У меня колото в одной части головы, то в другой: то в макушке, то в левом виске, то в правом. Я морщился от боли и страдал от того, что никак не могу сосредоточиться.

Очень хотелось разобраться. Теперь мне не только казался подозрительным мужчина средних лет – человек из параллельного мира, но подозрение вызывал и портфель, лежащий рядом с телом.

Милиционер переписал данные всех свидетелей и отпустил по домам. Кажется, ушел я один, остальные зорко следили за работой следственных органов. Последнее, что я услышал, были слова все той же громкоголосой тетки:

- Не верится, что на самом деле произошло убийство, все это похоже на съемки детектива...

Я опять зашел в будку телефона-автомата, на этот раз позвонил Рите. Предупредил, что сегодня не приду, так сложились обстоятельства. Рита обиделась и бросила трубку. Не беда, завтра помиримся.

Я не вернулся домой, я направил стопы к бабушке...

После выхода на пенсию моя бабушка устроилась работать гардеробщицей в театр музыкальной комедии. Я знал, что сегодня, в понедельник, у нее выходной, поэтому рассчитывал застать ее дома. Или, в крайнем случае, во дворе.

Бабушка была человеком общительным, информация стекалась к ней постоянно, в связи с чем она могла мне помочь в одном важном вопросе.

Местные пенсионерки, и бабушка в том числе, бурно обсуждали на скамейке соседей и щелкали семечки. Завидев меня, бабуля подхватила и поспешила мне навстречу. Оказавшись в ее квартире, мы первым делом сели на стол – пить чай с пирогом. От «чего-нибудь посущественней» я отказался. Бабушка в первую очередь поинтересовалась моими школьными успехами, потом переключилась на семейную жизнь отца. Я давно догадался, что свекрови новая невестка не нравится. И это неудивительно – моя покойная мать ей тоже не нравилась. Бабушка относится к той категории свекровей, которые считают, что в мире нет достойных женщин для их сыновей. Это ее право. Но в присутствии Анастасии Саможеновой она отлично играет роль доброты сердечной, ободряющей выбор сына. И то ладно. Я пресек обсуждение Анастасии Олеговны Саможеновой на корню:

- Ба, твой сын – взрослый мальчик, он сам разберется со своей женой.

- Как она к тебе относится? Не обижает? Ты только скажи...

- Кто меня обидит, долго не проживет, - перевел я все в шутку, хотя для веселья не было причин. – Ба, слушай, я тут недавно встретил одного мужчину... Он показался мне знакомым... Долго голову ломал, где его видел, где пересекался с ним, а потом вспомнил – это отец Артема.
- Какого Артема? Тот, что жил в соседнем доме? Вы еще вместе играли во дворе, когда ты у меня гостил?
- Да, тот самый Тема. А почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? – напрягся я.
- Потому твой Тема здесь больше не живет. Мать с отцом разошлись, и, конечно, он стал жить с матерью. Отец-то попивает. Не скажу, что алкаш последний, но практически регулярно «закладывает за воротник».
- А где Тема сейчас живет?
- Не знаю, он здесь не появляется, мать возражает, чтобы он с отцом встречался – говорит, плохой пример для подрастающего мальчика.
- Мать с Темой вдвоем живут?
- Мать сразу замуж выскочила. Опять же с чужих слов: ее новый муж полюбил Тему, как родного сына. Так говорят. А там, кто его знает.
- А Тема как к нему относится?
- Кто его знает, - повторившись, развела руками бабушка. – Поговаривают разное. Одно могу сказать – какой бы ни был родной отец, но чужой дядя его никогда не заменит.
- Значит, Темкин отец живет один?
- Один. Всё ждет, что бывшая жена вернется. Очень он ее любит. Будто бы остепенился в последнее время, пить бросил. Дней десять или больше трезвым ходит.
- Может, завел себе кого?
- Не знаю, - ответила бабушка, отведя глаза.
- Так ли?
- Говорю – не знаю. Отстань. Прицепился, как банный лист. Чай пей! Тебе еще подлить?
- Подлей. Пирог очень вкусный.
- Как чувствовала, что придешь, испекла твой любимый.
- Ба, а ты видела нового мужа Темкиной мамы?
- А чего ему здесь делать? Нет, не видела. А тебе зачем?
- Я решил рассказать бабушке о недавних трагических событиях. Она у меня дамочка крепкая, в обморок не бухнется...
- ... И сразу после убийства я заметил Темкиного отца. Он прошмыгнул мимо, даже головы не повернул.
- Думаешь, это он... его... убил?.. А что? Он может. Характер у него взрывной. И я слышала, что он грозился всех поубивать: и бывшую жену, и ее нового мужа. И себя в том числе.
- Одно дело угрожать, другое дело – убивать. И чем бы он в него пальнул? Из игрушечного пистолета, что ли?
- Вот ты зря смеешься.
- Я не смеюсь, мне не до смеха: впервые на моих глазах убивают человека. Так и стоит картина перед глазами: мужчина, кровь, крики...
- Не рассказывай мне страсти-мордасти!
- Ба, ты все знаешь, - вкрадчиво вступил я, - скажи честно – был у отца Темы пистолет или нет?

- Что я тебе могу ответить, - выдержав паузу, протянула бабушка. - Он ведь гораздо старше своей супруги – лет ему немало. За пятьдесят точно... Пятьдесят с маленьким хвостиком...
- К чему ты клонишь?
- А к тому, что он войну прошел. Одна моя приятельница рассказывала, что несколько лет тому назад он приходил в класс, где учится ее внук, дело было накануне Дня Победы. Рассказывал о своих подвигах. Во время войны был снайпером, много фашистов уложил. Были и ранения, и контузия...
- Странно...
- Что тебе странно?
- Почему Тема не хвалился отцом-героем, не показывал ордена, медали? Вот мой дед, твой муж, которого я не застал в живых, тоже воевал в Великую Отечественную, у тебя хранятся все доказательства его геройства.
- Я видела Темкиного отца в этом году как раз на День Победы, - вспомнила бабушка. – Он выпивал во дворе с другими мужиками. Был при параде, относительно, на пиджаке красовалась юбилейная медаль, приуроченная к тридцатилетию Победы. Всем ветеранам вручали в прошлом году.
- И все? Ни тебе медалей «За отвагу», ни «За боевые заслуги», как у моего деда?
- Были какие-то значки, пустяжные: кажется, ДОСААФовские.
- И что всё это значит? Темкин отец все врет? Он отсиживался в тылу? Или присвоил себе чужие документы?
- Ромка, у тебя очень развито воображение. Любишь играть в шпионов. Вполне возможно, что во время войны он был поваром, служил при полевой кухне. Тоже служба, тоже рисковал своей жизнью.
- Я не спорю... Думаешь, он мог привести с фронта трофейный пистолет?
- Ничего я не думаю! И ты не думай! Нечем больше заняться? Своих проблем мало?!
- Вообще никаких, - усмехнулся я...

Я схитрил: сделал вид, что ушел, а сам незаметно прокрался в подъезд, где в одной из квартир второго этажа когда-то проживал Тема со своими родителями.

Рассчитывал, что хозяин меня не узнает, я скажу, что ошибся адресом. На самом деле, хочу убедиться – на месте преступления видел отца Артема Буточкина, ни с кем его не перепутал. Меня он точно не узнает: времени много прошло, и его «организм замучен нарзанами». Фразу не присвоил, позаимствовал из комедии Гайдая «Двенадцать стульев», которая вышла на экраны страны пять лет назад. Картина мне очень нравилась, я пересматривал ее много раз.

Я позвонил в дверь, мне никто не открыл. Я позвонил еще раз – тот же результат. И поспешил ретироваться, чтобы меня не увидели соседи и в последствии не связали меня с убийцей: и здесь был, и на месте преступления. Подозрительно.

Если, конечно, Буточкин убийца... Я делаю поспешные выводы из-за его странного поведения? Может быть, всё объясняется просто: он был сильно выпивши – ничего не слышал, никого не видел. Но это вряд ли. Если был «под газом», причем в рабочее время, то зачем влез в трансформаторную будку, где опасно для жизни, даже надпись есть: не влезай – убьет! Кстати о рабочем времени! Рабочее время отсчитывало последние минуты. Будет выпивоха задерживаться на работе, если у него «трубы горят»! А если случилась авария, возникла необходимость ее скорого устранения, то едва ли Буточкин крутился возле будки без помощников-соглядатаев. А Буточкин был один, пьяным не выглядел – не покачивался, и взгляд был осмысленным, напряженным...

Чем больше я думал, тем меньше сомнений у меня оставалось: Буточкин убийца...

Осталось понять мотив: зачем Буточкину убивать человека с портфелем, причем с портфелем, как у моего отца?

Я попытался восстановить по памяти внешность убитого мужчины, мне это удалось, и я пришел к неутешительному выводу – он очень похож на моего отца. Не один в один – ростом, цветом волос, фигурой. В связи с чем решил, что убийца мог перепутать. Ему указали место, время и приметы человека, которого ему необходимо устранить. Отец тоже часто ходит этой дорогой к бабушке. И именно по понедельникам. Когда у его матери выходной день. А сегодня предупредил меня, что задержится на работе – у них внеочередное партсобрание. Бабушку он тоже предупредил, но поздно – она успела испечь пирог, сына ждала. Сын «напел» про партсобрание, она не поверила – решила, что Анастасия чем-то загрузила, потому-то бабуля и завела разговор на тему нехорошей невестки...

Слишком много совпадений... Еще и пистолет... Знать бы, из какого оружия стрелял убийца.

Я вернулся на место преступления. Следователи заканчивали свою работу. Мне удалось подслушать, что в трансформаторной будке найдены гильзы калибра 9 мм. Похоже, стреляли из «Вальтера Р-38». Но пока не точно, экспертиза или опровергнет, или подтвердит. У меня настолько обострился слух, что от напряжения сильно разболелась голова. Или от дум, сражающих наповал своими открытиями.

Мне стало очень плохо. Я двинул в сторону дома. С трудом добрался до квартиры и рухнул на диван.

Вскоре вернулся с партсобрания отец и очень удивился, что застал меня дома.

Я не стал ничего скрывать, рассказал о случившемся, высказал свои соображения.

- Ты подумал, что вместо меня убили какого-то незнакомца с кожаным портфелем? Ты ошибаешься, сын. Не скажу, что вокруг меня одни только друзья, есть и недруги – всем мил не будешь, но заклятых врагов у меня точно нет.

- А тебе не кажется странным, что едва ты женился на Анастасии Павловне...

- Олеговне, - поправил меня отец, и возмутился, - ты нарочно это делаешь?

- Почему нарочно, не нарочно, просто у меня очень болит голова.

- Дать таблетку?

- Ненавижу любые таблетки, в детстве перепичкали.

- Тогда ложись спать. И забудь обо всем. Нас это убийство не касается.

- Ой ли? – хмыкнул я, - как только ты женился на Анастасии... Олеговне, как вокруг начали происходит странные вещи.

- Ромка! – рывкнул на меня отец, но быстро умерил пыл: моя серо-зеленая физиономия внушала ему опасения. Он даже предложил вызвать неотложку. Я естественно отказался.

В комнате повисла неприятная тишина с гуляющей по ней отрицательной энергией, готовой в любую минуту взорваться, как шаровая молния.

Первым не выдержал отец:

- Я думал, вы нашли с Анастасией Олеговной общий язык. Оказывается, ошибался. Но я не настаиваю на вашей дружбе, держите дистанцию, вот и все решение проблемы.

Я мог наговорить кучу всякой эгоистической ерунды, но сдержался, отделил эмоции от здравого смысла и заговорил о человеке в спецовке, который выходил из трансформаторной будки...

- Согласен, он вел себя подозрительно, - выслушав, заключил отец. - Но будет лучше, если ты обо всем забудешь. Занимайся своими делами.

Я как будто не услышал его рекомендаций.

- Я забегал сегодня к бабушке.

- Как она? Не обиделась, что я не зашел?
- Отнеслась с пониманием – ни слова не сказала. Напоила меня чаем с пирогом, твоим любимым. Забыла, что я сладкое не терплю. В очередной раз всё перепутала.
- Это правильно, что ты к ней забежал.
- Я не просто так к ней зашел. Тот мужчина показался мне знакомым. Кажется, он живет рядом с бабушкой, в соседнем доме. Я хотел навести о нем справки, а потом отправился к нему домой, чтобы убедиться, прав я или не прав.
- Убедился? – скрипя зубами, спросил отец. Мое безответственное поведение его поразило до глубины души.
- Нет, не убедился, я не застал его дома. Если это он убил человека с портфелем, то... теперь... пуститься в бега. Но рано или поздно, следствие выйдет на него.
- Если до этого с ним что-нибудь не случится, - пробормотал отец. – Какой-нибудь нелепый несчастный случай.
- А вдруг уже случилось?! – забеспокоился я. - Человек, который заказал ему убийство, расправился с ним, чтобы не вышли на него, на заказчика. Все концы в воду! И как теперь узнать, кому понадобилось убивать мужчину с коричневым кожаным портфелем, который... внешне походил на тебя? Как?
- Ты еще ни-че-го не знаешь, а уже строишь версии, выдвигаешь предположения, - более сдержанно, чем ранее, осадил меня отец.
- Батя, у меня чутье! Один раз оно меня не подвело. Вспомни о случае с Ольгой Даниловой. Я сразу догадался, «где собака зарыта».
- Догадливый ты мой! – Отец потрепал меня по голове. – Пойдем чего-нибудь пожужим?
- Пойдем, - резво откликнулся я, забыв о головной боли...
За ужином я твердо решил: буду проводить собственное расследование.
Если покушались на жизнь моего отца, а убийца, действовавший по указке заказчика, ошибся, то попытка расправы обязательно повторится. Я обязан ее предупредить - найти убийцу и сдать его в руки милиции...

Увы, я не мог быть в курсе официального расследования, но мне удалось выяснить, кем являлся убитый мужчина с портфелем. Смекался помогла.

Решил обойти все НИИ, расположенные в ближайшем окружении от того, места, где произошла трагедия. Похоже, мужчина шел с работы, двигался привычным маршрутом. Окончание работы приходилось на шестнадцать сорок пять – это распространено. Мужчина не отличался трудовым энтузиазмом – покидал рабочее время без задержек. Следовательно, место работы я могу вычислить. Заодно узнаю фамилию убитого, круг его знакомых, среди которых может находиться заказчик. Или сам убийца... Если хотели убить именно его – незнакомца, пока незнакомца, с коричневым кожаным портфелем, а не моего отца, внешне на него похожего, и опять же обладателя «министерского» портфеля.

Возможно, я самоуверен – много на себя беру. Но поступить иначе не могу. Чуйка не сулит ничего хорошего. Отцу грозит смертельная опасность, убийца не остановится до тех пор, пока не достигнет цели...

Мне повезло – уже во втором по счету НИИ – «НИИ Стали и Сплавов» – я увидел в холле большой портрет с траурной лентой. Это был портрет моего заочного знакомого, чье тело нынче находилось в морге.

На некрологе было написано: Трофим Ильич Нестеров. Дата и год рождения, дата и год смерти. И соболезнования в адрес родных и близких.

Пройти внутрь я не смог бы при всем желании – путь преграждали турникет и суровый охранник.

Сделал вид, что кого-то поджидаю, чтобы убить время пялюсь на портрет покойного. Через турникет пропорхнули две девушки. Взглянув на фото погибшего коллеги, они вмиг стерли с лица улыбки и замедлили шаг.

Из их тихих переговоров я догадался, что эта смерть не новость для них. О гибели коллеги были осведомлены и с утра весь научно-исследовательский институт только и делал, что обсуждал горячую тему.

- Он и мухи не обидит, - прошептала одна девушка.

- Более безобидных и добрых людей я не встречала, - вторила первой другая.

Только я подумал: «О покойных - или хорошее, или ничего», как первая девушка продолжила:

- Я и при жизни так о нем отзывалась. Образец во всем... был... И семьянин, и работник, и человек – все в восхитительной форме.

- Безумно жаль его, - всхлинула вторая девушка. – И кто теперь проект возглавит? Если Семенов, но нам конец. Семенов из нас все соки выпьет. Сам домой не торопится, и нас будет держать до умопомрачения.

- Семенов любит показать, что у него работы выше крыши.

- Одна показуха. Вот Трофим Ильич все успевал делать в рабочее время. Хотя, на него почти все заказы сваливали, он был безотказным.

- И нам с ним легко работалось. Надо уйти раньше – пожалуйста, нужен отгул – пожалуйста... Да с Семеновым будешь сидеть, как привязанный...

Девушки выскочили на улицу.

Я узнал все, что хотел.

Мне хотелось и не хотелось верить словам девушек. Хотелось – потому что косвенно знал покойного – часто встречались, и мне он тоже был симпатичен. Не хотелось – потому что в этом случае у преступника не было мотива убивать Нестерова. Он весь такой кристально-идеальный. Произошла путаница – Нестеров убит по ошибке. Преступника плохо информировали: назвали главной приметой коричневый кожаный портфель. Ну и внешнее сходство с отцом тоже никуда не денешь.

После установления личности убитого, я вновь отправился к отцу Артема Буточкина. Хотел задать ему несколько конкретных вопросов – что он делал внутри трансформаторной будки, подвергая свою жизнь опасности, почему сделал вид – ничего не вижу, ничего не слышу, почему дал стрекоча, завернув за угол, при этом боязливо оглядывался назад – проверял «хвост»?

День незаметно приблизился к вечеру. Я не рассчитывал застать бабушку дома, поэтому сразу направился к подъезду, где проживал отец Артема, а когда-то жил сам Артем и его мать.

У интересующего меня подъезда собралась большая толпа людей, среди них затесались и бабушкины приятельницы. Я выдернул из толпы одну из них и спросил, что произошло. Она указала мне на милицейский «УАЗик», прозванный в народе «Бобиком», который стоял на углу дома – я его сразу не заметил.

Где-то я это уже видел, - обреченно подумал я.

Приятельница бабушки была «одной ногой» возле меня, «другой» – возле гомонящей толпы народа – боялась пропустить что-то важное: народ молниеносно выдвигал собственные предположения.

- Что случилось? – прокричал я в ухо пожилой женщины после изучения «Бобика», на который мне указали.

Женщина опомнилась, отвела меня подальше от толпы и сообщила трагическим голосом:

- Ромка, страшная жизнь настала.

- Конец света? – хмыкнул я.
- Вот ты зря смеешься. Людей уже убивают посреди дня в собственной квартире.
- Кого же убили? – дернулся я, как от удара.
- Ты его знаешь. Это отец твоего друга Артемки.
- Убили отца Темы? Когда? И как это произошло?

Пожилая женщина не успела дать ответы на мои вопросы, к нам подошла еще одна бабушкина приятельница, более сдержанная на эмоции.

- Опять ты языком мелешь, - осадил она подружку, услышав мои слова. – Еще неизвестно, сам он помер или кто помог. Я думаю, скорее сам – пьет всякую гадость, вот и отравился.
 - Он «завязал», сам мне об этом говорил.
 - Кому ты веришь: алкаш он и есть алкаш. Хоть лечи, хоть не лечи, хоть уговаривай, все одно – не бросит пить! Но врать не буду – в последнее время ходил трезвый.
 - А я про что! Почитай недели две был в «завязке».
 - Он один жил? – спросил я у женщин.
 - Один.
 - И никто к нему не приходил?
 - А кто к нему придет?! Если только собутыльники.
 - А женщины? – неожиданно вырвалось у меня.
 - Какие женщины, о чем ты? Для него лучшая женщина – это бутылка.
 - Но он бросил пить, вы сами говорили. Возможно, расстался с пагубной привычкой ради женщины.
 - Он боготворил одну женщину – свою бывшую супругу, мать Артема.
 - Боготворил и был ради нее готов на все, - пробормотал я, пытаюсь соединить своего отца и мать Темы. Никакой связи между ними не наблюдалось. – А как бы мне поговорить со следователем? – обратился я с вопросом не по адресу - к двум пенсионеркам.
 - А зачем?
 - Хочу кое-что выяснить.
 - Так ты подойти к милиционеру что на входе в подъезд стоит и поговори.
- Я так и поступил. Сначала страж подъезда с сержантскими погонами взирал на меня недоверчиво, потом вызвал свое непосредственное начальство – хмурого младшего лейтенанта. Тот подверг меня короткому допросу, после чего повел на второй этаж, в квартиру, где работала следственная бригада.
- Я рассказал следователю, что видел гражданина Буточкина, ныне покойного: накануне, на месте преступления – в одном из дворов убили неизвестного мне мужчину с портфелем. Гражданин Буточкин вел себя очень подозрительно. Я его сразу узнал – мы дружили с его сыном Артемом.
- Пришлось признаться:
- Вечером, переговорив с бабушкой, которая живет в соседнем доме, я заходил к Буточкину. Позвонил в дверь, но мне никто не открыл.
 - Могу предположить, что он был уже мертв, - сообщил судебный медик, предварительно поинтересовавшись временем моего визита к Буточкину. – Смерть наступила от восемнадцати до двадцати одного часа вчерашнего дня. Точнее скажу после вскрытия.
 - Его убили?
 - Отравление.
 - Он сам или...? – настойчиво повторил я.
 - Или – или, - пробормотал следователь, не желая «раскрывать карты» перед каждым встречным-поперечным.

Вытянув из меня всю информацию, отправил восвояси...

Как только я перешагнул порог собственного дома, отец начал мне выговаривать:

- Где ты ходишь?! Сколько можно ждать?!

Я никогда не видел его таким возмущенно-взъерошенным. Отец умел держать себя в руках. Значит, есть повод... Опять...

- Что случилось?

- Где ты был? – вопросом на вопрос ответил батя.

- Гулял, - «признался» я.

- Нашел время для прогулок! На носу экзамены, а он...

Далее пошли потоком нотации. Сказать, что был удивлен – это ничего не сказать. Сегодня отец не был похож на себя привычного, на того, которого я знал пятнадцать лет. Когда его поток нотационного красноречия иссяк, я не спасовал, опять спросил:

- Что случилось? Есть повод срывать зло на собственном ребенке? – Я хотел придать легкомысленный тон нашему сложному общению, «ослабить» хватку родительского воспитания.

- Кое-что случилось, - сразу сник мой родитель. – Ты же знаешь, я никогда не трясусь над каждой копейкой... И любая денежная потеря не заставит меня «терять лицо». Но... - Отец замолчал и пристально-осуждающе смотрел на меня.

- Так что же произошло? Если у тебя пропали деньги, то я к их пропаже не имею никакого отношения.

- Я тебя не виню. – В голосе отца чувствовалась уверенность. Я расслабился: не выношу голословных обвинений.

- Давай по порядку.

- Настя давно мечтала купить автомобиль.

- Настя? Мечтала? За твои деньги?

- Но мы одна семья.

- Я всегда подозревал его в корысти.

- Какая корысть?! О чем ты, Ромка?!

- Ты хорошо зарабатываешь, плюс военная пенсия. Ты завидный жених!

- Не ерничай. Настя... мне не хотелось поднимать эту тему с тобой... Настя любит меня. И это не пустые слова.

- За десять тысяч на сберкнижке полюбит любая.

- Роман, я никогда не поднимал на тебя руку, но сейчас ты напрашиваешься...

- Хорошо, я был не прав.

- Не надо делать мне одолжение.

- Я не делаю, я извиняюсь... Значит, ты снял деньги со сберкнижки, чтобы купить машину...

- Позавчера снял со сберкнижки почти все деньги, оставил какую-то мелочь, чтобы не закрыли счет. Продавец – один знакомый Анастасии – продает «Волгу ГАЗ-24» в отличном состоянии. Уезжает на ПМЖ в Израиль. Распродает все движимое и недвижимое имущество. Предложил Насте купить автомобиль. Он знает о ее мечте. Сделку пришлось перенести – продавцу срочно надо было уехать в Москву по делам. Знал бы, не стал снимать с книжки деньги. Рассчитывал так – снял деньги и сразу купил автомобиль. Все-таки, сумма немалая, опасно держать дома.

- А ты дома держал деньги? Всю сумму?

- В тот вечер и всю ночь деньги были при мне - здесь, дома, на следующий день передал Насте. У нас целый день в квартире никого нет, а Настя специально взяла отгул. Отлучилась всего на полчаса в магазин, вернулась, дверь вскрыта отмычкой. Дверной замок совсем хлипкий, всё руки не доходили поменять.

- Кроме денег, что-то из квартиры пропало? И почему ты говоришь о краже только сейчас? Насколько я понимаю, деньги из квартиры Анастасии Павловны... Олеговны исчезли вчера.
- Я сам не знал. Она мне сразу не сообщила... Я приехал к ней утром, чтобы вместе идти на работу - боялся оставлять ее одну с такой крупной суммой. Сегодня днем должна была состояться сделка.
- Милицию вызывали?
- Конечно. Будут искать... ветра в поле...
- Значит, входную дверь вскрыли отмычкой?
- Да, без экспертизы видно.
- А Славик где был?
- В школе. О деньгах он ничего не знал.
- Это ты так думаешь. Я в этом не уверен. Анастасия... Олеговна...
- Ромка, заканчивай свой цирк!
- Уже! Анастасия Олеговна не могла сдерживать эмоций и рассказала сыну, что завтра вы покупаете автомобиль «Волга ГАЗ-24».
- Если бы и поделилась новостью, чтобы это изменило?! Славик никогда не позарится на чужие деньги. Он правильно воспитан – чужого никогда не возьмет.
- Он и чужой кортик не брал, - вставил я.
- Одно дело кортик, другое дело – десять тысяч.
- Мне надо поехать на место и всё увидеть своими глазами.
- Дверь починили в тот же день. У Насти сосед - слесарь. Он и дверь починил, и новый замок вставил.
- Батя, ты не хочешь, чтобы я занимался этим делом?
- Ты «дров наломаешь».
- Не волнуйся...

Сын и мать Саможеновы встретили меня настороженно. О моих детективных способностях, естественно, были осведомлены. Я сразу заявил, что пришел в гости, соскучился. Конечно, мне никто не поверил.

Пока Анастасия Олеговна накрывала на стол, мы со Славиком уединились в его комнате. У него, как всегда, был творческий беспорядок. И как всегда отдельной стопкой лежали черновики сочинений, написанные рукой его матери. В чем, в чем, а в написании сочинений Славик был не силен. Впрочем, как и я.

Мать устала требовать от сына невозможного, предпочла писать сочинения за него, Славику оставалось только переписывать начисто. И зачем утруждать мальчика-гения в других областях знаний, совершенно ему не нужных. Пишет грамотно, и довольно с него. Писателем или филологом быть не собирается, свой путь в науке выбрал давно...

Я привычно пробежал глазами по листку бумаги, лежащему сверху. Что-то по произведению Горького «Мать».

Если быть честным до конца, то признаюсь – я тоже пользовался черновиками Анастасии Олеговны. У меня, как и у Славика, не сочиняется. Еще на «вольную» тему я могу что-то накрапать, чего не скажешь о сочинениях по классической литературе – ни в зуб ногой. Далее нескольких дежурных предложений пойти не мог.

Любил писать сочинения на тему Великой Отечественной войны. Но когда дело дошло до романа Шолохова «Как они сражались за Родину», тут я и застопорился: написал только вводную часть. Славка к тому времени уже заработал свой «пятак»,

я по-тихому слямзил у него черновик. Трудолюбиво переписал начисто и тоже получил «пятак». И нисколечко не стыжусь...

Я заговорил о пропавших деньгах, потом - об улетучившейся мечте, о несостоявшейся сделке. Мой монолог о деньгах Славик поначалу пропускал мимо ушей, сосредоточенно изучал облупленный край письменного стола. Но когда речь зашла о мечтах, не сдержался:

- Что такое автомобиль?! Железка на колесах! У человека разве такая должна быть мечта?!

- А у тебя какая мечта?

- Я мечтаю получить хорошее образование за границей, - выпалил он.

От неожиданности я потерял дар речи. Опомнившись, переспросил:

- За границей?

- Конечно, за границей! Где же еще! Разве в этой стране подобное возможно? Совок! Ну, допустим, выучишься, получишь свой диплом. И что дальше? Прямая дорога в какой-нибудь НИИ или на завод. Будешь получать три копейки и радоваться.

- Совок, - повторил я. – Это ты нашу Родину совком называешь?

- А у тебя другое мнение? Я думал, ты меня поймешь...

- И мамочка разделяет твои взгляды?

- Я не хочу продолжать этот разговор. – Славка запоздало сообразил, что проговорился.

- Ну уж нет, изволь ответить на мой вопрос!

- Да, разделяет!

- Рад за тебя. Это она тебя надоумила...

Тут дверь распахнулась, и Анастасия Олеговна пригласила нас к столу.

- Одну минуточку, - сдержанно сказал я.

Она выразительно посмотрела на сына и удалилась. Мне показалось – предупреждала его о чем-то.

Далее наш диалог превратился в мой монолог: Саможенов будто воды в рот набрал. Я устал сотрясать воздух, тратить время зря, и позвал отца.

Когда он появился на пороге, я указал на Славика и сказал:

- Это он взял твои деньги! – Я заскучал: не думал, что так легко выведу преступника на «чистую воду».

- Я не брал, - проблеял побелевший, как полотно, Славик. Его мать, маячившая за спиной моего отца, протиснулась в комнату и заявила:

- Саша, не слушай его! Он делает это назло!

Я никак не отреагировал на ее громкое заявление.

- Сам вернешь деньги или будем вызывать милицию с розыскной собакой? – миролюбивым тоном поинтересовался я, присаживаясь на край письменного стола, который все это время так внимательно изучал вундеркинд. - Если выберешь второй вариант - не вернешь деньги, то не получится отделаться легким испугом... Пап, ты же не будешь писать заявление на Славика, если он всё вернет?

- Я ничего не понимаю! Роман, ты утверждаешь, что это Славик взял деньги? Зачем ему такая огромная сумма денег?

- Он мечтает уехать из нашей страны, из совка. Как он сам ее назвал. Что делать за границей без денег? Без денег там делать нечего.

- Настя, у твоего сына диссидентские взгляды, - сдержанно осудил отец, пока не имея на руках доказательств вины пасынка.

Анастасии Саможеновой очень хотелось наговорить мне уйму обидных слов – дескать, наговариваю на ее сыночка, который знать не знал, что в их доме хранятся

десять тысяч (бешеные деньги!), но она помалкивала, только нервно закусывала губы, и лицо было ярче красного стяга.

- Славик, ты знал о деньгах? – в лоб спросил отец. Глазки Славика тревожно забегали.

- Он знал, я сама ему об этом сказала, но это ничего не значит, - в очередной раз вступилась за сына мать.

- Что за дурная привычка – попадать в нехорошие истории, - скривился я.

- Что за намеки! – запищал Славик. – Я ни в какие истории не попадаю! Ты знаешь, что к смерти своих одноклассников я не имею никакого отношения!

- Я знаю, - сказал я таким тоном, что у Славика отпало всякое желание спорить и верещать. – Но мы не будем возвращаться в недавнее прошлое.... Я спрашиваю последний раз – где деньги?

- Я не брал ваших денег.

- Тогда я приступаю к обыску без санкции прокурора. Ты не возражаешь?

- Ищи, все равно ничего не найдешь.

Я искал долго, показал себя классным оперативником на обыске. И в итоге обнаружил деньги в стареньком плюшевом медведе некогда белого цвета. Славик рассказывал, что плюшевого медведя подарил родной отец, когда сыну исполнилось два года. С тех пор отец и сын не виделись

- Это не моё! – опять заверещал Славик.

- Конечно, не твое, - парировал я и обратился к его матери с неожиданным вопросом,

- Анастасия Олеговна, а не откроете ли нам тайну «мадридского двора»: где сейчас находится ваш бывший муж? – Сам не знаю, зачем спросил. Наверное, белый медведь «направил» в нужном направлении.

- Он сейчас... далеко.

- Так далеко, что не может прислать сыну весточку?

- Он осужден за какое-то преступление? – спросил мой отец.

- Нет... Он... уехал в командировку... В ГДР...

- И там пропал? – удивился я.

- Можно сказать, и так, - пробормотала женщина.

- А конкретнее? У вас есть о нем сведения?

- Я только знаю, что он... тайно перебрался в ФРГ и попросил политического убежища. К тому времени мы были давно в разводе. – Признания дались ей тяжело, это было заметно невооруженным глазом.

- Странно, что я узнаю об этом только сейчас, - упавшим голосом произнес товарищ Хруцкий.

- Вот все и сошлось: благодаря твоим, батя, деньгам, мама с сыночком поехали бы в ГДР по туристической путевке, а потом, каким-то хитрым способом, воссоединились бы с главой семейства. На первое время им бы хватило денежек.

- Роман, всему есть предел! – возмутилась Анастасия Саможенова. – Я не поддерживаю никаких связей с бывшим мужем, я не хочу покидать свою Родину, я люблю твоего отца.

- Звучит высокопарно и неискренне.

- Ромка, у тебя нет доказательств, одни предположения, - с трудом справившись с волнением, проговорил отец.

- А деньги, спрятанные в плюшевом медведе?! Это по-твоему не доказательства?

- Деньги – это одно, предательство Родины – это совсем другое. Ты сам подумай, разве Настя на ТАКОЕ способна?! И... И...

- Ты подумал о себе, пап?

- И как бы я к отнесся к этому... предательству? - с трудом выдавил из себя отец. - Я бы обо всем догадался... Я бы не позволил...

- Ты не успел бы ни догадаться, ни позволить-не позволить. Твоя участь была предрешена в тот день, когда ты забрал деньги с банковского счета.

- Я не понял...

- А чего здесь непонятного - тебя бы не было в живых. Возможно, и меня тоже. А Анастасия Олеговна и ее сыночек Славик отбыли бы по туристической путевке в социалистическую страну, потом оказались бы в капиталистической стране – перемахнули бы через великую берлинскую стену, разделяющую ГДР и ФРГ. – Сегодня слова вылетали из меня, как струя воды из шланга с отличной подачей.

- Как ты себе ЭТО представляешь? – скривилась Саможенова, как будто увидела перед собой человека с котомкой протухших яиц.

- Еще не хватало ломать голову над вашей проблемой!.. Злитесь? Конечно, злитесь. Так хорошо всё начиналось, а тут я – гениальный сыщик... Я гениальный сыщик, мне помощь не нужна, найду я даже прыщик на теле у слона...- задорно пропел я.

- Саша, твой сын болен, - обратилась к отцу Саможенова.

Славик сидел притихший и подозрительно-изучающе смотрел меня: тоже считал, что я не в себе. Раз его мать внесла свою лепку по «установлению психических отклонений», он решил не отставать:

- Я не крал ваши деньги! Я не знаю, как они оказались в мишке! Это все Ромка подстроил и теперь радуется!

- Не смей меня, - заулыбался я. – Это ВАША квартира, у меня нет ключей от ВАШЕЙ квартиры. И отмычкой я пользоваться не умею, - напомнил я. – Навыков нет, в следственном изоляторе не сидел, опыт не перенимал.

- А у меня есть ключи, зачем бы я вскрывал дверь отмычкой? А?

- Для отвода глаз! Или ты намекаешь на то, что вор вскрыл дверь отмычкой, проник в квартиру, пока твоя мать ходила в магазин, нашел деньги, но не стал брать их с собой, оставил в квартире? И не просто оставил, а распорол плюшевого медведя, нашел нитку с иглой, спрятал деньги в медведя, зашил распоротый шов, и ушел... О тебе, Славунчик, я был лучшего мнения, - «расстроено» заметил я. – А для тех, кто сомневается, отвечаю - я психически здоров. Могу взять справку у психиатра. Если нужно.

- Не паясничай, говори по существу! – приказал отец.

И я начал рассказывать об убийстве Трофима Ильича Нестерова. Саможенова нервничала, но вида не подавала.

... Я не сразу связал два кожаных портфеля. Признаюсь – вещь редкая, я весь город оббегал, пока нашел. Очень хотел угодить отцу. Он давно мечтал о таком министерском портфеле. Кто-то мечтает об учебе за границей, у кого-то мечты более приземленные... Уж не знаю, как Анастасия Олеговна вышла на Буточкина, возможно, они случайно встретились, тот проболтался, что держит в доме огнестрельное оружие. Идея избавиться от тебя, папа, чужими руками созрела быстро. Тогда и мечта исполнится... Но Буточкин обознался – принял Нестерова за тебя. Кто мог предположить, что я постоянно хожу той же дорогой к Рите и постоянно встречаю Нестерова. О том, что он Нестеров я узнал уже после его смерти – это для справки. Той же дорогой ходит к своей матери мой отец, обычно по понедельникам. Сегодня у нас среда. Когда убили Нестерова? В понедельник! В тот день я с ним заговорил – спросил который час. И это обстоятельство добавило убийце уверенности в том, что перед ним тот человек, который ему нужен.

- А ты-то тут причем? – спросил Славка.

- Я-то? Буточкин меня знал, я дружил с его сыном. Когда я заговорил с женщиной, он принял его за моего отца, которого хотел убить из своего трофейного пистолета.

- Я не знаю никакого Буточкина! – заявила Саможенова.

- Буточкин признался? – спросил отец, не обратив внимания на ее заявление.

- Он уже ни в чем не признается. Его отравили. Это вы его отравили, Анастасия Олеговна? Боялись, что он вас выдаст?

- Ты бредишь, мальчик. Тебе надо серьезно лечиться.

- Я уже понял – мне надо лечиться. А вам? Что надо вам? Вам надо жить припеваючи в капиталистической стране? Ваш бывший муж – предатель, и вы недалеко от него ушли. Он хотя бы не убийца.

Не знаю, что больше поразило моего отца – что его любимая женщина хотела его убить, и в итоге пострадал ни в чем неповинный человек, или то, что крупная сумма денег была обманным путем присвоена пасынком? Или, что более вероятно: его любимая женщина хотела предать свою Родину?!

- Я не верю, - пробормотал отец, глядя в пол. Он сидел на стуле. Кисти рук были зажаты между коленей.

После его слов Саможенова присела на корточки рядом с ним и стала уверять в своей невиновности. Отец молчал. Она убеждала.

Я нашел выход.

- Я сейчас звоню в милицию. Наверное, на квартире убитого Буточкина обнаружены следы пребывания... другого человека. Пусть проверят, не бывала ли в его квартире Саможенова Анастасия Олеговна. Если ее присутствие в квартире Буточкина не подтвердится, то я забираю свои слова обратно. И принесу глубочайшие извинения... Вы согласны с таким предложением, Анастасия Олеговна?

- С... согласна, - слегка заикаясь, произнесла она, - там ничего не может быть... Я там никогда не была...

Ее лицо «горело огнем», а я, несмотря на серьезность момента, шутя сравнил лицо Саможеновой с красным пионерским галстуком. Еще и мысленно процитировал: «Как повяжешь галстук, береги его – он ведь с красным знаменем цвета одного»...

В квартире погибшего Буточкина в мусорном ведре была найдена разорванная записка. Смысла было не разобрать, так, отдельные фразы, но установить личность писавшего вполне возможно благодаря графологической экспертизе.

Графологическая экспертиза установила, что записка написана рукой Саможеновой.

На расческе в ванной были обнаружены волосы. Эксперт установил, кому принадлежат эти волосы. Саможеновой. И самое главное – на бутылке водки, в который был крысиный яд, были отпечатки самого Буточкина и еще одного человека, один маленький фрагмент отпечатка большого пальца. Но и этот фрагмент позволил выяснить, в чьих еще руках побывала бутылка водки.

В руках отравителя, который добавил в водку крысиный яд, уничтожил отпечатки пальцев – не очень качественно – и поставил бутылку в холодильник. Хорошо знал психологию пьяницы, который долго воздерживался от возлияний до операции. После выполнения операции он обязательно расслабится...

Следствие тянулось полгода. Еще две недели длился суд над убийцей.

Отец отказался посещать судебные заседания. А я посещал регулярно лишь с одной целью – хотел спросить у убийцы: неужели она думала, что ей все сойдет с рук? Мне удалось задать ей этот вопрос в перерыве заседания. Саможенова с ненавистью взглянула на меня и процедила сквозь зубы:

- Будь ты проклят.

Мне стало не по себе. Но успокаивало одно – мой отец жив. И относительно здоров. Да, здоровье его было подорвано несмотря на то, что после всех событий мы на все лето уехали в тихий южный город. Я уговорил отца наконец-то взять отпуск. Он не отдыхал ни разу после увольнения из армии.

Мы сняли комнату и предались ничегонеделанию. О прошлом старались не вспоминать. Но однажды отец сам заговорил на «больную» тему.

- Хочу тебе признаться, что хотел оформить опеку над Вячеславом. Ему необходимо мужское воспитание. Предложил ему, но он отказался.

- И где же он теперь? В детском доме?

- Живет у матери своего отца, у своей бабки. Где-то в Сибири.

- Давай забудем обо всем.

- Давай... Но...

- Ты же обещал забыть, больше не говорить на эту тему.

- Я не о... теме, я о тебе хотел сказать. Всё думал, как у тебя... все так легко получилось?

- Ты о расследовании?

- О чем же еще. Ты еще мальчишка, а утер нос профессионалам.

- Сам не пойму, как это получилось. Само собой вышло...

- Само собой только бурьян растет. Тут все сложнее. И я огорчен.

- Вот те раз, - хмыкнул я, расставаясь с «нимбом на голове».

- Я сейчас объясню. Я твой отец...

- Приятно познакомиться, - раскланялся я. – Жаль, что мы встретились только через пятнадцать лет со дня моего рождения.

- Хохмач ты, Ромка! И как в тебе уживаются два человека: серьезный сообразительный человек с тонким логическим мышлением, погруженный в свои мысли, и первый заводила класса, весельчак и балагур. И получается, что спустя столько лет я впервые познакомился с тобой другим. Раньше я не догадывался, что есть другой Ромка - взрослый и разумный человек, который смотрит на многие вещи под прямым углом, поэтому приходит к разгадке тайны раньше других, идущих окольными путями.

- А может, всё гораздо проще – у сотрудников милиции в разработке масса уголовных дел, то ли дело я, любознательный подросток пятнадцати лет, у которого... гуляет ветер в голове... Я мог сосредоточиться на преступлении, погрузиться в него. Я ни на что другое не отвлекался. Иногда мне казалось, что во время подготовки к преступлению и во время совершения преступления я находился рядом с преступником, видел все своими глазами. И мое погружение в ту атмосферу дало положительный результат. Главным было отвлечься от своей, личной реальности...

- А экзамены? А любовь? – перебил меня батя, - неужели смог отбросить и забыть.

- Не хочу говорить высокопарных слов, но других слов не нахожу: я делал все ради тебя. Кроме тебя у меня никого нет. Конечно, еще есть бабушка, и я ее люблю... Но ты есть ты. Я очень боюсь тебя потерять...

На глазах мужественного мужчины, офицера запаса, появились слезы. Он с трудом справился с нахлынувшими чувствами и признался:

- Когда с моими близкими случается беда, я не об армии говорю, там все ясно и понятно – выполняй поставленную задачу, я не могу сразу собраться, мобилизовать свои мысли, нахожусь в прострации – куда бежать, что делать. Могу принять неправильное решение. Зная за собой эту особенность, стараюсь не торопиться, все

взвесить, обдумать. А время уходит. Можно и опоздать... Так вышло с твоей матерью. Постоянно себя казню, что не сделал чего-то важного. Не сотворил чуда.

- Не надо себя казнить, ты сделал все, что было в твоих силах и даже больше того.

- Больше никогда не женюсь, - твердо пообещал отец.

- Не зарекайся.

- Не зарекаются от тюрьмы и от сумы.

- Поживем – увидим... Вдруг один глубокомысленный отрок случайно заметит в толпе женщину и сразу поймет – это вторая половинка его отца! Ты пойдешь навстречу пожеланию глубокомысленного отрока?

- Хочешь, чтобы я женился на той, которую выберешь ты? – призадумался отец. - А почему бы и нет. Надо прислушиваться к словам отрока с нетривиальным мышлением. Но баш на баш!

- Слушаю! – подобрался я.

- Обещай окончить школу на золотую медаль. Мне обидно, что лень лезет из тебя из всех щелей. Ведь можешь же учиться лучше, шалопай ты эдакий!

Я хотел схохмить, предварительно оценив себя придирчивым взглядом: мол, не нахожу никаких щелей. Но отец был очень серьезен, я не стал лезть на рожон.

- Может быть, сговоримся на серебряной медали? Учиться лучше и в моих интересах тоже: если в аттестате за десятый класс количество четверок будет минимальным, то я буду сдавать всего два вступительных экзамена в институт, если четверок будет больше, то все четыре... Эх, лень матушка! – все же не сдержался я от кривляний.

- А если окончишь школу с золотой медалью, то всего один вступительный экзамен, - подсказал батя.

- И не получу никаких волнительных эмоций! Подумаешь, всего один экзамен. Нам, комсомольцам, нужны испытания!

- Ладно, согласен на серебряную медаль... Но смотри, Ромка, если...

- Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!» - привычно отрапортовал я...

История вторая. 1986 год Виртуоз-балалаечник

Двадцать восьмого января мне исполнилось двадцать пять лет. В паспорте гражданина СССР появилась вторая по счету фотография. Я долго сравнивал две фотографии – где мне шестнадцать и где мне двадцать пять. Признаюсь – нашел немало отличий, что не удивительно: мальчик стал мужчиной. Но мои знакомые утверждают, что я выгляжу очень молодо.

Когда в прошлом, в восемьдесят пятом году, на Пленуме ЦК КПСС Генеральным Секретарем ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбачев, в стране начались экономические и политические реформы, и одним из первых указов был указ «Об усилении борьбы с пьянством». Начались проблемы с покупкой алкогольной продукции. Я не отношусь к большим любителям, но иногда того требуют обстоятельства – дни рождения, праздники и другие не менее значимые даты. Поэтому приходится рыскать по всему городу, чтобы купить одну или две бутылки спиртного, больше в «одни руки» не дают. Существуют ограничения по возрасту. У меня постоянно требуют предъявить паспорт – не верят, что мне больше двадцати одного года. Именно поэтому я вспомнил об указе, который меня не волнует. Получается, что мои знакомые правы. Я не переживаю: вернуть молодость невозможно, а состариться, хочешь - не хочешь, а придется. Буду наслаждаться молодостью.

Наступило лето. Благодать. У меня скоро отпуск, поеду куда-нибудь, отдохну. Куда – пока не решил. Лучше действовать спонтанно: выбрал место, купил билет и двинул. В июне с покупкой билетов на поезд нет проблем. Исключение – билеты в плацкартные вагоны, причина – низкая цена.

Отложим на время разговоры об отпуске. Расскажу-ка я, что произошло за десять лет. Изложу лаконично, без подробностей.

Что же произошло за эти годы?

Я окончил школу с серебряной медалью и поступил... Ни за что не догадаетесь. Забудем об институте «Гражданской авиации». О юридическом факультете госуниверситета тоже забудем.

Я подал документы на экономический факультет и успешно сдал два необходимых для поступления в вуз экзамена – шел по эксперименту, так как средний балл моего аттестата выше четырех с половиной.

Пять лет учебы пролетели незаметно. Чем они запомнились? Особо ничем. Новых друзей, именно закадычных друзей, я не приобрел, приятелей было много. Были и остались, пусть не все. Со многими приятелями я поддерживаю отношения. И самым близким приятелем стал тот, кто увел у меня мою девушку. Не Риту Державину. В университете я влюбился второй раз в жизни.

После зачисления в вуз бывших абитуриентов отправили в колхоз: помогать колхозникам собирать семенной лук. Жили мы в бараке со множеством комнат. Надо признать – в жутких условиях. Кормили нас отвратительно. Но мы были молоды, настроены оптимистично, к тому же рядом был небольшой магазинчик – сельмаг, куда бы бегали за продуктами. В то время и в городских магазинах с продуктами были проблемы, что уж говорить о сельских. Но хлеб был, кабачковая икра была.

Вечерами устраивали танцы, слово «дискотека» вошло в нашу жизнь гораздо позднее. Новоявленные студенты веселились до упада, после танцев долго не могли утомиться. Преподаватель, который нами руководил, бродил вокруг барака и

требовал тишины и темноты – в окнах не должен гореть свет. Свет и не горел, приходилось запихиваться кабачковой икрой впотьмах.

Именно в колхозе завязалась дружба, создались пары.

Ее звали Инна. Инна Пархоменко.

В тот год, семьдесят восьмой, год поступления в вуз, на экономический факультет, что удивило всех преподавателей-старожилов, было зачислено достаточно много представителей мужского пола. В итоге получилось почти фифти-фифти: из пятидесяти человек двадцать два мальчика и двадцать восемь девочек. В прошлые годы на одного мальчика приходилось по статистике пять девочек.

Это я к тому, что фраза «на безрыбье и рак - рыба» не работала: у девчонок был выбор.

В первые дни сбора семенного лука я грустил – вспоминал Ритку Державину, с которой мы встречались вплоть до окончания школы. Ее родители решили перебраться в Харьков, где жила бабушка Риты. Дождались, когда дочь окончит школу и уехали. Я обиделся на Риту. Почему не осталась – могла поступить здесь, в нашем городе! Это раз. Почему веселилась перед отъездом – ни единой слезинки не проронила и не похоже, что ее сильно печалила предстоящая разлука. Это два.

Она веселилась, я грустил. Возможно, Риткино веселье было напускным, не знаю. Но мне так не показалось. Ритка была уже там, в новой жизни, со старой жизнью разрывала все связи. Написала мне всего одно коротенькое письмецо, сообщила, что поступила в ХАИ – Харьковский Авиационный институт. Ритка... В авиационный... С ума сойти.

Я не завидую. Каждый выбирает по себе... Думаю, Ритка выбрала этот вуз не случайно, всегда мне говорила, что хочет выйти замуж. Говорила и смотрела на меня с вызовом. Для жениться не пришло время. Так ей прямо и сказал. Она уехала. Обиделась, наверное.

Будучи студенткой ХАИ, выскочить замуж не проблема, там статистика иная, чем на экономическом, девчачьем.

Вскоре, уже после первого курса, так и вышло. Ритка выскочила замуж. И не за своего брата-студента, а за молодого доцента. Я не удивлен, Ритка девушка привлекательная и неглупая. Знает, чего ждет от жизни. Поставила перед собой цель и уверенно к ней пришла.

О ее свадьбе я узнал от своего друга Пионера, Артура Барабанщикова, который уехал учиться в столицу там и засел. У него на роду написано быть ученым. Рад за него - в двадцать три защитил кандидатскую.

Артур случайно столкнулся с Риткой в Москве. Она познакомила его с мужем, с доцентом, молодым да лысым. Спросила у Артура обо мне. Новость о моей холостяцкой жизни ее порадовала. Ритка всегда была ревнивой: если ни ей, то никому.

Я несколько не жалею, что не женился на Маргарите Державиной. Не верю, что первая любовь может растянуться на всю жизнь. Первая любовь обязана оставить на сердце шрам – как при инфаркте. Человек живет с этим «инфарктом» и всегда о нем помнит, бережет воспоминания, которые не перетекли в повседневную жизнь с ее бытовыми неурядицами и глупыми проблемами. Первая любовь – это как божество: помнишь, почитаешь, преклоняешься. Вспоминаешь и на душе становится светло и радостно, немного грустно. Грустишь не по любви, по тому беззаботному времени, которое совсем не казалось беззаботным – сложным казалось... Да, часто «делали из мухи слона», были наивными детьми, но считали себя оочень взрослыми, а родителей – полными кретинами – ничего они в нашей жизни не смыслят. Где им – глупцы!

Как в известном анекдоте: чем я становлюсь старше, тем становятся умнее мои родители...

В общем, с Ритой мы разобрались. Вернемся на минуту в лето семьдесят восьмого года, на сельхозработы.

Инна Пархоменко была ужасно конопатой, ужасно рыжей и ужасной хохотушкой. Ладненькая, складненькая, миленькая, с чувством юмора.

Звучит пошло – но ее зеленые глаза меня сразили. Не сразу, через три дня пребывания в колхозе, когда я устал думать о Ритке и начал присматриваться к моим сокурсницам.

В тот день Инна трудилась на соседней полоске. Успевала отсекал верхушки лука, бросать в мешок, отпускать искрометные шутки. На меня она показательно не обращала никакого внимания. На нее обращали внимание все – и девочки, и мальчики. Кроме меня, печального Пьеро. Вокруг только и сыпалось – Инна, Инночка, Иннуська.

Так я узнал, что рыжеволосую заводилу зовут Инна.

Вечером я отказал себе в привычном удовольствии поваляться на кровати с книжкой, вышел на улицу и присел на скамейку. Народ танцевал под Пугачеву – «Лето, ах лето, лето красное звонче пой, лето, ах лето, лето звездное будь со мной».

Лето, проведенное за сдачей выпускных экзаменов, а потом и вступительных экзаменов, незаметно подошло к логическому завершению – календарь отсчитывал последние денечки августа. Я вновь загрустил, собрался вернуться к книжке, но быстрая музыка сменилась медленной, ко мне подошла Инна и сообщила:

- Белый танец! Дамы приглашают кавалеров!

Сообщила громко – для всех дам. Дамы тотчас расхватили кавалеров.

Инна официально назвала себя – Инна Пархоменко, я себя – Роман Хруцкий. Оказывается, мы сдавали вступительные экзамены в одной с ней группе, но она меня запомнила, а я ее нет.

За последний год школы я сильно вытянулся, мой рост достиг сто восемьдесят пять сантиметров. Макушка Инны касалась моего подбородка. Чтобы я мог ее услышать в грохоте музыки, пришлось наклоняться. Губы Инны щекотали мне щеку, что меня очень веселило.

Рита Державина, как Снегурочка, растаяла и превратилась в облако. Нет, не забылась, отошла на второй план...

Мы встречались с Инной три года, планировали пожениться по окончании университета. Но после третьего курса Инна уехала на практику вместе с еще тремя нашими сокурсниками в город Тихвин Ленинградской области. Я остался проходить практику на кафедре. Из Тихвина Инна вернулась другим человеком. Не стала юлить, сразу призналась – разлюбила. Меня разлюбила, полюбила моего приятеля Викентия Яковлева. Все по-честному. Неожиданно, прямо скажем.

Через полгода Инна стала Яковлевой. К окончанию университета у нее был большой живот, через два месяца она родила двойню – мальчика и девочку. Мальчика назвали Ромой, в мою честь, девочку – Оксаной, в честь бабушки Инны, Героя Советского Союза, прославленной летчицы.

Я продолжаю общаться с Яковлевыми, больше с Кешкой, конечно. В присутствии Инны ощущаю неловкость, как будто не она меня бросила, а я ее, как будто я женился на ее подруге, а не она вышла замуж за моего приятеля Викентия.

Люблю ли я Инну до сих пор? Уже не люблю. Но любил, пусть и сдержанно, без итальянских страстей, что задевало эмоциональную Инну. Кто-то из нас двоих должен быть «тормозом». «Тормозом» был я.

За время нашего трехлетнего общения, Инна постоянно признавалась мне в любви, брала инициативу в свои руки, и постоянно требовала ответных признаний. Я отвечал:

- И я тебя люблю!

- Можно без «и»?! – возмущалась Инна Пархоменко.

Я безропотно повторял, уже без союза «и»:

- Я тебя люблю, Инна!

- Что за тон! Можно подумать, я у тебя выпрашиваю кусок хлеба!

- Опять не так! – всплескивал я руками.

Конечно, это не было ссорой, мы так развлекались. С Инной точно не соскучишься. Я любил сидеть в тишине и читать книгу, Инну постоянно тянуло на подвиги: то на ночную рыбалку, то кататься на санках с горы, то устраивать соревнования по плаванию на нашей реке, причем не всегда температура воды была подходящей для купания. Инне было все равно – она хочет!

Сменив фамилию, Инна разительно переменялась. Я ее не узнавал. Теперь ее не интересовали развлечения. Между развлечениями, иногда экстремальными, и мужем Викентием, она выбрала Викентия. Значит, со мной Инне чего-то недоставало, потому и тянуло на приключения.

Рад за них с Кешкой. Кешка хороший парень, надежный. Не скажу, что весельчак и балагур или первый парень на деревне: парень как парень, самый обычный, без каких-либо выдающихся способностей. Но чем-то Инну он зацепил.

О наших с Инной трех годах не жалею. Сомневаюсь, что любил настоящей любовью (еще бы знать в то время, с чем ее, настоящую любовь, «едят», какова она на вкус? Одно знаю точно – любовь к Инне с любовью к Рите не сравнить. Как-то всё шло самой собой, по плану. Не знаю, как бы сложилась наша дальнейшая жизнь и сложилась ли вообще. Думаю, если бы мы поженились, то быстро разбежались. И скорее всего, инициатором стал бы я, потому что от долгого общения с этой девушкой-фейерверком быстро уставал. Круглосуточное общение лишило бы меня физических и моральных сил.

Я благодарен Инне за «подставленное плечо». Она поняла мое тогдашнее состояние, подошла первой, пригласила на танец, не дала замкнуться в себе.

Я не считаю себя однолюбом, не ношусь с первой любовью, я жду и верю.

Скажите – под лежащий камень... Может быть... Но я не хочу торопить события. Я верю, что однажды появится человек, благодаря которому я увижу, что небо голубое, что солнце ярко светит, а трава лежит зеленым ковром у моих ног. Растянишь на траве, раскинь руки в стороны, прищурь глаза – защити их от солнца, следи за самолетом, оставляющим инверсионный след на голубом небе и мечтай... Мечтай о той, которая лежит с тобою рядом на траве, о той, чья рука покоится в твоей руке... Она рядом, а ты о ней мечтаешь, постоянно мечтаешь, все равно, рядом она или далеко. Она молчит, ты молчишь, нам приятно молчать вместе, нас не тяготит молчание... А сердце тук-тук-тук, тук-тук-тук. Почему-то барабанит то в горле, то в голове, но в животе, то в том месте, где ему положено делать тук-тук-тук, но гораздо тише, спокойнее.

Сердце – главный подсказчик. Оно сообразит раньше глаз, раньше серого вещества в твоей молодой головушке, забитой всякой ерундой, кроме самого основного: понимания – ты счастлив, потому что она рядом, она есть...

Всему свое время... Нас всех подстерегает случай, как писал поэт Блок в поэме «Возмездие». Взял эту фразу в качестве девиза, и иду с ней по жизни...

1986 год... Мне двадцать пять лет. Еще? Всего?.. Всего...

Этот год объявлен Организацией Объединенных Наций годом мира.

США ввели санкции против Ливии из-за причастности к международному терроризму...

Ничего в мире не меняется, ходим, как пони по замкнутому кругу...

Меняются лишь имена руководителей стран...

В январе в первый свой рейс отправился советский атомоход «Россия». В том же январе катастрофой закончился полет десятого шаттла Челленджер с семью астронавтами на борту.

В феврале состоялась премьера последнего фильма Тарковского «Жертвоприношение». И опять же в феврале был убит премьер-министра Швеции Улоф Пальме.

В марте авиакатастрофа «Ан-24» под Бугульмой. И первая космическая экспедиция на станцию «Мир».

Как утверждает мой отец: плохое и хорошее всегда ходят рядом. Это он имеет в виду, что за черной полосой всегда идет белая. Когда философствует, всегда смотрит на меня, как будто убеждает - все наладится.

Не знаю, зачем меня в чем-то убеждать - морально поддерживать, но ему со стороны виднее. Отец – мудрый человек.

А недавно этот мудрый человек «вдруг вспомнил», что женился в двадцать пять лет – намекнул, что и мне пора последовать его примеру. Он смотрел на меня с таким волнительным ожиданием, что пришлось найти подходящую отговорку – ты молодец, а я не готов! - и привычно перевел рельсы на политику, отвлек батю от ненужного разговора о моей личной жизни:

- Борис Николаевич Ельцин избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Отец тотчас отреагировал:

- Нас ждут большие перемены.

Никакого пафоса, радостных ожиданий в его словах я не заметил. Не мог тогда предположить, что отец окажется предсказателем.

Попыхтев и отдышавшись, батя принялся осуждать США за бомбовые удары ВВС и ВМС по столице Ливии Триполи и городу Бенгази, которые провели в ответ за теракт в Берлине, в результате которого погибли американские военнослужащие. В результате авианалета на Триполи и Бенгази погибла приемная дочь Муаммара Каддафи и еще сорок граждан Ливии, ранено двести двадцать шесть человек.

Наверное, зверства на нашей земле никогда не закончатся. Или закончатся после обмена ядерными ударами? После чего все живое на земле исчезнет... А потом по Дарвину: первый человек на земле произошел от обезьяны...

Самым страшным событием этого года стала авария на Чернобыльской АЭС.

Мой одноклассник после школы поступил на химфак университета. Окончил, получил распределение в «Ящик». Женился...

Его отправили в Чернобыль. Вернулся через две недели. Совершенно больной и с ужасом в глазах. В мае у него родился сын.

В начале июня мы его похоронили...

Не стану говорить, каким он был... Он был... Его больше нет...

Не хочу о грустном...

О приятном...

В мае в эфир вновь вышла программа КВН.

Предыдущие выпуски помню смутно – мал был, теперь с удовольствием смотрю новую-старую игру клуба веселых и находчивых. Все-таки, есть плюсы в перестройке. Мой отец так не считает. Я уважаю его мнение...

Июнь... Именно в июне всё и началось...

Однажды меня окликнула на улице молодая женщина. Весьма привлекательная. Она держала за руки двух пацанов.

- Привет, Рома! - возрадовалась мать двоих детей.

- Привет, - с глупой улыбкой на устах ответил я.

Еще бы знать, кто передо мной. Спросить я не решился – неудобно, будто бы не в маразме, с головой все в порядке, как и с памятью. Но эту симпатичную девушку-женщину я не припомню. Она меня ни с кем не перепутала – назвала по имени. Оставалось только завести разговор, авось по мере разговора разберусь, кто есть кто.

- Твой? – спросил я, кивнув на пацанов, которые вырвались на свободу и забегали вокруг нас как заведенные.

- Мои архаровцы, - ответила моя знакомая, беззастенчиво изучая меня. – А я тебя сразу узнала! Конечно, ты изменился. Был хорош, а сейчас вообще... Аполлон... Адонис, - проговорила она с паузой, нагло меня рассматривая. – Рома, ты женат? – напрямую спросила она.

- Не успел.

- А Рита как поживает? Кажется, ее семья переехала в Харьков?

Я сделал вывод, поражающий своей новизной: раз она знает о Маргарите Державиной, значит, мы вместе учились в школе. Уже легче, «круг подозреваемых» сужается.

- Да, Рита живет в Харькове. Она вышла замуж. У нее все хорошо.

Наверное, можно откланяться и уйти. Не тут-то было, незнакомка не собиралась отступать.

- Рома, чем ты занимаешься?

- Работаю в финансовом отделе на том самом заводе, что и мой отец. Маленький заводик давно превратился в огромное производственное объединение, - зачем-то добавил я.

- Как поживает твой папа? Здоров ли?

- Здоров... И бабушка здорова, - поспешно добавил я. Не нашел ничего лучше, как спросить, - а твои родители...как?

- Ты не знаешь? Хотя, откуда тебе знать, - пробормотала молодая женщина без имени. – Папа скончался в семьдесят восьмом, в год окончания школы. В ноябре. Обширный инфаркт. Кто бы мог подумать – такой здоровый с виду мужчина. Спортсмен...

Опа! Кажется, я начинаю понимать, кто передо мной. Но неужели это Дина Чайка, Шимпанзе с косичками? Никаких косичек нет и в помине, модная ассиметричная стрижка. И на ту страшенькую Динку эта симпатичная молодая женщина в желтом брючном костюмчике не похожа ни капельки. Ничего общего!

Надо выждать.

- А мама? – спросил я с живейшим интересом.

- Мама долго не горевала, выскочила замуж через полгода. Перебралась в Москву к новому мужу. Меня одну здесь не оставила, за собой потянула. Я перевелась из нашего педа в столичный пединститут. Вышла замуж за сына нового мужа моей матери, родила мальчишек.

- Они двойняшки?

- Погодки.

- А разница в возрасте почти незаметна. Хорошие ребята, подвижные, - усмехнулся я.

- Даже слишком подвижные... Федот, Мирон, вы можете постоять хотя бы минуту?! Мне перед человеком за вас неудобно.

Мирон и Федот на несколько секунд – пока длилось обращение матери - застыли, но быстро «отмерли», забегали вновь, перекрикивая друг друга.

- Редкие имена у твоих сыновей.

- Отец их так назвал.

- Судя по голосу, у вас с ним нелады?

- Зачем тебе чужое горе, - отмахнулась незнакомка.

Я пошел ва-банк, обратившись к ней по имени:

- Дина, я же вижу – ты хочешь высказаться, устала всё держать в себе...

- Ты меня узнал? – протянула Дина Чайка, выгнула губы коромыслом, выказав неудовольствие, что меня шокировало: не хотела быть узнанной, прошмыгнула бы мимо, я внимания бы не обратил. – Узнал, значит. Удивительно просто. Меня никто из бывших одноклассников не узнает.

- Не мудрено, ты стала совсем другой. Очень изменилась, невероятно похорошела. Прости, что-то я не то говорю.

- Уже не Шимпанзе с косичками, - с грустью протянула она, как будто преображение из Шимпанзе в красавицу не пошло ей на пользу. – Жизнь заставила измениться.

- Расскажешь? Здесь недалеко кафе-мороженое, думаю ребята будут не против полакомиться, а мы поболтаем.

Ребята были не против. Они увлеченно черпали подтаявшее мороженое из креманок, а мы с Диной устроились за соседним столиком и потягивали холодный лимонад.

- Сама не знаю, как решилась выйти замуж за Силантия Бурундукова. Мать мне все уши прожужжала: где ты еще найдешь такого завидного жениха! С отцом Силантия мать, по всей видимости, давно любовь крутила. В доме отдыха с ним познакомилась. Она предпочитала отдыхать одна, без семьи. Вот и наотдыхалась до измены моему отцу. Отец только с виду казался жестким, грубым, высокомерным. На самом деле, был очень хорошим, мягким и добрым человеком. Это я говорю не потому, что об ушедших людях «или хорошо, или никак», и не потому, я что я его дочь. Когда люди узнавали его поближе, убеждались, что первое впечатление обманчиво... И вот отца не стало, мать сразу засобиралась замуж. Я не хотела переезжать в столицу, но у меня не было иного выхода: в городе не осталось родственников, и подруг почти нет. Всего одна, Маруська, мы с ней с детского сада дружим. В школе вы меня презирали. И было за что.

- Кто старое помянет, тому... сама знаешь...

- Рома, мне не хотелось подличать, но я подличала, как бы доказывала – раз вы меня такой считаете, то я такой и буду, - скороговоркой проговорила Дина, как будто боялась, что я вмешаюсь в ее монолог. Я не вмешивался – сам предложил ей излить душу.

Дина поднялась с места, подошла к пацанам, вытерла им рты бумажными салфетками, после чего вернулась за наш столик и продолжила:

- Еще мне нравилось прикрываться отцом. Видела, как вы его боитесь...

- Его внешний вид нас впечатлял.

Дина грустно вздохнула – воспоминание об отце давались ей с трудом. Именно поэтому вернулась к теме замужества.

- Одним словом, пришлось мне ехать с матерью в Москву. И благодаря усиленной атаке матери пришлось выйти замуж за Силантия. Поначалу все было хорошо. А потом он поднял на меня руку. Я по привычке побежала к матери жаловаться. А она заявила: «Раз ударил, значит, сама виновата, заслужила». Вот и весь сказ. Хотела развестись с мужем, а он пригрозил: «Только попробуй мне карьеру испортить!»

- Выпивает? – уточнил я, сделав предположение – трезвый мужчина ударить слабую женщину не способен. Не каждый пьяный способен, но других предположений пока не появилось.

- В рот не берет спиртного. На работе мягкий и уважительный человек. Злость в себе держит, а домой возвращается и на мне свою злость вымещает.

- Кем он работает?

- Я его называю главным комсомольцем пединститута. Он все годы учебы в вузе был ярким комсомольским активистом. Его заметили, помогли получить красный диплом, оставили на комсомольской работе. Силантий умеет красиво говорить. И весь из себя такой правильный. С виду. Мне завидуют.

- Дина, ну нельзя же так! Чего ты ждешь? Чтобы он тебя прибил? С кем мальчишки останутся? С этим папашей-извергом? – разошелся я не на шутку. Меня всегда бесили безвольные и слабохарактерные личности, которые находили объяснения своей бесхребетности.

Дина не исключение из правил – тоже быстро нашла объяснение:

- Силантий очень любит детей. Голоса на них не повышает. Бережет их психику: меня дубасит, когда мальчишки заснут. И не дай бог я рот открою, завою от боли. Мечь будет страшна.

- Куда уж страшнее, - хмыкнул я. Мне самому хотелось треснуть Динку по голове чем-нибудь тяжелым – мозги вправить.

- Зря я с тобой, Рома, разоткровенничалась. Не надо было, - поникшим голосом пролепетала она. И вдруг на глаза приободрилась, как потенциальная невеста в мужском обществе, и вдохновенно произнесла, - Силантию Бурундукову надо спасибо сказать за мою новую красоту!

Не знаю, как смотрит баран на новые ворота – любимая поговорка моей бабушки, - но мне кажется, именно таким взглядом я одарил Дину после благодарных слов в адрес супруга.

- В каком смысле? – наконец, выдал я, не дождавшись продолжения.

Дина светилась счастьем, как в первую минуту нашей встречи. Потом и вовсе глупо хихикнула.

- Это нервное... Не думай, я вполне себе вменяемая. Хотя... лучше бы была невменяемой – легче жить с таким диагнозом.

Дина бросалась из крайности в крайность – губы вновь выгнулись коромыслом, глаза наполнились слезами. Чтобы мальчишки не заметили ее слез, она отвернулась от них. Но мальчишки что-то почувствовали, сползли со стульев и устремились в нашу сторону. Я их перехватил и предложил сделать очередной выбор вкусовости за стеклянной витриной. Взял пацанов за липкие ладошки и повел за вкусовостями, подалее от ревушей матери. На этот раз купил им по стакану лимонада и по пирожному «Корзиночка» - их выбор. Рассадил мальчишек по местам и вернулся к Дине Чайке, которая успокоилась и следила за нами.

- Однажды Силантий... меня... сильно... избил, - без перехода продолжила она тусклым безразличным голосом, словно сбивчиво пересказывала скучную историю из скучной книги. - Об стену... бил... лицом... Всё лицо разбил... Впервые такое... Раньше никогда... Боялся. Не хотел, чтобы на видном месте кровоподтеки были... Люди начнут ненужные вопросы задавать... В тот вечер Силантий вернулся с работы злющим-презлющим. Рвал и метал. Унизили его видите ли... Он обиду проглотил, а домой пришел и выплюнул. Когда в глазах просветлело, в голове туман прошел, он осознал, что сотворил. В ногах валялся, умолял его не сдавать.

- И ты не сдала.

- Силантий все сам придумал. Якобы я окно мыла... в двенадцать часов ночи и выпала из окна. Мы на первом этаже живем. А он как раз в это время возвращался с работы. Успел смягчить удар, подхватил в последний момент. Если бы не он, то я... не выжила бы...

- Выпала из окна и мордой об асфальт, - зло заметил я, - муж совершил героический поступок. Медальку на грудь не повесили? Нет?

- Рома... Пойми... Мне пришлось подтвердить его слова. Если бы не подтвердила, он бы сочинил еще что-нибудь... такое, что ему оставалось бы только подать на развод и забрать у меня детей. У него связи... А у меня никакой защиты...

- Прекрасно!

- Да, у меня прекрасная и дружная семья, Роман Александрович! – с вызовом заметила Дина.

Чтобы сгладить ситуацию, я признался:

- А я твое отчество и не помню.

- Ты его и не знал никогда. Венедиктовна я... Рома, не смотри на меня, как на зловредное насекомое, которое надо прихлопнуть.

- Дина Венедиктовна, вы не так меня поняли, мне нет никакого дела до вашей... прекрасной и дружной семьи, - передернул я своими крепкими плечами. - Делайте, что хотите, живите, как хотите... Или есть дело? - задумался я, причем совершенно искренне. – Все-таки, учились некоторое время в одном классе. Не дружили, даже напротив... Я должен как-то исправить свою... свое поведение...

- Никто тебя об этом не просит, - делая паузы между словами, проговорила бывшая одноклассница.

- Разве? Тогда к чему завела разговор?

- Ты сам попросил...

- Уже жалеешь, я понял, - договорил я за Дину, беззастенчиво изучая ее милое личико.

- Что?! – нахмурилась она.

- Так ты сделала пластическую операцию после... того...хм...недоразумения?

- Не было бы счастья, да несчастье помогло. Свекор расстарался, у него тоже везде связи.

- А на своего сына он может как-то повлиять? – дерзко спросил я.

- Он сам такой! Мою мать пальцем не трогает, любит, обожает, а свою первую жену колошматил почему зря. Когда мой отец скончался, и мать решила выйти замуж за своего любовника, то его супруга только рада была. Тут же дала согласие на развод, причем выглядело все так, как будто инициатива исходит от нее. Нельзя испортить репутацию партийному функционеру. Она пошла бы на всё, лишь ей дали вольную. Поэтому «призналась» в моральном разложении. Ну, как с такой морально разложившейся женщиной жить порядочному человеку?! Скажи!

- Форменное безобразие, - без намека на радостную поддержку, заявил я.

- Ромка, как хорошо, что я тебя встретила!

- Я тоже рад.

- Но у меня есть причина...

- В чем собака зарыта?

- Я никогда не забывала о твоих детективных способностях. Как здорово ты раскрутил дело о покушении на жизнь твоего отца. И вот теперь моей подруге, той самой Маруське, нужна твоя помощь.

- Дина, ну ты хватил! Нашла Ниро Вульфа!

- Ты не Ниро Вульф, сидящий на своем месте и боготворящий свою оранжерею, но котелок у тебя варит не хуже, чем у знаменитого детектива. И это не лесть из желания заполучить тебя в качестве раскрутки запутанной истории.

Приятные слова в мой адрес не заставили тут же дать положительный ответ. Во-первых, не было никакого желания раскручивать запутанную историю незнакомой мне девушки по имени Маруся, подружки моей бывшей одноклассницы, к которой я относился с полнейшим безразличием, даже презрение куда-то испарилось к окончанию школы. А, во-вторых, мой приятель и коллега в одном лице, Григорий Птенчиков, уговорил меня присоединиться к компании: не так давно он познакомился с девушкой, воспылил к ней неземной любовью – подобное с ним случается не реже раза в месяц, у его новой пассии есть подружка, одинокая и несчастная, но очень красивая. Девушка Гришки озабочена судьбой своей одинокой и несчастной подружки, поэтому задала ему вопрос, поражающий своей «новизной» - не ходит ли у него в друзьях молодой-неженатый? Гришка Птенчиков, гад эдакий, тотчас выдвинул мою кандидатуру. Долго меня уговаривал присоединиться к компании, пришлось согласиться – лишь бы отстал. Ближе к вечеру мы договорились встретиться у памятника Ленину, что у парка Революции, чтобы прогуляться по парку, сходить в кино. А там будет видно.

Никакого желания идти к памятнику Ленину у меня не было. Дело не в вожде, естественно, а в одинокой и несчастной, которая будет заглядывать мне в глаза и нести всякую чушь типа «вам нравится лето?» или «расскажите о своей работе»... И все в таком духе. Она захочет показать свой незаурядный ум – мужчины любят говорить о работе вне стен работы, на работе мужчины обсуждают женщин – факт известный. Одно не учла умница – рабочие моменты мужчины обсуждают между собой. Никак не с малознакомой девушкой.

После прогулки по парку мы отправимся в кинотеатр. Новая знакомая перестанет, наконец, трещать без умолку, но начнет пихаться своим локтем – прижиматься и напоминать о себе, это в лучшем случае, а в худшем – хватать меня за руку, как будто ее до глубины души тронул сюжет фильма. Проходили – знаем.

Но согласившись, я предупредил:

- Если не появится какое-то важное дело!

Григорий Птенчиков отмахнулся:

- Какие могут быть дела в воскресенье, в законный выходной, у молодого-неженатого.

Кажется, у меня появилось важное дело.

Я мысленно взвесил: что лучше – идти на свидание или отправиться вместе с Диной к ее подруге. Выбрал Дину с подругой. По крайней мере, их не нужно выгуливать по парку и вести на сеанс в кинотеатр...

Дина внимательно следила за изменениями на моем лице, не сдержалась и спросила:

- Рома, если ты занят, если у тебя назначена встреча, то назови место и время, когда ты сможешь уделить нам минутку.

- Время терпит?

- Как сказать, - неопределенно, но доходчиво ответила Чайка. Чего-то напугалась и торопливо произнесла, - никто тебя не заставляет копаться в чужих проблемах, но ты можешь хотя бы выслушать, дать дельный совет.

- В принципе, что меня останавливает, - монотонным голосом проговорил я, - сегодня выходной, я совершенно свободен.

- Вот и ладненько...

Для начала я остановился возле будки телефона-автомата и позвонил Григорию.
 - Гриша, я не смогу сегодня. У меня образовалось важное дело. Оно касается моей дальней родственницы... Я не сочиняю... Слышишь детские голоса? Это ее дети... Не обижаешься? Сам не хочешь идти на свидание? Так не иди!

Григорий сказал, что пока пребывает в раздумьях, я предоставил ему право сделать самостоятельный выбор, и распрощался.

Для начала мы с Диной и ее сорванцами направились на пригородный железнодорожный вокзал. Потому что ее подруга перебралась на дачу. Дача принадлежит ее мужу. В городе у них есть квартира. Квартира перешла подруге по наследству от тетки, которая ее воспитывала с младых лет.

В вагоне электрички я пытался выудить из Дины хотя бы какую-то информацию, но она предпочла промолчать, лишь бросила:

- Маруся сама тебе всё расскажет.

После чего перешла к воспоминаниям, благо дети позволили ей это – они задремали, пристроив головы на коленях у матери. Я сидел напротив семейки и наслаждался идиллией. Дина с любовью поглядывала на мальчишек, гладила их по вихрастым волосам. Я слегка позавидовал и снова подумал о ее изверге-муже, комсомольском активисте, который портит всю семейную идиллию. Почему так бывает? Если не любит, презирает, зачем женился?

- Рома, ты меня слушаешь? – вернул меня в реальность голос Чайки.

- Слушаю.

- Мне показалось, ты витаешь где-то в облаках, - без обиды произнесла она. Не только без обиды, а озабоченно, как будто со мной творится что-то неладное. – Так вот... Маруся родилась в деревне, в большой крестьянской семье. Как-то к ним в гости нагрянула сестра матери, одинокая женщина в летах. Маруся ей понравилась. Смышленная, бойкая, и уже в три года помогала матери по хозяйству. Тетка уговорила сестру отдать ей Марусю. Недолго думая, сестра согласилась – одним ртом меньше. Маруся тоже была не против. Тетка забрала девочку к себе, получив от родителей официальное согласие. Оформила над ней опеку, устроила в детский сад, где мы с ней и подружались. В то время я была несмышленным ребенком, а Маруся, моя ровесница, маленькой старушкой: всё подмечала, твердо знала, чего хочет, ловко управлялась с другими детсадовцами – помогала воспитателям, подслушивала разговоры взрослых и бурно обсуждала со мной. Я в чужих разговорах мало смыслила, но подругу внимательно слушала. Когда детсадовское время прошло, мы пошли в разные школы, потому что жили через дорогу друг от друга. Раз через дорогу, то я должна ходить в сорок пятую школу, а Маруся – в двадцать восьмую. Все строго. Свободное время мы проводили вместе. Но чем старше становились, тем больше Маруся от меня отдалялась, со мной, малолеткой, ей было не интересно. Но она меня опекала, даже предлагала свою защиту от одноклассников.

Дина смутилась. Вновь занялась спящими детьми. Я терпеливо ждал продолжения.

- Ну, а потом папа скончался, мы с мамой переехали в столицу. С Марусей иногда перезванивались, чаще переписывались. Поэтому я была в курсе всех перипетий ее жизни. В школе она училась слабо, по окончании пошла в кулинарное училище. Утверждает, что работа повара ей нравится – отбоя от мужчин нет, и опять же не голодная. Шутница она. Сначала Маруся работала в школьной столовой, потом - в заводской столовой, сейчас - в местном санатории «Надежда». Внешность у Маруси самая обыкновенная, а мужики к ней липнут. Чем-то она их берет. Из школы пришлось уйти – скандал случился с директором школы, человеком женатым, далеко не мальчиком. Его супруга в той же школе преподавала биологию. Она

прознала о романе стареющего ловеласа с молодой поварихой и пригрозила: «Если неверный муж не прекратит крутить романы на стороне, то она будет жаловаться в райком партии. Пусть разбирают персональное дело коммуниста». Ловелас дал жене клятву разорвать отношения с Марусей. А Марусе предложил написать заявление по собственному желанию... Потом была заводская столовая.

- И тоже случился роман с директором? Теперь с директором завода?

- Не с директором, но тоже не с последним на заводе человеком. И Маруське тоже пришлось уволиться по собственному желанию. Устроилась она поваром в санаторий «Надежда». Тетка к тому времени год как померла. Маруся осталась одна в квартире. Квартира небольшая, две маленьких комнатки, но своя. Буквально через неделю на новом месте Маруся познакомилась с Яковом Вадимовичем Рыбкиным, мужчиной солидным, женатым и бездетным. Маруське показалось, что он занимает высокий пост - так он себя ставил, уже после узнала, что он всего лишь инженер по технике безопасности на заводе «Электроаппарат». Не знаю, сколько на том заводе платят инженерам по технике безопасности, но Яков Вадимович не бедствует, причем очень даже не бедствует. Маруське захотелось безбедной жизни, кто ее за это осудит.

- И твоя Маруська решила женить на себе Рыбкина, умыкнуть у законной супруги, - догадался я.

Дина поиграла бровями, раздумывая, как ответить – резким выпадом или оправданием подруги, после чего заговорила отстраненным голосом:

- Яков Вадимович пробыл в санатории положенные двадцать четыре дня, во время которых не так подправлял здоровье, как надрывал его. Виной была Маруся с ее бешеным темпераментом. После окончания санаторного лечения они продолжали встречаться. Вскоре Маруся сообщила любовнику, что ждет от него ребенка.

- А на самом деле?

- На самом деле никого она не ждала. Но будучи девушкой сообразительной, поняла, на какую наживку можно поймать бездетного мужчину, мечтающего о наследниках. Яков Вадимович безумно обрадовался новости, быстро развелся с женой и женился на «беременной» Марусе, которая «потеряла» ребенка через некоторое время. Оба – и несостоявшаяся мать и стареющий несостоявшийся отец – долго проливали слезы, а доктор, бывший Маруськин ухажер, успокоил – еще есть шанс. После свадьбы Яков перебрался к новой жене, квартиру он оставил своей бывшей, иначе та не согласилась бы на развод. Но бывшая не догадывалась, что недалеко от города Яков Вадимович получил садовый участок и развернул строительство дома. Не так, чтобы с размахом – а то у ОБХСС возникнет суровый интерес, но и не лачугу-завалюшку, которую возводил с помощью наемных рабочих. К моменту нового бракосочетания строительство дома было завершено, выполнены все внутренние работы, даже мебель закуплена и расставлена. Маруська пришла на все готовое. Сказано – крестьянские корни, обожает возиться в земле, обожает свою дачу, большую часть времени там проводит, и до санатория ей от дачи ближе, чем от своей городской квартиры.

- Не бросила работу после свадьбы?

- Ее все устраивает.

- Опять же мужчины кругом, - хмыкнул я, - и не все мужчины страдают от тяжелых недугов.

- Не знаю, врать не буду. Но мне кажется, Маруся к мужу сердцем прикипела. И как не прикипеть – положительный во всех отношениях мужик, ее боготворит, пылинки сдувает. Старается где-то подзаработать. – Дина говорила как-то неуверенно, а я это подметил, но уточнять не стал. Спросил о другом.

- Где же Яков Вадимович подрабатывает? Неужели вагоны по ночам разгружает?
 - Возраст не тот, - брякнула Дина. - У Якова Вадимовича есть капитальный гараж. Гараж, как и автомобиль ему отошли после развода. В гараже он занимается ремонтом автомобилей, ремонтирует автомобили своих же соседей по гаражному кооперативу, получается неплохой приработок к основной зарплате. На заводе он тоже неплохо получает – зарплата плюс квартальная премия. Маруся довольна, на мужа не нарадуется. Вот тебе и брак по расчету.

Объявили нужную нам станцию. Дина растормошила ребят, мы потянулись к тамбуру. Старший, четырехгодовалый Мирон, спокойно шел рядом с матерью, крепко уцепившись за ее руку, а младший, трехгодовалый Федот, спал на ходу и еле шевелил ногами. Я подхватил его на руки. Мальчик не протестовал, сразу положил голову мне на плечо и засопел.

- Спасибо, - поблагодарила меня его мать. Я в ответ кивнул.

Маленькое сопящее существо заставило мое сердце сжаться. Когда же у меня появятся дети? И появится ли вообще? Я хочу иметь детей от любимой женщины. Таковой на моем горизонте нет и вряд ли будет. Наверное, любовь не для меня...

Мы преодолели ступени и пошли по узкой проселочной дороге. С одной стороны была крутая железнодорожная насыпь, с другой дикий колючий кустарник.

- Мы с ребятами живем на городской квартире Маруси. Мне так удобнее. Да и ей спокойнее. С моими архаровцами не соскучишься. А Марусе сейчас не до развлечений...

Я сразу заметил через заборчик из штaketника молодую женщину, которая, согнувшись в три погибели, пропалывала грядки с морковью. На женщине были старенькие синие спортивные штаны с тонкими белыми лампасами и старенькая футболка с изображением олимпийского мишки. Один глаз медведя вытерся, медведь стал «инвалидом» по зрению. В этом я убедился, когда обладательница футболки с медведем услышала шаркающие шаги, разогнула спину и осмотрелась.

- Динка! Какая ты молодец, что приехала! – воскликнула Маруся. Отбросила в сторону сорванные сорняки и направилась в нашу сторону. Калитки мы достигли одновременно.

Подруги обнялись и расцеловались. Я стоял в стороне и рассматривал ту, которая, преследуя свои корыстные цели, увела законного мужа от законной супруги, а потом прониклась к нему любовью, забыв о корысти. Интересно, что произошло? И где в данный момент инженер по технике безопасности, он же – автослесарь-самоучка? Неужели всё дело в нем?

Маруся Рыбкина была женщиной видной издали – что масса тела, что габаритные размеры были выдающимися. И голос, как иерихонская труба: о нашем появлении узнали не только ближайшие соседи, но и соседи с других улиц. Маруся подхватила на руки Мирона и принялась его тискать, исподтишка поглядывая в мою сторону. Я отвел взгляд, потому что знал, что за этим последует. Она начнет подавать знаки подруги – радоваться ее счастью. Преждевременно, естественно. Маруся из тех людей, которые быстро делают собственные выводы и никак не соглашаются с опровержениями. Собственный вывод им очень нравится, и не нужно портить настроение лишними спорами.

Не знаю, делала ли Рыбкина знаки своей подруге Дине, но та внятно произнесла:
 - Маруся, познакомься, это Роман. Мы вместе учились в школе. В одном классе, - добавила Чайка.

Просто учились, существовали в параллельных мирах - так можно понять с ее слов. Думаю, Маруся была в курсе сложных отношений ее подруги с одноклассниками. Мне очень не хотелось, чтобы она начала с осуждения и заверения, как мы

ошибались в Дине! На самом деле Дина замечательный отзывчивый человек и так далее, все в этом роде.

Чтобы пресечь возвращение в прошлое, я впился взглядом в лицо хозяйки дачи. Она не ступевалась, смотрела на меня открытым взглядом.

- Мы с вами раньше не встречались? – неожиданно спросил я.

- Встречались. Одно время я работала на раздаче в вашей заводской столовой. Я помню, вы всегда брали жареную рыбу с картофельным пюре и овощной салат.

- Да? Наверное... Я не про рыбу, про вас. А я вас помню смутно. Тем более, без поварского колпака вы совсем другая.

- Всем кажется, что повара на одно лицо. Щекастые, мордастые, громкоголосые, влажные.

- Но вас я почему-то запомнил.

- Потому что я привлекательная! – расхохоталась Маруся и разбудила Федота, который мирно спал у меня на руках. Мальчик закапризничал и запросился к матери. Мне не хотелось его отдавать, но пришлось.

Маруся пригласила нас в дом. Но я не пошел в дом, пристроился в беседке на стуле и вытянул ноги.

Хозяйка тотчас вернулась и сообщила:

- Сейчас будем обедать!

- Хорошо бы, - не подумав, ляпнул я, а Маруся закатилась удалым смехом и вновь скрылась в доме.

Я видел через окно, как она, сменив в недрах дома свою рабочую одежду на милых сарафанчик, вернулась на веранду и теперь хлопочет по хозяйству. Как на веранду зашла Дина, уложив детей досыпать. Молодые женщины о чем-то переговаривались, в мою сторону не смотрели. Дина о чем-то спросила подругу, и улыбка исчезла с ее губ. Маруся упала на стул, подперла ладонями щеки и задумалась. А Дина что-то вещала, сидя рядом с ней, и гладила ее по спине – успокаивала.

Я пытался вспомнить, где раньше встречал Марусю Рыбкину. Точно не в заводской столовой на раздаче. Где-то в другом месте. И выглядела она совсем иначе. Была тоньше, тише. Почему-то видение связывалось со стуком колес поезда. Вероятно, навеяло после электрички.

Я загорелся желанием вспомнить, где пересеклись наши с Марусей пути, но как ни старался, у меня ничего не выходило...

А потом мы с удовольствием ели крошку на домашнем квасе, после крошки - жареную картошку с грибами на большой чугунной сковороде, завершили обед блинами с домашней сметаной и свежесваренным вареньем из клубники. Алюминиевый таз с вареньем все еще стоял на столе на веранде. Я сразу его приметил.

Покончив с едой, Дина в приказном порядке предложила:

- Маруся, ты обязана рассказать все Роману! Он обязательно тебе поможет, я в этом уверена. Он – твоя последняя надежда.

- Да, с милиции взятки гладки. Уже неделя прошла и никаких известий. Ни хороших, ни плохих. Быть в неведении ужасно...

- Давайте по порядку, - пресек я преждевременные разглагольствования.

- Роман, вы на меня так смотрите, как будто хотите откусить мне голову, - проворчала хозяйка. – Вы МЕНЯ подозреваете?

Я едва не проговорился, озвучив мысли вслух: пытаюсь вспомнить, виделись ли ранее. Если виделись, то где. Нет, сначала - где, потом в памяти возникнет женское лицо, - мысленно поправил я себя.

- Чтобы подозревать, для начала надо узнать суть дела, - деловито произнес я, прервав молчание, во время которого подруги украдкой переглядывались. Взгляд Маруси спрашивал, что за странного субъекта она к ней привела, а Дина призывала к сдерживанию эмоций.

- А Дина вам ничего не рассказала? – вода взглядом от меня к подруге, задала вопрос Мария.

- Дина предложила узнать из первых уст... Как я понимаю, начала всех событий она не захватила, могла что-то и напутать, - монотонно произнес я. Вероятно, сморозил глупость, но надо было что-то сказать, я и сказал. Мое внимание было приковано к родимому пятну чуть выше локтя на левой руке Маруси.

Родимое пятно продолговатой формы, довольно большое, сантиметра четыре в длину и два в ширину, должно послужить мне подсказкой – где я видел эту женщину раньше? В ту пору, когда она была тростинкой. И ростом пониже. Так мне кажется.

Маруся заметила мой пристальный взгляд, прикрыла пятно ладонью и приступила к рассказу.

- Все началось десять дней назад. Мой муж Яков Вадимович Рыбкин сообщил мне, что хочет продать свой автомобиль «ВАЗ 2102», устаревшую модель, и купить автомобиль «ВАЗ 2104», эту марку жигулей начали выпускать всего лишь два года назад. Так он мне сказал, я в этом деле ничего не смыслю, а мне и не нужно – я всего лишь пассажир. Везут и ладно. Мужу нравятся автомобили-универсалы, удобно в быту, много чего помещается. Один мужик из гаражного кооператива подошел к Якову и сказал, что его родственник или знакомый, не суть важно, хочет купить «двойку». Яков загорелся продажей, занялся предпродажной подготовкой автомобиля, чтобы денег с продажи больше выручить, и меньше добавлять на покупку нового автомобиля. Целыми днями в гараже пропадал.

- А вы давно поженились? – спросил я, озадачив Марусю. Ей показалось, что вопрос не по существу дела. Но ответила:

- Перед самым Новым годом.

И принялась загибать пальцы – считать месяцы, проведенные в замужестве. После чего сообщила:

- Почти полгода.

- Что было дальше?

- В тот день Яков предупредил, что должна состояться сделка. Официально не собирался оформлять бумаги, а просто написать на нового владельца доверенность на управление автомобилем и получить причитающую ему сумму... Яша уехал и... пропал, - развела руками Маруся, едва сдерживая слезы. – Что делать? Надо идти в милицию. Я и пошла в милицию. Написала заявление. А потом... - Маруся замолчала и закрыла лицо ладонями.

Я вопросительно посмотрел на Дину Чайку. День клонился к закату, ночевать в чужом доме я не собирался. Всё понимаю, эмоции, переживания, а у меня дома отец, тоже переживает, куда пропал его блудный сын. Приятелю я позвонил, предупредил, а отцу позвонил не сподобился: думал, вернусь засветло, он еще будет у своей матери, у моей бабушки. О свидании я не рассказывал – пока не решился пойти на свидание с несчастной и одинокой, но красивой, если бы решился, то оставил бы ему записку, так у нас в семье принято – надо предупредить, успокоить. У отца сердце слабое, излишних волнений надо избегать...

- А потом, - продолжила за подругу сообразительная Дина, - сгоревший автомобиль Якова был обнаружен под мостом, недалеко от поселка Знаменки. Местные мальчишки нашли автомобиль. Один сгоревший остов от него остался. Но было понятно, что на момент пожара в салоне никого не было.

- Автомобиль позже нашли, - гнусавым голосом сообщила Маруся. – Сначала следователь, который ведет дело об исчезновении моего Якова, сообщил, что в милицию пришел с заявлением молодой парень. Он сказал, что на дороге его «подрезал» «ВАЗ 2102», указал госномер. На светофоре он поравнялся с машиной-нарушителем и принялся выговаривать. Дальше вообще интересно: якобы из машины Яши, с пассажирского места, выскочил верзила, подбежал к нему и заехал кулаком в глаз. И не просто заехал, а пригрозил застрелить, если тот произнесет еще хотя бы слово.

- И пистолетик предъявил?

- Говорит, оружия не видел, но словам верзилы сразу поверил, после чего так газанул, что только его и видели. Родные посоветовали ему обратиться в милицию. В качестве доказательства парень предъявил внушительный кровоподтек и глаз-щелочку.

- Получается, что Яков Рыбкин «подрезал» машину парня. В машине Якова находился некий верзила, скорый на расправу.

- Очень нервный человек, - высказалась Дина Чайка. – У нас по соседству живет один такой. Чуть что в драку лезет. Он служил в Афганистане, был контужен, нервы совсем ни к черту. Еще и выпивает. Родители с ним измучились.

- Мария, у вашего мужа есть знакомые, которые подходят под описание пострадавшего парня? - поинтересовался я.

- Яшиных знакомых я почти не знаю. Только одного – Валю Гулящика.

- Многоговорящая фамилия, - хмыкнула Дина.

- Ой, что ты, Валентин обожает свою жену, они с ней два десятка лет вместе живут, никогда не ссорятся.

- Разве такое бывает? – задумалась Чайка, давно разуверившаяся в существовании счастливых браков.

- Своими глазами видела, как они милуются.

- Мало ли что они на людях делают.

- Динка, если не знаешь, то не говори!

- Больно нужен мне твой Валентин вместе со своей женой, - без явной причины разозлилась Дина.

Я не подумал, что причина ее злости в зависти, скорее, в недоверии и возмущении – как некоторые люди могут прикидываться, обманывать других людей. В школьные годы Дина Чайка не умела прикидываться: в глазах всегда читались интерес или ненависть. Крайности. Ненавистью глаза пылали чаще, особенно когда рядом со мной находилась Рита Державина. На меня Дина поглядывала с тайным интересом, который лично для меня был явным. Она ревновала меня к Рите, это факт. Время прошло, Дина поднаторела в актерской игре, но нет-нет, да проскользнет ненависть. Ненависть к одному человеку – законному супругу, Силантию Бурундукову. Уверен, что в разговоре с посторонними она умела прятала ненависть, позволила себе расслабиться лишь в моем присутствии.

Когда мать смотрела на своих детей, в глазах расстилалась бескрайняя любовь. Остальных персонажей, меня и подругу Марию, она одаривала сдержанным вниманием...

- Причем здесь Валентин! – воскликнула Маруся, - речь вообще не о нем!

- Правильно, не о нем! Так зачем восхищаться его семейной жизнью?! Я не верю...

- Девочки, не ссорьтесь! – вмешался я. – А вы, Мария, постарайтесь вспомнить кого-нибудь из знакомых Якова Вадимовича, подходящих под описание.

- Лучше у его первой жены спросить. Они с ней прожили более двадцати лет, она знает больше моего.

- А сколько лет вашему Якову? – с ноткой удивления спросил я. Догадывался, что разница в возрасте существенная, но не настолько.

- Ему сорок с хвостиком.

- А как его бывшая жена пережила развод?

- Я не интересовалась. Меньше знаешь, лучше спишь.

- Ну, как же Маруся, - встряла Дина, - ты же сама мне писала, что его бывшая жена заявила к тебе и «устроила концерт по заявкам». Соседи хотели милицию вызвать, но Яков уговорил их этого не делать. Она тебе еще каблуком дыру во лбу сделала. Сняла туфлю и рубанула каблуком по лбу Маруси, - объяснила мне Чайка. – Посмотри, Рома, у нее даже шрам небольшой остался. Покажи, Маруся.

- Успокойся! – осадила ее Мария, смущенно поглядывая на меня. – Ерунда все это. Если вы думаете, что в исчезновении Якова виновата его бывшая супруга, то ошибаетесь. Не могла она... Не справилась бы... Яша, конечно, мужчина не выдающейся комплекции, поменьше меня будет, но все-таки мужчина. А его бывшая супруга на девочку-подростка похожа – такая же миниатюрная. Потому и ребенка не могла родить – кожа и кости. О ребенке мечтала, а поправиться боялась, постоянно сидела на диете, всё фигуру блюла. Сама ни черта не ела, и мужа не кормила. А если мужа не кормить, он начинает по сторонам оглядываться – ищет того, кто его накормит.

- Глуposti говоришь, Маруся, - насупилась Дина. – Можно подумать, женщин любят только за кулинарные способности. Еще повтори избитое выражение – путь к сердцу мужчины лежит через его желудок.

- И повторю! И совсем оно не избитое, сама проверила опытным путем!

Я задумался: как эти две противоположности дружат столько лет? Что их связывало раньше и связывает сейчас? Раньше - одиночество, пренебрежительное отношение других людей? А сейчас? Или они общаются по инерции?

В моей голове продолжали стучать колеса поезда – тук-тук, тук-тук.

Мне кажется, мы с Марией вместе ехали в одном купе в вагоне поезда. Наверное, так все и было. Я был сильно навеселе. Пил с горя – меня разлюбила Инна Пахоменко. Полюбила Викентия Яковлева. Викентий лучше меня. Не помню, из какого населенного пункта я ехал, помню куда – домой. В купе нас было двое – я и девушка лет двадцати, моя ровесница, с родимым пятном на левой руке, чуть выше локтя. Неужели за пять лет Маруся так сильно изменилась – набрала столько лишних килограммов? С ее ростом я не могу определиться, вообще не помню, чтобы она поднималась при мне со своего места. Мы долго разговаривали, в нашем вагоне было очень тихо, а мы шумели – кажется, у меня с собой была бутылка вина, я щедро подливал девушке. Проводница приходила нас утихомиривать, мы затихали, потом снова начинали спорить громко и страстно.

А потом она мне отдалась. Сначала переползла на мою нижнюю полку, прильнула, я загорелся желанием. Не помню, как уснул. Разбудила меня проводница. Поезд пришел на конечную станцию, в мой родной город. Моя попутчица покинула вагон в числе первых. Ушла по-английски, не прощаясь. Наверное, устыдилась своего поведения.

Не помню, как ее звали. И называла ли она свое имя, не помню. Но после нашего купейного общения, я стал проще смотреть на расставание с Инной Пархоменко. Отпустило.

Лицо попутчицы помню смутно, а вот родимое пятно - очень хорошо. Оно врезалось в мою память, как врезается в память первый сексуальный опыт. Это и были «пробы пера». Но я забыл об эмоциях – бы по-свински пьян. А может быть, у нас вообще ничего не было, потому что был пьян? Или мне всё приснилось?

Тогда почему пожилая проводница смотрела на меня с осуждением и называла мою попутчицу шалавой? Рассуждала на тему взрослых дочерей и родителей, позабывших о своих родительских обязанностях: накормить и одеть – это далеко не все. А дети остаются детьми до тех пор, пока живы их родители.

После ее рассуждений, я, совершенно трезвый, но помятый, пришел к выводу, что я полуробенек – у меня есть отец и нет матери...

Я понимал, что задать Марии вопрос, который повис у меня на языке, нетактично и неуместно.

Возможно, Маруся меня совсем не помнит. Тоже была в подпитии.

Пока я возвращался в прошлое, в настоящем две подруги продолжали спорить. Я их осадил и констатировал:

- Мне пора. Маруся, я оставляю вам номер моего домашнего телефона. Утром до половины восьмого и вечером после семи я дома, можете звонить, если что-то вспомните.

- Уже уходите? – напряженным голосом спросила хозяйка. Я не понял: не хотела, чтобы я уходил, или не хотела остаться наедине с подругой? Странно, если не сказать – подозрительно.

- Рома, я тебя провожу до станции, - подхватила Дина и миролюбиво, будто бы и не было недоразумений, обратилась к подруге, - Маруся, посмотри за пацанами, я скоро вернусь.

- Могла бы и не напоминать, сама знаю, - проворчала хозяйка и потянулась за нами. Проводила до калитки, попрощалась со мной и вернулась в дом...

Когда мы отошли на значительное расстояние, Дина Чайка оглянулась, после чего еле слышно произнесла:

- Рома, Маруся мне конечно подруга, но я обязана тебе сказать. Маруся очень любвеобильная. Не думаю, что с замужеством она сильно изменилась. Это я к тому, что... она могла найти себе кого-то... Более подходящего на роль мужа, чем немолодой и не такой богатый, как поначалу казалось, Яков Вадимович.

- В нашей стране нет бедных и богатых, - рубанул я: стукачество Дины мне не импонировало. Ошибочно предполагал, что она изменила своим школьным привычкам.

- Конечно-конечно, - поспешно согласилась она. – Ты не думай, я не хочу оговорить Марусю. Но мне не верится, что она незнакома с тем верзилой, который сидел в машине Рыбкина. Допустим, Рыбкин кого-то подвозил – решил подзаработать частным извозом. В этом случае, пассажир не стал бы вмешиваться. Ему нет никакого дела до водителя, которого он видит первый и последний раз в жизни. А он вмешался, набил парню глаз после того, как парень решил заняться перевоспитанием водителя-лихача. Верзила еще и убийством пригрозил.

- А Рыбкин мог лихачить? Как думаешь?

- Мог. Твердо в этом уверена. Однажды они с Марусей встречали меня в аэропорту. Яков любил «пыль в глаза пустить», выставить себя тем, кем не являлся. Взять к примеру их знакомство в санатории. Так сумел Маруське «баки забить», что та решила – генерал, не меньше. Уже потом до нее дошло, что генералы предпочитают отдыхать и лечиться в санаториях другого типа.

- Почему же они не расстались?

- Маруся считала его перспективным. Человек он поворотливый.

- Неужели они жили на две зарплаты, квартальную премию и на деньги за авторемонт?

- Судя по суммам, которые приносил муж, а Маруся мне о них говорила, у Якова был еще какой-то источник дохода.
- Дина, скажи, а твоя подруга всегда была такой... пухленькой? – аккуратно выразился я.
- Что ты, она была худющей. Когда окончила свое кулинарное училище, устроилась на работу, начала лопать вволю, незаметно набрала вес. За последние два года прибавила двадцать пять килограммов. И нисколько от этого не страдает, не пытается сесть на диету. Успокаивает себя – хорошего человека должно быть много.
- Дина, она тебя чем-то обидела? Ты ей за что-то мстишь?
- Она меня обидела? Я ей мщу? – испуганно пробормотала Чайка. – Что ты, Рома, никто никого не обижал, никто никому не мстит. Я хочу, чтобы правда восторжествовала, поэтому обратилась к тебе.
- Ты меня на улице подкарауливала, что ли?
- Вот еще! Мы случайно встретились, за разговором я вспомнила о твоих способностях.
- Честно?
- Честно. А Маруся что-то утаивает. Я ее знаю много лет, потому и говорю. А вдруг в машине Якова был ее любовник?
- Он не только любовник Маруси, но по совместительству близкий друг ее мужа. И подсел к нему в машину с одной целью - чтобы устранить, освободить свою любимую женщину от мужа, который ее недостоин, - со злорадством заявил я. – А теперь подумай, сообразительная ты моя, зачем любовнику Марии затевать драку на дороге, раскрывать себя?
- Возможно, любовник хотел, чтобы его запомнили, - неуверенно пробормотала Дина.
- Послушай, ответь мне как на духу – ты считаешь свою подругу женщиной аморальной? Женщиной, готовой на все ради осуществления своего желания, своей мечты?
- Нууу... - протянула Чайка, сложив губы в трубочку.
- Считаешь, считаешь. И делаешь скоропалительные выводы: раз она аморальная, то способна на убийство. Это разные вещи.
- Ты зашел издалека, но я догадалась, куда ты клонишь. И скажу тебе как на духу, как ты и просил: да, Маруся Редкозубова переспала с моим мужем. Этого довольно, чтобы назвать меня клеветницей?
- Как ты сказала?
- Клеветницей!
- Я не об этом! Повтори фамилию Марии.
- Редкозубова – это ее девичья фамилия. Рыбкина – это фамилия по мужу. Неужели ты был с ней знаком еще в ту пору, когда она была на двадцать пять килограммов легче? Потому и спросил, всегда ли она была пухленькой... Эх, Рома, Рома, и ты не исключение. А я-то думала, - заранее осудила меня Дина, не дождавшись ответного слова.
- Что за привычка всех подряд клеймить позором! Я не могу с уверенностью утверждать, что был знаком с Марусей ранее. Что-то в ней показалось мне знакомым. Только и всего.
- Динка многозначительно хмыкнула.
- И фамилию Редкозубова тоже слышал... Вот только где, ума не приложу. Но я буду не я, если не вспомню.
- Ага, ага, покопайся в подкорках памяти, - с издевкой посоветовала Чайка, - потом не забудь поделиться со мной своими воспоминаниями. - Укол не достиг цели,

- Значит, я что-то перепутал.
- Я погорячилась. Чем планируешь заняться? – заискивающим голосом спросила Дина.
- Буду искать верзилу. Не мог же он сквозь землю провалиться...

Я добрался до дома, лелея одну мечту – напиться воды, лечь и заснуть.

Пробрался в кухню с превеликой предосторожностью, чтобы не разбудить бату, налил себе воды в большую чашку и залпом осушил. Налил еще. Теперь тянул воду из чашки медленно. Лунный свет падал из окна, слабо освещая помещение. Но мне было достаточно света, я хорошо знал, что и где находится в нашей кухне. Попивая воду, присел на табурет, положил локоть на стол. Под локтем что-то зашуршало. Я нащупал лист бумаги. Пришлось повернуть выключатель. Я зажмурился от яркого света. Когда глаза привыкли смог прочитать записку от отца.

Он писал: «С матерью совсем худо. Опять еду к ней. Позвони».

Сон как рукой сняло. Я бросился к телефону. Долго слушал длинные гудки, на том конце провода трубку никто не брал.

Сердце бешено заколотилось, предвещая беду.

Я выскочил из дома, побежал к бабушке. Повезло вскочить в последний троллейбус. Мог и побежать, но на троллейбусе все равно быстрее.

Перед дверью бабушкиной квартиры я с трудом отдышался, пригладил волосы, чтобы никого не напугать своим взъерошенно-перепуганным видом. И робко позвонил в дверной звонок. Сам не разобрал – позвонил или нет, так бешено колотилось сердце, не желающее возвращаться к нормальному ритму. Никто не спешил пускать меня внутрь, улыбаться при встрече, успокаивать и корить за излишнее волнение.

Я начинал понемногу соображать. Присел на корточки и заглянул под коврик, лежащий на пороге. Под ковриком меня поджидал ключ. Я открыл ключом дверь, обошел все квартирное пространство, везде включил свет. Ни отца, ни бабушки в квартире не было. Но на кухонном столе лежало еще одно послание от отца, как всегда лаконичное:

- Рома! Я вызвал «Скорую». Врач предложил госпитализацию. Мы в центральной городской больнице, в кардиологическом отделении.

В конце отец указал точное время отъезда в больницу: 20.45.

Сейчас на часах был почти час ночи...

Если бы я не пошел на поводу у Дины Чайки, если бы не просидел полдня у Маруси, а потом еще долгое время не вел душещипательные беседы с Диной, если бы электричка ехала бы быстрее, не четко по графику, а я бы не отправился от пригородного вокзала до дома пешком – чтобы осмыслить услышанное за день, то... застал бы бабушку живой...

А может быть, спас бы ее? Словом, заботой, верой – все будет хорошо!

Я не успел...

С отцом мы столкнулись у входа на территорию центральной городской больницы. Он меня ждал, боялся со мной разминуться. Врачи сделали все, что могли. Дежурная фраза, несколько не успокоившая убитых горем родственников...

Мы возвращались домой молча. Говорить было не о чем. Хотелось подумать. Вспомнить...

Восемь лет назад моя бабушка сильно занемогла. Причина была...

Обычно пожилые люди жалуются на плохое зрение и на плохой слух. Зрение у бабушки было не очень, а вот со слухом было все в порядке.

Однажды ночью она проснулась от странных звуков. Прислушалась. Ей показалось, что по квартире кто-то ходит. Решила, померещилось, почти уснула, по опять звуки шагов. Пришлось встать. Прямо в ночной сорочке бабушка пошла с проверкой.

Потом она рассказывала, что сначала заметила луч света – кто-то освещал электрическим фонариком внутренности ее хельги - шкафа с открытым и закрытым пространством. Открытое пространство защищали стеклянные дверцы, на полках стояла посуда. В закрытом пространстве, на полках, люди держали постельное белье, носильные вещи, кто что, по желанию. Между вещами и бельем хозяева предпочитают прятать ценности, в том числе денежные знаки разного достоинства. Хозяева рассчитывали перехитрить домушников со стажем, которые могут забраться в дом в их отсутствие, а домушники со стажем выражали искреннюю благодарность незадачливым хозяевам, когда обнаруживали в одном месте то, за чем проникли в чужое жилище.

Квартира бабушки находилась на первом этаже. О кондиционерах в ту пору могли только мечтать. В летнюю жару спасали вентиляторы, гоняющие жаркий воздух и приносящие слабое облегчение. Бабушкин двор был тенист и прохладен. Поэтому жители предпочитали двор своей квартире. Вечерами струи освежающего воздуха стелились по земле, народ расходился по квартирам ближе к полуночи. Закупоренные окна гостеприимно распахивались, привечая приятную прохладу. Бабушка не была исключением из правил: тоже проветривала душное помещение, признаться, менее душное, чем квартиры на верхних этажах. А проветрив, оставляла открытыми лишь форточки, в целях безопасности. Форточку прикрывала марля – защита от летающих насекомых-кровопийцев, слабая защита от воров-форточников.

Парочка малолетних домушников без труда разглядела открытую форточку и пробралась в квартиру. Наверное, они заранее прознали, что хозяйка квартиры – одинокая пожилая женщина, которая неспособна дать отпор. Преступники действовали нагло. Хозяйка, обладательница прекрасного слуха, не по годам, появилась неожиданно. И как оказалось, обладает к тому же еще и зычным голосом, который в ночное время разнесся по всем этажам дома. Пришлось воришкам ретироваться через форточку, в момент унесли ноги, не забыв прихватить кое-что из ценных вещей, которые моя бабушка хранила в стопке постельного белья.

Человек в стрессовой ситуации ведет себя странно – сначала собирается и действует слаженно, потом, когда опасность миновала, шоковое состояние отступает, ему на смену приходит полное расслабление с осознанием того, что могло последовать. Так случилось и с бабушкой. Когда соседи сбежались на ее крик, она вежливо извинилась за доставленное неудобство, так и сказала, потом сама позвонила в милицию, описала приметы воришек – и когда только успела их рассмотреть, после чего положила трубку на рычаг, и упала без чувств.

У бабушки случился инсульт. Она долго лечилась и почти вылечилась. Все бы ничего, но иногда у нее случались провалы в памяти. Будто бы свет выключали, так она сама утверждала. Еще хорошо, что провалы в памяти длились недолго, свет в ее голове включался снова. Но в эти минуты бабушка забывала кто она, куда шла, где ее дом. Пока инцидентов не случалось. Но на всякий случай мы с отцом положили ей в кошелек записку с ее именем, ее адресом, нашим адресом и номером домашнего и рабочих телефонов.

После той трагической истории с кражей нашу молодую, подвижную, остроумную маму-бабушку будто бы подменили. Мы делали вид, что все нормально, но очень беспокоились. Уговаривали ее лишней раз не покидать двор. Но разве ее уговоришь.

О ее болезни не распространялись, не хотели, чтобы соседи косились, шептались, придумывали и додумывали.

Во время осложнений по очереди ночевали у нее. Иногда бабушка становилась прежней, мы не могли нарадоваться, думали, что все позади. Но болезнь возвращалась, причем провалы в памяти становились чаще и продолжительнее. Для посторонних бабушка была по-прежнему относительно здорова, в силу своего возраста и перенесенного инсульта...

Что касается домушников, то их задержали. У молодых профессионалов на руках были перчатки. Но видимо, сильно б/у. На одном пальце разошелся шов. Криминалист нашел отпечаток пальца, сличил отпечаток с картотекой, следствие вышло на преступника – в картотеке хранились его отпечатки. Его уже задерживали за аналогичное преступление, но ограничились слабым порицанием – первый раз совершил преступление, слишком молод. На этот раз семнадцатилетний преступник получил реальный срок – три года. Сначала сидел в колонии для несовершеннолетних, через год перебрался в колонию для взрослых преступных элементов. Его сообщника тоже судили, его же подельник его и сдал с потрохами, долго не ломался. Поговаривали, что был кто-то третий – будто бы в момент кражи кто-то караулил под окнами. Третьего видел старик из дома напротив. Следствие не придало значения словам девяностолетнего старика.

На заседания суда я ходил один, отец не отходил от постели своей матери. Я бы тоже не ходил – радости мало – но отец настаивал, хотел быть в курсе дела.

У двоих преступников была группа поддержки – три разукрашенные девицы, две из них вели себя нагло и вызывающе. Строили рожицы, посылали преступникам за решеткой воздушные поцелуи, одним словом, развлекались. Судья делал им неоднократные замечания, обещал удалить из зала суда, девицы притихали, потом брались за старое. В результате двух веселящихся девиц вывели из зала судебного заседания, осталась одна. Она никак не реагировала на своих подруг, а когда те вышли, она будто бы и не заметила их ухода. Всё ее внимание занимали малолетние преступники. Она бросала на них жалостливые взгляды, время от времени прикладывала маленький платочек к глазам.

В день вынесения приговора девица была отрешенной, походила на полуживое существо с зеленым лицом. Я с тревогой косился на нее. Мне казалось, что вскоре она рухнет на пол без чувств. Не потеряла сознание. После прочтения приговора вздохнула – выказала безысходность. И решила жить с этой безысходностью, другого выхода нет.

Я подумал, что девушка ждет ребенка от одного из преступников. Видимо, срок еще маленький. Если в начале не могла понять, как ей жить дальше, то после вердикта суда пришла к выводу – она должна избавиться от ребенка, не хочет быть матерью одиночкой. Не хочет, чтобы ребенок узнал, кем был его отец.

Глупая маленькая девчонка! Надо радоваться, что судьба развела ее с этим ничтожеством, который без сомнения сломал бы ей жизнь...

После похорон мы с отцом превратились в сиамских близнецов – не могли расстаться. Боялись выпустить друг друга из вида.

Если я еще полуребенок, и надеюсь остаться им еще долгие годы, то мой отец, лишившись матери, став взрослым. В пятьдесят пять лет.

В последние годы мать больше нуждалась в нем, чем он в ней, и мы понимали, что болезнь в очередной раз даст о себе знать таким ударом, от которого она больше не оправится, и все равно не могли смириться с утратой.

Я уговаривал отца поехать к дяде Вове Коровинскому, с которым отец давно не виделся. Отец сразу сказал категорическое «нет», потом целый день раздумывал и, наконец, дал согласие.

Батя звал меня с собой, но я признался, что моей однокласснице нужна моя помощь. - Ромка, только я тебя прошу – береги себя! – просвечивая меня взглядом-рентгеном, сурово произнес он.

Я обещал. Дал привычно честное пионерское...

При расставании Дина Чайка черкнула мне на бумаге номер телефона в городской квартире Маруси Рыбкиной. Не теряя надежды, я позвонил. Мне никто не ответил. Получается, что Дина с детьми живет на даче вместе с Марусей. Или вообще уехала домой. Мне она говорила, что останется здесь до середины августа, потом за ней придет муж, и они всей семьей поедут к морю. Прекрасная дружная семейка, ничего не скажешь.

С момента нашей первой и пока единственной встречи прошла почти неделя. Сегодня уже суббота. Тяжелая выдалась неделя. Похороны, поминки... Печаль. Одна печаль.

Хотел отвлечься на расследование и на тебе – Динка пропала.

Повторил попытку. Трубку снова никто не взял, я отчаялся, уже собрался прервать вызов, но услышал запыхавшийся голос моей бывшей одноклассницы.

- Маруся, все нормально, обошлось...

- Дина, доброе утро, это Роман Хруцкий, - поприветствовал я ее, прервав бойкий монолог, не хотел услышать что-то, не предназначенное для моих ушей.

- Ой, Рома, привет, - обрадовалась бывшая одноклассница. – Ты где пропадал? Не звонил, а я не хотела тебе навязываться.

- Не до звонков и разговоров было... Бабушка умерла.

- Ой, - повторилась Дина, на этот раз испуганно. – Как же так. Она такая была молодая, подвижная, жизнерадостная. Конечно, прошло много лет со дня нашего выпускного, когда она приходила вместе с твоим отцом, но ты говорил, что с ней... все хорошо... Ром, я тебе соболезную.

- Спасибо, - прошелестел я в ответ. Голос был не мой, чужой был голос. Говорить на «большую» тему не хотелось. – У тебя что-то произошло? – спросил я у Дины. - Я догадался, когда ты сказала «все обошлось». Извини, что стал невольным слушателем.

- Представляешь, Федот свалился рано утром с дивана и руку вывихнул. Пришлось ехать в больницу. Руку вправили, он даже пискнуть не успел. Теперь все нормально. Некоторое время рука будет на подвязке, чтобы лишний раз не тревожить. Я позвонила Марусиному соседу по даче, он писатель, живет на даче круглый год, ему и телефон установили, единственному, вот к нему все и бегают. Но он мужик дерзкий, быстро всех отвадил, хотя, лично к нему с просьбой позвонить никто не обращался, у него есть домработница, Фекла Степановна, нормальная тетка, правда с характером. Сначала надо выслушать все ее претензии, потом она соизволит дать разрешение на один звонок. Мы с ребятами собирались сегодня к Марусе, а тут такая незадача с Федотом. Я позвонила, попросила Феклу Степановну передать Марусе, что мы не приедем, у нас образовалась проблема. Только сейчас вернулись из больницы, я подумала, что Маруська названивает – волнуется.

- А это я.

- Рома, я понимаю, у тебя горе, тебе не до Маруськиных проблем. Не думай, я не обижусь. И Маруся не обидится. Действительно, пусть милиция занимается.

- Значит, Якова пока не нашли.

- Кто бы его искал.
- Новости какие-нибудь есть?
- Вообще никаких. Маруся ходила к следователю, он только руками разводит, говорит – работаем. И постучал ладонью по высокой стопке папок с уголовными делами – дескать, вон у меня сколько работы, иди-ка ты отсюда. И Маруся ушла, не солоня хлебавши. Потеряла подруга надежду увидеть мужа живым. Рома, а ты как думаешь...
- Буду заниматься, - не дослушал я.
- Я не настаиваю, - напомнила Дина.
- Сам хочу заняться поисками Якова Рыбкина, это меня отвлечет, - честно признался я. – Отца я отправил погостить к другу. Так что я один совсем один, - с горькой усмешкой произнес я.
- Может быть, тебе... что-то нужно? Ты говори, не стесняйся.
- Спасибо, не нужно. Мы с отцом привыкли к спартанской жизни. Вернемся к нашему делу. Дина, Маруся называла фамилию приятеля ее мужа Якова. Валентин Гулящик? Я ничего не путаю?
- Именно так – Валентин Гулящик. Я могу узнать у Маруси адрес, по которому он проживает. Наверное, она знает.
- Я сам. Ты ей не говори, что я занимаюсь поисками мужа.
- Почему?
- Просто не говори и все. Если начнет что-то вырисовываться, то тогда я поделюсь с ней полученной информацией. А пока не хочу давать ей надежду. Если милиция неспособна отыскать пропавшего человека, то почему мои поиски должны увенчаться успехом? Они профи, я дилетант.
- Но у тебя есть один фактор преимущества – у тебя одно дело, у них целая стопка уголовных дел. Что-то еще? А то мои пацаны проголодались.
- Твой муж не объявлялся? – неожиданно заинтересовался я. Дина не была в поле моего зрения, но я догадался, что она напряглась.
- Не поминай черта всеу, - вздохнула она.
- Извини, если испортил тебе настроение.
- Чего уж теперь. Не объявлялся. И не звонил. Мать моя звонила, сказала, что они с мужем, моим свекром, собираются на курорт. Требовала, чтобы я вернулась, а то Силантий один. Нельзя оставлять мужа без присмотра, а то уведут. Я ответила, пусть уводят, плакать не буду, еще и спасибо скажу. Мне такая сверхценность без надобности. Она понесла: он отец твоих детей, и все в таком духе. Я взяла и трубку бросила. Пусть едет отдыхать со своим ненаглядным. Они постоянно в это время отправляются в Сочи на целый месяц.
- Твоя мать ничего о твоём муже не сказала?
- А что она должна была сказать о муже? – перешла на трагический шепот Чайка. – Роман, тебе что-то известно?
- Успокойся, я просто спросил.
- Просто... У тебя все легко и просто, это у нас простых смертных все сложно и запутанно, потому что мы не такие умные, как некоторые.
- Взвинченная ты стала, Дина. Вспыхиваешь, как спичка, пытаешься выяснить отношения. Раньше такой не была, больше действовала исподтишка.
- Что хуже, что лучше?
- Мед редьки не слаще, - признался я.
- Раньше была злыдней скрытной, стала открытой злыдней. Проведи со мной воспитательную работу пока мальчишки отвлеклись и перестали требовать еды.

- Воспитательную работу? А надо ли? Что изменится? Ты сама знаешь, что рядом с мужем превращаешься в забитую женщину Востока, которая не имеет право голоса, а без него готова всех покусать.

- Дина! Так жить нельзя! Ты сама себя не уважаешь?! – подражая моему голосу, воскликнула Чайка.

- Поговорили, - выдохнул я.

- Значит, я забитая и бесхребетная женщина Востока? - монотонным голосом произнесла Чайка, посерьезнев. – Так и есть. Ты Америку не открыл.

- И что дальше?

- А дальше будет видно.

- Что ты замышляешь? Я по голосу догадался.

- Ой, Ромка, хорошо-то ты меня знаешь, да ничего не знаешь!.. Ой, ладно, мне нужно кормить детей!..

На телефонной станции, в справке «09», работала одна моя знакомая, Виктория Чаленко. Сначала я позвонил ей домой. Мать сообщила, что Вика на работе. Тогда я позвонил на работу. Номер ее рабочего телефона у меня был, естественно не «09». Иногда я обращался к Вике за помощью, но не часто, не наглел, только в особых случаях, как сейчас.

Вика Чаленко не могла говорить, обещала перезвонить через десять минут, когда у нее будет пятнадцатиминутный перерыв.

Перезвонила, я высказал свою просьбу.

- Сейчас... Погоди, Ромка... Сейчас я найду твоего Гулящего.

- Гулящик. Валентин, - напомнил я.

- Я поняла, - в прежней сосредоточенно-задумчивой манере проговорила Виктория.

– Помогу, если на него зарегистрировал стационарный телефон... Повезло тебе, Ромочка. Нашла! Записывай...

Сначала Вика продиктовала мне номер домашнего телефона Валентина Гулящего, потом и адрес, по которому телефон зарегистрирован. Я поблагодарил девушку и предложил прогуляться как-нибудь вечером.

- А не боишься – вдруг соглашусь?

- Только об этом и мечтаю!

- Я так и поняла, - хмыкнула Вика и бросила трубку.

С Викой у нас был недолгий роман. Она сама меня бросила, заскучала. Интеллигентные кавалеры ее не устраивали. Но мы расстались друзьями. Претензий друг к другу не предъявляли. Но и желания «прогуляться» у обоих не возникало. Я «сотрясал воздух», она отшучивалась...

Еще раз прочел адрес, по которому проживал Валентин Юрьевич Гулящик: улица Минская, двадцать восемь. По всей видимости, частное домовладение.

Я развернул на полу карту города, встал в позу собаки и принялся искать улицу Минскую. Она долго «пряталась» от меня, но благодаря оптическому средству – лупе, наконец, отыскалась.

Улица Минская находилась на окраине города, в микрорайоне Кировском. Не ближний свет от моего дома, но делать нечего – взялся за гуж, не говори, что не дюж. Действуй, товарищ Хруцкий.

Мне хотелось увидеть гражданина Гулящика воочую. Особой надежды я не питал – полиция уже провела с ним беседу и едва ли эта беседа дала хотя бы какой-нибудь результат. Мне оставалось надеяться на везение.

Общественный транспорт в микрорайон Кировский ходил отвратительно. Я прождал на остановке сорок минут. И только через сорок минут из-за угла выкатился

нужный мне автобус под номером сорок два: «Икарус 280» желтого цвета – сочлененный автобус особо большой вместимости, выпускаемый венгерской фирмой «Ikarus». Благодаря особо большой вместимости мне удалось в него втиснуться.

По мере продвижения автобус пустел, через полчаса я устроился на раскаленном как печка сидении, но сразу вскочил – боялся расплавиться.

Автобус ехал неспешно, пассажиры лаялись с водителем, пыхтевшим сигаркой.

Я вышел на конечной остановке маршрута и принялся осматриваться. На одной стороне, где я стоял я, выстроились в ряд кирпичные хрущевки, на другой - частные дома, мазанки и из кирпича. Я попытался восстановить по памяти карту. Перешел через проезжую часть, повернул направо, продвинулся метров сто, завернул за угол. Две полосы частных домовладений разделяла широкая улица из брусчатки, по которой тащился старенький «Запорожец». На прикрепленном на крыше автомобиля багажнике лежали длинные доски, которые при передвижении автомобиля сгибались и выгибались. Пожилой водитель возмущался. Рядом с ним сидела пожилая розовощекая дама, очень похожая на куклу, которая сидит на чайниках. Женщина молчала и подчеркнуто отворачивалась от мужика – чтобы ее глаза его не видели. Я сошел с тротуара, проскочил узкий промежуток между клумбами, над которыми потрудились трудолюбивые хозяева частных домовладений, и замер на обочине. В этот момент автомобильчик поравнялся со мной. Я расцвел в улыбке, «кукла на чайнике» автоматически улыбнулась мне в ответ. Я сразу взял быка за рога, при этом двинулся рядом с «Запорожцем», скорость которого почти не превосходила скорости пешехода.

- Добрый день, вы не подскажете, где мне найти улицу Майскую?

Прежде чем ответить, пожилая женщина приказала мужичку остановиться.

- Я потом не заведу эту рухлядь! – предупредил мужчина, - сейчас эта рухлядь точно заглохнет!

- Заведешь, - успокоила его дама и наградила комплиментом, - у тебя золотые руки.

– И обратилась ко мне, - вы спросили улицу Майскую? Но здесь такой нет. Мы живем в этом районе практически всю сознательную жизнь.

- Не может быть!

- А вы ничего не перепутали?

- Перепутал, - выдохнул я, вспомнив истинное название улицы, на которой находился дом Гулящика. – Мне нужна улица Минская.

- Значит так, - деловито произнесла дама, - переходите на противоположную сторону. Будете вести отсчет от воон того переулка, - она указала на переулок, который «смотрел» на нас.- Это раз, следующий переулок – это два. Вам нужен третий переулок. Пройдете через весь этот переулок, выйдете из него, повернете налево. Там будет нужная вам улица Минская.

- Почему я не могу пройти через первый переулок, или через второй, если улица Минская расположена параллельно улице, на которой мы с вами находимся?

- Если вы пройдете по первому или второму переулку, то упретесь в болото.

- Откуда здесь болото?

- Можно назвать то место большой и глубокой ямой, которая никогда не просыхает. Яма подошла к самым домам, даже тротуары поглотила. Жители столько жалоб написали в разные инстанции, а толку нет. Уже по домам трещины пошли.

Я не стал слушать о разрушениях местного характера, с чувством поблагодарил за развернутую подсказку.

Выполнил требование дамы, и вскоре уже шагал по улице Минской. Но предварительно покосился на яму-болото. Мне показалось, что в ней квакают

лягушки и тянется к солнцу камыш – что-то похожее на него, обступило болото тесной стеной.

Дом номер двадцать восемь стоял в глубине двора. Частную жизнь скрывал от посторонних глаз высокий бесщелевой забор – доски были тесно подогнаны друг к другу. А так захотелось вспомнить детство золотое и подглядеть через щелочку, что твориться внутри. И подпрыгнув, не добьешься желаемого. Не дом, а неприступная крепость.

Улица Минская была пустынна, как пустыня Сахара в самые ее сложные времена. Ни одного прохожего, даже старушки не сидели на завалинках и не «перемывали косточки» соседям, детвора не играла в подвижные игры.

- Здесь пролетал ураган, - желая себя подбодрить, шепотом проговорил я, вспомнив слова из мультфильма «Веселая карусель». От себя добавил, - ураган унес всё живое.

Я прошел мимо скучного забора, выкрашенного в тусклый зеленый цвет, мимо ворот с калиткой такого же цвета. Ворота украшала табличка с надписью – во дворе злая собака. Я нарочно поерзал ногами по гравию. Собака не отреагировала. Я решил, что табличка устарела – собачка, зла, была, да вся вышла. Или ее, вообще, не было, а табличку хозяин повесил для устрашения особо любопытных. У соседнего забора стояла покосившаяся лавочка. Я решил передохнуть. Не выдержал, встал на лавку с ногами и заглянул во двор. На старенькой раскладушке сушились перьевые подушки. В тени спал кот-гигант, охранник. Охранник не повел ухом, когда старенький забор, к которому я прицепился, заскрипел, как дерево под порывом сильного ветра.

Благодаря моему высокому росту, я смог лицезреть часть соседнего двора, где стоял дом Гулящика. Я заметил распахнутое окно, за окном – стол, застеленный клеенкой. На клеенке – деревянная доска с горкой муки. К столу подошла женщина в домашнем халате, фартуке и косынке. Ее руки были испачканы мукой. Она села на стул, и продолжила прерванное занятие – женщина лепила вареники. Я с интересом за ней наблюдал, как будто никогда не видел, как лепят вареники. Мысленно приказывал ей что-то совершить. Лучше окликнуть мужа, или кем там он ей приходится. Мне нужен Валентин Юрьевич Гулящик!

Если Якову Рыбкину сорок с хвостиком, то и его другу приблизительно столько же. И жена «недалеко ушла». Женщине, лепившей вареники было лет пятьдесят. Возможно, она выглядит не очень хорошо, - мысленно рассудил я, чтобы скоротать время.

Для полного счастья не хватало, чтобы на улице Минской кто-то появился, чтобы ураган вернул похищенных жителей. Жителей заинтересует молодой человек, глазеющий по чужим дворам. Мне зададут резонный вопрос: А что это вы, молодой человек, замышляете? – Ничего не замышляю, - отвечу я, - знакомлюсь с бытом поселковых жителей. В особенности мужчин за сорок. Пишу статью для журнала «Быт и мужчины».

Я не удержался и хмыкнул. Гораздо громче, чем допускалось в тихом непроходимом переулке. Кот-гигант приподнял гигантских размеров голову, приоткрыл один глаз, зевнул и снова погрузился в сонное царство.

Видимо, тетке наскучило однообразие – я добился своего.

- Валик! – гаркнула она. В ответ ни звука. Один кот-гигант зашевелился, понял, что солнце добралось до него, шатаясь, перебрался в тень и рухнул на травку.

- Валик! – усилила громкость своего голоса тетка. Выбралась из-за стола, протиснулась мимо него и выглянула в окно. – Валентин!

Откуда-то из глубины двора вышел на кривеньких ножках плюгавенький мужичонка с наполовину отсутствующей шевелюрой: темечко было лысым, по бокам лохматились редкие волосенки.

- Валентин, сколько можно тебя звать! – возмутилась тетка.

- Я ж не дурака валяю, а работаю! Что ж должен бежать по твоему первому зову?! – набросился на нее Валентин Гулящик – внешний антипод тому верзиле, который сидел в машине рядом с Яковом Рыбкиным и который заехал в глаз молодому парню, написавшему заявление в милицию за нанесение вреда здоровью.

- Я сейчас вареники долеплю, сварю, ты пообедаешь и поедешь.

- Поеду, если захочу.

- Ну, как же, Валик! – всплеснула руками тетка. От ее хлопка во все стороны разлетелись клубы муки. – Так нельзя, Валик. Надо поехать. Надо мальчика проведать. Вареники ему повезти, пусть поест. Он же голодный там сидит.

- Не голодный твой мальчик. Два дня назад целый мешок еды ему отвез, – пробурчал Валик. И решил вернуться к своей прерванной работе, но на ходу продолжал возмущаться, - мальчик... нашла мальчика... двадцать шесть лет дурню. Здоровый балбес вырос, а ума не нажил.

- Племянник он мой, - слезливо проговорила ему вдогонку женщина, - родная кровь все-таки. Никого у него нет, кроме нас с тобой... Валик, слышь меня, никого нет.

- Чем такая родня, то лучше, вообще, никакой, - крикнул издали Валентин...

И что же получается? А то и получается, что у жены Валентина Гулящика есть племянник – дурень здоровый. Племянник где-то прячется, без сомнения. Почему он прячется? Каким-то боком причастен к делу исчезновения Якова Рыбкина, приятеля его дядьки?

О машине речь не шла, следовательно, Валик поедет к племяннику на общественном транспорте. Пусть и на машине, мимо меня не проскочит – дорога одна, дорога из брусчатки, сильно по ней не разгонишься.

В любом случае, здесь торчать опасно, буду ориентироваться по обстоятельствам...

Я двинулся в обратный путь. Вывернул на улицу, на которую приехал на «Икарусе». Переходить на другую сторону не спешил, начал прогуливаться и наслаждаться запахом пыльных цветов. Дождей в городе не было около месяца. Солнце припекало по-летнему, жара была немилосердной. Я был так занят расследованием, что не обращал внимания на неудобство, связанное с климатическими условиями.

За два часа я успел изучить прилегающие окрестности, послать куда подальше Дину вместе с ее подругой Марусей, заодно пропавшего супруга Маруси - Якова Рыбкина. Особенно досталось его приятелю Валентину Гулящику, который сидит дома и запикивается варениками. А я в свой законный выходной должен бродить по незнакомому микрорайону...

Но с другой стороны, это даже к лучшему: чем бы я занимался дома? Лежал на диване и страдал. Корил себя за некорректное отношение к бабушке – я забегал к ней не так часто, как это требовалось от любящего внука. Ссылался на занятость. Обычная отговорка...

Только через два часа из-за моего «любимого» угла, на котором я успел просверлить дыру, показался Валентин Гулящик. На этот раз он был во всем сером – незаметном. Ковылял на своих кривеньких ножках и хмурился. Видимо, не горел желанием ехать к племяннику-затворнику. В руках Валентин держал сумку габаритных размеров. Внутри сумки что-то позвякивало.

Я пропустил Гулящика вперед, и пошел следом за ним.

Валентин Юрьевич проигнорировал автобусную остановку, несколько удивив меня, усталого и злого. Ничего не оставалось делать, как следовать за ним по пятам.

Валик шел, позвякивая стеклянной посудой в сумке, я тянулся позади и любовался его лысиной, окруженной редкой порослью волос. Мы добрались до следующей остановки. Некоторое время постояли среди потенциальных пассажиров в ожидании автобуса. Автобус не заставил себя ждать. Но Валентин Гулящик не загрузился в автобус, я последовал его примеру. Он косил глазом на пешеходную часть улицы, по которой мы подошли к автобусной остановке. Явно нервничал, наверное, почувствовал слезку. Потом будто бы успокоился. Принялся беспечно изучать дом из белого кирпича, расположенный на противоположной стороне. Я тоже водил взглядом по тому же белокаменному дому – мало ли. Вдруг в окне подадут Валику какой-то знак – можно, заходи.

Кажется, я перечитал детективов.

Точно, перечитал. Подъехал следующий автобус, Валик и другие пассажиры, включая меня, загрузились в салон. На этот раз салон автобуса был почти пуст.

Зачем Валик «заметал следы» - прошел одну остановку пешком - для меня пока осталось загадкой.

Аппетита у меня не было, но жажда мучила ужасно. Полцарства за стакан холодной воды! Еще пять минут и умру от обезвоживания.

Наш переезд из микрорайона Кировский до неизвестного пока мне конечного пункта занял двадцать минут. Я вышел из автобуса вслед за Валиком, увидел автомат газированной воды и бросился к нему. Выпил залпом два стакана без сиропа и один стакан с сиропом. Девочка в панамке с любопытством следила за моим водопоем, положив указательный палец в рот. Ее мать увлеченно беседовала с подругой. Я подмигнул девочке и поспешил за Гулящиком, который успел далеко уйти. В этом районе города следить было проще – людей больше, легче затеряться.

Валентин зашел в продуктовый магазин. Я за ним. Он купил полкило карамели и буханку хлеба. Сложил покупки в сумку и двинул дальше. Преодолеи девятиэтажку, на первом этаже которого располагался магазин, и завернул во двор. На девятиэтажку «смотрел» торцом еще один девятиэтажный дом, одноподъездовый, в отличие от первого, многоподъездового. По внешнему виду он походил на дом гостиничного типа. Другим торцом гостинка почти упиралась в забор из сетки-рабицы с закрытыми металлическими воротами и слегка прикрытой металлической калиткой. За забором виднелись садовые домики с участками. Обычное садоводческое товарищество, но в пределах города, в отличие от садового участка Марии Рыбкиной. Судя по износу домишек и старым деревьям, сады здесь находились давно. Это город до них «дорос».

Я предположил, что Валик проникнет в садоводческое товарищество через калитку. Именно в садах прячется племянник его жены. Но я ошибался. Валик не добрался до ворот, резко свернул направо, преодолел бодрым шагом детскую площадку перед домом гостиничного типа и остановился перед «замороженной» стройкой. По надписи, венчающей забор, я догадался, что данный строительный объект – будущий детский сад. «Коробка» из бетонных плит была готова, на этом этапе строительные работы были приостановлены.

Я ждал развития событий. Валик тоже терпеливо ждал. Кого-то или чего-то. И дождался, кого-то: его заметил сторож, молодой мужчина. Его внешность меня сильно разочаровала – он никак не походил на верзилу. Среднего телосложения, чуть выше среднего роста.

Сторож запустил на территорию недостроенного детского сада Валентина Гулящика и вновь закрыл ворота на висячий замок. Вдвоем они потянулись мимо стройки.

По архитектуре недостроенное здание детсада представляло из себя двутавровый профиль. Два одинаковых параллелепипеда зажали между собой себе подобный.

Валик и охранник постояли в районе «впадины» двутавра, что-то бурно обсудили, затем продолжили путь в прежнем направлении. Я не слышал, о чем они говорили, сильно от них отстал, продираясь через запущенный густой кустарник за территорией стройки. Кустарник служил моей защитой от ненужных глаз, но больно исцарапал мне открытые части тела.

Мужчины добрались до угла, снова остановились, переговариваясь. Сторож в чем-то убеждал Валентина, тот согласно кивал. Взгляды обоих мужчин были обращены на металлический контейнер. Они не спешили к нему подходить.

Наконец, доковыляли до контейнера. Сторож постучал по двери, едва различимой на общем одинаковом фоне, условным стуком - три раза с перерывом. Послышался гулкий голос: «Петро, это ты?»

Петро доложил:

- Димка, открывай. Дед Мороз пришел, подарки принес. – И заржал как конь.

Дверь распахнулась. В проеме я увидел настоящего верзилу. Эта туша перекрывала весь дверной проем.

- Петро, можно я выйду на свет Божий? - не поздоровавшись с дядькой – дедом Морозом с сумкой подарков, спросил у сторожа Димка. – Задыхаюсь, сил нет.

- Я тебе дырок в крыше понаделал. Мало?

- А если дождь! Я утону в этом аквариуме?

- Вот дурень, - уже без недавних эмоций произнес Валентин. - И откуда ты взялся на мою голову.

- Я не виноват, - по-детски объяснился Димка. – Петро, так можно выйти? Хочу свежим воздухом подышать.

- Выходи уж, - разрешил Петро, оглядев окрестности.

Димка вынес из металлического контейнера три деревянных ящика. На один сел сам, два других, в качестве стульев, предложил дядьке и Петру.

- Неее, я пойду на пост, - покачал головой сторож Петро. - Начальство может в любую минуту нагрять. Вы тут сами. Но если заметите кого, сразу прячьтесь.

Пока племянник ел из банки вареники, приготовленные заботливой теткой, Валентин Гулящик в чем-то тихо убеждал его. Племянник уплетал вареники и время от времени дергал головой – не соглашался.

Я забрался на старый клен, который давно подружился с забором, огораживающим территорию стройки. Устроился с удобствами и принялся наблюдать идиллическую картину общения со стороны. В итоге мне надоело наблюдать со стороны, захотелось стать участником разговора. Одна ветвь клена превратилась в мосток, что позволило мне перемахнуть на территорию будущего детского сада. Я спрыгнул на землю, не таясь. Валик обернулся. А его племянник, сидевший ко мне лицом, чуть не свалился с деревянного ящика, который и без того трещал под его весом.

- Добрый всем вечер, - вежливо поздоровался я и сразу приступил к делу. – Я занимаюсь поисками Якова Рыбкина. Вам он знаком? Вижу – знаком.

- Милиция, - выдохнул Димка, прижимая к себе банку с варениками, на которую я не претендовал.

- Вы из милиции? – уточнил Валентин. Я не заметил испуга на его лице.

- Можно сказать и так, - уклончиво ответил я. Мое полупризнание несколько не успокоило его племянника Дмитрия. Он смотрел на меня затравлено и продолжал

прижимать к себе стеклянную банку с варениками. - Я хочу знать правду. А потом мы подумаем вместе, что делать.

- Дурень, - ласково обратился к племяннику Гулящик, - расскажи товарищу, что ты натворил.

- Я ничего не натворил, я не виноват.

- Давайте, рассказывайте, - поторопил я Дмитрия.

И Дмитрий поведал мне свою правду о том дне, когда пропал Яков Рыбкин.

- Рыбкин сообщил дяде Вале, что хочет продать автомобиль. С покупателем он уже встречался – тот приезжал в гараж, чтобы увидеть покупку своими глазами. И почему-то назначил встречу за городом.

- На десятом километре автотрассы есть памятник воинам, павшим в боях за освобождения города от фашистских захватчиков. Позади памятника тянется лесополоса, с обеих сторон – поле, - подсказал дядя Валя. – Место известное.

Я кивнул – подтвердил, что место известное. И спросил:

- Рыбкину не показалось это подозрительным?

- Показалось, но желание выгодно продать старый автомобиль было выше страха, - ответил Валентин. – Яша давно хотел купить другую машину, но для начала надо было продать свою. Это я предложил Якову взять с собой Дмитрия. Он парень крепкий, в обиду не даст. Но с головой у него не все в порядке. Он служил полтора года в Афганистане в составе ограниченного контингента советских войск. Был контужен. Димка парень безобидный, но иногда совершает поступки, не поддающиеся никакому объяснению.

- На дороге Яков «подрезал» другой автомобиль. Водитель, молодой парень, пытался выяснить отношения, а вы, Дмитрий, вышли и ударили парня.

- А чего он... - набычился Димка.

- Что было потом?

- Мы спокойно добрались до места. Яков остался у памятника, я зашел в лесополосу по малой нужде. Отошел подальше от людских глаз. Сделал дело, только хотел возвращаться, а меня... бац по голове. Сильно так огрели, - Дмитрий почесал место, куда его бацнули. - Я потерял сознание. Другой бы точно коньки отбросил, а у меня черепушка крепкая. Выжил. Очнулся, встал на ноги и пошел. – Димка обреченно вздохнул, как будто его повели на эшафот.

- Куда? – не понял я.

- Как куда? К памятнику, где Якова оставил.

- И что?

- Якова нигде не было, я проверил.

- А машина?

- Машина стояла на прежнем месте, - ответил Валентин, который был в курсе всех событий. – И этот дурень сел за руль и поехал прочь от города.

- Я испугался.

- Так испугался, что решил сжечь автомобиль.

- А что мне оставалось делать? – развел руками Димка. – Потом вернулся в город пешком.

- Ночью заявился, весь грязный, пропахший бензином. Что-то лепечет, мы с женой не разберем. Утром добились правды.

- Допустим, Яков хотел продать старую машину и купить новую. Вам не показалось странным, что он поехал за город? Что-то с продажей автомобиля не совсем вяжется, - не поверил я.

- Почему, нет, - хмуро не согласился Валентин.

- Я не собираюсь защелкивать наручники на ваших руках, мне нужна правда. Только в этом случае я смогу вам помочь.

Дядька с племянником переглянулись. Племянник отрицательно покачал головой – отказывался признаваться.

- Ты и не знаешь ничего, - обратился к нему дядька.

- Но, как и я, горит желанием услышать правду из ваших уст, Валентин Юрьевич, - в очередной раз призвал я к откровению.

- Хорошо, я расскажу, - согласился Гулящик после раздумий. – Яша подрабатывал извозом. Жена молодая, хочется ее побаловать. Однажды поздним вечером его остановил мужчина. По дороге объяснил, что утром едут с женой в гости к теще. Хотели на рейсовом автобусе, а потом жена уговорила ехать на машине. Недавно переехали на другую квартиру, а машину оставили на платной стоянке, неподалеку от прежнего местожительства. В новом микрорайоне платных стоянок еще нет, а оставлять машину возле дома опасно, колеса скрутят. Чтобы не ночевать в дороге, решили выехать раним утром. Мужчина хотел добраться до стоянки на такси, перегнать свой автомобиль к дому, покемарить в машине пару часиков, а потом со спокойной душой ехать к теще. Обо всем этом он поведал Якову. Яков высадил его возле стоянки, где среди других авто был и автомобиль недавнего пассажира. Яков сразу не уехал, почувствовал сильную головную боль, у него так бывает – резко давление подскакивает. Надо посидеть с закрытыми глазами, отпустит. Краем уха он слышал, как стоянку покинул автомобиль. Наступила тишина. Якову немного полегчало. Но он продолжал сидеть. Хорошо. Тихо. Можно посидеть, подумать. И вдруг ему послышались лязгающие звуки со стороны стоянки. Автомобиль Якова стоял в сторонке, под деревом. Яков вышел из машины. Оказалось, что охранник, достаточно пожилой мужчина, ловко вскрывает автомобили и рыскает по салонам. Ворует по мелочи. Но ворует, вот что главное. Яков пригрозил милицией. Мужик предложил денег. Яков согласился.

- Один раз взял деньги? Или были еще случаи шантажа?

- Кажется, пару раз, так мне Яша сказал.

- И каждый раз передача денег происходила вдали от чужих глаз, возле памятника погибшим воинам?

- Нет, они встречались в разных местах, в пределах города. Яков обходился без сопровождающих: все-таки места людные, не опасно. А в последний раз, когда передача денег должна была состояться у памятника, за пределами города, он разволновался. Я советовал ему всё отменить, вообще, прекратить это нехорошее занятие, но разве он послушает. Тогда я предложил взять с собой Димку.

- Плохо убеждали своего приятеля.

- Жаден был Яшка до денег. Был - само собой вырвалось. Может, жив еще, а я его похоронил.

- Как вы думаете, супруга Якова Рыбкина, Мария, знала о шантаже?

- Не могу знать! Но могу предположить, что не знала ничего. Зачем Яше посвящать супругу в такие скользкие дела?! Хотя, она баба... всем бабам баба, - закручено высказался Валентин.

- Что же мне дальше делать? – спросил у меня Дмитрий. – Я не хочу сидеть в контейнере.

- Я бы посоветовал вам пойти в милицию и все рассказать. В крайнем случае заплатите штраф за порчу чужого имущества.

- А если меня посадят за убийство Якова?

- Если бы вас подозревали в убийстве, давно бы нашли. Я же нашел. Хватило одного дня. И будет лучше, если вы не станете упоминать обо мне – в ваших же интересах:

в этом случае вам оформят явку с повинной. Учитывая ваши прошлые боевые заслуги, отделаетесь, что называется, легким испугом...

Я безумно был голоден, впервые за неделю разыгрался аппетит, съел бы за один присест целого жареного барана. Представив барана не вертеле, у меня потекли слюнки, а в животе громко заурчало.

Подумав про барана, перешел на другое рогатое животное, на быка, в том смысле, что приказал себе: «надо брать быка за рога», «ковать железо, пока оно горячо». Это я о том, что нельзя откладывать расследование в долгий ящик.

Информацию о местонахождении автомобильной стоянки, на которой Яков Рыбкин поймал в сети шантажа любителя острых ощущений, мне предоставил Валентин Гулящик.

Чтобы не умереть с голода, я заглянула в продуктовый магазинчик, купил бутылку кефира и два бублика с маком, и оприходовал и то, и другое прямо на автобусной остановке без зазрения совести.

Пока трескал свой скромный полдник, пропустил два нужных мне автобуса. Переться с едой в автобус посчитал неприличным. Конечно, неприличным был и полдник в общественном месте, но если очень хочется, то можно, как говорили у нас в школе.

Завершив трапезу, я рассчитывал увидеть третье «пришествие», но автобусы куда-то исчезли. Народ подтягивался к остановке, но разъезжаться никто не спешил – не на чем.

Драгоценное время утекало, выходной день подходил к логическому завершению, а я не доделал все запланированные дела. Дела планировались спонтанно, по мере поступления информации. На сегодня мне еще осталось увидеться с охранником на стоянке, а ежели сегодня не его смена, но придется нанести ему визит на дом.

Пока дожидался автобуса, размышлял: Валентин Гулящик нападает на племянника своей жены, на Дмитрия, но злится больше на себя – сам втравил Дмитрия в это дело. Конечно, Дмитрий – человек не совсем психически здоровый – кто бы надумал угонять чужой автомобиль и потом его сжигать? Здоровый человек, получив удар по голове и потеряв сознание, после возвращения сознания, оставил бы всё как есть и двинул в ближайшее отделение милиции. Рассказал бы, как все было, и ждал бы дома развития событий. Возможно, с него бы взяли подписку о невыезде, но это лучше, чем бегать от милиции, прятаться в старых контейнерах.

Судя по лицу Дмитрия, которое менялось в процессе монолога Валентина Гулящика, можно сделать вывод – Гулящик не врал, Дмитрия использовали вслепую: сказали, что приятель дядьки продает автомобиль, а его приглашает в качестве телохранителя. Очнувшись, Дмитрий не увидел приятеля дядьки, но увидел автомобиль. Неизвестно, какая гениальная мысль его посетила, но он точно перепугался: решил, что некто стукнул его по крепкой черепушке, затем тоже самое проделал с Яковым, но у Якова черепушка менее крепкая – ему повезло меньше. Некто догадался, что Якову конец, и решил спрятать тело, а потом вернуться и разобраться с охранником, бывшим десантником-афганцем. Десантник пришел в себя и дал дёру на автомобиле.

Что-то мне подсказывает, что преступников было двое. Одним из них был мелкий жулик, которого Яков Рыбкин шантажировал. Осталось выяснить, кто был с ним.

Вина охранника с автостоянки пока не доказана. Это, во-первых. Во-вторых, тело Рыбкина пока не найдено. Так что нет состава преступления. Вполне возможно, что это Рыбкин шандарахнул Дмитрия по черепушке: испытывал к нему жуткую неприязнь. Шандарахнул и сбежал... от новой жены. Мысль о том, что он ошибся с

выбором, долго созревала в его голове и, наконец, созрела. Не мог вырваться из ее крепких поварских ручищ, разработал план побега, исчезновения, называйте, как хотите. Главное – раствориться на просторах нашей необъятной Родины. Допускаю, что решил раствориться не один, в обществе прекрасной дамы. Или, что менее вероятно, прихватил бывшую жену.

Одно «но» - автомобиль «ВАЗ 2102» скряга Рыбкин не бросил бы в лесополосе.

Все-таки, что-то здесь не складывается.

Якова Рыбкина я видел только на фотографии, какой он человек, знаю со слов близких и друзей. Но каков он человек - плохой, хороший - решать не мне. Мне нужно разобраться в этой запутанной истории.

Загрузившись, наконец, в автобус, я снова вернулся к своим размышлениям. Восстановил в памяти наше знакомство с Марусей Рыбкиной. Мне показалось, она напряглась, когда заботливая подруга начала петь мне дифирамбы – восхвалять мои способности на детективном поприще. Она успела успокоиться, а тут я – здрасте, пожалуйста! Сейчас засучу рукава и быстро разберусь, кто есть кто. Но особого доверия я, как гениальный сыщик, ей не внушил – вопросы задавал не заумные, прямо скажем - дилетантские, выгляжу несолидно, потому повариха быстро успокоилась. Раз милиция не способна сотворить чудо, то этому салаге тем более не удастся приблизиться к раскрытию тайны ни на йоту. Потом и вовсе расслабилась – детектив-любитель исчез, не дает о себе знать. Теперь подруга Дина порадует – детектив вернулся! Интересно, как на мое возвращение отреагирует Маруся?

Надо бы ее навестить на даче, осчастливить своим появлением.

Но сначала – охранник на автостоянке...

Везение мое закончилось – сегодня на стоянке дежурил другой человек – молодой мужчина лет тридцати пяти. Он сидел в своей будке, пил чай и явно боролся со сном. Мое появление он воспринял с радостью – я помогу ему избавиться от сонного состояния.

Мужчину звали Никодим. Недавно его супруга подарила ему двойню. Молодой папаша подрабатывает охранником на стоянке, по образованию он инженер, работает инженером-технологом в научно-производственном объединении «Луч». Никодиму хотелось поболтать, а мне хотелось вытянуть информацию о его сменщике и бежать скорее к сменщику, главному подозреваемому.

Чтобы не вызвать обиды у молодого отца, пришлось выслушать восторженный рассказ о детишках-двойняшках. Потом я плавно перевел разговор на сменщика. Никодим оказался парнем нелюбопытным, хотя, я заготовил легенду – зачем мне Эдуард Викторович Артамонов, так звали человека, которого шантажировал Рыбкин. Иного не дано – охранников было двое, один из них Никодим.

Я рассчитывал услышать - человек уволился, больше не появлялся.

Не уволился, завтра появится.

Он хитрее, чем я думал... Или у него совесть чиста? Одно из двух...

Я узнал адрес, по которому проживает Артамонов. Оказалось, он живет в двух шагах от стоянки. Но моя радость длилась недолго – Никодим сообщил:

- Эдуард Викторович – заядлый рыбак. Если не на работе, то на рыбалке. Пропадает на рыбалке и днем, и ночью. Ничего удивительного - бессонница, - с заметной завистью добавил он.

- С кем он живет?

- Один живет. С женой будто бы не развелись, но вместе не живут. Жена ушла жить к дочери. У дочери тоже недавно ребенок родился, помощь нужна. Эдуард Викторович очень странный – ему никто не нужен, ни жена, ни дочь, ни внучка. Одна рыбалка на уме.

- И все? Другого хобби у пенсионера нет?
- Еще на блошином рынке иногда торгует, - вспомнил Никодим.
- Чем?
- Не знаю, не видел, наверное, старьем всяким.
- Как думаешь, если я сейчас к нему загляну, застаю его дома?
- Наверяд ли, - «успокоил» меня охранник. – Сейчас самый клев, ты чо! Но если он тебе очень нужен...- Он выдержал паузу.
- Очень нужен, - заверил я страстно.
- Тогда иди к водоему, ищи его там.
- Знать бы, где находится тот водоем, - хмуро заметил я.
- А, так ты не местный!
- Я живу в этом городе, но в вашем микрорайоне впервые.
- А как ты сюда добрался?
- На автобусе.
- Если приехал на автобусе, то... в принципе, без разницы, как ты сюда добрался, все равно обязан был пересечь мост. Видел мост?
- Откуда я знаю, был мост или не был, я всю дорогу думу думал! – мысленно возмутился я. Никодим начал меня раздражать своей кипучей энергией.
- Ответ Никодиму был не нужен.
- Другой бы дорогой ты в наш микрорайон не добрался, - продолжал вещать он. - Когда едешь сюда, то по левую сторону должен был видеть кувшинку, это мы шлюз так называем. Оба берега пригодны для отдыха людей... А по правую сторону берега запущенные, заросшие камышом, там в основном рыбаки сидят.
- И клев есть? – безучастно спросил я.
- Сикилявок разных ловят. Но байки рассказывают, будь здоров...

Сначала я решил заглянуть на квартиру Эдуарда Артамонова. И правильно сделал.

Я сразу догадался, что передо мной именно он. Пожилой мужчина сидел на одной из двух скамеек, расположенных по противоположным сторонам деревянного стола, стоящего, как гриб - на одной ножке, сидел спиной к столу и кормил «сикилявками» дворовых котов.

Я наблюдал картину кормления со стороны.

Обладая хорошим зрением, я смог рассмотреть Артамонова на расстоянии двадцати метров.

Артамонов покончил с кормежкой, прихватил рыболовные снасти и побрел к своему подъезду. Я выждал некоторое время и пошел за ним...

Номер квартиры мне был известен, я поднялся на нужный этаж и позвонил в дверь.

Мне долго не открывали, показалось, что меня изучают через дверной глазок. Наконец, дверь открылась. На пороге стоял хозяин с голым торсом и в сатиновых трусах. В руках он держал надкусанный бутерброд с любительской колбасой.

- Чего тебе? – «любезно» поинтересовался Артамонов и откусил от бутерброда.

- Эдуард Викторович, - обратился я к нему по имени и отчеству, дав понять, что я не ошибся адресом, - у меня к вам конфиденциальный разговор. Дело очень серьезное. В ваших же интересах пригласить меня в квартиру.

Наверное, я выглядел, как главный заговорщик во время революционной борьбы трудящихся масс. Артамонов заподозрил неладное, поэтому отодвинулся с прохода, дав понять, что я могу войти...

Хозяин молча указал мне направление, куда мне двигаться. Я проследовал согласно направлению и оказался в захлавленной гостиной.

Артамонов засунул остатки бутерброда в рот, сграбастал в руки вещи, который живописно лежали на всех возможных и невозможных местах, указал мне на стул, куда я, не раздумывая, уселся.

И сразу заявил:

- Я все знаю!

Он напрягся. Догадался и без дополнительных объяснений.

- И что теперь? - наконец, выдал из себя, стараясь не смотреть в мою сторону.

- Вы должны написать заявление в милицию, подробно всё изложить. Я вам помогу. Завтра вы отнесете заявление, и вам оформят явку с повинной. Снимите камень с души.

Артамонов долго думал, внимательно изучал кисть своей руки, поросшую жесткими волосами, барабанил пальцами, а потом еле слышно спросил:

- А если я... с тобой сделаю тоже, что и с ним? Не боишься?

- Не советую, - без испуга обронил я. Артамонов криво ухмыльнулся. Я предложил, - сначала можете мне рассказать, как было дело, потом изложите всё на бумаге.

Артамонов поведал:

- Я добрался до места на своем старом мопеде. Приехал заранее, спрятал мопед и стал ждать. Никак не ожидал, что Рыбкин приедет не один, а со здоровяком. Такого голыми руками не возьмешь. Надо было их как-то разделить. Пока я раздумывал, здоровяк отошел в сторону по малой нужде, я подкрался к нему сзади и ударил по голове лопатой, черенок которой был обмотан тряпкой. Он отключился. А я... принялся за Якова Рыбкина. Он скончался от первого удара лопатой по голове. Но я, для подстраховки, стукнул еще пару раз. Могилу подготовил заранее. Неглубокую, на глубокую - сил не хватило, и без того, руки тряслись, бросало то в холод, то в жар - волновался перед убийством. Похоронив убитого, вернулся в город на мопеде... Думал, заживу спокойно... Не тут-то дело... Снится он мне, понимаешь... Постоянно снится... Не поверишь - я даже рад, что ты ко мне пришел. Благодарен, что пытаешься убедить пойти милицию и признаться... Мочи больше нет...

Я думал - дело сделано, преступник понесет законное наказание. Но преступник ошарашил меня сбивчивым заявлением:

- Сам бы я ни за что... Это все она...

- Кто?

- Женка ейная, Маруська! Она меня подговорила. Знала злыдня, что ее мужик меня шантажирует, пришла ко мне и говорит: «Я хочу избавиться от мужа, ты тоже этого хочешь - наши интересы совпадают! Но одна я с ним не справлюсь, мужская помощь требуется». А я ей: «Прямо и не справишься, ты баба крепкая, кровь с молоком, а твой мужик - хилак!» В шутку всё перевел. А она не шутила. Говорит, у меня должно быть алиби. Я тебе денег дам. У моего мужа много денег, он только прикидывается сиротой казанской... Я согласился не ради денег, хотя, деньги мне позарез нужны - все мои денежки перекочевали в карман шантажиста. А ему все мало и мало, давай еще и еще. Взял грех на душу...

Пусть со своими грехами Артамонов разбирается сам. Я узнал то, что хотел узнать. Марусю я сразу заподозрил в убийстве мужа, и про подельника сразу докумекал - ей, действительно, необходимо алиби на момент убийства.

Актриса из нее никудышная - играла убитую горем супругу отвратительно. В глазах мелькал один испуг - вдруг дознаются...

Все тайное становится явным, правильно заметил писатель Драгунский.

Одного я не учел - что Эдуард Артамонов покончит жизнь самоубийством. В ту же ночь, после моего ухода, он повесился на крюке от люстры.

Но его заявление, которое он оставил на столе в качестве прощальной записки, милиция приняла во внимание. Марию Рыбкину задержали по подозрению в организации убийства мужа. Она отказывалась признавать свою вину, но потом все-таки признавалась в совершении убийства по обоюдному сговору лишь после того, когда у следствия появились улики против нее. В квартире Артамонова нашли модные солнцезащитные очки, которые не могли принадлежать пожилой хозяйке. Очки принадлежали Рыбкиной – это установила экспертиза по частицам кожи и волос. Мария по чистой случайности забыла очки в его квартире. Как ее очки могли оказаться в квартире, если она не знакома с Артамоновым, как сама же утверждала? Значит, ввела следствие в заблуждение. Ее волос, и экспертиза тоже это подтвердила, был наматан на пальце убитого. Следов борьбы не обнаружили. Смерть Эдуарда Викторовича была признана самоубийством. Иначе как бы заявление Артамонова оказалось бы на столе? Мария обязательно уничтожила бы такую важную улику.

В заявлении Артамонов указал точное место, где спрятал тело Рыбкина.

Милиция обнаружила тело и передала тело бывшей жене Рыбкина для захоронения...

Уже в августе прошел суд над Марией Редкозубовой-Рыбкиной. Суд приговорил ее к двенадцати годам лишения свободы.

На все судебные заседания мы ходили вместе с Диной Чайкой. Дина постоянно всхлипывала и вытирала нос платочком. Маруся сидела безучастной, не обращала внимания на людей, присутствующих в зале заседания. Лаконично отвечала на вопросы судьи. В последнем слове призналась в совершении преступления.

- Быть такого не может! – после суда заявила Чайка. – Я не верю, что Маруся причастна к убийству Рыбкина. Конечно, она не подарок, но... чтобы убиить, - протянула она, - это надо дойти до грани. А у них с Яковым были прекрасные отношения... Так мне казалось.

- Ты дошла до грани? – ляпнул я. Хотел разрядить обстановку, но напротив, накалил ее до предела.

Дина едва не рухнула на тротуар, в последний момент успела схватиться за мою руку.

- Что не так? – спросил я у нее.

- Нога подвернулась.

- А я подумал...

- Рома, оставь в покое моего мужа!

- Я его не трогал, - усмехнулся я.

- Я жалею, что рассказала тебе о нашей «счастливой» семейной жизни.

- Дина, если тебе есть, что мне еще рассказать, я готов тебя выслушать. И, может быть, помочь советом.

- Мне нечего тебе больше рассказывать! – с вызовом заявила Чайка.

- Как знаешь... Не было бы поздно...

- На что ты намекаешь?

- Твой муж, случайно, не страдает малокровием? – ответил я вопросом на вопрос. Дина одарила меня сочувствующим взглядом: был вполне себе нормальный человек, на ее глазах превратился в умалишенного. – Это я к тому спрашиваю, что ты могла позаботиться о муже с заболеванием малокровия, добавить ему в пищу химический элемент пятнадцатой группы четвертого периода периодической системы Менделеева, атомный номер тридцать три.

- У меня всегда были проблемы с химией, и тебе это известно, - настороженно обмолвилась Чайка.

- Известно, - с осуждением вздохнул я. – Для тех, кто относился наплевательски к занятиям по химии, объясняю – это мышьяк. Средство, используемое с давних времен для травли мышей, потому и получило такое название – мышьяк: мышь и яд. Ты могла снабдить мышьяком какую-то добавку к пище, в небольшом количестве, чтобы... мужа излечить из малокровия. В итоге, твой супруг постепенно...

- Довольно! – рявкнула на меня Дина. – Роман, у тебя большое воображение. Я, вообще, не понимаю, как ты мог до такого додуматься – чтобы я постепенно убивала мышьяком своего мужа?!

- Не обязательно мышьяком, существуют и другие способы замедленного убийства.

- Хочу тебе напомнить, что он отец моих детей. И как бы он... ко мне не относился,

- скорректировала свою мысль Чайка, - я не могу с ним так поступить...

Малокровный, - помолчав, хмыкнула она, - видел бы этого малокровного. Шкаф, иначе не скажешь.

- Дина, ты меня не обманываешь?

- Рома, на этот раз твоя интуиция тебя подвела!

- Что-то меня беспокоит, а вот что...

- Все нормально. Силантий звонил, хвастался – купил «Мерседес».

- За какие-такие шиши? – удивился я.

- Ты меня спрашиваешь? Отвечаю – я знаю не больше твоего, Силантий не посвящает меня в свои дела.

- Не боится, что кто-нибудь донесет? По голове не поглядят вышестоящие органы комсомола за такие дорогостоящие приобретения. Не говорю уже о более значимых организациях, - поерничал я.

- Машину он оформил на родственника, заслуженного человека. Я с ним мало знакома. Знаю одно – профессор каких-то там наук. Силантий водит автомобиль по доверенности.

- Конечно, вокруг твоего Силантия одни дураки, ничего не понимают...

- Пойдем уже, а то дети заждались, и твоего отца надо выпустить из рабства.

После всех событий Дина с детьми перебралась в квартиру моей покойной бабушки. Дину не пришлось долго уговаривать – не хотелось раньше времени возвращаться домой, к мужу, а оставаться в квартире подруги, и тем более, на даче Якова Рыбкина, стало невозможным. На даче уже всю хозяйничала первая супруга Рыбкина, квартиру Марии опечатала милиция...

Мой отец с большим удовольствием занимался детьми Дины, Мироном и Федотом. Неизвестно, кто кого воспитывал, но пацаны точно «вили веревки» из моего отца. Отец не сопротивлялся, исполнял любое желание. И он, и я очень привязались к мальчишкам. Они были забавными и смышленными.

Дина рассказывала мне, что муж требует вернуться, но она находит отговорки: здесь сыновьям лучше, чем в столице, в «каменном мешке». Здесь свежий воздух, солнце, фрукты, речка, пляж. Я уговаривал Дину подать на развод. Она не отвечала ни «да», ни «нет», отмалчивалась.

Мое волнение относительно нее усиливалось.

Отвлекали от волнения разговоры с отцом, моим психологом. Я не жаловался ему никогда, но мой единственный родной человек всегда проникался моим душевным состоянием, пытался поддержать. Вот и в один из вечеров, когда мое волнение относительно Дины зашкаливало, а я копался в себе, пытался понять причину, отец позвал меня пить чай. Мы обсуждали сложную политическую обстановку в стране и в мире: отец старательно отвлекал меня от грустных мыслей. Потом перевел разговор на недавние события, в которых я сыграл немаловажную роль. Мы обсудили кое-какие тонкости дела, после чего батя произнес с восхищением:

- Ты, Ромка, прям как виртуоз-балалаечник: так ловко распутал уголовное дело в очень короткие сроки! Наша доблестная милиция, я говорю только о служивых, которые занимались этим расследованием, по сравнению с тобой начинающие музыканты... Не жалеешь, что ошибся с выбором профессии?

- Нисколько. Расследование - это мое хобби. Если хобби становится делом всей жизни, ничего хорошего из этого не выходит.

- Как знать, как знать...

Спустя неделю после оглашения приговора Марии Редкозубовой-Рыбкиной, поздним вечером мне позвонила Дина. И приглушенным голосом сообщила:

- Рома, он здесь, я боюсь.

Я догадался без лишних слов, кто здесь и кого она боится.

Недолго думая, выскочил из квартиры и помчался к Дине.

Я сразу заметил возле подъезда «Мерседес». Это сейчас автомобиля «Мерседес» что грязи, а в то время «Мерседес» был в диковинку, как сейчас на дорогах автомобиля «Москвич-412».

Я замедлил шаг у автомобиля, постоял некоторое время, опомнился и побежал к подъезду.

Я сразу заметил соседку бабушки, колотившую в дверь квартиры, в которой временно проживала Дина с детьми.

- Что случилось? – спросил я.

- Ромка, ты представляешь, уже ночь, а они бьют мне в стену! А моя кровать стоит под этой самой стенкой, мне все слышно, не могу уснуть! Еще и шипят! Прямо как змеи! У меня от их стуков и шипения, голова разболелась...

Соседка не успела договорить, дверь распахнулась, из квартиры выскочил рослый здоровяк, отпихнул нас в сторону и скорым шагом покинул подъезд. Мы ничего не успели сообщить.

Дружно зашли в квартиру, дружно ее обследовали.

Дина лежала у стены с окровавленной головой. Она была мертва...

Мои предчувствия оправдались. Но я ошибся с жертвой...

Милиция объявила план-перехват. Силантия Бурундукова задержать не успели, его автомобиль врезался на полной скорости в столб уличного освещения и загорелся. Силантий погиб. Собаке собачья смерть...

Мирона и Федота забрали от нас, передали в детский приют. Рассчитывали, что бабушка и дедушка заберут внуков к себе, но они отказались, объяснили так: не хотят лишних напоминаний о трагедии. Малолетние дети, четырех и трех лет, их внуки – лишнее напоминание. Точно, мир перевернулся.

Мирона и Федота отправили в детский дом.

Благодаря связям отца, долгим и упорным хождениям по инстанциям, мне удалось усыновить обоих пацанов. Даже не прибегая к фиктивному браку.

Кстати, они получили новые имена... Чтобы избежать лишних напоминаний об отце-убийце... Теперь их зовут Михаил и Федор. Мальчишки быстро привыкли к новым именам, в новой фамилии Хруцкие. И к нам тоже привыкли.

С нами больше нет моей бабушки, матери моего отца, но есть дети – два маленьких человечка, которые, благодаря бабушке, опекающей нас с небес, заняли все наши с отцом мысли, отвлекли от горя...

Будем жить...

История третья. 1996 год Восьмое чудо света

Десять лет пролетело незаметно. Мне стукнуло тридцать пять, моим сыновьям, Мишке и Федьке, четырнадцать и тринадцать соответственно. Взрослые совсем. Трудностей с ними как не ощущал, так и не ощущаю, несмотря на переходный возраст. Не скажу, что «шелковые» во всем, бывает всякое, создают революционные ситуации, которые угасают сами по себе. С пацанами лучше не спорить – себе же дороже. Выслушал, высказал свое мнение, а там пусть сами делают выводы. Тем самым, я предоставляю им возможность брать ответственность на себя. Мужики воспитываются двумя мужиками.

О своих родителях они знают всё. Так мы решили с отцом – лучше пусть узнают правду от нас, чем от «добрых» людей. Один раз услышали, в более-менее сознательном возрасте, и стараются больше эту тему не затрагивать.

Так мы и живем – в любви и согласии.

Пока я холост, но в ближайшем будущем собираюсь привести в дом жену для себя, мать для своих пацанов, невестку для своего бати. Нашел женщину, которая полюбила не только меня, но и моих сыновей. Полюбила искренне, без всяких неискренних заискиваний, лишь бы выйти замуж за мужчину без вредных привычек, материально обеспеченного, более-менее: не новый русский, но доход у меня стабильный, что немаловажно в наше непростое время...

На дворе август 1996 года. Год високосный, значит, проблемный. Тем более, начало года пришлось на понедельник – день тяжелый. Кто-то делает соответствующие выводы - находит причины неудач, а кто-то стойко переживает неудачи, борется за лучшую жизнь для себя и своих детей.

В мире тоже не все гладко: постоянно происходят различные катаклизмы, но все замечают, что количество катаклизмов возрастает именно в високосный год: есть на что пенять.

А девяносто первый был простым годом? Путч с «Лебединым озером» по всем телевизионным каналам и отсутствие любой информации, распад Советского Союза... Отец сильно переживал, даже в больницу угодил с гипертоническим кризом. От партбилета не отказался, считал и считает себя коммунистом. Недавно, третьего июля, прошел второй тур выборов президента России, отец, что естественно, голосовал за Зюганова. Победил Борис Ельцин. Я голосовал за Ельцина, за что получил прозвище «предатель Родины», в шутку. Но в каждой шутке, есть... сами знаете что. Это раньше я заводил разговор о политике, чтобы отвлечь отца от воспитательного процесса или от переживаний, теперь стараюсь ловко соскочить с жарких обсуждений, ради здоровья отца. Но не найдя во мне внимательного слушателя, отец отправляется во двор, где и происходят политические дебаты между сторонниками и противниками нынешней власти. Не все соседи «перековались», многие остались преданными коммунистами, переживающими за развал Союза, жестко критикующими нынешнего президента, приложившему руку как к развалу Союза, так и к событиям в стране. Конечно, за события, происходящие в стране, тоже достается нынешней власти: президенту, правительству, парламенту – кому же еще?!

Люди моего поколения больше думают, как выжить в это переходное для страны время, как прокормить детей. Нам некогда дискутировать. Несмотря на сложности, мы поддерживаем власть, пусть не все ее действия.

Год выдался и впрямь ужасающим. В стране один за одним происходят террористические акты.

В январе чеченские террористы во главе с Радуевым вошли в дагестанский город Кизляр и захватили здание родильного дома и городской больницы. Одиннадцатого мая - взрыв в троллейбусе №12 на Пушкинской площади в Москве, ранено восемь человек. Двенадцатого мая – в троллейбусе №48 на проспекте Мира, ранено двадцать шесть человек. Девятнадцатого апреля взорвалось самодельное взрывное устройство в здании железнодорожного вокзала Воронежа. Сработали лишь детонаторы, основной заряд взрывного устройства мощностью приблизительно двадцать килограммов в тротиловом эквиваленте не сдетонировал, по счастью, если можно так выразиться. Ответственность за взрыв взяли на себя чеченские боевики. В том же апреле, двадцать пятого числа, произошел мощный взрыв в Волгограде. Разрушена хвостовая часть пассажирского поезда, прибывшего из Астрахани. Взрывное устройство сработало после того, как пассажиры покинули поезд...

Первая чеченская война официально называлась «Восстановление конституционного порядка в Чеченской республике». Началась после того, как Дудаев, который, кстати сказать, был уничтожен недавно, двадцать первого апреля, провозгласил восьмого июня девяносто первого года независимость Чеченской республики, переименованной в Ичкерия. Началось двоевластие со всеми вытекающими последствиями. Ельцин ввел Чрезвычайное Положение в республике. Режим ЧП был сорван сепаратистами. И закрутилось...

А как хорошо всё начиналось... Молодой генсек Горбачев. Режим застоя канул в лету. Перестройка, гласность. А потом хаос и барбак. ГКЧП. Развал Советского Союза. Перебои с продуктами. Остановка заводов. Работники заводов пошли в «челноки». Вокруг сплошные рынки, одна купля-продажа.

И еще масса недовольных. Митинги протеста. Бандитские разборки. Война на Северном Кавказе. Террористические акты... Это все девяностые. Не лихие – ужасные.

В девяносто шестом, как и в прежние годы, не обошлось без авиакатастроф, гибли люди.

США нанесли ракетный удар по Ираку – операция «Буря в пустыне», о которой часто вспоминают в последнее время – пресловутый Колин Пауэлл с пробиркой с якобы с бактериологическим оружием - «привет из Ирака», от главы Ирака Саддама Хусейна... То ли еще будет... Но в то время мы и подумать не могли о последствиях «борьбы» США против бактериологического оружия, тайно разрабатываемого в других странах...

В девяносто шестом Россия вступила в Совет Европы.

Произошла российско-американская встреча на высшем уровне.

Президенты Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России подписали в Москве соглашение об углублении интеграции в экономической и гуманитарных областях...

Уже неплохо... Будем дружить...

А в апреле Ельцин и Лукашенко подписали договор о создании сообщества России и Белоруссии...

Обо всех новостях в стране и в мире мне докладывает отец, человек политически подкованный. Недавно высказал свою мысль, поразившую новизной:

- Наверное, я переберусь в Белоруссию.

- С чего вдруг? – заинтересовался я, нисколько не испугавшись – всего лишь одни слова, никуда отец от нас не уедет, не сможет жить вдали от меня и внуков, которых обожает.

- Там, в Белоруссии, нет вашей демократии! Там все, как было при советской власти! Вот смог же народ избрать себе ТАКОГО президента! Не то, что мы... - Отец махнул рукой и отвернулся от меня – от человека, который не поддержал на выборах

коммуниста Зюганова, не исполнил свой правильный конституционный долг перед Родиной, который могла вернуться на прежние, недемократические, рельсы.

- Пап, ты не прав. Представь себе, что было бы, если бы к власти пришли коммунисты. Думаешь, количество недовольных резко пошло на спад? Любовь, дружба, жвачка? Как бы не так. Народ быстро привык к свободе, никто не захочет сидеть с закрытым ртом, не захочет выслушивать указания сверху... Скажешь, что при коммунистах было всё гладко? Забыл карточную систему, забыл про пустые прилавки? Конечно, никто не голодал, холодильники были забиты продуктами – все доставали продукты, как могли и где могли...

- Не хлебом единым сыт человек, - вставил батя.

- Сейчас больше возможностей для...

- Ромка, тебе лучше помолчать, - предостерег меня отец, тщательно выговорив фразу.

И впрямь, чего это я завелся?! Держи себя в узде, любящий сын, - мысленно осадил я себя.

Отец натужно посопел и продолжил без прежнего внутреннего злодейства:

- Я знаю наперед, что ты мне скажешь. А я тебе скажу одно – был бы Союз, не было бы ни нынешней разрухи, не было бы войны в Чечне.

- Как сказать, - неуверенно пробормотал я, вновь не сдержавшись – устал от ненужных обсуждений и критики действующей власти. Отца понесло:

- Развели, понимаешь, демократию! – Он применил излюбленное словечко нынешнего президента – понимаешь - и не заметил.

- Пап, успокойся, тебе нельзя волноваться.

Мальчишки делали вид, что заняты едой, а сами внимательно прислушивались к нашему оживленному разговору, приобретающему показатели спора.

Дед с багровым лицом, от возмущений, высказанных и недосказанных, пронзил меня взглядом и показательно отвернулся. Еще хорошо, что не покинул кухню. Некоторое время я смотрел на него с сожалением и жалостью, потом собрался подключить к разговору детей, тем самым переходя на другую тему. Но детишки сами решили подключиться к разговору, чтобы разрядить обстановку.

- Дедуль, а вот скажи: то, что Ясир Арафат был избран президентом Палестинской автономии – это хорошо или плохо? – поинтересовался Михаил.

- Тоже мне, вспомнил – когда это было? – хмыкнул всезнайка Федор.

- Когда, когда, в январе! – фыркнул его старший брат.

- В том-то и дело, что в январе, а сейчас уже август. Напоминаю тем, кто забыл.

- Что ж и спросить нельзя?! Пусть и с запозданием!

- Раз большинство жителей Палестинской автономии выбрали Ясира Арафата президентом, то так тому и быть. И не нам решать, правильный они сделали выбор или нет, - дипломатично ответил дедуля, обратив внимание на нашу компанию. Лицо по-прежнему оставалось багровым, а глаза метали искры и молнии.

Буря, скоро грянет буря, - мысленно продекламировал я, вспомнив известную по школе поэму Горького. Что-то слишком часто я вспоминаю революционные стихи – чего-то мне в жизни стало не хватать! Ясно чего – прежнего идейного промывания мозгов, которое делало нас настоящими патриотами, идейно сплачивало перед общим врагом – капитализмом. Теперь у каждого свой враг, и далеко искать врага не надо – ближайший сосед. Сколько в людях злобы, сколько ненависти. Объяснение – жизнь таким сделала – меня лично не устраивает. В Великую Отечественную тоже приходилось не сладко – с сегодняшним временем не сравнить, ни в какие подметки то время не годится этому, но люди оставались Людьми!

Что-то тоска накатила. Так всегда бывает, когда думаю о прежних годах, о застое, при котором все советские люди были уверены в завтрашнем дне. Сейчас ни в чем

не уверены, даже в том – останемся ли живы? Вдруг случайно окажемся в центре бандитских разборок и шальная пуля...

Надо переключаться, пока грусть-тоска не заела.

- Как успехи в школе? – спросил я у пацанов чрезмерно громко. Даже сам испугался своего ораторского голоса.

- Да, как ваши успехи? - поддержал меня отец, пристально взглянув на ребят.

Было чему удивляться – они без долгих споров и уговоров ели пшеничную кашу, которую «терпеть не могли», как сами выражались. Котлеты слопали быстро, а вот с кашей возились уже минут пятнадцать. Долго жевали, будто это была не каша, а резина, но молча глотали.

- Успехи, - эхом повторил старший Мишка, шмыгнув носом. Он склонился над тарелкой с остатками каши, размазанной по тарелке, усердно разделяя остатки на сектора.

- Успехи, - уныло вторил ему младший брат.

- Тааак, - грозно протянул я. – Что произошло на этот раз?

- Папа, тебя вызывают к директору, - звонким голосом сообщил Мишка, сверкая счастливыми глазами, как будто меня пригласили к директору школы за получением награды за прекрасное воспитание детей, прилежных учеников. Дети и правда учились хорошо, без троек, но дисциплина... прихрамывала. Иногда на одну ногу, иногда на обе ноги.

- Что вы натворили? – задал я прямой вопрос, рассчитывая получить прямой ответ. Не тут-то было.

- Деда, я тут кое-что узнал, - на этот раз обратился к моему отцу сообразительный Федька, которого отдали в школу на год раньше, вместе со старшим братом. Если бы не лень-матушка, Федька был бы круглым отличником.

В отличие от своего брата Мишка отличался усидчивостью, много занимался, заслуженно получал свои пятерки и четверки. Одно время повадился «стучать» на младшего брата и одноклассников, перенял неблагоприятную черту от покойной матери, моей одноклассницы, но я быстро отучил его ябедничать. Не сдержался, всыпал как следует. Больше всего не выношу в людях стукачества. Для перевоспитания хватило пару раз. Непедагогично, но доходчиво.

Поэтому теперь Мишка больше помалкивает, передает инициативу в руки брата – чтобы не сболтнуть лишнего. Вдруг в разговоре проскользнет привычное «а вот Федя... Ваня... Маня, без разницы, сегодня сделал то-то и то-то». Но я не хочу, чтобы мой старший сын рос забитым, чтобы я сидел и гадал, о чем он думает. Потому стараюсь подключать его к разговору, чтобы не отмалчивался, высказывал свое мнение. Сегодняшний вопрос – не исключение: Мишку я не отодвинул на второй план, обратился с вопросом к обоим сыновьям, на обоих же и смотрел с тревожным ожиданием.

- И что же ты узнал? – с усмешкой спросил дед, не дождавшись продолжения.

Федька напряженно водил по всем присутствующим глазами, останавливал взгляд на Михаиле – обращался за подсказкой, что наводило на мысль о неопределенности – начать-то начал, а с продолжением вышла промашка, заминка. Лицо Михаила выражало крайнюю степень задумчивости. Паренек погрузился в поиски продолжения, обязанного последовать за Фединым «кое-что узнал».

Мишка думал, Федька злился. Федьку, как всегда, выручили сообразительность и осведомленность.

- Представляете, - проговорил Федор с видом величайшего заговорщика, - альпинисты, которые в мае пропали при восхождении на Эверест, так и не вернулись. Погибли, наверное, - искренне опечалился он.

- Май, вообще, был насыщен событиями, - поддержал брата Михаил, чему я был только рад. – Президент Ельцин подписал указ о комплектовании армии на профессиональной основе с весны двухтысячного года и отмене с этого года призыва на военную службу, - четко отрапортовал он, - к тому времени нам с Федей будет по...

- По восемнадцать и семнадцать, - подсказал математик-гений Федор Хруцкий.

- Я могу идти в профессиональную армию, а ты – нет! – восхитился старший брат.

- А чего это вы, друзья, в августе месяце вспомнили о мае? – заинтересовался Александр Хруцкий.

- Май – от слова мается, - хмыкнул я. – Друзья маются – не знают, что бы такое сочинить и увести внимание от моего конкретного вопроса. Не удастся, милые мои! Еще занятия не начались, идет только подготовка к учебному процессу, участие по этому поводу в хозработах, а меня уже к директору школы вызывают. Не дали пожить спокойно еще недельку.

- Живи спокойно, кто тебе мешает, - передернул худенькими плечиками Федька.

- Вот именно, - вставил Мишка, расправив крепкие плечи.

Федя был худощав, Миша был мальчиком сдержанно-упитанным, от малой подвижности. Дел гонял внуков все лето, заставлял бегать по школьной спортивной площадке, подтягиваться на турнике, отжиматься. И добился своего, пусть не до конца – Федя физически окреп, Миша сбросил пять килограммов.

- Так вы и мешаете!

- А ты никуда не ходи, - быстро нашел выход из создавшегося положения Федор. – А мы с Мишкой скажем, что ты уехал по делам, а деду некогда ходить по всяким так директорам.

- Спасибо, что не уложили на больничную койку, - поблагодарил с поклоном дед.

- Выкрутились, - вздохнул я.

- Не дети, а полный ништяк! – восхитился Миша.

- Монтана, а не дети! – поддержал брат.

- Чтоооо?! – взревел старший Хруцкий. – Еще раз услышу подобные словечки в своем доме, сразу... сразу... Не знаю, что с вами сделаю!

- Как же ты сделаешь что-то с нами, если не знаешь? - задумался Федор.

- Дедуль, не переживай ты так, наши все так говорят и ничего, - успокоил Миша.

- И очень плохо, что все. Читаете мало, словарный запас ограничен, вот и заполняете речь всяким мусором.

- Мы читаем мало?! – возмутился младшенький. – Да мы с Мишкой прочли все книги по списку! А в списке, между прочим, были книги не только по школьной программе, но и по внеклассному чтению. Головы все лето не поднимали, читали, читали и вот тебе – благодарность! – разобиделся он.

- Зрение потеряли, - подсказал старшенький.

- Ну вы, незрячие, я долго буду ждать признаний? – твердо высказался я. Ситуация меня больше забавляла, чем расстраивала, но я обязан узнать правду и принять меры.

Я давно забыл, что Миша и Федя – не родные мне дети, они родные и любимые. Чем старше становятся, тем больше напоминают меня в их годы: имеют выкручиваться, уводить разговор в сторону. Для большего успеха в «деле уведения», стараются быть в курсе событий. Что похвально.

- Короче... - начал Федя.

- Без «короче», - вмешался дед.

- Тогда я вообще не буду ничего говорить.

- А вот условия нам ставить не надо, - снова высказался глава семьи. – Мы хотим услышать вашу версию, потом послушаем версию директора.

- Ваш... наш директор ничегошеньки не знает, - сдержанно вспыхнул Федор.
- Знает, но со слов Варьки... Варвары Скорлупкиной, - подкорректировал слова брата Михаил.
- Вы чем-то обидели Варю Скорлупкину, - догадался я. – Пора бы остепениться, не малыши семилетние, чтобы девчонок за косички дергать.
- В восьмой класс пойдете, - внес свою лепту отец и опростоволохился, о чем сразу заявили пацаны.
- В девятый! – хором сказали они. – Ты, дед, все время забываешь, что мы четвертый класс «перепрыгнули» - сразу в пятый пошли.
- Что за новшества в школьном образовании!
- Батя, мы не будем обсуждать реформу школьного образования, - осадил я отца и обратился к сыновьям, которые поглядывали на меня с возмущением – не удалось «заговорить зубы». - Ничего страшного, что дедушка запомнил, что вы «перепрыгнули» через четвертый класс. Развивать тему не будем.
- Почему бы не развить, - под нос проговорил Федор.
- Хотелось бы напомнить... некоторым умникам, что... - начал я.
- Что в ваши годы, - перебил меня Федя, подражая моему голосу, я уже ухаживал за своей одноклассницей Ритой Державиной.
- Откуда такие глубокие познания из моей личной жизни? Дедуля постарался? Что же еще вам поведал дедуля?
- Что же он мог поведать, если не о твоих детективных способностях. Ты, пап, настоящий Шерлок Холмс! Восьмое чудо света! Не меньше! – восхитился Михаил.
- Жаль, что в нашей жизни ничего такого-разэтакого не происходит, а то бы ты проявил себя в очередной раз. А мы бы помогли в расследовании какого-нибудь запутанного дела, - мечтательно протянул он.
- Слава Богу, что ничего не происходит такого-разэтакого, - выдохнул я и механически плюнул три раза через левое плечо – чтобы не сглазить.
- Отец укоризненно поморщился. Причина – помянул Бога в присутствии атеиста и выказал при детях склонность к предрассудкам. Я не оставил без внимания его не озвученный укор, набросился в отместку.
- Спасибо, дорогой папа, за высокую оценку моего скромного труда... Хм... Восьмое чудо света... Эка хватил...
- А то нет?! – с восхищением высказался Михаил. – Ты у нас покруче, чем вся милиция города.
- Города, - хмыкнул Федька, - бери выше – всей России.
- Оставим в покое мою скромную персону, мою одноклассницу Риту Державину, о судьбе которой у вас тотчас появятся вопросы, вернемся в настоящее время. Хочу напомнить – на дворе август девяносто шестого...
- Температура воздуха двадцать пять градусов, ветер северный, умеренный, до сильного, - брякнул Федор. Пацаны переняли у меня любовь к простым и понятным песням, как упомянутые слова из песни ВИА «Голубые гитары»
- Споем? – сложив брови домиком, спросил Мишка, обладатель музыкального слуха и хорошего голоса, чего не скажешь о Федоре. Мишка поет в хоре, Федька подтрунивает над ним. Я утверждаю – из зависти, Мишка соглашается, и продолжает петь в хоре. Иногда солирует. Мы с отцом посещаем школьные концерты, в которых всегда участвует школьный хор, и наслаждаемся пением нашего отпрыска.
- Не до песен! – рывкнул я, дав понять, что шутки закончились. – Значит так, говорим только тогда, когда я спрашиваю, причем отвечаем по существу, без уходов в сторону. Вы оба чем-то обидели Варвару Скорлупкину, она нажаловалась на вас

директору школы. Я правильно излагаю? – Пацаны неуверенно дернули головами. – Хотелось бы узнать подробности.

- Тут и узнавать нечего. Мы пострадали незаслуженно, - доложил Михаил.

- Ну, скажем честно, вы еще не пострадали. Все еще впереди, - «осчастливил» я их.

- Пап, Варька... Варвара сама виновата, - вдохновенно сообщил Федор.

- Потому что корова, - добавил Миша.

- Вы тоже не образцы показательного веса и размера, - ляпнул я и сразу поправился,

- но не сидите сложа руки, работаете над собой, занимаетесь спортом! Молодцы!

Мальчишки все равно надули губы, нашли причину отодвинуть собственное признание, и последующую за ними показательную «порку».

- Надеюсь, мое извинение принято, продолжим «разбор полетов», - улыбнулся, чего делать не стоило. Ребята решили, что туча миновала.

- Пап, а почему ты не стал летчиком? Ведь мечтал о небе с детства? - подобрался Федор.

- Я же вам говорил, у вашего отца был врожденный порок сердца, - напомнил батя, - и давайте не будет это обсуждать.

- Меня все в жизни устраивает, - высказался я. – У меня прекрасная семья, хорошая работа. Другие предприятия останавливают производственный процесс, а мы остались на плаву. И зарплату, и премию получаем в срок. Хотелось бы больше, но пока довольствуюсь и этим. Нам хватает. Конечно, немаловажную роль играет пенсия вашего деда, - подкинул я дровишек в костер значимости нашего пенсионера.

- Что там моя пенсия, - отмахнулся военный пенсионер, - ты, Ромка, молодец, умеешь правильно вести хозяйство. Молоток! Дети сыты, обуты, одеты, это главное. Мне, вообще, мало надо. Тебе бы самому одеться поприличнее...

- Нормально я одет. Необходимое все есть, а за модой я никогда не гнался. Да и моды нынче... прямо скажем – не для меня.

- И не для Варьки... Варвары Скорлупкиной, - обронил Мишка.

- Кое-что начинает проясняться, - возрадовался я и предложил, - пойдём далее.

- Эта Варя... шокирует всех окружающих! – закатил глаза Федор. – Девчонке четырнадцать лет, пора бы немного соображать, не напяливать на себя всё, что тебе мать покупает на вещевом рынке. Если денег много, то надо скупать все подряд?

- Завидуете чужому достатку? – уточнил дед.

- Мы? Завидуем? - хором возмутились дети и принялись наперебой доказывать, что папы Варвары настоящий бандит, рэкетир.

- А сейчас вы замолчите и послушаете меня! – успокоил я бурноговорящих. - Отцом вашей одноклассницы пусть занимаются правоохранительные органы, если он заслуживает их пристального внимания, меня интересует поведение моих детей, которые что-то натворили и теперь водят меня за нос. Излагайте по существу дела.

- По существу, - согласился Федор. – Варя пришла в школу, замечу – на хозработы, как ты выразился, а по-нашему – на практику, практику для тех, кто не прошел ее в начале лета, в джинсовой юбке-ламбада, в разноцветных лосинах и стукалках, которые постоянно теряла на ходу.

- Стукалки – это что? – не понял дед.

- Стукалки – это такая обувь, летняя, - ответил Миша, - на невысоком каблуке, с перепонкой. Сделала из пластика.

- Как из пластика? – удивился дед. – Разве такую обувь можно носить?

- Представь себе – можно. Сейчас все девушки и женщины носят, - сообщил я.

- Кроме юбки-ламбады и стукалок, Варька удивила всех ужасной кофтой с люрексом, - поморщился Федька. – К кому не прикасалась, всех «била током». Наэлектризованная, ужас!

- Все понятно, - кивнул я, - вас убило током, вы не отдавали отчета своим последующим действиям.
- Мы ни в чем не виноваты! – заверили пацаны.
- По одному!
- Сначала Варька растянулась на мокром скользком полу, - начал Миша.
- Воду разлили вы, - догадался я.
- Потом зацепила кофту с люрексом об гвоздь.
- Откуда взялся гвоздь?
- Понятия не имеем, - пожали плечами мальчишки. – Мало ли гвоздей в мире. Кто-то вбил некачественно, кто-то зацепился и одежду порвал.
- А Варя что говорит?
- Нас обвиняет. Будто это мы разорвали ей кофту и лосины.
- И лосины, значит, порвались, причем совершенно случайно. Юбка-ламбада сохранилась?
- Юбка? – закусил губы пацаны. – С юбкой тоже... не все в порядке. Варёнка оказалась некачественной, разорвалась, когда дверью прищемилась.
- Трагическая история. И что мне прикажете делать? Возмещать материальный ущерб?
- Ну вы и паршивцы! – всплеснул руками дедушка. – Ваш отец выкручивается как может, а они пакости делают, чужую одежду портят, а отцу теперь возмещать!
- Мы бы... не портили, если бы ей эта одежда шла, а не сидела бы как на корове седло, - высказался Федор, не пряча глаза. – Мы боремся на красоту! Если... жирная корова... девушка не понимает, что ей можно носить, а что нельзя, мы обязаны ей... подсказать.
- А насчет материального возмещения вы не переживайте, мы с Федей ей все компенсировали, - заявил Михаил, ошарашив нас с отцом.
- Это каким же образом? - испуганно спросил я, рисуя в уме разные картинки, в основном ужасающего характера.
- Мы сдали стеклотару в пункт приема, - начал перечислять Михаил, - потом вымыли машину новому русскому из первого подъезда. Этот тот хмырь, что ходит в малиновом пиджаке и с толстой золотой цепью на шее.
- Ой, не врите, борцы за красоту! Заработанных денег вам бы хватило на стукалки, не более того!
- Не только на стукалки, но и на кофту. Мы интересовались рыночными ценами. За лосины и юбку пришлось поработать грузчиками на... том самом рынке.
- Когда же вы успели? Когда произошел инцидент с Варей?
- Несколько дней назад, - пространно ответил Федор. – Мы сразу взялись за дело. Зачем загружать вас с дедом ненужными проблемами?!
- Если вы решили проблему к удовольствию Вари, то зачем меня вызывают к директору? – задался я вопросом.
- Пацаны переглянулись.
- А ведь правда, зачем? – шепотом спросил Федя у Миши.
- А Варька-то здесь ни при чем, - догадался Миша. – Зря мы признались.
- Вы, друзья, запутались в своих показаниях.
- Мы... ничего... не сделали... Кроме того, что... разбили светильник в классе. Совершенно случайно... Мы... мы играли в футбол.
- Мячом? В классе?
- В классе, но не мячом.
- Что использовали в качестве мяча?

- Варькин кроссовок... Она в этот день сменила ступалки на кроссовки... Пап, мы обязательно возместим убыток, купим новый светильник. Мы ходили в хозмаг, узнавали цену, - пробубнил Миша.

- Пап, мы обязательно возместим, заработаем и возместим, - поддержал брата Федя.

- Рома, - обратился ко мне отец, - это хорошо, что мальчишки умеют ориентироваться в современных условиях, не то, что мы с тобой, но плохо, что хулиганят.

- Плохо, - согласились ребята. – Лучше мы будем нести заработанные деньги домой, и от нас будет вклад в семейный бюджет.

Я не знал, что на это ответить. Предпочел промолчать.

А на следующий день отправился к директору школы возмещать убытки...

Не знаю, о чем рассказать сначала – о моей личной жизни или о загадке, которую мне подбросили мои ребяташки? Раз ребяташки у меня всегда на первом месте, в том числе и мой отец, а личная жизнь уступает семье по рейтингу (пока моя избранница не стала полноправным членом семьи, я буду разделять семью и личную жизнь), то начну с загадки, которую подкинули мне мальчишки. И не одни, а в компании...

Спустя некоторое время после разговора за ужином, пацаны заявили домой, как всегда громко объявив о своем приходе: хлопнули входной дверью и хором воскликнули: «Мы дома!»

Короткая фраза всегда проливали бальзам на родительскую душу, взволнованную любой задержкой. Я прощал им дверное хлопанье, прощал крики, так нелюбимые мною и моим отцом: мы оба обожаем покой и тишину. Но с моими детьми покой нам только снится. По Блоку.

Такое счастье, что они у нас есть и будут. С ужасом думаю о том времени, когда они покинут отчий дом. А еще говорят, что за детей больше волнуются матери. Не больше и не меньше, только отцы держат волнения при себе. На то они и мужики, чтобы держать волнения, мысли, проблемы при себе.

Итак, мальчишки вернулись домой с практики, успокоив сумасшедшего отца, то есть меня. Они «слегка» задержались – на три часа с хвостиком. Я хотел бежать в школу, разыскивать, возвращать, воспитывать, объяснять. Осадил свой родительский пыл, занялся приготовлением ужина, но постоянно поглядывал в окно. Отвлекался-развлекался телевизором, напевал, обжигал пальцы о горячую сковороду, лечил обожженные пальцы. А нечего в окна пялиться! Готовишь себе и готовь, сосредоточься на одном деле.

Пока лечил обожженные пальцы, проворонил их появление во дворе. Услышал, как ключ проворачивается в замочной скважине, тотчас догадался, что пропажа нашлась, сама явилась, что это не отец вернулся – отец открывает замок иначе, не коряво, а без звука, как будто перед его приходом замок кто-то смазывает, а перед приходом детей смазку старательно удаляют, оттого вскрытие замка сопровождается зубодробильным скрежетом.

Я успокоился и взвился одновременно: успокоился, что вернулись, взвился, потому что напускное спокойствие резко сменилось желанием всыпать по первое число: нельзя так себя вести, надо предупреждать заранее о задержке. В противном случае по возвращении найдут мой хладный труп. Сумасшедший папаша? Не то слово.

- Мы пришли! – возвестили нарушители спокойствия.

- Сейчас прольется чья-то кровь, - крикнул я их кухни, вытирая руки полотенцем.

- Папа, мы не одни, - предупредил меня Федор.

- Извини, что задержались, - присоединился к брату Михаил, - но у нас была уважительная причина.

- У вас всегда уважительная причина, - произнес я, вырывая из кухни.

Кого угодно я ожидал увидеть в компании моих сыновей, но только не Варю Скорлупкину – ту самую, которой досталось за «некрасоту». У меня возникали мысли, что излишняя придирчивость мальчишек к ее наряду связана не с борьбой за смену имиджа, а с желанием привлечь к себе внимание. Попросту – мальчишки равнодушны к Варе. Уж не знаю, оба или кто-то один. Вероятнее всего, второе. И равнодушен к девочке Федор. Старший брат по сравнению с младшим – ребенок, и игры у него детские, в любовь точно пока не играет.

Я знаю Варвару с первого класса, знаю всех одноклассников моих сыновей, но в данный момент Варю узнал с трудом: так сильно она изменилась за лето, повзрослела, похорошела, вытянулась, похудела. И совсем она не толстая корова, как имели неосторожность выразиться одноклассники, причем с одной целью – скрыть истинные мотивы своего притязания.

За неполных три летних месяца девочка Варенька превратилась в девушку. На этот раз вместо ярких лосин, юбки-ламбады и кофты с люрексом, так раздражавших любителя прекрасного Федора Хруцкого, мечтающего стать владельцем собственного ателье по пошиву одежды, Варя нарядилась в лосины однотонного цвета, темно-синего, и в модное платье-футболку с изображением Микки-Мауса на груди, на ногах – тряпочные туфли-балетки. Федька поглядывал на нее одобряюще, Мишка – снисходительно. Во взглядах, обращенных на меня, читалось ожидание чего-то невероятного, в том числе и в глазах Скорлупкиной. По всей видимости, я обязан выполнить поставленную, но пока не озвученную ими задачу, поразив своим умом и сообразительностью. Мысленно я «поблагодарил» отца на хвалебные оды в мой адрес... Восьмое чудо света...

А тем временем малорослые джентльмены не по-джентльменски запихнули девочку в нашу гостиную, и сразу перешли к делу:

- Папа, Варе очень нужна твоя помощь!

- Да, - подтвердила Варя, опомнилась и вежливо поздоровалась, - здравствуйте, Роман Александрович.

- Здравствуй, Варя. Что же привело тебя ко мне?

- Дед дома? – опередил одноклассницу Федор.

- Ушел на партсобрание, - сообщил я и уточнил, - присутствие деда при нашем разговоре обязательно?

- Напротив, - изысканно высказался младший сын, вздернув голову – хотел казаться взрослым и умным.

- Не понял, - протянул я.

- Мы бы не хотели вести разговор при бабушке, - откровенно сказал Миша, - Варя... его побаивается.

- Дед слишком прямолинеен, - вновь заумно высказался Федя.

- В некоторых вопросах, да, - согласился я, - надеюсь, Варя пришла к нам в гости не обсуждать выборы президента или еще что-нибудь, не менее значимое и затрагивающее интересы преданного коммуниста?

- Нет, конечно, - прошелестела Варя, зыря по сторонам красивыми глазками. В глазах читался испуг, как будто дед, которого она побаивается, выскочит сию минуту из стенового шкафа и начнет вступать в дискуссию по интересующим его вопросам, в которых девочка была не сильна.

- Располагайтесь, а я сейчас, - предложил я и скрылся в кухне, где на плите варилась в кастрюле картошка. Убавив газ, я вернулся к сыновьям и нашей гостье. – Готов внимательно выслушать, - сообщил я, усаживаясь на стул. Трое подростков рядом устроились на диване. Варя сидела между мальчишками.

- Я начну, - констатировал Федор, я удивленно поднял брови, тогда он пояснил, - я в курсе дела, а Варя пока успокоится и потом продолжит... Варя, если я что-то скажу не так, ты меня поправь.

- Я тоже могу начать, я тоже в курсе дела, - недовольно проговорил Михаил. Споры у пацанов возникали не часто, Мишка спокойно отдавал пальму первенства более шустрому и говорливому брату, в данный момент я догадался, почему возник спор – дело в симпатии к Варваре Скорлупкиной, они борются за ее внимание. Все-таки увлечены ею оба. И проблема с ее одеждой тоже «выросла не на пустом месте» - опять же хотели привлечь к себе внимание. Что и требовалось доказать.

- Если ты такой умный, то начинай, я не против, - поджал губы Федор.

- А ты считаешь себя самый умным-преумным? – взвился Мишка. – Тогда зачем ты привел Варю к папе, сам был раскрыл преступление.

И я в очередной раз мысленно «поблагодарил» батю за болтливость, и резко осадил спорщиков:

- Давайте уже кто-нибудь из вас начнет, а то мы до утра не управимся. – Мальчишка переглянулись, а я обратился к гостье, - Варя, лучше это сделать тебе.

- Хорошо... Роман Александрович, все дело в нашем соседе. Это старенький дядечка...

- Ему за семьдесят, - подсказал Федор. Я пронзил его взглядом, он притих.

- Вчера... Нет, все началось позавчера. К соседу переехал его сын. Он любит выпить, и жена его выгнала из дома. Такое часто происходит. Сын отсидится у отца, потом возвращается к жене и живет с женой до следующего запоя. Сын заявился к отцу вечером, они о чем-то громко спорили, потом уgomонились. С утра сын хлопнул дверью – пошел за бутылкой, крепко выпил и взялся за старое – ссориться с отцом. Дошло до того, что отец начал кричать: «Ты меня задушишь!» Моих родителей дома не было, а я побоялась идти к соседу. Что я могу сделать?

- Правильно, что не пошла, а то бы тоже попала под горячую руку алкоголика с белой горячкой, - поддержал девочку Федор.

- Вскоре всё стихло, я забыла об инциденте. Отправилась в школу отрабатывать практику. Вернулась через три часа. В соседней квартире разговаривали двое мужчин. Один голос принадлежал сыну хозяина, а другой голос я слышала впервые...

Здесь я немного отступлю.

Что в наше школьное время, что во времена моих ребят, мальчишки и девчонки старались поразить противоположный пол знаниями, умением, красивой речью. В нынешнее время «блещут» нецензурными словами, коих в предложении гораздо больше, чем литературных слов. Еще и удивляются, когда им делают замечания. Ничего удивительного: люди, с которых они могут брать пример, изъясняются точно так же, на понятном им языке...

Продолжаю...

- Потом что-то грохнулось об пол. Через некоторое время кто-то вышел из квартиры, - рассказывала Варя, - я не успела подсмотреть. Когда заглянула в дверной глазок, на лестничной площадке никого не было... Лифт гудел...

- Ты про дверь забыла сказать, - напомнил Миша.

- Ага. Соседняя дверь была приоткрыта. Я тихонечко выбралась из своей квартиры, тихонечко подобралась к соседней квартире, заглянула и... никого не увидела.

- Варя не побоялась и зашла внутрь, - гордо заявил Федор, как будто его одноклассница совершила геройский поступок. – В квартире было пусто. Ни-ко-го. И что самое интересное – пропала шкура!

- Какая еще шкура? – заинтересовался я.

- Медвежья, - ответила Варвара. – Соседский сын, алкоголик, когда к отцу приходит, всегда шкуру с собой приносит. Ему шкура дороже всех на свете, не может с ней расстаться. Говорит, сам убил медведя.

- Убийца, - выдохнул Миша. – Раз медведя – живое существо – мог убить, то и отца своего порешил.

- Порешил и сбежал, - востропел Федор.

- Вместе с другом, который помог ему избавиться от тела, - встала Варя. – А что можно еще предположить, если со вчерашнего дня в квартире так никто не появился: ни хозяин, старик, ни его сын, алкоголик, ни шкура... В смысле, шкура тоже не нашлась.

Пацаны прыснули, Варя ступевалась.

- Представляю себе – шкура идет по улице и спрашивает у всех... - затаил со смехом Мишка, его перебил Федька:

- И спрашивает грозным медвежьим голосом: «Вы не видели моего хозяина, алкоголика?»

Я невольно хмыкнул, но быстро вернул подростков в нужное русло.

- Вы в милицию обращались?

- Когда родители вернулись домой, я им всё рассказала. Папа не хотел вмешиваться в чужие разборки, а мама позвонила в милицию. Милиция приехала, опросила соседей и опечатала дверь соседней квартиры. На этом всё... А потом я не сдержалась, поделилась новостью с Федей и Мишей, они посоветовали обратиться к вам, Роман Александрович, вы можете найти соседа. Он старенький, больной и одинокий. Конечно, кроме сына у него есть и внучка, дочь непутевого сына, но она редко приходит к деду и то только за деньгами, когда дед пенсию получает. Я волнуюсь, может быть, ему нужна помощь...

- А может быть, уже и не нужна, - прошептал Миша со вздохом.

- Данные невестки старика, жены сына, у тебя есть? – спросил я у Вари.

- Есть, - кивнула она, - я прихватила блокнот с номерами телефонов из квартиры. Блокнот лежал возле телефона, на полке, в прихожей. Не надо было этого делать?

- Ты всё правильно сделала, - успокоил ее Федор.

Я позвонил супруге соседского сына-алкоголика с желанием выяснить, дома ли ее супруг. Женщина на повышенных тонах заявила, что не хочет ничего о нем слышать, знать не знает, где он, и чтобы он... и так далее и тому подобное... Видимо, сильно насолил ей супруг...

- Странное имя у нее – Эра, - промямлил я, чтобы как-то оправдать свою неудачную первую попытку.

- Они нашли друг друга: она - Эра, он - Паскаль, - напряженно поглядывая на меня, произнесла Варя и уточнила, - она - Эра Борисовна, он - Паскаль Петрович. Гнилорыбовы. А до свадьбы Эра носила фамилию Гнилокостова.

Мои парни хотели захихикать, но сдержались.

Мы поужинали на скорую руку, я оставил отцу записку, и мы направились к дому Варвары Скорлупкиной. Я решил побывать на месте преступления и увидеть всё собственными глазами. А потом уже делать выводы.

Поднялись на нужный этаж на лифте, Варя вышла из лифта первой и сразу ойкнула.

- Тихо, - зашипел на нее Федор. Варя ничего не ответила, только указала на дверь, на которой болталась оборванная полоска бумаги с печатью, оставленная милицией.

Мы остановились и вопросительно переглянулись.

- Там преступник, - сообразил Мишка, проблевав непривычно тонким голоском. – Преступников всегда тянет на место преступления.

- Надо звонить в милицию, - шепотом заявил Федор.

- Никуда мы звонить не будем, - сказал я уверенно, подошел к двери, подергал ручку – заперто. Набрался наглости и позвонил.

Кто-то, не таясь, зашаркал по квартире в сторону прихожей. Вскоре дверь распахнулась и на пороге возникла долговязая старческая фигура. Седые волосы на голове были всклокочены, синие глаза смотрели на нас ясно и непонимающе.

- Петр Петрович, - выдохнула Варя, потом повторила, но уже звонко и радостно, - Петр Петрович! Живой!

- Живой, а что со мной случится, - побряхтев, признался дед. – Варюша, ты мне можешь объяснить, что здесь произошло?

- Знать бы, - вздохнула девочка.

- Мы можем зайти и поговорить? – спросил я. Сам не пойму, почему так себя повел. Старик нашелся, Варя успокоилась. Но что-то меня тревожило.

- Входите, чего уж, раз пришли, - без особой радости проговорил Петр Петрович.

В квартире царил кавардак.

- Вот, полюбуйте, что творится! – возмутился дедок. – А все этот оболтус, Пашка!

- Пашка – это кто? – не понял я.

- Пашка – это мой сын.

- Паскаль, - подсказала всезнающая Варя, - Петр Петрович его Пашей зовет, так проще.

- Паскалем его мать назвала, супруга моя, царство ей небесное. Не дожила, слава Богу, не видит, в какого ирода наш сын превратился. А ведь хорошим парнем был, учился хорошо, в армию пошел, отслужил, вернулся, женился... А потом как с ума сошел. Говорит, все из-за нее, из-за Эры. Будто бы изменила она ему. А он любит его до невозможности... До сих пор любит... И простить не может и бросить ее нет сил... Лет десять прошло, а все мается. Уж я ему твержу, твержу – начни жизнь сначала, возьми за ум, ведь сорок лет всего-то! Или туда, или сюда, надо что-то решать, водкой делу не поможешь. Еще есть возможность всё исправить. Правильно я говорю... извините не знаю вашего имени-отчества?

- Роман Александрович. Вы меня тоже извините, что мы... вот так... без приглашения... нагрянули к вам.

- Это я обратилась к Роману Александровичу за помощью в... ваших поисках, Петр Петрович. Я думала... вас убили. Ваш сын вас убил. Вы кричали: «Ты меня задушишь!», а потом пропали.

- Я кричал? Может быть, и кричал. Пашка везде с собой медвежьей шкуру таскает, а у меня астма. Задыхаюсь я, когда шкура в доме. Вот психанул и ушел к другу, сказал, не вернусь, пока шкуру не выбросишь. Сначала держался, не звонил домой, потом позвонил, никто к телефону не подходит. Решил, Пашка к жене вернулся. Позвонил Эре, она меня «накрыла медным тазом»... Так моя внучка выражается, я у нее перенял. Забеспокоился, примчался... если в мои годы можно так сказать... домой. Дома никого. Медвежьей шкуры в том числе... И ковра в спальне нет. Не иначе Пашка украл, продал, деньги пропил... Но что интересно – на столе нет грязной посуды, ни стаканов, ни бутылок, ни остатков еды. Везде все разбросано, а на столе чистым чисто.

- А это что такое? – заинтересовался я, присел на корточки и взял в руки фотоальбом, который валялся возле журнального столика.

- Это? Это наша семейная жизнь в фотографиях, - с ностальгическими нотками ответил Петр Петрович.

Из альбома выпала фотография. Я присмотрелся, увидел двух молодых людей, патлатых, в рубахах, завязанных узлом на пузе. У обоих в уголках губ дымились папиросы.

- Это кто? – спросил я.

- Это мой Пашка, - старик ткнул пальцем в одного из патлатиков-двойников, - а это его приятель Трофим Ганкин. До сей поры дружат... Не так, чтобы тесно общаются, время от времени, но перезваниваются, встречаются. Трофим тоже выпить любит, но не так зашибает, как мой Пашка. И ведь поди ж ты, тоже с женой нелады... Развелись недавно.

Входная дверь заскрипела, по прихожей застучали женские каблучки. На пороге застыла стройная брюнетка. Волосы были забраны в высокий конский хвост, перетянутый несколькими разноцветными резинками. Челка была высоко поднята благодаря начесу и лаку для волос. Все по-модному. Варька завистливо вздохнула и шепнула мне:

- Это Ника, дедова внучка.

- Привет, - с вызовом протянула Ника и спросила, - что здесь происходит?

- Твой отец пропал, - объяснил дед.

- Туда ему и дорога, - без грусти заметила девушка.

- И шкура его тоже куда-то подевалась, - добавил старик.

- Шкура – это моя работа. Мы с Прохором постарались, избавили тебя от этой гадости.

- Я позвонил Нике и пожаловался на отца, - обратился ко мне Петр Петрович.

- Мы с Прохором приехали на квартиру деда. В квартире никого не было, шкура лежала в гостиной возле дивана. Когда отец к деду приезжает, всегда спит на диване, а шкуру под ноги кладет, - объяснила Ника. – Недолго думая, мы забрали шкуру и вывезли ее на помойку. Дыши свободно, дедушка!

- А ковер? Ковер-то где?

- Какой еще ковер?

- Из спальни. Два на три. Мы с твоей бабкой его двадцать пять лет назад купили по блату.

- Зачем мне ковер? – передернула плечами Ника.

- Ты точно его не брала?

- Дед, ну ты чего? Не веришь мне, что ли?

- Верю. Действительно, зачем тебе ковер. А если был бы нужен, я б тебе его сам отдал.

- Так папаша точно пропал? Может, запил с дружками? – заинтересовалась девушка, собрав складки между бровями.

- Он как не напивается, а домой всегда возвращается, - складно ответил старик. – Ноги сами ведут его к дому.

- Идет на автопилоте, – не сдержался от уточнения мой сын Федя, доселе молчавший. Честно скажу – поразил меня в очередной раз.

Раз открыл рот один, другой решил последовать его примеру.

- Ваш отец, уважаемая Ника, вчера исчез из квартиры своего отца. Соседи вызвали милицию, милиция обследовала квартиру... Нашла ли что-то, нам не известно. Варя обратилась за помощью к моему отцу, Роману Александровичу, не теща надежду на удачные поиски милиции, - Мишка указал на меня, а Федька вставил:

- Нашему отцу.

- Нашему отцу, - согласился брат, - человеку, который отличается гениальной сообразительностью в вопросах распутывания сложных и запутанных преступлений.

- Иди ты! – не поверила Ника. – Неужели он сыщик? Как Пуаро?

- Пуаро, - хмыкнул Федор, - тоже мне, нашла величину! Мой отец...

- Хватит преувеличивать! – не выдержал я. – Не слушайте их Ника, я обычный экономист, работаю на обычном заводе...

- А в свободное от основной работы время, - не утомился мой младший отпрыск, - помогает людям, нуждающимся в помощи. Как в данном случае.

- Кто-то у меня сегодня получит по заслугам, - тихо сообщил я обоим сыновьям, те в ответ только заулыбались.

- Это очень хорошо, что Варя обратилась к ТАКОМУ человеку, - возрадовался дедок, даже сгорбленную спину смог выровнять, от обнадеживающей радости. – Роман Александрович, я на вас очень надеюсь. Каким бы ни был Пашка, а сын все ж таки. Один он у меня... И еще вот Ника. Больше нет никого.

- Дед, ну ты чего, - обратилась к нему внучка, - не переживай, ничего с отцом не случится. Погуляет и вернется, не впервой. – Никак обняла дедушку, по его лицу, по бороздкам морщин побежали слезы. Редкая жалость, участие близкого человека отняла последние силы. В обнимку дед с внучкой подошли к дивану и дружно сели.

Не ожидая приглашения, мы тоже расселись кто куда. Варя пристроилась рядом с дедом и его внучкой. Все это время я продолжал держать в руках фотоальбом. Фото приятелей - Паскаля Гнилорыбова и Трофима Ганкина - лежало сверху, прижатое к альбому большим пальцем.

- Чем это вы занимаетесь?! – пошла в атаку Ника. - Ищите преступников среди знакомых и родственников?!

- Альбом валялся на полу, - опередил меня Федор. – Просто так альбомы на полу не валяются, - нравоучительным тоном изрек он.

Ника приподнялась и выхватила у меня фотографию приятелей.

- Я так понимаю, что и дядя Трофим тоже оказался в числе подозреваемых.

- Фотография выпала, когда я взял альбом в руки, - пояснил я, злясь на себя: почему я должен оправдываться перед этой пигалицей?! – Петр Петрович, мне нужны координаты Трофима Ганкина, - обратился я к хозяину.

Всё, что я хотел узнать, я узнал...

Я отклонил предложение детей «обсудить и подумать», заявив, что еще ничего для себя не решил, и пожелал им спокойной ночи.

Наутро я будто бы все для себя решил. Решение можно выразить одним вопросом: «А мне это нужно?» Не нужно.

Скорее всего.

Решение было нетвердым, к окончанию завтрака в полном одиночестве решение «размякло», привело к следующим доводам в пользу моего участия в расследовании:

Во-первых, любой авторитет у детей надо постоянно подкреплять делами с успешным завершением. На успешное завершение дела я надеюсь, но не уверен. Буду стараться. Во-вторых, мне самому интересно, что же произошло в квартире Гнилорыбовых и куда подевался сын хозяина, Паскаль Петрович. В-третьих, жаль старика, хочется ему помочь.

Когда дети появились в кухне, я укрепился в желании провести расследование. Но от их помощи отказался, напомнил о труде на благо школы, и ушел на работу. Никто не освобождал меня от своих обязанностей. Во время обеденного перерыва я собирался навестить к приятелю Паскаля Гнилорыбова, Трофиму Ганкину, который жил, к счастью, в непосредственной близости от моего места работы.

Кроме основной работы я имел подработку – оказывал профессиональные услуги двум малым предприятиям: вел бухгалтерию, проще говоря. Деньги платили небольшие, но вкуче получалось уже кое-что. Отец о моих подработках ничего не знал, по отношению к нему я жил по принципу: меньше знает, лучше спит. А то начнет выговаривать: эти кооператорщики все варюги, их место на нарах, а ты им помогаешь обманывать государство, тоже загремишь на нары...

Жизнь в девяностых в очередной раз доказала мне, что я выбрал правильную профессию: могу заработать своей семье на хлеб с маслом.

В обеденный перерыв я делал «левую» работу, потому не успел забежать к Ганкину. Успокоил себя тем, что в рабочее время едва ли застал его дома. А вот вечером...

После работы я отправился к приятелю пропавшего Паскаля Гнилорыбова. По дороге размышлял: почему следствие не заинтересовалось альбомом с фотографиями, который валялся на полу. Милиция халатно отнеслась к своим обязанностям, составила протокол, отпечатала квартиру и уехала...

Трофим Ганкин только что вернулся с работы. Он успел снять один кроссовок, второй еще был на его ноге, но он пытался его стянуть, когда открыл мне входную дверь.

- Тебе кого? – спросил хозяин.

- Если вы – Трофим Ганкин, то вас.

- Я-то Ганкин, а ты что за ферзь?

- Я занимаюсь частным сыском, меня нанял Петр Петрович Гнилорыбов для расследования дела об исчезновении его сына Паскаля. Когда вы видели своего друга в последний раз?

Трофим что-то прикинул в уме и назвал день, когда Паскаль исчез.

- Мы встретились с ним в магазине. Я продукты покупал для матери, моя мать живет неподалеку от дома Петра Петровича, отца Пашки. Пашка зашел за бутылкой. Он уже был в подпитии. Но не так чтобы очень. Обрадовался, увидев меня, пригласил в гости. Я согласился, но сначала забежал в матери, продукты отдал. Потом - к Пашке. Мы выпили. Вспомнили время молодое, стали смотреть фотографии. Наткнулись на свадебное фото Пашки с Эрой, Пашка начал ревновать: будто бы я к его жене подъезжал. Не было этого! Его Эра не в моем вкусе. Но не скрою, она сама на меня вешалась, а я ее отшил. Шалава она, Эра эта.

- Вы задрались? Я видел следы красного цвета, похожие на кровь рядом с тем местом, где лежал ковер.

- Ну, врезал я ему по морде, когда он нелюбезно отозвался о моей бывшей жене. Она хоть и бывшая, и уже успела выскочить замуж за другого, но я никому не позволю ее оскорблять.

- Вы врезали приятелю по морде, он упал, ударился головой и умер. Вы испугались, закатали тело в ковер и вывезли. Где тело Паскаля Гнилорыбова? Отвечайте!

- Слышь, мужик, ты мне дело не шей, я Пашку не убивал. По морде дал, признаю. От удара Пашка своим телом распахнул дверь спальни Петра Петровича и завалился на ковер. Мягко приземлился. Я назвал его... нехорошим словом и ушел.

- Паскаль был жив?

- Живее всех живых. Матерился, как сапожник.

- Что-то вы не очень удивились, когда я сказал, что Гнилорыбов-старший разыскивает Гнилорыбова-младшего?

- Не удивился и заметь – не испугался, значит, совесть моя чиста! – возрадовался своей догадливости Ганкин.

- Почему не удивились? – повторил я свой вопрос.

- А чему удивляться: Пашка запил и пошел вразнос. Кто его знает, где его черти носят. Рано или поздно явится, никуда не денется.

- Подобное уже случилось?

- Бывало запивал, по три дня где-то куролесил, потом к отцу возвращался.

- А когда вы были в гостях у Паскаля Петровича, его любимую медвежью шкуру видели? – на всякий случай спросил я.

- В том-то все и дело – не было шкуры! Уж как Пашка печалился, слезы лил по ней. Говорит, точно батя забрал, когда он в магазин за бутылкой бегал. Забрал и выбросил, подальше от дома. Пашка собирался идти искать свою шкуру. В смысле, не свою, конечно, медвежью. Наверное, пошел искать и нашел себе подходящую компанию, с которой и гудит по сей день.

- Одно меня удивляет: если ваш приятель, как вы утверждаете, после падения матерился, как сапожник, то почему вы убрали со стола и перемыли посуду? Чтобы никто не догадался, что в квартире сын хозяина был не один? Отпечатки пальцев могли подсказать, с кем он пил, потом подрался, упал и скончался? Это называется непредумышленное убийство. Вы, Трофим, не хотели убивать Паскаля Гнилорыбова? Всё вышло случайно? Не рассчитали силу дара, к тому же ваш приятель плохо держался на ногах.

- Что за бред! - взревел Ганкин, - не надо вешать на меня убийство Пашки! Он хоть и... нехороший человек – может словом обидеть, но я его не убивал! В сердцах дал в морду... Да, он отключился... Может быть, просто уснул... Но он дышал, я проверял... А посуду убрал со стола... так, на всякий случай.

- Надо было вызвать «Скорую». Вдруг вашему приятелю была необходима медицинская помощь.

- Конечно необходима, но только для того, чтобы закрыть его в палате без возможности опохмеляться. А раз Пашка исчез, но он живее всех живых. Говорю же – пошел искать приключения на одно место. Больше мне добавить нечего, гражданин частный сыщик...

Мне оставалось распрощаться с Трофимом Ганкиным и отправиться домой не солоно хлебавши.

По дороге почему-то вспомнился другой Трофим, Трофим Ильич Нестеров, невинно пострадавший двадцать лет назад. Этого человека убийца перепутал с моим отцом...

С чего вдруг я вспомнил о нем? Мали ли в стране мужчин с именем Трофим.

Но у меня просто так ничего не бывает. И главным является не то, что Ганкин и Нестеров тезки, а то что Паскаль Гнилорыбов пропал несколько дней назад и до сей поры так и не появился: с ним могло случиться то же самое, что произошло с Нестеровым. Не обязательно, что Паскаля убили из огнестрельного оружия, но его нет в живых.

Кончики пальцев занемели, в них будто бы воткнули иголки. А это уже свидетельствовало о том, что моя догадка верна.

Неужели я вспомнил об убийстве Нестерова не случайно: Паскаля тоже могли убить по ошибке?

Я видел фотографию младшего Гнилорыбова пятилетней давности. Петр Петрович признался, что внешне сын изменился – следы злоупотреблений отразились на внешнем облике. Особая примета Паскаля – ярко-рыжие волосы. Целая копна рыжих волос на голове. Примета? Примета, еще какая. Ярко-рыжих в городе не мало, но с густыми волосами, шаром окружающими голову, прямо, как прическа Анжелы Дэвис, афро-американки, правозащитницы, известной всем детям Советского Союза, единицы.

Или всего двое... Один из которых Паскаль Петрович Гнилорыбов.

Надо искать его двойника. Так мне кажется. Хм, «легче-легкого», все равно, что искать иголку в стоге сена.

Можно, конечно, развесить везде объявления следующего содержания: известный режиссер проводит кастинг на главную мужскую роль в новом фильме. Мужчин с

такими-то внешними данными прошу приходить по такому-то адресу в точно назначенное время...

Рыжеволосые «одуванчики» придут на кастинг, я, великий режиссер, начну выбирать «актера», который похож на пропавшего Паскаля Гнилорыбова. Прибегну в помощи «помощника», Петра Петровича, который лучше знает своего сына, чем я, видевший его только на фото.

Это шутка, никакой кастинг я проводить не стану, но не буду сидеть сложа руки и ждать у моря погоды.

Как подступиться к делу? Начну с ковра. Того самого, который странным образом исчез из дома Петра Гнилорыбова. Версия с закатанным в ковер трупом банальна, но имеет место быть. Внучка хозяина, Ника, утверждала, что они с Прохором ковер не забирали – он им не нужен, взяли только медвежью шкуру, от которой у деда-астматика начался приступ. Потому он и сбежал к своему другу. Шкура исчезла, когда Паскаль бегал в магазин за бутылкой. В магазине встретил своего давнего приятеля Трофима Ганкина. Трофим отправился к матери, продукты относил, а Паскаль – домой, где и обнаружил исчезновение шкуры. И решил, что пропажа любимой вещи – проделки отца.

Допустим, Трофим Ганкин сказал правду. Он дал приятелю по морде и ушел, предварительно уничтожив следы совместного распития. Приятель пришел в себя – выспался и слегка отрезвел, рассвирепел, выместил злость на ковре – любимой вещи отца. Раз отец покусился на самое дорогое, то и он в отместку покусится. Прихватил ковер и двинул на улицу. Возле ближайшей мусорки ковер не выбросил, ушел подальше – чтобы отец не нашел.

У меня нет выхода – надо идти и искать ковер. Авось поиски ковра наведут меня на след Паскаля. Всякое бывает.

Так я и поступил.

Но сначала заглянул к Петру Петровичу, чтобы узнать, есть ли новости о сыне. Новостей не было. В милиции приняли заявление об исчезновении Паскаля Гнилорыбова. На этом общение старика с правоохранительными органами закончилось. Мне тоже нечем было порадовать старика. Но я обещал, что приложу все усилия... Знания, умения и опыт, как любили говорить великие партийцы.

После недолгого общения с Гнилорыбовым-старшим я решил прогуляться по округе. Я внимательно изучал места сбора мусора на расстоянии, мысленно кляня предприятия, которые отвечают на вызов мусора: работали они, прямо скажем, из рук вон плохо. Особо не перетруждались. Везде громоздились кучи мусора, контейнеры были переполнены. С одной стороны, мне их безответственность была на руку, а с другой... сами понимаете: вонь, грязь.

Ясное дело, что Паскаль не стал был утрамбовывать ковер в контейнер, бросил бы возле него, подальше от общей кучи, чтобы кто-то их жильцов близлежащих домов позарился на «сокровище». В его же интересах, чтобы ковер «поселился» в чужом доме поскорее, а не вернулся обратно усилиями хозяина.

В связи с чем я особо не надеялся найти пропавший ковер. Потому и вступал в разговоры с людьми, которые «приклеились» к дворовым скамейкам: вдруг заметили что-то необычное. Пока мои поиски и разговоры оставались безрезультатными.

Лицезрея очередную мусорную свалку, я услышал женский голос с нотками неудовольствия:

- И чего бы я здесь столом стояла?! Тоже мне, нашел картинную галерею!

Молодая женщина обошла меня и издали зафинтилила пакет с мусором в наполненный бак. Каким-то удивительным образом ее пакет приземлился сверху и не слетел вниз.

- Я ищу старинный ковер, - соврал я, чтобы зацепить внимание женщины. – Ковер не так ценен, как дорог его владельцу. В отсутствие хозяина, его родственник решил избавиться от ковра, а хозяин вернулся, заметил пропажу и теперь занемог. Все старые люди очень привязаны к своим вещам.

- Ковер, говорите, - задумалась женщина. – Не видела. Но здесь постоянно крутятся двое опустившихся мужчин. Может быть, они что-то видели. Странно, что сейчас их здесь нет. Такое впечатление создается, что они в этом месте прописались.

- Не знаете, у них есть другая «прописка»?

- Кажется, в районе гаражей. За нашим домом, - она указала на панельную девятиэтажку, - люди поставили гаражи. А эти два «красавца» соорудили себе шалаш на лето. Я постоянно слышу, как владелец одного гаража, находящегося в непосредственной близости от «самозастройки», каждый вечер ругается с ними. Он боится, что они его гараж подожгут, заодно и автомобиль. Сколько раз милицию вызывал. Милиция приезжает, шалаш ломает, нарушителей забирает в участок, а через короткое время они снова тут как тут.

Я поблагодарил женщину и направился искать «самозастройку», которая так беспокоит владельца близлежащего гаража. Нашел ее без труда. Старые ящики громоздились друг на друге, составляя три стены шаткого сооружения. Крышей служила истертая клеенка на матерчатой основе, некогда украшавшая обеденный стол. Хозяева выбросили ее за ненадобностью, а строители шалашей подобрали и нашли ей применение. Четвертая сторона шалаша в форме наклонного параллелепипеда – шалаш клонился на одну сторону и обещал в скором времени рухнуть сам собой – прикрывалась линялой тряпицей с живописными дырками. В настоящий момент из-под тряпицы виднелись две пары ног, обутых в сандалии необычайной красоты. Из шалаша доносился богатырский храп.

У меня не было времени для того, чтобы дожидаться пробуждения хозяев самозастройки, я бесцеремонно попинал поочередно две пары сандалий носком своих летних туфель. Реакции не последовало. Я повторил попытку пробуждения, но с большим усердием. В шалаше зашевелились, вскоре тряпица откинулась и показалась сначала одна взлохмаченная голова, потом другая.

- Чего надо?

- Нужна информация... - бодро начал я, но заметив то, на чём эти двое лежали, изрек, - о как! Где взяли? - И указал на вполне приличный ковер два на три, я так предполагаю, изрядно подпачканный.

- Где взяли, там уже нет, - напряженно высказался один, мой визит явно не сулил им ничего хорошего.

Его более беспечный приятель заметил:

- Любая информация стоит денег.

- Я спрашиваю – где взяли ковер? – тоном, не терпящим возражений, спросил я. – Я задал конкретный вопрос и хочу получить конкретный ответ. Потом разойдемся как в море корабли.

Мужики выползли из своего лежбища, отряхнулись, словно были одеты с иголки и им пришлось присесть на краешек сиденья в общественном месте, и переглянулись. Не знаю, какой информацией они мысленно обменялись, но все же один из них, постарше и поавторитетнее, заговорил:

- Мы ничего не крали. Подобрали ковер на мусорной свалке. Его... кто-то выбросил.

- Кто-то? Вы не видели человека, который выбросил ковер?

- Отвяжись, а? – сморщился второй. – Кто ты, вообще, такой, чтобы нам вопросы задавать?!

- Лучше тебе это не знать, - делая паузы между словами, завуалированно объяснил я, желая напугать своих визави, чтобы у них быстрее развязались языки. – Так что? Будем разговаривать по душам? Или?

- Видели мы человека, который притащил ковер, - с недовольством признался первый.

- Он такой, - я создал руками над головой некое подобие взлохмаченности и пояснил, - с лохматой шевелюрой ярко-рыжего цвета. Он?

- Он, его ни с кем не перепутаешь.

- Разумное замечание, - хмуро обронил я, не желая расставаться со своей версией. Хотя... Бывает – один на миллион, а бывает двое... на город-миллионник. Иголка в стоге сена.

- Мы еще у него спросили, - завел второй, - зачем такой хороший ковер выбрасывать? А он – так надо, не ваше дело!

- Он был выпивши, но на ногах стоял уверенно. Перегаром разило за версту.

- Ага, даже мы почуяли.

- Еще у него бланш был под глазом.

- Ага, - снова поддержал приятеля более молодой и с задорным весельем добавил, - наверное, его морда пошла на сближение с чьим-то кулаком.

- Это всё?

Мужики принялись вертеть головами, как будто им срочно понадобилось отыскать некий летающий объект.

- Я заплачу, - облегчил я им задачу.

- Так бы сразу и сказал! – воскликнул второй, а первый дернул его за низ вылезшей из штанов футболки.

- Я жду.

- Вот привязался, - пробурчал себе под нос старший, а младший проговорил, обращаясь к нему:

- Давай расскажем, что здесь такого, мы-то тут при чем.

- Рассказывай, - разрешил старший.

- Лучше ты! У тебя складно получается.

- Дело было так, - начал первый, - стоим мы значит, про ковер говорим, а тут к нам подкатывает мужичонка. Лет под пятьдесят. Подкатывает значит и спрашивает: «Хотите деньжат по-быстрому срубить?» Мы отвечаем, кто ж не хочет, и этот, что ковер выбрасывал, тоже присоединился к нашей компании. Заинтересовались, что делать надо. А мужик и говорит: «Дал я займы одному приятелю. Деньги дал немалые. Он обещал вернуть в назначенный срок. Я ему поверил, расписку не взял, а он, гад такой, долг не возвращает, вообще, делает вид, что никаких денег в глаза не видел. Избегает меня. Хочу его проучить». – Как? - спрашиваем мы. – Он всегда ездит домой одной и той же дорогой. Хочу, что вы бросились ему под колеса. Дорога здесь плохая, сильно не разгонишься, так что вы не пострадаете. – Зачем нам бросаться ему под колеса? - За наезд на пешехода его могут посадить, и вы ему об этом напомните, в ответ он предложит замять дело за энную сумму.... Он назвал такую сумму, у нас глаза из орбит вылезли.

- Какую?

Когда услышал, не обалдел. Я не богач, но и для меня такая сумма вполне подъемная, если необходимо решить серьезную проблему.

- А потом? – спросил необалдевший я.

- Потом он нам заплатил бы, куда не делся - кто ж хочет на нарах париться, - рассудил младший.
- Конечно, - поддержал его старший, - решили бы проблему на месте, без всякой милиции, после чего разделили бы деньги на четверых, по-честному. Мужик нам обещал... Но я не дурак, меня просто так не купишь. Заподозрил неладное и заявил, что куда не пойду, бросаться под колеса не буду, мне жизнь дорога. И своему другу запретил идти. А тот, которым вы интересуетесь, согласился. И они ушли.
- А вам было безразлично, что произошло потом, - не поверил я.
- Не безразлично. Мы пошли за ними. И всё видели своими глазами, - признался второй. - Эти двое - хозяин ковра и мужик - долго стояли за кустами, уже смеркаться начало. Наверное, ждали должника на автомобиле.
- Там как раз светофор установлен, - подсказал первый. - Я потом уже догадался, почему он выбрал именно то место. Загорается желтый свет, а машины уже трогаются, получают - нарушают, а тут, откуда ни возьмись, пешеход. Раз и под колесами. А троих он нас звал, чтобы вероятность была выше, - здраво рассудил он,
- вдруг кто-то замешкается. Раз двое отказались, остался одна будущая жертва наезда, то мужик решил подстраховать. Так он и поступил - вытолкнул этого полупьяного придурка прямо под колеса автомобиля. Только им пришлось пропустить одну машину, нужная была второй в веренице автомобилей.
- Могло случиться так, что машина не попала бы на красный свет светофора, - заметил я, - промчалась бы на зеленый и только его и видели.
- Риск, конечно, был, но все вышло так, как он задумывал, - вставил второй, - не повезло бы на этот раз, повезло бы в другой, мало ли в стране людей, которые готовы по-легкому срубить денег. Время-то трудное.
- Так да не так вышло, - вмешался первый. - Этот, что с ковром, рухнул на проезжую часть и затих. Совсем не подавал признаков жизни. Водитель выскочил, подбежал к нему, что-то там проверил, потом схватил на руки к своей машине потащил. Положил на заднее сиденье, сам сел за руль и уехал.
- Куда делся подстрекатель?
- Сначала прятался за кустами, а когда его должник уехал, он тоже ушел, - доложил второй, а первый сказал:
- Ему нужно было аварию сфотографировать, а он об этом не подумал... Теперь у него нет никаких доказательств... А ты, товарищ-гражданин, ищи своего знакомого по больницам... Или в морге.
- Ни в больницы, ни в морги он не поступал. Сначала родственники все больницы и морги обзвонили, затем милиция подключилась, заново проверила. В любом случае - жив он, но пока находится без сознания, или мертв - его опознали бы по приметам.
- Куда же он подевался?
- Я бы тоже хотел это знать... Номер автомобиля вы не запомнили? Как выглядел водитель?
- Вообще ничего не запомнили! Темно уже было, а мы далеко стояли. И произошло все в считанные секунды, мы опомниться не успели, - ответил старший. - И машин было мало на дороге, на аварию некому было обратить внимание.
- Я спросил у него совсем не то, что он ожидал от меня услышать:
- А ведь вы не всегда вели такой образ жизни, признайтесь?
- Не всегда. Был при хорошей должности... Начальником цеха был на одном заводе... Потом меня «сократили»... Долго думал, переживал, а потом ушел из дома. Без меня жене будет лучше.
- А детям?

- Дети уже сами родители, в другом городе живут.
- А жену не жаль? Любит вас поди. Много лет вместе прожили.
- Чего ты молчишь, - вмешался его молодой приятель, - расскажи, как твоя жинка постоянно ходит и уговаривает тебя вернуться! А ты ни в какую!
- Без меня ей будет лучше, - упрямо повторил мужчина, бывший начальник цеха.
- Почему вы решаете за нее? Не люблю давать советы – время Советов прошло, но все же выскажусь – возвращайтесь-ка вы к жене. Найдете другую работу, будете жить как нормальный человек. Заодно и приятелю своему поможете.
- Молодой приятель смотрел на него с надеждой.
- Я подумаю, - выдержав паузу, проговорил он.
- Я пожелал ему перемен в лучшую сторону и попрощался...

Прежде чем продолжить рассказать о поисках Паскаля Петровича, я перескочу на рассказ о своей личной жизни. Потому что события, которые произошли позже, имеют не только касательство к семье женщины, которая мне дорога, но и оказались связаны с событиями, случившимися в семье Гнилорыбовых, соседей Вари Скорлупкиной, одноклассницы моих ребят...

Моя личная жизнь началась менее года назад. Краткосрочные отношения с женщинами у меня случались, что естественно, но без всяких обязательств и чувств. До сей поры никто на меня не претендовал: отец-одиночка с двумя детьми, экономист на предприятии, пусть и крупном, продолжающим наращивать темпы в сложное время для страны, интересовал женщин только как сексуальный партнер, не более того. Экономист – это вам не новый русский, ссоривший деньгами. Время экономистов еще не пришло...

Однажды я снова оказался в здании городского суда – слушалось дело, по которому я проходил свидетелем. В холле меня затронула молодая женщина.

- Привет! – обратилась она ко мне, крепко схватив за локоть. Хватка у нее была дай Боже – просто так не вырвешься.
- Привет, - хмуро ответил я, догадываясь, что за этим последует. И догадка оправдалась.
- Не узнаешь? А я тебя сразу узнала, несмотря на то, что прошло... столько лет. Кажется, тринадцать, если я не ошибаюсь. Да-да, я тебя сразу узнала, - повторила молодая женщина, тряся мой локоть. – И знаешь, почему?

Я сложил брови домиком – спрашивал, почему? Ответ не заставил себя долго ждать.

- Никогда не встречала мужчин, которые были бы одновременно «ботаниками» и мачо. Несочетаемое сочеталось в тебе. Ты уникал, такой один на всем белом свете, точно тебе говорю.

Быть неповторимым, восьмым чудом света, конечно, неплохо, было бы еще лучше, если бы понял, кто передо мной. Моя удивленно-ошарашенная физиономия говорила о многом.

- Я - Наташа! – призналась молодая женщина с таким восторгом, словно была единственной Наташей на всем белом свете. Почти как я. – Хотя, о чем я?! Ты-то не знал моего имени. Мы не успели познакомиться.
- Я не только не знал вашего имени, но и не помню ничего, - выдавил я из себя, борясь с раздражением.
- А если я тебе скажу, что мы ехали в одном купе, пили вино, разговаривали, а потом... между нами... кое-что произошло? Я покинула вагон в числе первых, когда

он пришел на станцию. Было стыдно. А потом пожалела. Все эти годы мечтала с тобой встретиться, и теперь моя мечта сбылась. Как зовут-то тебя?

- Роман... Наташа, я вас... я тебя тоже вспоминал все эти годы.

- Часто? – улыбнулась она.

- Чаще, чем вы думаете.

- Ты!

- Ты думала, - поправился я. – Ты здесь какими судьбами?

Наташа сразу загрустила. Не только глаза стали, как у бассет-хаунда - опустились уголки глаз, но и затуманились, как будто женщина мгновенно переключилась на события, бередящие душу, но якобы надежно упакованные в сейф, ключ от которого утерян. Не утерян, лежит неподалеку, только руку протяни - напомни всяк любопытный.

- Если ты не хочешь говорить, я настаивать не стану. Извини, что ранил неосторожным вопросом.

- Несколько месяцев назад убили мою сестру, - призналась Наталья, пропустив мои слова мимо ушей. - Наконец сегодня убийца понес заслуженное наказание – его приговорили к одиннадцати годам лишения свободы. Жаль, мало дали. Еще лучше, если бы получил высшую меру наказания. Поговаривают, что смертную казнь скоро вообще отменят.

- Говорят. Будут поэтапно сокращать в стране смертную казнь в связи с вхождением России в Совет Европы.

- Ты юрист по образованию?

- Экономист.

- Тоже неплохо, - без особой радости заключила она.

- А ты чем занимаешься?

- Уже ничем. Сократили меня. А до этого была чертежницей на оборонном предприятии. Я не переживаю, как-нибудь устроюсь. А пока поеду отдохнуть. Хочу на море!

- Море - это хорошо.

- Ты женат?

- Нет. И не был никогда. Я воспитываю двух приемных детей. Мальчиков.

- Уважаю.

К нам подлетела... еще одна Наталья. Я смотрел и не верил своим глазам.

- Рома, знакомься, это моя сестра Нелли. Мы тройняшки... Теперь двойняшки, - со слезами в голосе произнесла Наташа. – Нашу третью сестру, Нору, убил человек, за которого она собиралась выйти замуж. Нора была беременна.

Сестры уцепились друг за друга, как будто боялись, что их разлучат. Мой локоть освободился от железной хватки, но я этого не заметил. Только сейчас я увидел на руке Наташи, чуть выше локтя, родимое пятно. Совсем не такое пятно, как у подруги Дины Чайки, Маруси Рыбкиной-Редкозубовой, хотя, место точно совпало. Родимое пятно Наташи походило на кляксу. Такие кляксы мы ставили в тетрадах в первом классе, когда учились писать ручками с перьевыми перьями, которые макали в чернильницу.

Теперь у меня не было сомнений, что передо мной девушка из поезда, с которой у меня случился первый сексуальный опыт.

Я так внимательно смотрел на родимое пятно Наташи, что ее сестра тоже обратила на него свое внимание. После чего заявила:

- Наташка только пятном от нас с Норой и отличается, а так мы как три капли... - Нелли взяла себя в руки, опомнилась и протянула мне руку, - Нелли Эльцина, - губы

тронула жалкая улыбка, - не путать с президентом: наши фамилии отличаются первой буквой.

- Роман Хруцкий, - назвал я.

- Нелька, это тот самый парень... Из поезда, - пояснила сестра.

- Не может быть! – восхитилась Нелли. – Неужели ты его все-таки нашла, - не поверила она, недоверчиво раскачивая головой.

- Случайно на него натолкнулась на этом самом месте, где мы сейчас стоим! Лицо стерлось из памяти – лет прошло немало, а вот увидела и сразу знала. Мачо и «ботаник» в одном «флаконе», - повторилась она.

Нелли начала качать головой по-иному, как болванчик: оценивала меня, после чего согласилась с высказыванием сестры утвердительным кивком и брякнула:

- Теперь я тебя понимаю.

- Рома, мы с сестрой очень спешим, - опомнилась Наташа, а сестра ее перебила:

- Я сама справлюсь... как-нибудь.

- Нет, раз договаривались, то я посижу с мальчишками... У Нелли двое маленьких сыновей. Ей нужно по делам, а я обещала забрать их детского сада и посидеть с ними до возвращения родителей.

- Ната, я отменю все дела.

- Неля, все решено. С Ромой мы не последний раз встретились. – Наталья Эльцина вопросительно посмотрела на меня.

- Не последний, - подтвердил я, оправдав ее ожидания. – Обменяемся номерами телефонов?..

Наталья сама мне позвонила в тот же вечер, не стала медлить и ждать моего душевного порыва. Доложила, что детей забрала из детского сада, накормила ужином, почитала книжку и уложила спать. Теперь ждет возвращения их родителей, потом пойдет к себе домой.

- Не боишься идти одна ночью? – спросил я, надеясь получить от нее утвердительный ответ: «Да, боюсь, но проводить некому». – «Как некому!» - возмутился бы я и, не раздумывая, предложил свои услуги в качестве сопровождающего

Наташа не продолжила затеянную мною игру, призналась, что живет неподалеку, а если что, зять проводит.

- Хороший зять, - обронил я, не найдя более умных слов для продолжения беседы.

- Хороший, - согласилась женщина. – Нельке с мужем очень повезло. Илья врач-кардиолог, прекрасный специалист, так о нем отзываются его пациенты. Мне, слава Богу, не пришлось убеждаться в его способностях на собственном опыте. Чего не скажешь о моей сестре. Загремела в больницу в кардиологическое отделение по глупости и непрофессионализму участкового терапевта, который ей заявил, что у нее шумы в сердце. Пока проверяли, есть шумы или нет шумов, между лечащим доктором и пациенткой завязался роман. Илья моложе сестры на пять лет, он вдовец, его жена скончалась сразу после рождения второго ребенка. Ей запрещали рожать детей – серьезные проблемы с почками, а она родила. Сначала одного, все обошлось, замахнулись на второго. Очень красивая была женщина, я видела ее фотографию. Илье с детьми помогала мать покойной супруги, его теща, но не так давно она погибла в автомобильной аварии – сбил на пешеходном переходе пьяный водитель, из новых русских. Илья сам справлялся, иногда помогала соседка, одинокая пожилая женщина, потом встретил Нелли. Ты не подумай, что он женился на ней из корыстных побуждений – нужна была положительная во всех отношениях женщина, которая засиделась в девках, потому готова идти замуж за любого, хоть за

вдовца с детьми, хоть за убогого. Нелька не стремилась выйти замуж, а встретила Илью и... вот, пошла не раздумывая.

- Так бывает.

- Бывает, что у сестер, одинаковых с лица, жизнь складывается однотипно... Вот и у тебя тоже двое деток, и ты тоже один.

- Ты тоже хочешь за меня замуж? – без обиды на прямолинейность, без злорадства дать отворот-поворот, совершенно спокойно... вру – с беспокойным ожиданием спросил я.

- А если я скажу «да»? Ты сбежишь из города, прихватив детей? Исчезнешь из моей жизни еще на много лет? Или, вообще, навсегда?

- Буду ориентироваться по обстановке, когда получу правдивый ответ.

Наталья Эльцина сказала совсем не то, что я хотел или не хотел услышать.

- Рома, ты считаешь меня... непорядочной девушкой? Конечно, как иначе, если я в первую нашу встречу прыгнула к тебе в койку. Но до встречи с тобой у меня было так паршиво на душе... И у тебя, кажется, тоже. Ты что-то говорил о девушке, с которой ты долгое время встречался, а потом она вышла замуж за твоего друга.

- Именно так все и было. Они поженились и живут в любви и согласии. Мы с мальчишками ходим к ним в гости. Дружим семьями.

- У меня в то время тоже свадьба расстроилась... Из-за сестры, из Норы. Она увела у меня жениха. Мы с ней помирились как раз накануне ее гибели. Я очень жалею, что не общалась с ней столько лет, Нелли металась между двумя огнями, пыталась нас помирить. Нора была согласна помириться – уже давно из моей и ее жизни исчез тот «завидный» жених, который даром никому не нужен, а гляди-ка, стал яблоком раздора между двумя сестрами. После смерти сестры я изменилась, куда исчезла моя бескомпромиссность, непоколебимость. Я поняла - не надо разменивать жизнь по мелочам, в одночасье может произойти непоправимое...

Наталья взяла передышку, вступил я, решив ответить на ее вопрос.

- Наташ, я не считаю тебя непорядочной девушкой, в тот день... так звезды сложились. Жаль, ты меня не разбудила и сбежала.

- Ну, разбудила бы тебя, дала свой номер телефона, и что? Ты бы мне все равно не позвонил. Сердечная рана еще кровоточила, я была всего лишь слабым утешением, обезболивающей таблеткой, снимающей боль на короткое время. И нисколько не сомневаюсь, что в ту пору, юношеского максимализма, ты тоже любил навешать ярлыки на людей.

- В ту пору я уже не был юношей, был молодым мужчиной.

- Но все равно с юношеским максимализмом. Ты относишься к той категории мужчин, который долго остаются детьми. Все зависит от родителей, которые постоянно опекают своих детей. Я тебя не обидела?

- Нисколько. И оспаривать не буду, пусть каждый останется при своем мнении.

- Главное, что ты не отнес меня к разряду...

- Наташ, давай оставим эту тему. Ты не передумала ехать к морю?

- Нет. Сейчас бархатный сезон, людей мало, солнце уже не жжет, море еще теплое. Тебя с собой не приглашаю – у тебя дети, школьная пора, за ними глаз да глаз.

- Рад, что ты меня понимаешь. Надолго едешь?

- На недельку. Когда вернусь, пойду на курсы бухгалтеров. Сейчас самая востребованная специальность.

- Правильное решение. Если что, я помогу. Курсы небось платные. А бы мог...

- У меня есть деньги. Но за предложение спасибо. Вернусь, позвоню. Передавай привет детям и отцу. Хорошего он вырастил сына!

- Спасибо, передам. Тебе - хорошего отдыха!..

Через десять дней мы встретились. Сходили в кино, посидели в кафе. Я проводил Наташу до дома, она не позвала меня «на чай»...

Шло время. Наконец-то, я решился и пригласил Наталью к нам в гости. Заранее подготовил мальчишек. Лекцию о правильном поведении в женском обществе читать не стал, честно признался, что мне эта женщина дорога. Впервые задумался о том, чтобы разбавить наш мужской коллектив. Но делал вид, что у меня нет серьезных намерений, к нам в гости придет моя хорошая знакомая. Просил мальчишек не делать скоропалительных выводов, не принимать мою знакомую в штыки, присмотреться к ней, а затем честно высказать свое мнение. Хочу убедиться в их умении разбираться в людях.

Я волновался. Не знал, какую реакцию вызовет у детей появление женщины. Как она себя поведет? Сумеет ли она поладить с мальчишками? Они у меня парни прямолинейные – если заметят фальшь, не смолчат, но выразятся так виртуозно-осаживающе, что у объекта нападения исчезнет всякое желание дальнейшего общения. Но если с ними поладить, они за тебя пойдут в огонь и в воду.

Мне очень хочется, чтобы моя женщина поладила с моими детьми. Надеюсь, Наталья это понимает. Мне кажется, она обладает тонким чутьем, поэтому сможет правильно себя повести, наладить контакт должным путем.

Если замечу неискренность со стороны Натальи, если мои ребята будут против моего союза с ней, то я прекращу всякие с ней отношения. Даю слово...

Пацаны осознали всю ответственность. Вели себя по-взрослому, без детских выкаблучиваний и капризов.

Что мне понравилось: Наташа не сидела букой, не отвечала на вопросы отца односложно и в то же время не трещала, как испуганная сорока, что несколько изменило предвзятое негативное отношение к ней моего отца – это я понял с его первого взгляда на нее. Но все же отец недоумевал, потому во время разговора иногда поворачивался ко мне и кривил рот. Я никак не реагировал, старался окружить вниманием всех – и своих, и чужих, безраздельно. Надеялся, что вскоре все станут своими, родными людьми.

И еще один плюс: Наташа не заискивала перед мальчишками, общалась с ними на равных. Поначалу они отвечали сдержанно, потом разговорились, затащили ее в свою комнату, начали показывать кто что: Федька свои рисунки и обсуждать моду, в которой Натка хорошо разбиралась, Мишка похвалился, что решил задачу повышенной сложности, которую никто, кроме него, в классе не решил. А потом и вовсе затянул песню, которую они недавно выучили на занятии хора, чем смутил всех, кроме гостыи, которая ему подпела вторым голосом. Их голоса отлично слились в дуэте, по окончании мы дружно им аплодировали.

Когда я проводил Нату и вернулся к себе, пацаны уже спали, отец сидел на кухне и смотрел телевизор, который я подарил ему на шестидесятилетие. Посуда была вымыта и убрана – желание гостыи помочь он отклонил. Отец налил мне чаю, все проделал молча. Я взял кружку с чаем в руки, потом вернул на стол и спросил напрямую:

- Она тебе не понравилась?

- Эта женщина с богатым прошлым. Ты понимаешь, о чем я. Но из таких женщин выходят хорошие жены. Ты ее любишь?

- Люблю.

- Мальчишкам она тоже понравилась. Мое мнение ты услышал. Решать тебе...

Знакомство и этот разговор произошли в начале лета, я долго тянул с представлением Натальи моим родным – целых восемь месяцев. Конечно, они

догадывались, что у меня кто-то появился: иногда я задерживался после работы, очень редко не приходил ночевать. Но выходные всегда проводил с мальчишками. А после знакомства с Натальей, все выходные мы проводили вчетвером.

Мы решили по-тихому расписаться в загсе в конце сентября. Без всяких пышных торжеств. Никакого свадебного путешествия не планировали. Наталья окончила бухгалтерские курсы, устроилась на работу в фирму по производству светильников, никто ей отпуск не предоставит. Я предлагал сделать ей протекцию на своем заводе, но она наотрез отказалась – не захотела работать вместе со мной.

Наши планы претворились в жизнь – в конце сентября девяносто шестого года мы с Натальей стали мужем и женой. Устроили посиделки по случаю нашего бракосочетания у нас дома. Кроме жениха и невесты присутствовали мой отец, наши дети, родители Натальи, хорошие простые люди из небольшого шахтерского города в области, ее сестра с мужем и детьми. Нелли я видел еще пару раз после нашей первой встречи в холле здания городского суда. С ее мужем, Ильей Михайловым, я познакомился на праздновании нашего бракосочетания, которое мы с Натальей совсем не планировали, но родственники настояли.

Повеселились мы неплохо. Замкнутая Нелли к концу праздника, наконец-то, перестала быть «проглотившей осиноый кол». Я спрашивал у жены, почему ее сестра так себя странно ведет, на что Наташа ответила, что ее сестра всегда такая – не от мира сего. Но это не значит, что ее что-то не устраивает или она держит обиду на кого-то из присутствующих. Если у человека закрытый характер, кто его за это осудит.

Под конец Нелли под села ко мне и спросила:

- Роман, ты счастлив?

- Я счастлив, - улыбнулся я.

Нелли хотела что-то еще спросить или высказаться, но к нам под села моя жена и приказала своей сестре:

- Иди спасай мужа, а то он замучил моего свекра лекциями о болезнях сердца.

Нелли не сказала больше ни слова.

Я не мог подумать, что вижу ее в последний раз...

Трагедия произошла ровно через месяц, в последних числах октября.

В воскресный день Илья Михайлов отправился с детьми в цирк на дневное представление. От здания цирка семья жила всего в двух кварталах. Шикарная квартира в центре города досталась Илье Денисовичу в наследство от его отца, профессора медицины, врача-кардиолога. Сын пошел по стопам отца, тоже поступил в медицинский, тоже выбрал кардиологию.

За прошедший месяц я встречался с Ильей несколько раз, несколько раз разговаривал с ним по телефону. Обсуждали одну тему – здоровье моего отца, который согласился лечь в стационар на обследование. Лечащим доктором был Илья Денисович Михайлов, муж Нелли.

Чтобы отец согласился лечь на обследование в кардиологию, нам пришлось немало потрудиться. Отец склонялся к госпиталю: будучи нестроевым военным, тяготел к привычному окружению. Как будто в «гражданских» медучреждениях ему может грозить опасность. Причуды немолодого человека. Так я ему и сказал, за что получил благодарность: хорошо, не назвал стариком. И объяснил: не желает использовать родственные, пусть и витиеватые, связи. Наталья нашла убедительные и удивляющие простотой доводы – сыну нужен отец, внукам нужен дед. Коротко и ясно. Дед, он же отец, согласился воспользоваться связями и согласился лечь в стационар нерядовой клиники, где лечились известные и

обеспеченные люди города. Я не мог понять, как туда попала Нелли, когда у нее обнаружили «шумы в сердце». Спросил об этом у жены. Она ответила, что в этой клинике работает давняя подруга Нелли...

Илья отправился с детьми на цирковое представление, Нелли осталась одна. В их доме, наконец-то, включили отопление и горячую воду, и она мечтала понежиться в горячей ванне.

Когда Илья с детьми вернулись, они обнаружили в квартире следственную группу, а также соседа из квартиры, расположенной под квартирой Михайлова, и двух понятых. Тело Нелли лежало в ванне. Без предварительной медэкспертизы было ясно, что ее смерть насильственная.

Уже вечером, когда следственные мероприятия были завершены, а тело Нелли отправлено в городской морг, нам позвонил Илья и сообщил трагическую новость. Он попросил Наталью сообщить родителям о смерти их второй дочери...

А теперь по порядку.

Тревогу забил сосед снизу. У него с потолка потекла вода. Естественно, он бросился к безответственным соседям, которые решили испортить свежий ремонт в недавно купленной им квартире. Он долго звонил, потом начал тарабанить в дверь, дернул дверную ручку, дверь открылась, он окликнул хозяев, никто не отозвался. Тогда он вошел и сразу направился к ванной комнате.

Испугался увиденного, но нашел в себе силы перекрыть кран. После чего позвонил в милицию из своей квартиры. Вышел на лестничную клетку и стал ждать приезда следственной группы.

Сначала подозрение пало на мужа погибшей, так как сосед заявил, что муж и жена часто ссорились, в основном в ванне, в основном поздним вечером, когда дети уже спали. Супруги шипели друг на друга. О чем шел разговор на шипящих тонах, сосед не сообщил, не слышал. Но без труда догадался – ругаются. Илья заявил, что это все домыслы и наговор.

Во время убийства Илья с детьми смотрели цирковое представление, у Ильи Михайлова было неоспоримое алиби.

Не знаю, что обо мне наговорила Илье моя жена, но после похорон Нелли, после поминок Илья отвел меня в сторону и попросил приложить максимум усилий и найти убийцу жены. Он готов заплатить мне любую сумму. От денег я отказался, но обещал заняться расследованием. Все-таки перед врачом-кардиологом, который поднял на ноги моего отца за такой короткий промежуток времени, я был в долгу...

Я злился от того, что не могу вспомнить какую-то деталь. Я что-то упустил, это меня мучает. Когда именно? Что именно?

Я не стал звонить Илье и напрашиваться в гости. Был уверен, что он дома, занимается детьми. Сам не знал, зачем к нему еду. Никаких новостей у меня нет – обнадеживать неутешного вдовца нечем...

Опять вдовец. Опять дети остались без матери.

Что-то щелкнуло в голове – надо ехать! Я и поехал.

Пока добирался до квартиры Михайловых на автобусе, вспоминал разговор с Наташей. Тема, естественно, была одна – смерть Нелли.

Наташа опять вспомнила о нежелании сестры выходить замуж, о нежелании иметь детей. Я не бросил, как в прошлый раз, «так бывает», а спросил, почему. Все-таки не девочка, тридцать с хвостом.

В то время это был запредельный возраст для брака.

Наташа призналась:

- Когда Нелли было шестнадцать, ее изнасиловал парень, ее сверстник, с которым она дружила. Пригласил к себе в гости, когда не было родителей, и изнасиловал.

Нелли рассказала сестрам, Норе и Наташе. Наташа требовала пойти в милицию и написать заявление на подонка. У Норы было другое мнение: начнут полоскать имя сестры на всех углах – город небольшой, все друг друга знают.

– Можно уехать в другой город, где никто ничего не знает, - предложила тогда Наташа.

Но в этом случае надо найти вескую причину для родителей. Веская причина не нашлась, сестры-тройняшки сошлись во мнении, что Норе надо остаться и жить как жила – делать вид, что ничего не произошло.

- Как повел себя по отношению к Норе малолетний насильник? - спросил я у жены.

- Он вскоре погиб. Несчастный случай. Выпал из окна собственной квартиры. В состоянии алкогольного опьянения.

- Сам выпал? Без чужой помощи?

- Тебе нужна правда? - напряглась жена. Я спросил просто так, без всякой задней мысли, но вызвал странную реакцию.

- Нужна, - не менее напряженно ответил я.

- Тогда слушай. Нора помогла. Пришла к нему под видом Нелли, прихватила с собой бутылку вина. Кавалер обомлел, увидев ее на пороге, стал белый, как мел. А она прильнула губами к его губам, сказала, что зла не держит. Предложила распить мировую и... попробовать второй раз, теперь по обоюдному согласию. Он пил вино, Нора делала вид, что пьет, а потом... Опомнилась, когда увидела на тротуаре тело в позе цыпленка табака.

- Это точно была Нора? Не ты?

- У меня есть опознавательный знак, - напомнила жена и показала родимое пятно чуть выше локтя. – Да, мы вместе обдумали план мести. Мы должны были покарать преступника, и мы его покарали... без ведома Нелли. Она еще и слезы лила по этому подонку, жалела его... Он ей всю жизнь искалечил... Если бы не Илья, так и не познала женское счастье... Жаль, недолго. – Наташа всхлипнула.

Я подождал, когда она успокоиться, и спросил:

- Вы мирно жили с сестрой?

- Ты... намекаешь, что это я... ее? Ты с ума сошел. Как ты мог подумать? - возмущенно прошептала она, чтобы не разбудить детей, спящих в соседней комнате. Ее возмущенный шепот походил на шипение. Я невольно вспомнил слова соседа Михайловых, который сообщил о ругани в ванне, походившей на змеиное шипение.

- Я ни на что не намекаю, я веду частное расследование убийства твоей родной сестры. Я не могу тебя подозревать: в тот день ты постоянно была в поле моего зрения, потому у тебя есть алиби.

- У меня алиби, у Ильи алиби, у всех алиби, а Нельку кто-то убил! – в сердцах воскликнула Наташа.

- Не у всех алиби, у преступника алиби точно нет. Надо искать того, кто был заинтересован в ее смерти. Мертвая Нелька его устраивала больше, чем живая. Она могла что-то знать, он боялся огласки, - без уверенности высказался я и пояснил, - чем преступнику могла угрожать приемщица из химчистки?!

- Бывшая приемщица из химчистки, - поправила меня жена. – Вот я все время думала и никак не могла понять, почему эти два человека, Илья и Нелька – люди из совершенно разных слоев общества, сошлись? Почему он обратил на нее внимания? Неужели у него никого не было? Никогда не поверю. Чем Нелька лучше других?

Чем она его взяла? Чем он ее взял, понятно – умен, красив, образован, уважаемый в клинике человек, врач золотые руки.

- Неля тоже красивая женщина, не глупая, как я понял по твоим рассказам. Опять же тихоня. Кого-то это устраивает, кого-то нет. Но то, что она ненавязчивая, его точно устраивало: мужчины не любят чрезмерно инициативных. Потому-то Илья и женился на ней, силком в загс никто никого не тянул. А то, что у Нелли не было высшего образования, что с этого, у нас таких миллионы. Десятилетку окончила, потом техникум легкой промышленности. Сама говорила, что зрение ухудшилось, оставила работу швеи в ателье и перешла в химчистку. Всё в одном здании – в доме быта. И работать легче, и люди разные приходят – можно найти выгодную партию.

- Ага, генерала, - хмыкнула Наташка, вспомнив фильм «Москва слезам не верит».

- До Ильи у Нелли были мужчины? Только честно. Ты должна знать.

- Не было.

- Уверена?

- На сто процентов. Жила монашкой.

- А когда появился Илья?

- И что? Его появление превратило монашку в развратницу? Глупости говоришь.

- Ты могла заметить в ней изменения и не придать значения.

- А ведь ты прав, - через некоторое время призналась Наташа, - Нелька светилась от счастья. И когда разговаривала со мной, витала в облаках, отвечала невпопад. Я подумала, что она беременна, скрывает свою беременность – сглазить боится... Но Нелли не была беременна.

- Ты не ошибаешься?

Ната отрицательно покачала головой.

- Может, все-таки влюбилась, - рассудила она.

- Интересно знать, в кого? Если всё так и было.

- Да в этого, в любителя запонок.

- Ты о ком?

- О соседе, который шум поднял. Он постоянно носит сорочки с запонками на манжетах. Мне Нелька сама говорила.

- У тебя есть доказательства твоих догадок?

- Доказательств нет. Но где бы она могла влюбиться в мужчину, если не в собственном доме? Еще летом Нелька оставила работу, сидела дома, возилась с детьми. А чем ей заниматься, когда дети в детском саду?

- Мало ли чем занимаются домохозяйки.

- Это ты так думаешь... И я так думаю, - поспешно добавила жена, - а у женщины, которая была слепа с пятнадцати до тридцати четырех лет – почти двадцать лет! – и, наконец, прозрела, могут появиться... другие интересы в свободное от семьи время. Хватило года, чтобы прозреть и кое-что понять.

- Что именно?

- Что Илью она не любит.

- Это я виноват, что сподвиг тебя на нехорошие мысли о твоей покойной сестре.

- Ты, Ромочка, начал копать в правильном направлении. Глядишь, подкоп приведет тебя к цели...

Я не случайно вспомнил об этом разговоре с женой.

Дело в запонках! Это та самая упущенная мною деталь!

Когда я обследовал ванную комнату с завидной тщательностью, особо не надеясь что-то отыскать после действий милиции, я нащупал за полкой ножкой ванны некий предмет, который поначалу показался мне детской игрушкой. Это был маленький самолет на цепочке. Да, я принял Су-27 (поверьте, не ошибся с модификацией) за

детскую игрушку. Оказалось, вовсе не игрушка – поломанная запонка, принадлежавшая соседу – любителю экзотических запонок.

Я отдал «игрушку» детям Ильи, чем их сильно порадовал. Тогда подумал, что пропажа нашлась, оказалось – для них «игрушка» была в новинку.

Подкоп я веду в правильном направлении. Спасибо жене за подсказку, показавшуюся на первый взгляд обычной трескотней...

Мне открыл дверь сам хозяин, причем пришлось ждать некоторое время. Даже показалось, что меня не хотят пускать. Сначала долго изучали в дверной глазок – я это чувствовал, потом шаги удалились, а потом человек вернулся и сразу распахнул дверь.

Илья выглядел зашуганным, как выражаются мои дети. Мы поздоровались и застыли в прихожей. Я вопросительно смотрел на хозяина, ожидая приглашения пройти куда-угодно, хотя бы на кухню, не в прихожей же разговаривать, в самом деле. Хозяин приглашать не собирался, поинтересовался новостями. Мне показалось, что он меня не слушает. Ему очень хочется повернуть голову в сторону кухни, но он борется со своим желанием, успешно борется, пребывая мыслями точно не в прихожей, не рядом со мной.

Я повременил заводить разговор о запонке в виде самолета СУ-27, рассказал о предпринятых шагах, ни на йоту не приблизившись меня к раскрытию тайны. После чего задал тот же вопрос, который задавал своей жене: изменилась ли за последнее время Нелли?

Вопрос пролетел мимо ушей хозяина, я остался без ответа. Пришлось повысить голос, обратившись к нему по имени. Илья очнулся и сказал:

- Рома, не переживай, у меня все под контролем. Медикаментозное лечение, которое я назначил твоему отцу, дает положительный результат.

- Спасибо. – Мне ничего не оставалось, как поблагодарить.

Разговор по профессиональной тематике вернул Илью в реальность.

- Еще рано меня благодарить. Но я обязан тебя предупредить. Может так случиться, что Александру Федоровичу понадобится серьезная операция.

- Какая?

- Пересадка донорского сердца. Я делал подобные операции, и все они прошли успешно. Очень надеюсь, что до операции дело не дойдет, но я обязан тебя предупредить.

Новость сбила меня с мысли. Не отдавая себе отчета, я запросил воды. Илья вздрогнул, как будто я попросил у него чего-то невозможного.

- Воды, - повторил я.

Илья двинул в сторону кухни, я пошел за ним. Двигался, как зверь на охоте: ступал неслышно и почти не дышал – не уверен, что во время охоты зверь дышит через раз.

За кухонным столом сидел мужчина с наголо бритой черепушкой. С левой стороны черепушки была отчетливо видна затянувшаяся рана. Волосы начали отрастать и походили на стриженный газон. С той разницей, что цвет был не зеленым, а рыжим.

Мужчина повернул голову на звук открываемой двери, сначала увидел хозяина, потом и меня.

- Добрый вечер, - поздоровался он.

- Добрый вечер, - вторил ему я и назвал себя, - Роман Хруцкий.

- Э-э-э, Павел, - после протяжного «э», означавшего раздумья, произнес мужик со «стриженным газоном» на голове. Среди «газона» отчетливо виднелась зажившая рана.

- А фамилия? – уточнил я.

Павел переглянулся с Ильей Михайловым.

- Рома, это мой дальний родственник, - поспешно объяснил Илья. - Приехал к нам погостить. Он не знал о нашем горе... Павел, ты пей чай... Рома, ты будешь чай?

- Буду, - присаживаясь к столу, кивнул я. – И давно родственник приехал?

- Вчера, - доложил Илья и положил ладонь на плечо гостя.

- Вчера, - подтвердил гость.

- И откуда прибыли, позвольте узнать? - прицепился я.

- Из Саратова, - ответил за гостя хозяин и обратился к нему, - Павел, тебе нужно отдохнуть с дороги.

- Пусть посидит с нами, у меня есть для Павла хорошие новости.

- Вы... знакомы? – с трудом произнес Михайлов, будто это была не короткая фраза, а сложно выговариваемая скороговорка.

- Илья, я думал, ты мне доверяешь, - скривился я. – Если наши отношения строятся на недоверии к друг другу, то ничего хорошего из этого не выйдет.

- Рома, я оказался в сложной ситуации.

- А давай я начну, а ты продолжишь... Этого человека, - я указал на гостя, - зовут Паскаль Петрович Гнилорыбов.

После такого заявления гость подпрыгнул на стуле, сморщился, заулыбался, вновь сморщился, вновь «расцвел, как майская роза».

- А ведь правда, - наконец, объявил он, - меня зовут Паскаль, отчество – Петрович, фамилия – Гнилорыбов.

- Ты память потерял, что ли? – не поверил я.

- Потерял, когда башкой об асфальт шмякнулся. Я вспомнил! Меня один мужик заставил броситься под колеса какой-то тачки. Я хотел его перехитрить, но он толкнул меня прямо под колеса. Больше я ничего не помню. Очнулся уже в больничной палате.

- Павла... Паскаля... - начал Илья.

- Называй меня Павлом, меня все так называют, - разрешил Гнилорыбов. – Вот что удивительно, имя-то я свое вспомнил.

- Павел оказался под колесами моего автомобиля. Мне ничего не оставалось делать, как отвезти его к нам в клинику. У меня приятель работает в «травме». Сказал, что это мой родственник. От Павла спиртным за версту разило, вот я и сочинил, что он упал и сильно ударился головой. Наверное, я был не прав, скрыв правду. Конечно, был не прав, но не хотел оказаться в следственном изоляторе. У меня двое детей, кроме меня у них никого нет.

- В то время была еще жива Нелли, - напомнил я.

- Нелли... Нелли... – повторил Илья. – Как ни крути, а она мачеха.

- Она плохо относилась к ребятишкам?

- Хорошо. Но где вероятность, что у нее не забрали бы детей, не передали их в детский дом в случае... если бы я...

- Ребята! Вы потом поговорите о своем, - обнаглел гость. – Давайте сначала поговорим обо мне. Что за мужик толкнул меня под колеса? Ты у него денег занял и не отдаешь? Так он нам объяснил. Со мной были еще двое мужиков, но они отказались бросаться под колесами. Мурые, не то что я.

- Пить надо меньше, - посоветовал я.

- Я больше в рот не беру. И не тянет. Есть преимущества в черепно-мозговой травме. Вот так надо лечить нашего брата!

- О договоренности Павла с неким мужчиной я слышу впервые. Но не удивлен. И догадываюсь, о ком идет речь. С этим человеком я был знаком лично. Ни о какой долге, как ты понимаешь, речь не идет.

- Почему он не заявил о наезде? – спросил я.
- Этот человек, который хотел подкупить Павла, недавно скончался в нашем кардиологическом отделении. Поступил к нам в крайне тяжелом состоянии. Но наотрез отказался, чтобы им занимался я. И скажу почему. Приблизительно год назад у меня на операционном столе скончалась пациентка. Сам виноват – операция была бессмысленной, женщина была обречена. Но муж так меня умолял спасти свою жену, что я пошел на риск. Естественно, обвинил меня в смерти супруги. Сначала написал заявление в прокуратуру, когда дело не выгорело – уголовное дело против меня не завели, он начал делать всякие гадости. Авария на дороге – одна из его гадостей. Повезло, что обошлось без смертельного исхода.
- Паскаль все это время находился в клинике? – спросил я.
- Из клиники его выписали три недели назад. Я поселил его на своей даче. А куда мне его девать?! Фамилию свою он не помнит. Выяснить в милиции о людях, объявленных в розыск, я не решился: надо ответить, почему я интересуюсь. Рассчитывал, что память к нему вернется, и мы расстанемся без претензий.
- Что ты, Айболит, я не тебя зла не держу! – обнадежил заявлением Паскаль Гнилорыбов. – А как тебе мои родные будут благодарны! - закатил он глаза, - словами не передать: я все-таки «завязал»!.. Пойду я, наверное, а вы тут сами разбирайтесь.
- Ну уж нет, куда ты не пойдешь, - вернул я Павла на свое место, - сейчас я позвоню твоему отцу, Петру Петровичу. Он уже отчаялся увидеть тебя живым. Обрадую старика. Передам тебя из рук в руки почти в целости и сохранности...
- Через полчаса Петр Петрович вместе с внучкой и ее кавалером Прохором приехали за Паскалем. Сцена встречи едва не заставила нас с Ильей пустить слезу.
- Родным Паскаля была предложена версия с черепно-мозговой травмой на улице, где его и подобрал сердобольный доктор Михайлов.
- Гнилорыбовы долго прощались со своим благодетелем, обнимали, трясли руки, Паскаль заверил, что «завязал навсегда», на этой обнадеживающей ноте они покинули квартиру.
- Тотчас открылась дверь детской и показались две заспанные детские физиономии.
- Дласти, дядя Лома, - поприветствовали меня Борис.
- Здравсте, дядя Рррома, - вторил ему старший брат Денис.
- Здравсте, мои хорошие.
- А вы почему не спите? – строго спросил у них отец.
- А вы не сумите, - огрызнулся младший, трехлетний Боря.
- Извини, что слегка пошумели, - вставил я.
- РРРаз ррразбудили, то читайте книжжжку, - сообразил пятилетний Денис, недавно научившийся выговаривать букву «р» и букву «ж». Теперь он рычал и жужжал.
- Пришлось читать.
- Мальчишки уснули быстро, а мы продолжили разговор с их отцом. На этот раз мы поговорили откровенно...
- Илья рассказал, что Нелли очень изменилась за последнее время. Я уточнил: неделю, две, месяц – за какой период времени?
- Оказалось, что весьма странно, сразу после нашей с Натальей свадьбы.
- Кому-то радостное событие, медовый месяц, а кому-то – испытания на прочность.
- Наталья и раньше была сдержанной на чувства, была неразговорчивой, вся в себе, а тут и вовсе ушла в себя, - с большой неохотой признался мне вдовец. – Но она как бы светилась изнутри, надо быть полным дураком, чтобы не понять – женщина счастлива. А Наташа тебе ничего не рассказывала? Может, она была в курсе?

- Ничего, - солгал я, хотя, доля правды была – тоже заметила изменения в сестре, но причины не знала. - Илья, возможно, чувство к тебе как-то видоизменилось... что ли, но будучи человеком закрытым, она не решалась заговорить о любви.

- Получается, вышла замуж без любви, потом полюбила и раздумывала, признаться или погодить? Рома, думай, что говоришь!

- А почему, нет? Со временем полюбила тебя по-настоящему, но боялась обидеть запоздалым признанием.

- Если честно, то мы не обменивались признаниями. И без слов было все понятно. Но месяц назад с Нелли что-то случилось, как будто свет внутри включился. И уверен в одном – эти изменения ни коем образом не касались меня, ее законного супруга. Меня она как будто не замечала. Но любое напоминание о моем присутствии, любое мое прикосновение, она воспринимала в штыки.

- Ты пытался поговорить с ней по душам?

- Конечно. Но у нее был один ответ: «Не придумывай!»

- Ты не ошибался?

- Нелли была по-настоящему счастлива. Причем свое счастье она старательно скрывала, как скрывает архисуеверная невеста свое будущее бракосочетание: даже самым близким и родным людям не открывается, даже не намекает, а на все вопросы отвечает уверенно: «Я? Замуж? Что вы, что вы! Ни за что и никогда!» А через... неделю хвастает обручальным колечком на безымянном пальчике...

Время шло, никаких заявления Нелли не делала, но все больше погружалась в себя.

Если бы ее глаза не светились плохо притушенным счастьем, супруг бы предположил самое наихудшее – болезнь самой Натальи, болезнь ребятишек. Но раз глаза светились, Илья, как здравомыслящий мужчина, без труда догадался – у Нелли кто-то появился. Интрижка завязалась на свадьбе ее родной сестры или сразу после нее. Если бы свадьба была многочисленной, пришлось бы поломать голову в поисках потенциального любовника. Но на свадебном торжестве присутствовал узкий круг людей, проверенных людей. Следовательно, надо восстановить в памяти события, следующие за свадьбой.

Сколько не ворошил недавнее прошлое Илья Михайлов, никак не мог вспомнить, с какой точки начался отсчет их семейного несчастья. Жили в любви и согласии, пусть жизнь и не была наполнена постоянными признаниями, бешеным сексом, но жили хорошо, тихо-мирно, а затем как будто кто-то отключил рубильник, отвечающий за любовь и взаимопонимание, муж и жена продолжали жить по инерции вместе, кажется, всё было по-прежнему - со стороны, на самом деле, муж остался на месте, а жена перебралась в параллельный мир.

Наталья всегда была закрытым человеком - отсиживалась за деревянным щелевым заборчиком, а тут и вовсе отгородилась бетонной стеной, через которую к ней не достучишься. Приходилось «взрывать» - возвращать на короткое время какой-то новостью, которая может ее заинтересовать. Но интерес быстро пропадал, Нелли ускользала за... бетонную стену...

Перед уходом Илья вынес мне из детской поломанную запонку в виде военного СУ-27. Я вернул запонку на место: милиция сама должна обнаружить запонку. Или кто-то другой, не Илья...

На следующий день Илья решил поменять ванну, напомилавшую ему о трагедии. Кто его за это осудит? В этой ванне утопили его жену, в этом все дело.

Рабочие обнаружили поломанную запонку и предъявили ее хозяину. Тот выказал крайнее «удивление» и позвонил следователю, который вел дело об убийстве его жены. Следователь вместе с криминалистом прибыли на место недавнего убийства,

где их поджидал участковый инспектор, озлобленно глядевший на хозяина и рабочих, слегка заважничавших по причине своей значимости. Убедились в своей значимости после первого же вопроса, и подтвердили, что находка была обнаружена в полости ножки ванны, куда попала невероятным образом – скорее всего, предположили они же, уже знавшие о недавних трагических событиях, запонку поднесло туда потоком воды, там она и застряла. В качестве понятых была приглашена ближайшая соседка, Ольга Павловна Кулемина, и еще одна, с первого этажа, бойкая старушка с бегающими глазами, Авдотья Никаноровна Пичушкина. Пичушкина постоянно что-то нашептывала Кулеминой, Кулемина в ответ хмурилась и отворачивалась от Пичушкиной, которая привлекала к себе внимание визави хватанием за локоть двумя руками. Кулемина ловко уворачивалась, освобождалась, но ненадолго – Пичушкина требовала постоянного внимания к своим словам. Но вскоре переключилась на следователя, который вовсе не просил ее переключаться на него, а хотел быстро составить протокол и вернуться в свой тихий кабинетик два на два, сбросить с ног новые туфли, купленные женой на вещевом рынке без его участия и желания. Туфли оказались зверски малы, но продавец отказался совершать обмен, пришлось разносить обувь, чтобы жена уgomонилась. Использовать в личных целях свое служебное положение следователь не привык.

Однако разглагольствования бойкой старушки измученный следователь не пресек: говорила она по существу вопроса.

Оказалось, что подобные запонки есть у соседа снизу, который забил тревогу по случаю потопления и порчи ремонта в своей квартире и примчался в квартиру сверху, где и обнаружил труп в ванной.

Сосед снизу, ювелир-самоучка, весьма кстати оказался дома. Появлению невысокого милицейского чина не удивился. Все обвинения в свой адрес сразу отверг и вызывающе отвернулся от чина, свернул руки калачиком на груди. Правую ногу он вызывающе выставил вперед. У чина появилось острое желание наступить ему на ногу, болезненно, чтобы тот познал все прелести сдавленных пальцев ноги. Но удержался – при исполнении и, вообще, воспитанный человек. Но сдавленные пальцы обеих ног сделали свое гнусное дело: чин повысил голос. Ювелир-самоучка, носивший простую фамилию Нечипорук и простые же имя и фамилию – Иван Федорович, перестал быть памятником, выступающим против дискриминации угнетенных народных масс, встал по стойке смирно и, задыхаясь, то ли от волнения, то ли от испуга, то ли от несправедливости, проговорил:

- Вы меня подозреваете, товарищ?

- Тамбовский волк тебе товарищ, - встала Пичушкина, нагло просовывая свое морщинистое лицо с бегающими глазами в чужую прихожую.

Хозяин хотел сделать резкое движение в сторону входной двери, чтобы прищемить ненавистное лицо той, которая завидовала всем и вся, особенно зажиточным людям, заработавшим золотую копейку тяжелым непосильным трудом и невиданными способностями, но его действия опередило слово милицейского чина, заоравшего на всю округу:

- Закройте дверь!

Заорал, но не сказал, с какой стороны надо закрыть дверь. Авдотья Никаноровна поняла приказ по-своему и просочилась в прихожую ювелира-самоучки, отделанную в буржуазном стиле – с пафосом и вычурностью.

За Авдотьей проследовала и интеллигентная Кулемина, которая никогда бы не позволила себе входить без приглашения, но нарушила свои интеллигентные принципы – хотела быть в курсе событий, чтобы передать новости, слово в слово,

своему соседу Илье Михайлову, которого любила, как родного сына, уважала за приятные манеры, профессионализм и фанатичную преданность своему делу.

Следователь решил, что на сегодня ора хватит, смирился с появлением двух особ и продолжил допрос Нечипорука, который вежливо пригласил в гостиную, но следователь отказался, потому как хозяин придвинул к нему домашние тапки, в которые следовало переобуться - дал понять, что не следует шаркать ногами в уличной обуви по его новехоньким паркетным полам. Если следователь скинул бы с ног свои новые туфли и пошевелил пальцами, почувствовав небывалое наслаждение, но впоследствии не смог бы вместить опухшие пальцы в эти стальные обувные оковы. В связи с чем пришлось стоять, держать папку навесу, еще и писать показания Нечипорука.

Появление двух особ повлияло на хозяина: доселе ополовинившаяся спесь резко пошла на убыль. Он даже предложил милиционеру чину «проследовать на кухню (не в гостиную!) прямо в обуви, но чин никак не отреагировал на приглашение.

- В каких отношениях вы были с покойной Нелли Эльциной?

- С кем? – слегка отупел от беспокойства и спрятанного раздражения Нечипорук.

- С Эльциной, которую вы обнаружили в ванной без признаков жизни?

- Разве она не Михайлова? По мужу?

- Это имеет какое-то значение? – зловеще поинтересовался следователь, убив остатки хозяйской спеси. – И не надо тянуть время. Отвечайте на вопрос.

Если бы следователь повысил голос, Нечипорук потребовал бы адвоката, но следователь говорил спокойным голосом, но не сулившим ничего хорошего. С таким лучше не спорить.

- Ни в каких я не был с ней отношениях, - проблеял он. – Так, по-соседски общались: здрасте, до свидания... Про погоду говорили, - обнадеживающе добавил он, как будто разговор о погоде что-то менял при этих сложно-запутанных обстоятельствах.

Пичушкина едва ли не подпрыгивала на месте, Кулемина сверлила завравшегося хозяина непримиримым взглядом. Дамы преклонных лет переглянулись, и интеллигентная дама легким кивком головы дала добро своей соратнице по борьбе с новыми русскими.

- Врет он все! – с наслаждением брякнула Авдотья Никаноровна и топнула ногой в истоптанном тапке.

Прежде чем дать отпор наглому заявлению, хозяин пристально изучил паркетный пол, даже хотел отодвинуть непрошенную гостью с места, но не сдвинул и промолчал, но скорчил презрительную мину: дескать, сама врёт, из зависти к чужому богатству.

Противоречия двух классов, двух разных слоев населения жили, живут и будут жить.

- Говорите, - разрешил Авдотье следователь, страдающий от скукоженности пальцев ног.

- К нему она бегала! – заверещала Авдотья, указав пальцем на Нечипорука.

- Кто – она? – уточнил следователь. У него тоже произошло снижение скорости сообразительности. Всё из-за обуви, меньшей на пару размеров.

- Как кто?! Нелли... эта... Михайлова! Или Эльцина... Прям, президентская родственница.

- Эльцина она, - поправил ее Нечипорук, чтобы хоть как-то уколоть.

- А мне без разницы! – хмыкнула Авдотья Никаноровна. – Ты лучше скажи: не стыдно тебе путаться с чужими женами? Мы Илюшу знаем с вот таких, - она показала, с каких лет знает Илью Михайлова, выходило с двадцати пяти

сантиметров от паркетного пола. – А ты – пришлый. Только появился, сразу давай стучать, мозг выносить жильцам! Пока свою квартиру отремонтировал, мы чуть с ума не сошли. А потом принялся чужих жен охмурять. Ворюга! Разве на честно заработанные такие хоромы отремонтируешь?! – обратилась Авдотья к Кулеминой за поддержкой, та передернула плечами, бойкая старушка продолжила, - и я говорю, что не отремонтируешь. - Опомнилась и заверещала с новой силой, - а где, спрашивается, взял деньги на покупку новой квартиры?! Надо с ним разобраться, товарищ следователь!

- Это не по нашей части, - пробубнил себе под нос следователь, продолжая страдать. Ноги сами по себе становились на внешнее ребро, обманчиво облегчая участь скукоженным пальцам. – У вас есть доказательства, что у покойной Эльциной и Нечипорука была любовная связь?

- Ольга Павловна кое-что видела, - доложила Авдотья, с насмешливым высокомерием взглянув на почти поверженного врага.

- Слушаю вас, Ольга Павловна, - разрешил ей высказаться следователь.

Ольга Павловна так долго молчала, что в горле пересохло, первые слова вырвались с хрепотцой, а затем и вовсе задушил кашель. Хозяин смотался на кухню, принес стакан воды.

- Цианистого яду не забыл добавить? – развеселилась от скорой победы Авдотья, а сделавшая первый глоток Ольга Павловна поперхнулась вторым глотком и выплеснула воду изо рта на хозяина, который тревожился за стакан из богемского стекла и контролировал ее каждое движение.

Хозяин, недолго думая, утерся футболкой, выказав выступающий живот и волосатую грудь.

- Абрамгуганг, - выдала Авдотья, соединив имя, присущее представителям известной национальности, и того, от которого произошел род человеческий согласно Дарвину. – Видели, видели?

- Что? – устало спросил следователь.

- Какой он заросший, видели?

- И что?

- Если заросший, как обезьяна, то у него... то он...

- Да говорите же, в конце-то концов!

- Он сексуально озабоченный, - с облегчением определилась Пичушкина.

- Это доказательство того, что он расправился с Эльциной? – хмыкнул чин.

- Конечно! Сначала ее совратил, она к нему душой прикипела, хотела с мужем развестись... Но ему-то она наскучила. Не нужна она ему стала. Наигрался и выбросил. А Нелька-то не отстаёт! Пригрозила рассказать кое-кому о его... о том, как он деньги зарабатывает...

- Что вы несете? – скривился Нечипорук. – Если бы я... Если бы – подчеркиваю - я хотел с ней расправиться, но не стал бы заливать свою квартиру.

- На что не пойдешь, только бы от суда отмазаться, - со знанием дела заключила Авдотья.

- Оставим голословные обвинения, - осадил спорщиков следователь. – Ольга Павловна, я хочу вас послушать.

- Я несколько раз видела, как Нелли покидала квартиру, но из подъезда не выходила.

- Вы не могли ее пропустить?

- Не могла. Я уверена... Я отчетливо слышала, как Нелли спускалась этажом ниже. Ей сразу открывали дверь, она молча входила, дверь тихо закрывалась. Возвращалась в свою квартиру Нелли через час-полтора. И всегда это был четверг, и всегда в обеденное время.

- С чего вы взяли, что Ольга приходила ко мне?! Она могла входить в любую из четырех квартир на нашем этаже!
- Если быть справедливой, то такой уверенности у меня нет, - промямлила Ольга Павловна.
- Вот тебе на! – всплеснула руками Авдотья. – Ты же мне сама...
- Нечипорук не дал ей договорить:
- Вы бы лучше помолчали! Не известно, каким образом вы оказались хозяйкой такой роскошной квартиры в престижном доме в центре города.
- А мне скрывать нечего! И все знают, что я была в услужении у Великолукской – знаменитой оперной певицы. Она была одиноким человеком, никого у нее не было, кроме меня. Потому квартира отошла мне после ее смерти. Согласно завещанию, последней воле моей хозяйки. Бедняжка умирала в страшных муках. Рак у нее был.
- Это правда, - подтвердила Кулемина. – Авдотья была очень привязана к Великолукской. Благодаря ее заботе она протянула так долго. Рак у нее обнаружили за десять лет до смерти.
- Понял?! Хотя куда тебе, - махнула рукой на хозяина Авдотья. – Разе ты способен понять бескорыстные чувства.
- И все же я продолжаю настаивать – Нелли не приходила ко МНЕ! – выделил последнее слово Нечипорук.
- Конечно, на этом этаже живет еще один... любитель острых ощущений, - согласилась Авдотья, но он молод для Нелли.
- Ему столько же лет, сколько нашему Илюше, - обронила Ольга Павловна.
- Ну, что ты говоришь! Тебя кто-нибудь просил?! – взвилась Авдотья. Победа, которая была так близка, вильнула хвостом и уплыла в глубину чужих радостей.
- Но знаете... Мне кажется, что Андрюша, который живет по соседству с Иваном Федоровичем, отсутствовал в то время. Он уезжал на этюды. Андрюша художник,
- поспешно доложила Ольга Павловна.
- Он такой художник, как я солистка Большого театра, - хмыкнула Авдотья. - Но что-то там малое, еще и в выставках участвует, - добавила она. Согласиться что Андрюша – художник, было для ее же пользы: он уезжал на этюды, а Нелли бегала именно к Нечипоруку.
- Кто проживает в двух оставшихся квартирах? – спросил следователь.
- Никого подходящего для любовного адюльтера, - призналась Ольга Павловна, Авдотья уверенно подтвердила:
- Две семейные пары преклонных лет. Обоим мужикам не до баб, еле-еле ногами передвигают. К тому же не расстаются со своими женами, вместе и на прогулку, и в магазин, и по разным делам.
- Я хочу побеседовать с художником Андреем...
- Алякринский его фамилия, - подсказала Авдотья. – Но только зря время потеряете.
- Это почему же?
- У Андрюши есть зазноба, Нельке ни чета. Не станет он затевать шуры-муры с женой Ильи. Обязан он ему. Илья его мать с того света вытащил. С тех пор мать Андрея живет за городом, там воздух чистый, а в квартире сын обитает. Иногда один, иногда с барышней. Она тоже художница. Так что надо брать в оборот этот прохвоста! – Авдотья указала на прохвоста, замершего с открытым ртом и со стаканом божьего стекла в руке. От избытка возмущения и из желания не наговорить лишнего, прохвост приложил стакан с остатками воды ко лбу. Слегка наклонил и вода потекла тонкой струйкой по лицу.
- Сам себя выдал, - удовлетворенно заметила Авдотья Пичушкина.

- Товарищ следователь, что происходит? - возмутился Нечипорук, привычно обтерев футболкой мокрое лицо. – Почему эта особа продолжает клеветать на честного человека?!

- Честный! – выкатила из орбит глаза Авдотья. – Если он честный, то тогда я представитель... этой... неземной цивилизации!

- А ты меня за руку поймала?! – перешел на визг и панибратство ювелир-самоучка. – Да я вот этими руками... не покладая рук... я... честно заработал... - со слезами на глазах, сбивчиво, принялся рассказывать о своих трудовых доходах хозяин квартиры, в которой происходили нешуточные разборки.

Следователь продолжал мечтал о кабинете два на два, поэтому предложил Нечипорuku одеться и проследовать за ним для дачи показаний по всей форме. Нечипорук не успел запротестовать или смиренно проследовать, как них недр большой квартиры, как черт из табакерки, выпрыгнула дама в неглиже. Весьма соблазнительная и вызывающе красивая.

- Может быть, уже хватит издеваться над человеком? – безапелляционно обратилась она к представителю законности. – Мой... Иван ни в чем не виноват. Зачем ему нужна какая-то Нелли, если у него есть я?! – резонно рассудила она.

- И давно у него есть вы? – так же резонно заинтересовался следователь.

- Два месяца, - неуверенно ответила роскошная дама лет сорока пяти, нисколько не стыдясь своей условной прикрытости. – Но знакомы мы с Иваном очень давно. Чувства проснулись недавно.

- Ни стыда, ни совести, - заключила Авдотья и сплюнула.

- Два месяца или больше? – обратилась с вопросом к своему возлюбленному дама и пояснила для всех присутствующих, - счастливые часов не наблюдают. – При этом положила белую пухлую руку на плечо коротышки ювелира и смачно чмокнула его в щетинистую щеку.

Авдотья уверенно сплюнула и отвернулась. Нечипорук победно поцеловал свою возлюбленную в губы скользким поцелуем.

- А почему вы так тщательно скрываете свою связь? – задал вопрос следователь.

- Все просто – я замужем! - объяснила незатейливо дама. – И я очень рассчитываю на порядочность всех присутствующих. Не хочу, чтобы мой муж узнал о моей связи с Ваней. Разводиться с мужем не входит в мои ближайшие планы. Нас Ваней все устраивает. А к кому бегала та женщина, которую позже Ваня обнаружил в ванне убитой, нас не интересует.

- Каким образом запонка могла оказаться на месте преступления? – спросил неугомонный следователь, при этом он поставил на пятку сначала одну ногу, пытаясь вдавить ее в паркетный пол, затем тоже самое проделал с другой ногой.

- Туфли жмут? - догадалась дама в неглиже.

- Меня интересует запонка.

- Это я виновата, - призналась дама. – Как-то в пылу страсти сломала ценную вещь. Ваня приобрел запонку на выставке, к нам в город приезжал один известный человек, дизайнер милых мужских безделушек. Ваня приобрел на выставке несколько дизайнерских запонок. Он ими очень дорожил, а я сломала...

- Какие пустяки, - вставил Ваня с миной неудовольствия – даму сердца он все-таки мысленно корил за необузданные чувства. – Я попытался спаять запонку, и мне это удалось. Но паянный шов получился непрочным, в самый неподходящий момент запонка развалилась. Сначала я не заметил пропажу, обнаружил позже, но не мог подумать, что потерял запонку в ванне Михайловых.

- В тот злополучный день я была у Вани. Мы только собирались... в общем, вы меня поняли... и вдруг послышался непонятный шум. Ваня заинтересовался, он не любит

непорядок. И что мы увидели? Что вода сначала капала с потолка в ванной, а потом на наших глазах потекла струей. Ваня, естественно, побежал к соседям, устраивать скандал. Вернулся весь белый, говорит: там труп. Он позвонил в милицию и в «Скорую». Хотя, «Скорая» уже была не нужна. Так что, дорогой товарищ следователь, у моего любовника есть алиби. Его алиби - это я!..

После неудачи с ювелиром-самоучкой я предложил Илье разобрать на «микрочастицы» каждый день, начиная с воскресенья – дня, следующего за днем нашего с Наташей бракосочетания.

- Воскресенье... - задумчиво пробормотал Илья Михайлов. – Дети ночевали у соседки, мы попросили ее посидеть с ними, так как мы были приглашены на свадебное торжество. Соседка сама предложила, чтобы дети переночевали у нее, зачем их тревожить. Мы проспали почти до полудня. Неспешно позавтракали. Я не волновался за детей, знал, что они будут окружены заботой и вниманием, на Ольгу Павловну можно положиться. Потом Нелли занялась приготовлением обеда, а я отправился к соседке. Мальчишки еще не проснулись – они привыкли спать днем пару часов. Хотел уйти, но соседка уговорила остаться. Мне нравится у нее бывать. Обстановка хорошо на меня влияет, я отдыхаю душой.

- Может быть, дело в самой хозяйке?

- В хозяйке - в большей степени. Ольга Павловна человек эрудированный, с ней приятно поболтать. И немаловажно, что она хорошо меня знает, чувствует не хуже, чем родная мать, ориентируется по моему настроению. В тот день у меня было «говорливый» настрой, потому мы не только пили крепкий кофе, но и оживленно обсуждали всё, что приходило на ум, начали с Пушкина, великого нашего поэта - Ольга Павловна читала детям перед сном «Сказку о царе Салтане», продолжили рассуждениями о современной медицине и квалификации медиков, закончили, что естественно, уровнем жизни россиян, в частности – пенсионеров, которые влечат тяжелое существование. Я стараюсь ненавязчиво помочь Ольге Павловне материально. Она отказывается, но я умею убеждать.

- О Нелли речь никогда не заходила?

- А зачем мне обсуждать свою жену с кем бы то ни было, даже с человеком, с которым я давно знаком, с которым ощущаю родственную связь. Не пристало мужчине обсуждать свою жену с другими людьми, тем самым ты показываешь, что не удовлетворен своей семейной жизнью, что в чем-то подозреваешь жену, а завел разговор с одной законспирированной целью – выудить о ней информацию. Не по мужски это. Согласен?

- Полностью. Зайду с другой стороны. Тебе никогда не казалось, что Ольга Павловна порывается тебе что-то сказать, но в последний момент оставляет затею и мучается от своей нерешительности, которая связана лишь с одним – боится тебя ранить?

- Напоминаю – Нелли изменилась ПОСЛЕ вашей свадьбы. В то воскресенье Ольге Павловне не было смысла молчать и терзаться.

- Забыл прописную истину – об измене жены муж узнает последним, впрочем, как и жена об измене мужа.

- Ты уже всё для себя решил?

- А ты для себя?

- Думаешь, я рогоносец?

- Извини за прямоту, но... ты сам догадываешься, что в жизни Нелли появился другой мужчина, отсюда и изменения.

- Я постоянно думаю, и... тоже прихожу к выводу – появился другой... Неужели это... сосед, чью поломанную запонку мы нашли под ванной? Он мог жить на два фронта: иметь двух любовниц одновременно, двух противоположностей: одна, застенчивая тихоня, компенсировала другую, женщину-вамп. Но это всего лишь предположение. Неужели моя жена могла променять меня на этого волосатого коротышку? Хотя кто этих женщин поймет. Некоторым, чем хуже, тем лучше.

- Давай про волосатого коротышку. Вспоминай, может, он к вам приходил в гости, как-то смотрел на Нелли по-особому. Иной... невыразительный мужчина берет женщину взглядом, валящим с ног, одной фразой, тонким комплиментом – таким образом компенсирует внешнюю непривлекательность. И чем он непривлекательнее, тем виртуознее ловит на крючок женщин, которым не хватает внимания своего мужчины: пусть он богат, умен, красив, но деньги просто так на дороге не валяются – он трудится круглосуточно, забывая о жене.

- Или дело не в деньгах, а в фанатизме, - высказался о себе Илья, кардиохирург от Бога, фанат своей профессии.

- Женщина думает, что с ее стороны это всего лишь легкий флирт, вежливый ответ на мужское внимание, а потом незаметно попадает в любовный круговорот, причем так отчаянно, что пугает любовника, который не собирался что-то резко менять в своей жизни. Сам несерьезен, не верит в серьезность чувств и его начинает пугать решительность новой партнерши, которая, как оказалось впоследствии, доверчива до глупости и привыкла быть честной во всем. Ее не волнует, что происходит в его жизни, какие у него планы на будущее, если ли ей место в его будущем. Она уверена - есть! Они должны быть вместе! Он сам об этом ни раз ей говорил. Огорочив своего партнера заявлением о грядущем объяснении с мужем, она пишет себе смертный приговор, - нес я напропалую.

- Рома, ну ты хватил! Если бы каждый... запуганный любовник убивал обманутую им женщину, со всей серьезностью подошедшую к их отношениям, но трупов в городе было бы как бездомных собак на улицах. Или ты нарочно меня запугываешь?

Я молча воспринял нападки и проигнорировал вопрос. Не знаю, чего я добивался. Возможно, пытался вывести из себя вдовца. И опять же – для чего? Чтобы пробудился, оживился и начал вспоминать?

И Илья, действительно, как будто оживился, сосредоточился и в то же время перестал вести себя как перевербованный агент, который запутался и не мог сообразить, где свои, где чужие.

- Рома, я тебя уверяю - наш сосед, ювелир Нечипорук, не может быть убийцей моей жены. Какие два фронта! О чем ты? С такой дамочкой, как Эмма Хоружина, не забалуешь. С ней надо держать ухо востро.

- Возможно, именно, опасность его и вдохновила на новое приключение.

- Ничего-то ты в женщинах не понимаешь! Поверь мне – Эмма была одной единственной любовницей у Нечипорука. Она сказала, что они знакомы давно, но любовницей она стала недавно. Вполне вероятно, что Нечипорук ее долго добивался. И она им дорожит, раз открыла свое инкогнито, чтобы подтвердить его алиби, хотя до этого так искусно маскировалась, что никто из наших любопытных кумушек ее ни разу не заметил, не проследил, к кому она приходит.

- Мы не знаем, кто ее муж, какие у них отношения.

- К чему это ты? Намекаешь на то, что он скор на расправу, отсюда и перевоплощение для визита к любовнику?

- Фиг его знает. Может быть, это все лишь ее личные игры – дамочка заскучала.

- А может быть... - начал Илья и замолчал, ожидая от меня продолжения.

- Илья, а ты забыл, какое проблемное сейчас время?

Михайлов озабоченно на меня взглянул, как будто я молниеносно превратился из разумного человека в человека «со сдвигом по фазе». Как ни в чем ни бывало я продолжил:

- Так сложно чего-то добиться, способы достижения цели не важны, а добившись, совсем не хочется расставаться со ставшими привычными благами. Это было короткое вступление. А теперь по теме. Мужчина мог жениться на богатенькой бабенке, вместе с нею получил в приданое хороший капитал, который за нею же и числится - дамы нынче более прозорливые и расчетливые, чем раньше. Развод с женой поставит крест на его «счастливым» будущем. А развод может быть неизбежным, если отношения его супруги с любовником зайдут слишком далеко. Что надо предпринять мужу, причем срочно? Убрать с дороги любовника! Но! Но в этом случае следствие сразу выйдет на него, на обманутого мужа...

- Что еще? – поторопил меня Илья.

- Есть и другой способ оставить все как есть и сделать даже лучше - чтобы все имущество принадлежало ему безраздельно. Как этого добиться?

- Убить жену? И тем самым подгрести под себя все то, что принадлежало ей? – высказался Михайлов и сразу добавил, - но рискованно.

- Убивать жену не надо... Надо убить любовницу, которая надоела хуже горькой редьки, а «подвести под монастырь» именно жену. Один удар, и ты в дамках... Но это я так, размышляю вслух.

- Предполагаешь, что рано или поздно следствие придет к выводу, что Нелли убила любовница Ивана Нечипорука, потому что у ее мужа была связь с Нелли? А на самом деле... убил супруг любовницы Нечипорука, который ловко всё обставил?

- Да-да, дамочку могли элементарное подставить. Через Нечипорука. Запонка не случайно оказалась в твоей ванной комнате. Ее подбросили, чтобы сначала выйти на Нечипорука, потом на его любовницу...

- погоди! – не дал мне договорить Илья. – Ты забыл, что запонка была сломана, и ее владелец, который пришел, чтобы выяснить, почему у него с потолка льется вода, засуетился и потерял свою ценную вещицу.

- Допускаю, что Нечипорук сказал правду – запонка доломалась, упала и невероятным образом попала в ножку ванны. И это сыграло на руку убийце. Против него сыграло другое обстоятельство – что Эмма пришла в тот день к Нечипоруку. Зачем ей так подставляться? Сначала убила, потом между делом завернула к любовнику? А ведь Эмма была в тот день у Нечипорука, без всяких сомнений. Вспомни, что рассказывала твоя Ольга Павловна. Когда дамочка предстала перед вашими кумушками в том виде, в котором прибежала к любовнику - в парике, очках на поллица и бесформенном пальто до пят, Авдотья Никаноровна, которая сидит у окна и любопытствует, ее уверенно опознала. Она видела, как буквально за пять-десять минут до суматохи, возникшей с заливом и обнаружением тела Нелли в ванне, эта особа входила в подъезд. За пять-десять минут она не успела бы... Ничего бы не успела.

- И кто же все-таки настоящий убийца?

- Это сделал мужчина, - уверенно заявил я.

- Тоже мне, секрет Полишинеля!

- И опять, и снова повторю: этот мужчина, теперь речь не идет о Нечипоруке, легко поймал Нелли на амурный крючок комплиментом, учтивостью, вниманием – нужное подчеркнуть. Был ли у него заранее заготовлен коварный план? Об этом знает только он.

- Откуда у него ключ от нашей квартиры? Как он проник внутрь в день убийства? Я не думаю, что Нелли сама дала ему ключи или сама открыла ему дверь. Открыть-то могла, но если бы открыла дверь, то не вернулась бы в ванну, - рассудил Илья.

- У кого еще были ключи от твоей квартиры?

- У Ольги Павловны, - без особого желания ответил Михайлов. – Но ты же не думаешь, что Ольга Павловна убила Нелли?

- В данную минуту меня интересуют ключи, которым некий человек...

- Мужчина! – подчеркнул Илья, дабы увести подозрение от своей соседки, почти родственницы.

- Милиция интересовалась ключами Нелли?

- Да. Ключи нашлись в ее сумочке. Криминалист с ними работал, - задумчиво протянул Илья, - а потом... Рома, а ведь я забыл совсем, он сообщил следователю, что на ключах есть следы вещества, похожего на обычный пластилин. Их совсем мало, но они есть. И это значит...

- И это значит, что с ключей сделали слепок, по слепку сделали ключ, с помощью которого открыли замок.

- Я находился в таком подвешенном состоянии, что не сразу сообразил, о чем они говорят, а затем и вовсе забыл и разговоре. Получается, убийца заранее все спланировал, как ты и говорил. И убийца... из ближайшего окружения Нелли, раз смог взять ключи и сделать слепок.

- И теперь остается самая малость – вычислить убийцу.

- Кто же это? Любовник моей жены? Или это супруг Эммы Хоружиной, который решил ее подставить и заграбастать капитал, принадлежавший ей?

Я хотел высказать свои соображения: любовник Нелли и муж Эммы – это одно и то же лицо. Но пока сомневался. Потребуется помощь Ильи. Он должен знать, кто подцепил Нелли на амурный крючок. Но Илья не только не догадывался, мысли не мог допустить, что у его жены, тихони, «пуганой вороны», есть любовник.

- Илья, сейчас все зависит от тебя. Давай, вспоминай!

- Легко сказать, - вздохнул Илья. – Мне на ум ничего путного не приходит. И с чего ты взял, что Нелли могла пересечься с этим мужчиной в моем присутствии? Можно подумать, я держал ее на коротком поводке! Я ее не контролировал и не ограничивал в перемещениях.

- С тобой! Обязательно с тобой! Нелли всегда сторонилась мужчин. Если бы ей кто-то отвесил комплимент, когда она шла по улице, она бы не стала, как другие женщины, останавливаться, искриться счастьем, кокетничать – это не про нее. Нелли ускорила бы и постаралась забыть, приняв чужое мужское внимание за оскорбление ее женского достоинства. Я не прав?

- Прав, - подумав, согласился со мной Илья. – Я пытался дознаться, почему так происходит? Возможно, ее кто-то напугал, и она закрылась? Наташа тебе ничего не рассказывала?

- Нет, - уверенно ответил я, нисколько не смутившись. Посчитал, что прошлое лучше не ворошить.

А если корни преступления уходят в прошлое? – подумал я. – Это мечь Нелли на убийство парня, который ее изнасиловал... Вряд ли, - запротиворечил я себе, - столько лет прошло. Хотели бы отомстить, отомстили бы тогда, по горячим следам. И кто знал, что с парнем произошел ни несчастный случай?

Пока я раздумывал, Илья вернулся к воспоминаниям о воскресенье. Я сам не знал, почему именно ухватился за воскресенье.

- Мы поговорили с Ольгой Павловной Кулеминой, потом проснулись дети, мы вернулись домой, и Ольгу Павловну забрали с собой. Все вместе пообедали... или

поужинали. Вечерело уже. Ольга Павловна ушла к себе, а мы отправились в парк на прогулку. Погуляли до семи, уже смеркалось...

Илья замолчал и уставился на меня, как на странное существо, неведомым образом появившееся в его квартире.

- Что не так? – поинтересовался я.

- А ведь мы встретили в подъезде нашего соседа. Нечипорука.

- Уже интересно.

- Нечипорук был не один, в компании с приятелем. Они стояли у дверей, прощались и все никак не могли расстаться. Оба были навеселе. Сосед сообщил, что закончил делать ремонт в своих хоромы, так и сказал, и представил нам своего приятеля, с которым «обмывали ремонт», и зазвал нас с Нелли и детьми в гости. Мы отказывались, но сосед был настойчив. Его приятель передумал покидать гостеприимный дом и тоже присоединился к нам. Мы посидели в гостях недолго, потом ушли. У мальчишек уже глаза слипались, а у меня на понедельник была назначена плановая операция. Вот и всё.

- Все время вы были вместе? Ты никуда не отлучался?

- Отлучались вместе с хозяином в соседнюю комнату, в его кабинет. Нечипорук похвастал, что приобрел по случаю редкое издание «Слова о полку Игореве». Я загорелся посмотреть. Я отсутствовал недолго. От болтовни хозяина слишком устал. Сложно трезвому человеку общаться с подвыпившим. Полюбовался книгой и вернулся в гостиную

- Когда вернулся, не заметил никаких перемен в Нелли?

- Она громко хохотала над шутками приятеля Нечипорука.

- Как его звали?

- Феликс.

- А фамилия?

- Фамилию... я... не помню....

- Не беда, я все выясню...

Я без труда узнал фамилию приятеля Ивана Нечипорука – Колдуrow. И что самое интересное, Феликс Колдуrow оказался супругом Эммы Хоружиной, той самой женщины-вамп, любовницы Нечипорука.

Феликс Колдуrow руководил большой фирмой по ремонту электробытовой техники. По бумагам фирма принадлежала его супруге Эмме, получившей от отца, бывшего партийного функционера, кругленькую сумму на развитие бизнеса. Отец Эммы недавно покинул этот мир, зять решил освободить себя от непредсказуемой супруги.

О ее постоянных романах он знал, но ничего поделать не мог. Эмма романы не афишировала, но не отрицала, лишь отсмеивалась и не реагировала на угрозы мужа.

Связь с его другом детства стала последней каплей в чаше терпения Феликса.

Хотя Феликс был сильно навеселе в день знакомства с Михайловыми, план в голове созрел быстро.

Нелли оказалась легкой добычей. Но навязчивой. Он не просто ее не любил, а тихо ненавидел. Но она нужна ему была для выполнения плана. Встречалась пара на квартире Нечипорука. По четвергам, в обеденное время.

Феликс сообщил Нелли по телефону, что встреча в четверг переносится на понедельник. У него есть для Нелли сюрприз. Нелли была заинтригована, подгоняла время. И когда Илья засобирался с детьми в цирк, то отказалась идти с ним, позвонила любовнику и пригласила к себе. При этом заявила, что в понедельник муж будет дома – соврала, чтобы любовник согласился на перенос свидания.

Пришлось все менять на ходу.

Он якобы «вспомнил», что на понедельник ему необходимо явиться на заседание суда, где будет рассматриваться жалоба клиента, недовольного ремонтом его бытовой техники. Клиент оказался склочным. Фирма отказалась вернуть деньги за ремонт, посчитав свою работу выполненной качественно и в срок. Поэтому Феликсу необходимо в срочном порядке встретиться с адвокатом, который представляет в суде интересы фирмы, чтобы обсудить кое-какие детали предстоящего судебного заседания. Эмма не стала уговаривать мужа остаться с ней и провести вместе воскресный день. Напротив, повеселела – может нанести визит своему любовнику...

Обо всем этом я узнал гораздо позже. Рассказал сам Феликс Колдуров.

Но прежде, собрав о нем всю информацию, мы с Ильей Михайловым отправились в милицию. Я поделился информацией со следователем, высказал свои догадки.

Не будучи честлюбивым человеком, следователь не подумал, что я расшатываю трон, на котором он сидит, или хочу как-то унизить. Принял к сведению мой рассказ и начал действовать.

Феликса задержали в его собственном кабинете, провели обыск и обнаружили ключи, приклеенные скотчем под днищем одного из выдвижных ящиков. Это был дубликат ключей от дверного замка квартиры Михайловых.

Неподалеку от здания, где находилась фирма, принадлежавшая Эмме Хоружиной, находилось шаткое строение с вывеской «Заточка ножей. Изготовление ключей». В строении сидел пожилой худой мужчина. Он подтвердил, что Феликс Колдуров, которого он хорошо знал, обращался к нему с просьбой изготовить ключи по слепку. Он изготовил. Феликс хорошо заплатил.

Феликс все отрицал. Он признался в любовной связи с Нелли Эльциной, но никаких дубликатов с ключей не делал. Зачем ему ключи от ее квартиры, если они встречались на квартире его приятеля Нечипорука. Тот случай был единственным. Нелли позвонила и сказала, что муж ушел с детьми в цирк. У них есть более двух часов... Феликс Колдуров утверждал, что, когда пришел к Нелли, она уже была мертва. Он испугался и сбежал. А что ему еще оставалось делать? Женщине помощь уже не требовалась, а милиция свалила бы на него убийство...

Эмма обещала Феликсу нанять хорошего адвоката, несмотря на его измену. Но быстро забыла об обещании: нашлись хорошие люди, рассказали о планах «любящего» мужа касательно нее.

Через месяц Эмма Хоружина официально развелась с Феликсом Колдуровым, и вскоре вышла замуж за Ивана Нечипорука.

Иван Нечипорук после свадьбы продал свою квартиру с шикарным ремонтом, Эмма рассталась со всем своим движимым и недвижимым имуществом, и они перебрались на ПМЖ в Израиль...

Феликс Колдуров не дожидая суда. Повесился в камере предварительного заключения...

Моему отцу не понадобилась пересадка донорского сердца. Терапевтическое лечение дало положительный результат, за что я всю жизнь буду благодарен Илье Денисовичу Михайлову...

Не скажу, что я был удовлетворен итогами расследования. Что-то меня беспокоило... Неужели я ошибся? Время покажет, был ли я прав. Как говорит мой отец: поживем – увидим...

Вам показалось, что итоги расследования несколько скомканы? Это так. Я сделал это намерено: чтобы не раскрыть все карты раньше времени, случайно не обронить неосторожное слово. Все тайны станут явными в заключении.

А пока вас ждут еще две истории из жизни молодого(?) – немолодого(?) человека - меня, Романа Александровича Хруцкого...

В общем, продолжение следует...

История четвертая. 2006 год Горе-прорицатель

Неожиданно вспомнились слова песни из старого советского фильма «Служили два товарища». В фильме песню исполнял гениальный Ролан Быков.

«...Вот пуля пролетела и ага, вот пуля пролетела и ага...»

Вот десять лет уж пролетело и ага... Что «ага»? Пришел конец? Чему?

Пришел конец молодости? Не пришел. Сорок пять... Не совсем молодость, но еще не старость...

Вторая молодость приходит к тому, кто первую сберег, - так пелось еще в одном песне из моего подросткового возраста.

И еще лезет в голову сущая банальность: тебе столько лет, на сколько ты себя ощущаешь. Чаще всего я ощущаю себя на... тридцать пять. И молод, и бодр, и здоров, и энергичен...

Почему именно тридцать пять? Потому что с этого возраста я ощутил себя мужчиной в полной мере – женился на любимой женщине. Семья стала полноценной. Дети рады за меня, я рад за них – появилась заботливая мать, которая не кричит на каждом углу – как я их люблю! – а доказывает свою любовь на деле.

Я совру, если скажу: двоих мальчишек мне достаточно для полного счастья. Раньше было достаточно, после женитьбы на Наташе у меня появилось объяснимое желание расширить свою семью. Желание укрепилось в голове не сразу. Присматривался к жене, сходилась характерами, а когда понял – мы друг другу подходим, я сделал правильный выбор, то и желание расширить семью созрело окончательно.

Как задумали, так и случилось: через три года Наташа призналась, что ждет ребенка. Я был на седьмом небе от счастья. Ни отцу, ни мальчишкам мы ничего не сказали. Но отец, человек бывалый, без труда разгадал нашу тайну: Наташку постоянно тошнило. И лицо у нее стало зеленого цвета. Нет бы набирать вес, а она худела на глазах.

Наша радость длилась недолго. Через два месяца у Наташи случился выкидыш.

Через год опять радость, и снова... тоже самое.

Три беременности прерывались на третьем месяце беременности, четвертая – на пятом, когда моей радости уже не было предела: опасный рубеж мы перешагнули.

Ко всему меня «добили» диагнозом: больше у Наташки детей не будет. Чуда ждать не приходится.

Я как мог поддерживал жену... А кто подержит меня – мужчину, который мечтал о своих детях. Да, Мишка с Федькой мне родные дети. Но не по крови. И я не видел их в младенческом возрасте.

Как я мечтал взять на руки крошечный комочек и прижать к себе...

Мечты имеют право сбываться и имеют право не сбываться. Чем-то я прогневил высшие силы – у меня мечта не сбылась.

Никогда не появилась мысль расстаться с женой. Никогда. Но... любовь постепенно утекла, как вода сквозь сито. Ничего не осталось, ничего не задержалось в душе, в сердце. Нет, кое-что осталось. Жалость... Уважение... Как без уважения. И дружба. Наташка – мой хороший надежный друг. Это дорогого стоит.

Отец по-прежнему абстрагируется от невестки. Как говорил я в подростковом возрасте: в упор не видит. То есть, не замечает. Иногда «снимает очки», чтобы окончательно меня не добить своей отстраненностью. Не от меня и детей, естественно, от невестки, которая делает вид, что ее все устраивает. Никогда не затрагивает тему моего отца в душевном разговоре со мной. Но надо быть слепым, чтобы не заметить очевидного.

После нашей свадьбы отец предпочел «не путаться под ногами» и ушел жить на квартиру своей матери, моей бабушки. Это его выбор. Поначалу почти не появлялся у нас, мы встречались с ним на нейтральной территории, но потом немного поостыл, время от времени приходит к нам и даже остается ночевать.

Последнее время я начал замечать, что он пытается мне что-то сказать. Не молчит, а заводит разговор, начиная привычно: «Рома, у меня есть свое мнение, и ты обязан его, мнение, выслушать...» - «Батя, не начинай», - вежливо пресекая я всяческие разглагольствования отца на тему моей личной-семейной жизни. Сообразителен, черт возьми!

Отец безумно любит внуков, но мечтает о наших совместных детях с Наташей. Без труда можно догадаться, что последует за вступлением, не сулящим ничего хорошего. А последует вот что: «Тебе нужна другая жена... Я всегда говорил, что Наталья тебе не пара...»

Когда он это говорил? Он говорил, что из ТАКИХ женщин получаются хорошие жены. Таких – это непорядочных, гулящих... Как он просек, что Наташа – непорядочная, гулящая?! Думаю, никак. Просто хотел видеть рядом со мной другую женщину: с образованием, из интеллигентной семьи. Мне под стать.

Но умный мужчина - мой батя – десять лет назад сообразил, что «между нами любовь», и перестал ворчать. Но меня-то не обманешь. Я тоже не лыком шит, тоже знаю своего отца как облупленного: если молчит – это не значит, что смирился с моим выбором. Товарищ коммунист «сидит в окопе» и ждет. Чего ждет? Опрометчивого шага невестки, который заставит отца пойти в атаку... на меня. И вот теперь у него, как я понимаю, появился на руках козырь... Каким же образом он накопал на Наталью компромат? Как убедился в своей правоте - нынешняя жена мне не пара! Моя версия: даже зачать ребенка не может, а годы идут, ускоряя шаг.

Однажды отец сразу перешел к делу, без вступления «Рома, у меня есть мнение, и ты обязан...»:

- Еще неизвестно, от кого она понесла в прошлый раз, - сорвалось у него с языка без всяких предисловий, чтобы я «не соскочил» с темы.

Я был погружен в свои обеспокоенные мысли, поэтому не сразу сообразил, о ком он толкует и о чем, вообще, идет речь.

- Кто куда понес? – нахмурился я.

- Жена твоя понесла, кто же еще! – взорвался мой батя.

Наташка задержалась на работе, мальчишки, получившие высшее техническое образование два года назад, взяли в сентябре отпуск и укатили на Черноморское побережье. Поэтому в квартире мы были одни, могли говорить на повышенных тонах. В основном на повышенных тонах говорил отец – «строил» меня по привычке, я сдерживался, чтобы не довести глубоко пожилого человека до инфаркта.

- В Багдаде все спокойно, спокойно, спокойно, - проговорил я шутливо, чтобы разрядить обстановку. Вспомнил слова из любимого фильма из моего детства «Волшебная лампа Алладина».

- У меня за тебя, Ромка, душа болит, - признался отец, сбавив обороты.

- Каку гангрену за себя взял, эта Ульяновка хуже карасину, - ему в тон проговорил я, вспомнил очередной шедевр – мультфильм «Волшебное кольцо».

- Ему бы все шутки шутить!

- Не надо печалиться, вся жизнь впереди...

- Ты всё пела – это дело, так пойдешь же... - вздохнул отец, не договорив. И принялся бурчать, - вся жизнь у него впереди. О будущем думай, а в настоящем не плошай. Годы-то идут... бегут, - сел он на любимого конька, время упустишь, и что потом? В семьдесят лет становиться отцом... как-то... нехорошо.

- Чего ж хорошего, - утвердительно кивнул я. - Будут принимать за деда, не за отца. Вопросами разными доносить. И будут правы. Надо не только родить, но еще и воспитать, на ноги поставить, - нравоучительным тоном произнес я, как будто проводил воспитательную работу с молодежьим стариком, сидящим передо мной, который ошарашил неожиданным признанием. – И чего это ты удумал?!
- Кто удумал? Ты о чем? – не сразу сообразил отец, а, сообразив, врезал мне подзатыльник.
- Папенька, за что? – запричитал я.
- Сам знаешь, за что! Балбес великовозрастный, иначе тебя не назовешь... Ромка, не пойму причину твоей радости! Есть причина, так откройся, расскажи, поделись с отцом. Будем вместе веселиться.
- Грустишь – плохо, веселишься – опять плохо, - вздохнул я.
- В чем дело, признавайся! Вижу, что-то тебя гложет. А веселье твое напускное.
- КГБ не дремлет, - без прежнего хи-хи ха-ха брякнул я.
- С пацанами что-то не так? – забеспокоился батя.
- Со вчерашнего дня не могу до них дозвониться, телефоны отключены, я не нахожу себе места, - разоткровенничался я, изменив привычке не волновать отца понапрасну. Но волнение достигло наивысшей точки, хотелось с кем-то поделиться, найти слова утешения.
- Какой же ты... сумасшедший папаша! Детишкам уже жениться пора, а ты за ними ходишь, как за малыши детьми. Себя вспомни в их годы. Часто ты обо мне вспоминал?! Как загуляешь...
- Я? Загуляю? Товарищ, вы меня с кем-то путаете. Я был и остаюсь образцовым сыном.
- Не спорю. Вот раньше не было мобильных телефонов и с одной стороны было хуже, а с другой – лучше.
- Не спорю, - повторил я за отцом.
- Взять тебя в их годы. Доехал до места, отбил телеграмму и все. Я знал, когда ты вернешься и терпеливо ждал твоего возвращения. Волосы на себе не рвал, головой о стену не бился. Хотя ты бы мог черкнуть пару строк в письме, чтобы отца успокоить. А сейчас что? По несколько раз на день перезваниваетесь. Одни и те же дежурные вопросы: как дела, как погода, что нового? Вдруг не ответил – уже паника!
- Ничего хорошего в голову не приходит, - признался я.
- Все-таки не зря поделился с отцом своей проблемой: ждал слов утешения и дождался.
- Ромка, сынок, у нас отличные парни, ничего ужасного не сотворят, в плохую историю не попадут. Тем более, их двое, один за другого в ответе. Не волнуйся, скоро объявятся. – Отец погладил меня по голове. Как маленького. В носу защипало.
- Скорее бы они вернулись.
- А ты не подумал, что через год-другой наши птенцы вылетят из гнезда? Что тогда с тобой будет?
- Молоды еще разлетаться, пусть сначала на ноги станут, оперятся.
- Тебя забыли спросить, разлетаться им или сидеть под твоим крылом. Совесть имей, папаша сумасшедший! Ты меня спрашивал, когда женился? Мое мнение тебя интересовало? – сел отец на любимого конька.
- Мне уже тридцать пять было, - напомнил я, скорчив мину недовольства.
- А по мне, что тридцать пять, что двадцать пять, что пятьдесят – мой сын, мой ребенок.
- Я не вылетел из гнезда, остался жить с тобой, - вставил я. – Ты разъехался с нами по своему желанию, никто тебя не гнал из дома.

- Сам, конечно, - кивнул папенька, - но у меня на то была причина. И тебе известно, какая.

- Куда б ни шел, ни ехал ты, конечная точка пути одна, - монотонным тоном проговорил я, позаимствовав начало фразы из патриотического стихотворения поэта Исаковского. Не люблю равнять неземное с земным, то так вышло.

Отец никак не отреагировал на мое сдержанное возмущение, продолжил свой монолог так, как будто его никто не прерывал. Монолог превратился в странный диалог: говорят двое, но один другого не слышит. Я постарался абстрагироваться, но с трудом.

- ...Раньше все так жили – одной семьей, а нынче все иначе. Может быть, оно и правильно – время сейчас другое, разные поколения с трудом уживаются под одной крышей, никто никому не уступает, все норовят показать свой характер, свой нрав... Мы – исключение, - торопливо добавил батя.

Мой мобильный телефон, лежащий на столе, неожиданно зазвонил, напугав меня и отца.

- Объявились! – повеселел я, - сейчас я им задам.

- Сумасшедший папаша, - с удовлетворением заметил отец...

2006 год. Новый век уж шестой год шагает по планете.

Говоришь: родился в прошлом веке, и чувствуешь себя... чуть ли участником Великой Октябрьской революции. Старцем себя чувствуешь, замечая задумчивые взгляды юных отпрысков, мысленно подчитывающих твои преклонные года.

Год начался в воскресенье – уже лучше! И начался, как всегда, «весело» – Газпром отключил Украину от российского газа в связи с тем, что не удалось согласовать цену на газ. Украина хочет покупать у нас газ дешевле, мы хотим выгодно продавать свое природное богатство...

В феврале начались массовые протесты в исламском мире против публикаций карикатур на пророка Мухаммеда...

В марте в Гаагской тюрьме от инфаркта миокарда скончался бывший президент Союзной Республики Югославия Слободан Милошевич.

В марте же прошли президентские выборы в Белоруссии, а у нас – единый день голосования. Не надо говорить, кого выбрали президентом Белоруссии. Мой батя уже не стремиться на ПМЖ в бывшую Союзную республику. И причина кроется не в президенте Белоруссии, а в нашем президенте: старший Хруцкий на выборах президента страны голосовал за... Путина. Он сразу заявил, что этот человек способен навести в стране порядок. Но отец по-прежнему считает себя коммунистом. Однако к политическим спорам охладел, не окончательно, но без прежней коммунистической непримиримости.

Из хорошего: десятого февраля в итальянском Турине открылись XX Зимние Олимпийские игры. Наша сборная выступила отлично. И никаких допинговых скандалов! Почему? Потому что не было политической возни, Россия еще не научилась отстаивать свои интересы, не заявила о себе во весь голос. А только попытавшись, стала для всего мира врагом номер один...

Дима Билан занял второе место на конкурсе Евровидение, уступив хард-рок группе «Lordi» из Финляндии...

Двадцать девятого марта произошло полное солнечное затмение.

Не к добру это, - высказался отец, озадачив счастливых внуков, наблюдавших за редким природным явлением через закопченное стекло...

Этот год «отличился» небывалым количеством авиакатастроф по всему миру. Из причин на первом месте – человеческий фактор, потом идут метеоусловия, техническая неисправность воздушного судна...

США ввели санкции против Венесуэлы... за недостаточное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Введено эмбарго на экспорт вооружений. Кого пытаются напугать? Президента страны Уго Чавеса? Или народ Венесуэлы, который боготворит своего лидера?

Мой отец является жарким поклонником эксцентричного Уго Чавеса.

На ту же тему: США исключили Ливию из списка стран, поддерживающих террористические организации, и предложили возобновить с ней нормальные дипломатические отношения. В связи с чем такая «любовь»? Ливия отказалась от продолжения ядерной программы. А если бы не отказалась? Посмели бы США и их пособники-приспешники «ввести» в страну демократию со всеми вытекающими последствиями? Посмели бы «освободить» ливийский народ, «несчастный и обездоленный», от ига Муаммара Каддафи?

Полковник Каддафи - еще одна уважаемая моим отцом политическая фигура.

Забегая вперед, скажу – кадры его растерзания привели отца в бешенство. Он опять мне напомнил, что обязан был помочь лидеру Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии! Чем? Предоставить политическое убежище в своей квартире.

Мне не смешно. Мне горько. Без зазрения совести... некоторые личности, весьма обязанные полковнику, разожгли на территории Ливии, развитого спокойного государства, неутихающий пожар войны.

А ведь Каддафи предупреждал... Провидец... Зачем сдали Ирак? Саддама Хусейна? Дали слабину, получите.

Я становлюсь политическим спорщиком, как мой отец.

Лучше оставить эту тему...

Девятого июня в Германии прошло открытие чемпионата мира по футболу.

Чем запомнился чемпионат? Главным образом тем, что в финальном матче за звание чемпиона мира Зинедин Зидан нанес удар головой итальянцу Марко Матерацци. Зидана удалили с поля, сборная Италии в итоге победила. Но никто не осудил Зидана, хотя, без него сборная Франции выглядела слабее, потому и проиграла...

В июле вышла в обращение купюра номиналом пять тысяч рублей...

Теперь о частном. В нашей семье ничего особенного не произошло. Все живы и здоровы, некоторые – не вполне здоровы. Я говорю об отце. Но он жив, по-прежнему радуется нас своими придирками.

До нового года еще далеко, произойти может всякое. О плохом думать не хочется, надеюсь только на приятные новости...

Есть фразы, которые ассоциируются у меня с тем или иным человеком. Например, когда дети заявили, что в сентябре на море отдыхать комфортно, сентябрь – бархатный сезон, я сразу подумал о жене. Именно так она высказалась о сентябре в нашу вторую по счету встречу, в холле здания городского суда. Так говорят тысячи, если не миллионы, а поди ж ты - связываю фразу именно с Натальей.

Я никогда не спрашивал, откуда у нее деньги на поездку. Не мое это дело. Наталья без хвастовства рассказывала, что жила в шикарной гостинице, питалась в ресторане, накупила себе кучу разных обновок. Призналась: давно себя не баловала подарками, средств не было. Не было, и вдруг появились. Кто был так щедр? Организация, которая дала ей пинок под зад, грубо выражаясь? Или? Имею ввиду

богатого поклонника с его отступными? Или благодетельствовал другой человек, с которым Наталью связывают... коммерческие дела? Какие? Какую услугу она ему оказала? Речь не идет о выдаче государственных секретов. Что может знать работник низшего звена «закрытого» предприятия? Ничего такого, что заинтересовало бы резидента иностранной разведки. У Натальи не было специального доступа к секретным документам, мне это известно. Якобы случайно завел разговор на интересующую меня тему – устал терзаться ненужными предположениями. И у вытащил из жены то, что хотел вытащить. И клещи не понадобились. Выглядела Натка при этом вполне спокойной, в мои глаза смотрела честными глазами. Ничего не знаю! Еще и пошутила: «Учите матчасть, страшно бьют»: фраза из известного анекдота.

Я ей поверил и мысленно обругал себя: совсем ненормальный, если в голову приходит чушь о шпионских операциях. Наталье тоже досталось: зачем откровенничала об отдыхе в бархатный сезон? Зачем мне лишняя информация?

Зачем-то!.. Прекрасный ответ! Самое главное – исчерпывающий. Успокаивающий ответ для людей с богатой фантазией.

Допустим, я слушал из любопытства. Или из желания слушать. Нравится даже не то, что говорит любимая женщина, нравится слушать ее голос. Я ее голосе тону. Это не так: если тону, то наслаждаюсь, не понимаю смысла. Я понимаю смысл. И лезу в дебри, пытаюсь найти ответ, который мне нужен и не нужен одновременно.

Пытаюсь тренировать свои мозги, пребывающие в режиме ожидания нового расследования? Заскучал? Или здесь что-то другое?

Знаю одно - у меня просто так ничего не бывает. Не от скуки, не от желания тренировать. Если зацепился за какую-то мысль, буду ее думать. Отпихивать, забывать на время, но вновь возвращаться к ней.

К этой мысли – откуда у Натальи взялись деньги на поездку и на всё остальное – я возвращаюсь часто. В то время Наталью «сократили», если предприятие и выплатило какие-то деньжата, то сущую мелочь. Сильно не разгонишься.

Случилось все это одиннадцать лет назад. События - поездка к морю, мелкие радости и все прочее – совсем не грандиозного масштаба. Чего я прицепился?! Неужели я ревную Наталью к другому мужчине? Не шпиону! К мужчине, который выступил спонсором? Ее право отправляться на отдых с кем угодно, хоть с чертом лысым. Между нами в то время, одиннадцатилетней давности, еще не было никаких отношений. Случайно пересеклись в холле здания городского суда. Порадовались встрече, обменялись номерами телефоном и разошлись как в море корабли. Думал ли я, что наша встреча даст толчок к развитию отношений? Не думал. Сначала Наташа была одной из многих: короткий роман без продолжения. Но чем-то она меня зацепила, я влюбился, женился.

Я не зря вспомнил об ассоциативной связи, когда мне повстречалась бывшая одноклассница моих пацанов Варя Скорлупкина.

Немного отступлю. Ее отношения с мальчишками не пошли дальше детских заигрываний. Все-таки девчонки-одноклассницы редко воспринимают своих сверстников всерьез. Считают мальчишек «недоразвитыми». Я сам ходил в «недоразвитых» до определенного момента. Уж не знаю, что во мне привлекало одноклассниц, что подтолкнуло их заинтересоваться бывшим «недоразвитым». Предполагаю – мой интерес к противоположному полу. Я смотрел на девочек не так, как смотрели другие пацаны, говорил иначе, чем они, без подтруниваний. Это сейчас, с высоты своего возраста, я могу рассуждать. А тогда не задумывался. Я влюбился в Риту Державину, она ответила мне взаимностью – разглядела меня в толпе «недоразвитых».

Другое дело с моими пацанами. Детский интерес к Варе благополучно миновал. В старших классах ребята в серьез увлеклись изобретательством, переключились на более интересное, занимательное. Им вдруг хотелось удивить всех, добиться славы. Но ни одно свое изобретение они не довели до конца. Сами признались – знаний маловато. И пошли учиться в технический вуз, знания получать. Мишка забыл о своем увлечении хорovým пением, Федор – о собственном ателье. Я был только рад, что они всегда и всюду вместе.

Отец еще не в курсе, что мы с Натальей купили детям две однокомнатные квартиры в одном доме, в одном подъезде. Пусть привыкают к самостоятельности. Будто бы рядом и будто бы врозь. Не хотелось резать по живому – отрывать детей от себя, но, подумав, решил «отрезать пуповину». Преследовал одну цель – парни должны найти вторые половинки.

Если средства позволяют заслуженно баловать детей, то почему бы не побаловать. Наталья не проявила инициативу с приобретением недвижимости, боялась, что я заподозрю ее в желании «избавиться от детей». Я сам заговорил об этом, а она меня поддержала.

Несколько лет назад меня назначили на должность заместителя генерального директора по экономическим вопросам. Наталья работает главным бухгалтером на предприятии, которое занимается проектированием и изготовлением металлопластиковых окон, дверей и чего-то еще, в подробности я не вдавался. Предприятие солидное, в числе первых появилось на рынке. На должность она попала благодаря личным связям. Оба собственника предприятия ее старые знакомые. Я познакомился с ними благодаря своей жене. Нормальные мужчины, без закидонов. Так и заявил Наталье. Она призналась, что в девяностые они не всегда соблюдали законы уголовного кодекса. А кто соблюдал, спрашивается?!

У обоих мужиков семьи, взрослые дети. Все серьезно. Я не ревновал жену. Доверие – не доверие, я не об этом. Не ревную и все. Голову в песок не засовываю, но и в ее мобильном телефоне не копаюсь. Низко.

У меня нет оснований ей не доверять. Так будет правильнее...

Но вернемся к Варе Скорлупкиной.

Мы столкнулись на парковке возле супермаркета. Я загружал пакеты с покупками в багажник, Варя подъехала на своем авто. Завидев меня, подошла и воскликнула:

- Роман Александрович, как я рада, что вас встретила!

Я сразу вспомнил Дину Чайку, мать моих пацанов. Когда мы с ней встретились, спустя какое-то время после выпуска из школы, она точно так же воскликнула: «Рома, как хорошо, что я тебя встретила!»

А потом события покатались камнепадом с горы...

- Здравствуй, Варя, - отчетливо выговорил я, намекнув, что неплохо бы поздороваться.

- Здравствуйте, Роман Александрович! – отчеканила девушка. И опять, - как хорошо, что мы...

- Я тоже рад.

Варя очень похорошела. Изменилась, конечно. Столько лет прошло с нашей последней встречи! На ней были кожаные брючки, кожаный пиджак, туфли на каблуке. Вокруг шеи с элегантною небрежностью обмотана косынка красного цвета.

- Роман Александрович, мне нужна ваша помощь, - призналась девушка, невольно объяснив свою радость от встречи со мной, при этом теребила пуговку на кожаном пиджаке, выказывая волнение. Так разнервничалась, что расстегнула пиджак и принялась обмахиваться полами пиджака. На улице было совсем не жарко,

напротив, было промозгло, сыро, дул не сильный, но достаточно холодный ветер. Октябрь, чего ж тут удивительного.

Я не успел ничего сказать, обеспокоиться, залюбовался ее точеной фигурой. Дурак старый. Варя застегнула единственную пуговицу большого диаметра – чтобы меня не смущать. Но вряд ли она уловила мой интерес к ее персоне, обратное действие тоже являлось признаком волнения, нерешительности: она сама не приняла окончательного решения, надо ли обращаться ко мне за помощью. Оставила последнее слово за мной.

- Варюша, я готов тебя выслушать. Садись в мою машину.

Варя села на пассажирское сидение, я – на водительское.

- Как Миша и Федя? – вспомнила она.

- Все хорошо, трудятся.

- Я тоже работаю... Помогаю папе. У него... разноплановый бизнес. Но речь не о папе...

- О ком же пойдет речь? – спросил я, устав ждать продолжения. – О твоём парне, я правильно подумал?

- Да, у меня есть парень. Руслан Поночевный. Поэтическое имя, не правда ли? – с гордостью обратилась ко мне с вопросом Варвара.

Я подумал, что у парня нет других особенностей, кроме поэтического имени. Не удостоил ее ответом, лишь пожал плечами.

- Руслан... он... как бы это выразиться... суеверный до неприличия. Сначала я не обращала внимания, потом стала раздражаться. Не вслух, про себя. Потом его поведение, скажу честно, начало вызывать подозрения.

- У кого? – сглупил я.

Несмотря на предчувствия, которые меня обманывают редко, я веселился: Варя вела себя как маленькая девочка, которая пытается настроиться на серьезный разговор, но у нее никак не получается настроиться. Не сомневаюсь, что она обеспокоена поведением своего Руслана Поночевного, и не берусь утверждать, что встреча со мной повлияла на нее, но мне показалось, что ей уже не хочется обсуждать Руслана. Его поведение уже не вызывает обеспокоенности.

Девушка мне нравилась. Хотелось бы иметь такую невестку – симпатичную, неглупую и... доверчивую. Кому-то не импонирует данная черта характера, мне – весьма, потому как доверчивость – показатель неиспорченности, любого толка. Доверчивость сродни искренности. Это мое личное мнение. Мне совсем несвойственна зависть, но таким по-детски доверчивым людям я немного завидую. Скажете – жизнь их «не ломала», потому и доверчивые? Потому не научились хитрить и изворачиваться? Возможно. Но, опять же это мое личное мнение, многие из нас рождаются хитрыми, изворотливыми и «с каменюкой за пазухой». И как жизнь их не колошматит, они не умеют разделять черное и белое, верны себе – обратного действия не происходит, увы. А ведь возможно превращение гада последнего в птичку певчую, когда гад поймет, что жизнь одна, не стоит разменивать жизнь на мелкие пакости, тем более – на крупные, за которые жизнь их накажет: видимо, жизнь уже заявила о своих способностях палача, испортила человеческую душу. Но еще не все потеряно, причиной резких перемен в лучшую сторону может стать любовь, которая, как известно, творит чудеса. Раньше все люди были врагами, всех ненавидел, в один момент превратились в лучших друзей, теперь всех люблю.

Варя Скорлупкина относится к категории тех людей, общение с которыми доставляет мне громадное удовольствие. Я заранее знал, что приложу все силы и

умения, как говорили в прошлое, стабильное и счастливое, время, и помогу ей. Выведу на чистую воду ее Руслана...

Мой глупый вопрос - у кого вызывает подозрение поведение молодого человека - поставил Варю в тупик. Разочарование пока никак не проявилось, но обещало проявиться в скором будущем. Пока девушка впала в ступор: уж чего-чего, а таких вопросов от меня, наимудрейшего, она никак не ожидала.

Я улыбался с таким счастливым видом, словно успел решить все ее проблемы одной левой и жду благодарности.

- У меня, естественно, - выдавила из себя девушка и недовольно поджала губы, чем еще сильнее меня развеселила.

Надо спасать ситуацию. Я откашлялся - нашел единственный способ расстаться с улыбкой, и спросил уже серьезно:

- В чем же выражается пристрастие Руслана к суевериям?

Кажется, я снова попал впросак. Варя покосилась в мою сторону, потом перевела взгляд на дверцу автомобиля, как бы размышляя, уйти или повременить. Решила повременить, а я решил впредь контролировать каждое слово.

- Он часто уезжает в командировки, - с хмурым видом призналась Варя. То ли командировки приятеля ее раздражали, то ли беспокоило поведение взрослого мужчины, к которому она обратилась за помощью, советом, подсказкой. Я молчал, как рыба, был весь во внимании. - Руслан неделю здесь, неделю на выезде. И каждый раз отправляется в Владивосток.

- А что во Владивостоке? Он отправляется туда по делам? - скорректировал я вопрос, чтобы Варя не принялась перечислять имеющие достопримечательности Владивостока. А она может. Наивная и доверчивая. Но не дурочка.

- По делам. Он работает в отделе снабжения на одном крупном предприятии.

- На каком?

Варвара назвала трехзначный номер. Мне это предприятие было известно - бывший «ящик». И нынешнее предприятие оборонной промышленности. Что изготавливали на предприятии ранее - секрет Полишинеля. Чем занимаются сейчас, никого не интересует. Скорее всего, тем же самым. Главное - предприятие работает, люди получают заработную плату.

- К тому же Руслан родом из Владивостока, там же окончил технический университет, а по окончании университета перебрался в наш город, ему тамошний климат не подходит. Вы не думайте, Роман Александрович, что Руслан весь из себя болезненный. Он здоровый, крепкий парень. Вполне допускаю, что у него была другая причина для переезда. Не хочет говорить, не надо. Но в командировки в родной город ездит с удовольствием - у него там живут мать и отчим.

- Пока я ничего не понимаю.

- Так я до главного не дошла! - воскликнула Варя и, наконец, заулыбалась, как улыбаются дети, которым удалось обвести вокруг пальца взрослого человека. - Перехожу к главному. Я всегда доставляю на своем авто Руслана до аэропорта. Мне не сложно. Мне хочется побыть с ним еще какое-то время, но он запрещает мне покидать автомобиль, требует, чтобы я сразу уезжала. Мы прощаемся с ним в салоне, он выходит, делает мне ручкой, я уезжаю. Утверждает, что это плохая примета.

- Что - это? Покидать авто?

- Ну, да. Мне кажется, что у молодого мужчины не может быть никаких суеверий. В каком веке мы живем?! Но это еще не все... Мы собираемся пожениться. Уже кольца купили. Но дату свадьбы еще не назначали. И вот недавно вернулись домой из ночного клуба, время далеко за полночь, а дверь не заперта, замок не взломан.

Я решила – сама забыла закрыть, но на всякий случай проверила обручальные кольца. Вдруг не забыла закрыть дверь на замок, вдруг в квартиру проник вор. Украл ценные вещи, в том числе обручальные кольца, и был таков... Проверила... А колец-то тью-тью, нет обручальных колец. Получается – вор пробрался ко мне в квартиру. Что делать? Бросилась звонить в милицию. Не сразу дозвонилась. Пока милиция ехала, я обнаружила пропажу большой суммы денег. Еще исчезли наручные часы, очень дорогие. Часы мне недавно подарил папа на день рождения. Я забыла их надеть в тот вечер. Часы лежали на тумбочке в спальне, а деньги – в шкатулке, шкатулка была запрятана в шкафу, тоже в спальне. На другие безделушки вор не позарился, хотя, они тоже стоят немалых денег... Руслан считает пропажу обручальных колец плохой приметой... Недавно обронил: может, нам не надо жениться? Это знак свыше...

Мой сын Федор высказался бы одним словом: наивняк. И был бы прав. Руслан обманывает наивную девушку, по уши в него влюбленную. Его поведение перед вылетом в славный город Владивосток тоже понятно: в здании аэровокзала его ждет другая - коллега по работе и очередная возлюбленная в одном лице. С ней он летит на авиалайнере в город Владивосток... Или еще куда-нибудь. Совмещает приятное с полезным.

Вот простое объяснение «тараканов в голове» у молодого мужчины по имени Руслан, по фамилии Поночевный. Жениться Руслан не желает, заигрался в женихи-невесты, зашел слишком далеко в своих играх, решил вопрос самым простым способом.

Но я не стану бросаться своими догадками, для начала все проверю.

- Варя, ты билеты на самолет хотя бы раз видела?

- Зачем мне обижать Руслана своими подозрениями?! Я ему доверяю, - менее уверенно добавила она. – И в его мобильном телефоне я не копаюсь.

- Похвально.

Варя призадумалась: является ли похвальным ее поведение. Не знаю, каков был ответ, но она снова отвернулась от меня, поджав губы.

- Варя, твой Руслан – материально обеспеченный человек?

- Он нормально зарабатывает. Но не олигарх, конечно. Руслан часто делает мне подарки. Очень милые.

Не дорогие, - мысленно добавил я и поиронизировал, назвав жениха Вари влюбленным бессеребреником. И то, и другое, по моему жесткому мнению, было ложью. Я загорелся желанием вывести влюбленного бессеребреника на чистую воду. Внезапно накатила грусть – почему таким хорошим девушкам, как Варя, везет на таких кавалеров, как Руслан?!

Дело не стоит выеденное яйца. Так мне показалось.

Но не все так просто, как кажется на первый взгляд.

- Роман Александрович, я вижу, что вы заранее настроены против Руслана. Не надо его подозревать во всех смертных грехах.

- Варя, ты тоже его подозреваешь в неверности? Ведь так? – вырвалось у меня. Но, сказав «А», идут далее. Я не исключение – пошел далее в своих обличительных заявлениях. – Потому ты и обратилась ко мне за помощью. И его якобы суеверия здесь ни при чем.

- Руслан меня любит. И я его люблю. Но он мужчина, я женщина: по-разному выражаем свои чувства.

- Сейчас ты скажешь, что мужчине позволено то, что не позволено женщине. Варя, не надо меня разочаровывать.

- А вы, Роман Александрович, мною... очарованы? – спросила она, отодвигаясь от меня подальше, насколько позволял салон автомобиля. Вжавшись в дверцу, она искоса на меня взглянула и промолвила, - насколько мне известно, вы женаты.

- Разве это мне может помешать, - продолжил я игру, в которую никак не включалась моя собеседница. Ей было не до шуток, не до игр, впрочем, как и мне. Но зачем выказывать свое настроение?

- Вам бы всё шутить, - улыбнулась Варя.

- Вот и славно – ты уже улыбаешься. Я рад.

И я рада, что встретила вас. Часто вспоминаю, как вы ловко раскрыли уголовное дело. Вы очень умный. И вы... свой.

- В чем это выражается? – ошарашенно спросил я.

- Вы ведете себя с молодежью на равных, не поучаете, слушаете весь наш бред, пытается вникнуть в ситуацию и помочь. К отцу я бы ни за что не обратилась за помощью. У отца разговор короткий - бросай Руслана и дело с концом. Тоже мне паца нашелся! Он тебя недостоин! И все в таком духе! И это самое мягкое, чего от отца можно ожидать. Руслану точно не поздоровится, если отец разоидется не на шутку. Поэтому я очень рада, что мы встретились. Сама бы ни за что к вам не пришла.

- Могла бы и прийти. Мои ребята были бы только рады.

- Роман Александрович, вы... я... на вас очень надеюсь.

- Постараюсь оправдать твои надежды...

Осталось понять, что на самом деле хотела сказать девушка, застучавшая каблучками по асфальту. Я провожал ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась в магазине.

Неужели Варя что-то недоговорила, решила скрыть от меня некое важное событие? Естественно, касающееся ее отношений с Русланом Поночевным, с молодым человеком с редким именем... Чего я прицепился?!

Я попытался представить Руслана. Как должен выглядеть парень, который встречается с такой привлекательной девушкой, как Варя? Должен и выглядит – разные понятия. Внешность не имеет значения. Взглянул на него и понял – настоящий! Мужик! Надежный, честный, сильный. Все-таки честный на первом месте. Так мне кажется.

- А сам-то ты честный? - вслух произнес я и зачем-то посмотрелся в автомобильное зеркало. Непроизвольно провел ладонью по щетине. – Мачо, черт побери.

Куда-то я не туда полез, углубился не в ту сторону: плевать с высокой колокольни на то, как выглядит Руслан Поночевный. Дело это не меняет. Пусть он и первый парень на деревне, если он нечестен перед своей девушкой, я об этом узнаю. Раскрою глаза Варе, утаивать информацию не стану.

И опять посмотрелся в зеркало. С чего вдруг возник такой интерес к своей внешности? Не девица красная. Пытаюсь найти десять отличий между сорока пятилетним мужчиной и среднестатистическим молодым парнем? Отличий много, больше десяти.

Несмотря на отличия, надо признать, что выгляжу я неплохо. Сказываются гены и отсутствие вредных привычек. Меня сильно напрягает мой возраст? Нисколько. Или правильнее сказать – пока не напрягает. Но уже тянет подвести некоторые итоги жизни... Не к добру...

А ну-ка переключайся, брат Хруцкий, на решение проблем Варвары Скорлупкиной. И не сиди истуканом, заводи мотор и двигай отсюда!..

Варвара Скорлупкина сообщила, что ее друг Руслан улетает в любимый город Владивосток уже завтра.

Я приехал заранее. Припарковался, занял выгодную позицию для наблюдения и приготовился к долгому ожиданию.

Ждать пришлось не так долго. Каких-то полтора часа.

Знакомый автомобиль Вари подкатил к зданию аэровокзала за два часа до времени вылета. Я увидел сцену прощания. После чего высокий рослый парень (таким я его в принципе и представлял) покинул салон, вытащил из багажника чемодан на колесиках, махнул рукой и скрылся в здании. Варя тотчас уехала. Видимо, следовала указанию. Я не сдвинулся с места, хотя, заранее знал, что последую за Поночевным, чтобы увидеть еще одну сцену – на этот раз сцену встречи.

Не знаю, на что купилась Варя, но мне Поночевный сразу не понравился.

Какая отвратительная рожа, - подумал я, повторив слова профессора-историка из «Джентльменов удачи». Так он охарактеризовал Доцента, опасного преступника. Но сразу же пришла на ум другая характеристика, из другого фильма, на этот раз из «Места встречи...»: такие бабам очень нравятся. Это о Фоксе, еще одном преступном элементе.

Рожа, конечно, у Руслана была не отвратительная, но совсем не симпатичная. Выражение лица отталкивающее. Заметно на большом расстоянии. То ли на лице застыло пренебрежение ко всему и всем, то ли злость, с трудом скрываемая, то ли высокомерие... Тоже мне павлин-мавлин! Видали мы таких. Погрози пальчиком, и убежит сломя голову. Трус и подлец.

Не слишком ли скорые выводы я делаю? С чего бы это? С того, что этот хмырь по имени Руслан Варюше не подходит. Вот мой Мишка очень бы ей подошел.

Я плохо помню, как выглядел родной отец Михаила, но мне кажется, старший сын совсем на него непохож. В детстве был похож на мать, на Дину Чайку, с возрастом сильно изменился. Все говорят – вылитый отец. Это обо мне. Со стороны людям виднее. Я только рад, что Мишка похож на меня.

Про Федьку говорят, что он похож на деда, на моего отца. И это правда.

Удивительные превращения в жизни происходят.

Федькину кандидатуру в качестве жениха Вари я не рассматриваю: он не пропадет, найдет себе девушку. Иное дело - застенчивый Мишка. Того и гляди, что какая-нибудь особа окрутит его и женит на себе. В любом случае я перечить не стану. Пусть женится на ком хочет. Набьет шишки, его право. Впредь будет умнее.

Чего я жду? Надо идти в здание аэровокзала!

Как я себе не приказывал, продолжал сидеть. Меня будто приклеили к сидению. Прошло полчаса. Я сидел и пялился на поток людей, вытекающих и втекающих в здание. В глазах рябило.

Надо что-то предпринять, - вяло подумал я и остался на прежнем месте. По стеклу забарабанили капли дождя.

Я подумал - даже дождь за меня: приказывает не высовываться.

И тут из здания показался Руслан с тем же самым чемоданом. Отличие было в одном – на ручке чемодана болталась бирка. Якобы человек только что сошел с траппа самолета.

- Уже интересно, - вслух высказался я.

Руслан повертел головой, видимо, не заметил нужного человека или нужный автомобиль, и пристроился в сторонке, под козырьком. Ему не пришлось долго ждать. На этот раз к нему подрулил не «Opel», за рулем которого находилась Варвара Скорлупкина, а «Volkswagen Passat B6». Не хухры-мухры – в то время очень модный и престижный авто.

И все бы ничего, но за рулем «Вб» сидела еще одна моя знакомая. Не кто иной, как дочь моих приятелей, Инны и Викентия Яковлевых. Инна Яковлева, в девичестве Пархоменко, была моей студенческой любовью. В браке Яковлевы родили двух пацанов, потом на свет появилась долгожданная дочурка. Девочку назвали Софья. Недавно Софье исполнилось двадцать лет. Машинку ей подарил на день рождения папа, успешный бизнесмен.

В девяностые годы Викентий возил шубы из Греции – был «челноком». Сам торговал шубами на рынке. Потом купил ларек, еще и еще. Спустя годы появился большой магазин, потом сеть магазинов «Шубы из Греции». Кешке, что называется, «поперло». Молодец. Сыновья тоже при семейном бизнесе. Один окончил юридический, другой – экономический. Кешка с Инной постоянно путешествуют. Кешка постепенно отходит от дел, решил переложить управление бизнесом на плечи сыновей, но пока продолжает держать руку на пульсе. Как без этого: меховой бизнес – его детище! Софья учится в медицинском. Без помощи богатенького папочки. Девчонка всегда была умной и сообразительной не по годам... Однако угодила в лапы проходимца.

То, что Руслан альфонс и проходимец, я понял сразу. И теперь мне придется освободить от его влияния сразу двух девушек, судьба которых мне безразлична...

Влюбленная парочка доехала до города. После недолгих перемещений по запруженным улицам «Вб» припарковался у кафе. Софья и Руслан вышла из салона. Надо признать, они очень хорошо смотрелись вместе. Оба высокие, красивые, счастливые.

Если бы я не был знаком с Софьей, то пошел бы за ними в кафе. Пришлось остаться.

Мне повезло: пара села за столик у окна, сделали заказ. Я вооружился биноклем, запоздало вспомнив, что прихватил его с собой, и принялся за ними наблюдать. И вовремя.

Руслан достал из внутреннего кармана пиджака бархатную коробочку, не похожую на коробку для колец. Эта коробочка была продолговатой формы. Показательно открыл коробку и в открытом виде протянул Софье. Она сначала застыла, потом издала звук восхищения (так я предположил), схватила коробочку, достала из коробки... часики и надела себе на запястье. Руслан помог ей застегнуть часики, после чего парень и девушка слились в поцелуе. Рука Софьи покоилась на мужском плече, в связи с чем я смог рассмотреть подарок на женском запястье.

- Кто бы сомневался, - выдал я, не сдержав возмущений.

Похищенные из квартиры Вари часы – подарок ее отца - в данный момент Руслан презентовал Софье. Варя мне показывала фотографию, где она выставляет часы напоказ.

Получается, что обручальные кольца, часы и деньги из квартиры Скорлупкиной похитил Руслан Поночевный? Но Варя утверждала, что квартиру они покинули вместе, и кольца были на месте. По возвращении она обнаружила пропажу колец, позвонила в милицию, потом обследовала другие «закрома родины» и пришла к выводу, что шкатулка пуста – деньги исчезли и нет часов на тумбочке. Я поинтересовался у Вари, сколько денег было в шкатулке? Она ответила, не так много и назвала расплывчато-приблизительную сумму. - Сколько? – повторился я, чтобы понять, «стоила ли игра свеч». Варя подумала и назвала сумму личных накоплений. Действительно, не так много, но и не мало. Похититель мог вполне распахать похищенные деньги по карманам.

Из ночного клуба Руслан не отлучался. Когда очистил шкатулку? Или у него был подельник? В этом я сильно сомневаюсь. Подобные Руслану аферисты действуют в одиночку.

А если так: из квартиры пропали обручальные кольца. Пока Варя звонила в милицию, ее сообразительный друг решил под шумок украсть деньги и часы.

Но кто взял обручальные кольца?

Я увидел всё, что хотел увидеть. Куда пара отправится после ужина, я тоже знал - на квартиру Софьи. Некоторое время Руслан у нее поживет, а потом отправится в любимый город Владивосток. Зайдет и выйдет из здания аэровокзала, и попадет в объятия еще одной своей жертвы, Вари Скорлупкиной...

Надо срочно переговорить с Варварой.

Я ей позвонил, предупредил, что еду к ней. Варя спросила, есть ли новости, я ответил:

- Все новости при встрече.

Неужели я рад, что всё сложилось так, как сложилось? Мне не жаль Варю, ее чувств к проходимцу?

Я рад. Мне жаль. Но радость перевешивает жалость...

Варя пребывала в тоске и унынии по причине отъезда любимого человека. С порога сообщила, что у Руслана отключен телефон, а она очень волнуется – все-таки долгий перелет. Вот недавно произошла очередная авиакатастрофа...

- Не думай о плохом, - глупо посоветовал ей я – человек, который пришел с плохим известием.

- Вы что-то выяснили? – спросила Варя с опаской.

- Пока нет, - соврал я, несколько удивившись своей таинственности. Ведь так мечтал выложить ей правду с порога, затем забросать словами утешения, куда-то пригласить, позвонить Мишке, чтобы он... случайно оказался в нужном месте. Наша жизнь состоит из случайностей...

Мои слова не стали успокоительной таблеткой для Вари. Скорее всего, она мне не поверила: победа явно читалась на моем лице. Добытые сведения при расследовании – это уже маленькая, не окончательная, победа для любого детектива.

Я засуетился, встал, сел, встал, прошелся по комнате, снова сел. Мысленно обозвал себя «старым идиотом». Собрался с силами и заявил с таким видом, словно читал приговор суда – сухо и беспристрастно. Но слова совсем не походили на приговор, к тому в глазах плясали чертики. Где вы видели, чтобы у судьи в глазах плясали чертики?!

- Варвара, я приехал кое-что выяснить у тебя. Это очень важно. – После слов поднялся с места, обошел стул, на котором сидел и замер, ухватившись за спинку стула.

- Что же? – напряглась девушка, сверля взглядом мои руки, решившие отломать что-то на стуле.

- Варя... - вступил я слишком громко. Даже испугался своего зычного голоса и непроизвольно вдавил голову в плечи.

- Да? – подобралась девушка, выпрямив спину. Теперь она смотрела мне в лицо, ждала приговора.

- Варя, меня интересует... даже не знаю, как ты отнесешься к моему вопросу... Но раз я веду расследование по твоей просьбе, то имею право знать... И не думай, что это праздный вопрос...

- Роман Александрович, ну, не томите меня! – воскликнула девушка и изогнула губы коромыслом – вот-вот заплачет.

Ко мне пришло озарение, я спросил совсем не то, что хотел спросить еще пару минут назад.

- Я хочу всего лишь узнать: у тебя до Руслана кто-то был? У тебя были отношения с молодым человеком? Это...

- Не праздное любопытство, - повторила за мной Варя, - я все поняла, вы имеете право знать, вы ведете расследование по моей просьбе.

В ее голосе сквозило недовольство. Все-таки мой вопрос ей не понравился, я переступил дозволенную границу, которую установила молодая «пограничница».

Да, меня озарило, да, меня интересовал прежний парень Варвары, да, это было не праздное любопытство. От ее ответа зависело мое дальнейшее расследование. Но поначалу я хотел задать другой вопрос, о моем сыне Мишке. Не в лоб спросить – как ты к нему относишься, вспоминаешь ли школьные годы? Подобраться к сути окольными путями. Личный интерес, как обычно, превысил любительско-детективный. Пока размышлял, как правильно подступиться, с чего начать, в голове, как это бывает, переключился тумблер. Новый поворот меня не раздосадовал: я не выступил свахой. Или сватом.

Это неправильно – выступать сватом. Давал себе слово не лезть в жизнь детей, вот и не лезь. Мишка созреет для серьезных отношений без вмешательства извне. Это первое. Второе: Варя не поверит ни одному моему слову о Руслане, решит, я наговариваю.

- И все-таки..., - обронил я, мысленно ругая себя последними словами.

- Это имеет значение? – спросила Варя. Я кивнул. - Если это так важно, то... был у меня парень. Но мы расстались. Я его разлюбила.

- Разлюбила до того, как встретила Руслана, или все дело в Руслане?

- Мы познакомились с Русланом в компании, на дне рождения дальней родственницы моего бывшего. Я увидела Руслана и... Ну, вы знаете, как это бывает.

Я усмехнулся. Потом посерьезнел.

- В тот же вечер я сказала Климу... его Кимом зовут... что нам надо расстаться.

- Он спросил, почему?

- Я не стала ничего ему объяснять. Думаю, он догадался обо всем без лишних слов.

- Отстал?

- Как бы не так! Обивал пороги, умолял вернуться. Но я была непреклонна. Почему я должна из жалости ставить крест на наших с Русланом отношениях.

- И в итоге...? – Сегодня с отличаюсь недоговоренными вопросами. Но мне нравится иметь дело с умными девочками, которые понимают меня с полуслова.

- В итоге Клим устал от уговоров. Я его давно не видела, не знаю, что с ним, и не хочу знать. У него своя жизнь, у меня своя.

- Так ли...? – не поверил я.

- Думайте, что хотите.

- Я хотел бы поговорить с Климом...

- Клим Прятин. Проживает по адресу... вместе с матерью. Роман Александрович, так вы его видели! – вспомнила Варя. - Как-то я приходила с Климом к вам в гости. Не к вам конкретно, к Маше и Феде, - поправилась она.

- Да-да, что-то припоминаю... - солгал я. Но ложь была половинчатой. Парня, с которым Варя приходила к моим пацанам, я совершенно не помню. Вообще, запомнил, был ли я дома, или мы столкнулись на пороге, когда они уходили. Но никогда не забуду, как после их ухода изощрались мои отпрыски, давая характеристики Вариному ухажеру. Мои «добрые» мальчики нашли миллион эпитетов для него. Мне пришлось только удивляться их красноречию. В

воспитательных целях я их осадил, пообещал дать ремня, чем еще больше развеселил великовозрастных парней.

Я попытался вспомнить Клим Прятина. Некий образ в тумане. Что мне бросилось в глаза? Начнем издалека. Увидел и подумал... Нормальный парень.... Немного несовременный... И самое яркое пятно – он болезненно ревнив. Безумно влюблен, знает о себе всё – Варваре не пара, боится ее потерять, поэтому контролирует каждый ее взгляд, брошенный на потенциального соперника. Я помню, как он смотрел на моих пацанов. Прожигал их взглядом. В старое время вызвал бы на дуэль.

Что я подумал тогда о Варе? Хочешь-не хочешь, а подумал, привык делать выводы из увиденного, отработано до автоматизма. Рыцарь ей безразличен, но ей импонирует его поклонение. Импонировало до поры, до времени...

Озадачив Варю своим нежеланием вдаваться в подробности, я отправился на квартиру Прятиных...

Мне открыла дверь старуха в длинном бесформенном пестром платье. Вглядевшись, я понял – не совсем старуха, лет шестьдесят, плюс-минус. Скорее, плюс. Возраст прибавляли безжизненные глаза и седые волосы, торчащие во все стороны. Я спросил Клим.

- Вы кто? - поинтересовалась она. И, не дождавсь ответа, пригласила войти.

- Я частный детектив. Хотел бы обсудить с Климом один деликатный вопрос.

- Даже не знаю...

- Клим дома? Если его нет, скажите, когда он будет.

- Даже не знаю, - обреченно повторила женщина.

- Что-то произошло?

Женщина зашла издалека.

- Поздно я Климушку родила. Мне уже сорок стукнуло. Так радовалась – теперь не одна. Сама-то в детдоме выросла... Хорошим мальчонкой он рос. Но всегда был впечатлительным. Чуть что - в слезы. Как девочка. Мальчишки его дразнили. Хотела его в спорт отдать, но ни в одну секцию его не взяли. Он увлекся шахматами – его выбор, я не настаивала. В шахматном кружке нашел себе друзей. Очень изменился. Потом в институт поступил. В институте познакомился с Варей Скорлупкиной. Влюбился в нее. Она его жалела, не более того. Я мать, меня не обманешь.

Женщина печально вздохнула. Ее рубленые фразы топором били по моей голове. Я жалел мать, жалел самого Клим, несчастного влюбленного. И Варю жалел. Надо было, не надо было ей встречаться с этим парнем, не мне решать, не мне осуждать. Рубленые фразы сменились полусвязными предложениями, пропитанными материнской болью.

- Долго они дружили, я уж подумала, может чего и случится? В смысле, поженятся, деток заведут. Однажды Климушка пришел домой сам не свой. Я долго допытывалась, он признался: Варя ему дала отворот-поворот. А я что? Я успокоила: жизнь на этом не заканчивается. На Варю свет клином не сошелся... Клином у Клим... Каламбур... Мальчик мой пытался помириться с Варей... Признаюсь, я тоже к ней ходила, просила за Клим. Не обязательно встречаться, просто общайся с ним по-хорошему. Все-таки есть что вспомнить, старые друзья. Всё зря... Тогда Климушка... себе вены перерезал, - безразличным голосом сообщила несчастная мать, пролившая все слезы. - Хорошо, я вернулась домой раньше времени. Спасла его... Счастье? Счастье. Я так думаю. Все у нас теперь будет хорошо. Время лечит. И врачи помогают. Хорошие врачи, понимающие... Климушка сейчас

восстанавливается в... специализированной больнице. Это не психушка. Совсем нет, - резво закачала головой женщина. – В этой больнице нет никакой тюремщины. Даже домой отпускают на выходные, если лечащий врач разрешит. И я к сыночку часто-часто прихожу, мы гуляем по парку. Там парк большой, красивый. Деревья, лавочки. Сейчас-то уже прохладно, а летом было очень хорошо. Птички поют. Климку нравится.

- Я могу его навестить?

- А вы не будете его нервировать? - оживилась она, недобро взглянув на меня, вмиг превратилась из мягкой кошечки в тигрицу.

- Возможно, я ограничусь разговором с медперсоналом.

- Лучше так. Лучше Климкушку не тревожить, - снова вернулась в образ кошечки пожилая женщина.

- Хорошо, я не стану его тревожить.

- Он только-только восстанавливаться начал. Оживился. Не замыкается в себе. О Варе не спрашивает, - понизив голос, сообщила мать. - Уже показатель улучшения состояния... А вы о Варе хотели с ним поговорить? – опомнилась она. – Раз молчите, то о Варе. Пожалейте несчастную мать, очень вас прошу. Если с Климкушкой что-то случится, я тоже на себя руки наложу.

- Я вам обещаю – с Климом встречаться не буду! Я сам отец двоих взрослых детей. И я вас понимаю.

- Я вам верю. У вас лицо... хорошее...

- Жаль, уже время позднее, в больницу меня не пустят. А так бы хотелось поставить все точки над «I» уже сегодня.

- Не расскажите?

- Не думаю, что дело, которое я расследую, как-то касается вашего сына, но я обязан удостовериться кое в чем. И чем раньше, тем лучше.

- Я дам вам номер телефона медсестрички. Очень душевный человек. И специалист прекрасный. Она... благосклонно относится к Климу. И именно ее отношение к нему послужило толчком к выходу из той пропасти, в которую он угодил... Я Варю не виню... Кто ж знал, что Клим так тяжело воспримет расставание. В его восприимчивости есть и моя вина – так его воспитала. Всегда жалела, никогда не ругала. Все «сю-сю, сю-сю». Безумная материнская любовь...

У медсестры Дарьи Морозевич как раз выпало дежурство. Когда она услышала, что речь пойдет об Климе Прятине, сразу согласилась поговорить.

Вскоре через проходную прошмыгнула пухленькая девушка в униформе и в наброшенной на плечи куртке. Она повертела головой, я поспешил к ней.

На улице сильно похолодало, я предложил поговорить в моей машине.

Не стал ходить кругами и спросил напрямую:

- Дарья, скажите честно - Клим мог покинуть ночью больницу?

Девушка ответила вопросом:

- Какое число вас интересует? – и затравленно посмотрела на меня. В салоне моего автомобиля было тепло, но она задрожала, как будто просидела не менее получаса в промышленном холодильнике.

Я назвал то число, когда из квартиры Скорлупкиной были похищены ценные вещи и деньги.

Дарья гордо расправила плечи, вздернула подбородок, дав понять, что ее не сломить.

- Я вам сразу скажу – перед сном я делаю всем пациентам инъекции препарата, прописанного доктором. Это снотворное. И пациентам спокойнее, и персоналу.

Так что никто из пациентов не в состоянии покинуть пределы больницы даже при всем желании, - без доли сомнения заключила Дарья.

- У меня нет доказательств, но я точно знаю, что Клим покидал лечебное учреждение. Почему? Потому что вы его пожалели, не сделали полагающуюся инъекцию. Он вас об этом попросил или вы сами проявили инициативу, мне без разницы, о халатности речь не идет, поднимать вопрос о нарушении вами дисциплины перед начальством не стану. Меня интересует – покидал Клим Прятин пределы лечебного заведения или не покидал?

- Я выполнила свою работу, - стояла на своем Дарья, - что было дальше, не знаю. Ночь выдалась спокойной, я вздремнула на диванчике.

- Мечтали посидеть на диванчике вдвоем с Климом, полюбезничать. Вам он нравится, я сразу догадался. Но вашим мечтам не суждено было сбыться. Ночью Клим сбежал из больницы. И когда вы увидели, что его кровать пуста, вы... Даша, что вы сделали?

- Я... Я... Да, Клим мне нравится. Что с того! Он нормальный парень. У него был нервный срыв, но сейчас уже всё хорошо. Клим такой... необычный. Поджентльменски относится к женщинам. У меня таких парней никогда не было.

- Клим вам рассказал о прошлом. Рассказал с подробностями. Поэтому вы знали, где его искать. Я прав?

- Рассказал, - выдохнула девушка. – Варя, его бывшая, мизинца Клима не стоит. Еще неделя-другая и он полностью избавится от зависимости от этой женщины. Рядом буду я. Мы уже хорошо понимаем друг друга.

- Я рад, что у Клима есть такой надежный друг... Даша, я жду. И обещаю – буду нем, как могила...

В тот вечер Дарья не стала делать Климу инъекцию снотворного. Мечтала поболтать с Климом, выпить чаю. Переделав все положенные дела, заглянула в палату к особенному пациенту и обмерла. Кровать была пуста. Она попыталась успокоиться, собраться с мыслями. Для начала проверила все палаты, туалеты. Отчаявшись, выскользнула на улицу, пробежалась по парку. Клима нигде не было. И зачем ночью ему бродить по парку? Куда он мог направиться? К Варе, своей большой любви, больше не к кому. Ко всему у него есть ключи от ее квартиры. Сам признался.

Дарья показывала Климу тайный лаз – в заборе была нарушена полная «композиция» - не хватало одного металлического прута. Проход возможен для очень худосочных людей, коим являлся Клим. Пухленькая Даша еще пошутила – спецпроход для спецлюдей.

Уже подходя к дому Вари, девушки, о которой ей было известно всё, вплоть до мельчайших подробностей - постоянно обсуждаемая тема с особым пациентом, она заметила в скверике жалкую фигуру на скамейке. Даша без труда узнала Клима. Он позволил уговорить себя вернуться в больницу. О происшедшем никто из персонала не узнал.

В карманах больничной одежды Клима Прятин Даша обнаружила только ключи от квартиры Вари. Ни обручальных колец, ни денег у Клима не было.

Мне пришлось рассказать о происшествии в квартире Скорлупкиной. Дарья заверила меня: Клим никогда бы не взял часы и деньги. Я был с ней полностью согласен. Рассуждения по поводу обручальных колец мы опустили. Не сговариваясь, мы сошлись во мнении, что, не отдавая отчета своим поступкам, Клим мог прихватить кольца из квартиры Вари. Мало ли что пришло в голову не окончательно выздоровевшему парню. В квартире Варвары он побывал, Дарья поняла это по сбивчивому рассказу.

После моего телефонного звонка, Дарья догадалась, что речь пойдет о той ночи, поэтому прихватила чужие ключи и вручила мне их. Еще и облегченно вздохнула при этом, как будто выполнила тяжелую работу.

Приняв ключи, я потребовал подробностей: что за сквер, на какой скамейке сидел Клим Прятин? Дарья доходчиво мне объяснила...

Уже через десять минут я был в сквере и искал нужную скамейку.

Воспользовавшись фонариком, я стал скрупулезно осматривать прилегающее пространство. Пока безрезультатно.

А с чего я взял, что пропажа должна находиться в нескольких метрах от того места, где сидел «лунатик» Клим? В сердцах он забросил кольца подальше? А если обронил?

Я вернулся к скамейке, принялся разгрести руками опавшие сухие листья. В ложбинке возле одной из ножек скамейки обнаружился пакетик с двумя обручальными кольцами. Я не стал продолжать поиски, потому что знал - пропавшие часы прихватил Руслан Поночевный. Впрочем, как и деньги из шкатулки.

Я направил стопы к Варваре. Очень хотелось воспользоваться ключами, которыми владел некоторое время назад Клим Прятин. Но я вовремя себя притормозил: девушка испугается ночного вторжения неизвестного и потеряет сознание. Или треснет меня по башке тяжелым предметом. И будет права.

Несмотря на поздний час, Варвара не спала, читала книгу «под телевизор, так веселее», - объяснила сама.

Я протянул ей пакетик с кольцами.

- Боже! Вы их нашли! Какое счастье! – с этими словами девушка повисла на мне, обхватив мою шею руками. Я стойко вынес объятия. Она почувствовала мое напряжение, отпрянула и вопросительно взглянула на меня.

- Кольца взял Клим Прятин, - признался я. – Клим знал, что ты собираешься замуж за Руслана Поночевного?

- Я встретила на улице мать Клим. Хотела сделать вид, что не заметила, но она меня окликнула. Я спросила у нее о сыне. Она сухо ответила, что с ним все хорошо, наверное, скоро женится на хорошей девушке. На «хорошей» - выделила, тем самым два понятия, что я плохая, в подметки ее сыну не гожусь. Я призналась, что выхожу замуж, уже и обручальные кольца купили. И дату свадьбы назначили. Приврала слегка.

- Мать загорелась желанием довести новость о твоём замужестве до сына – авось новость ослабит зависимость сына от тебя. Клим решил с тобой поговорить. Надеюсь, никаких криминальных мыслей в его голове не было.

- Уверена, не было. Клим и мухи не обидит.

- И вот, Клим собрался с тобой поговорить. Сбежал из больницы. Пришел к тебе. Открыл дверь своим ключом. В квартире, несмотря на поздний час, тебя не застал. Его взгляд упал на тумбочку, на которой лежали в пакетике два обручальных кольца. Клим засунул кольца в карман и покинул твою квартиру.

- Ну да, ну да, раз нет колец, то и свадьбы не будет, - заторможено высказалась Варвара.

- Тебе его жаль?

- Жаль, скрывать не буду. И все равно я не стала бы рушить свою жизнь ради него, в угоду его Чувству. Это неправильно... Что случилось после того, как Клим покинул мою квартиру?

- Он долго сидел в сквере, на вашем месте. Кольца он или выронил из рук, или они выпали из кармана. Я обнаружил их под опавшей листвой, возле ножки скамейки.

- Клим самостоятельно вернулся в больницу, с ним ничего не случилось?
- За ним прибежала медсестра. Ее зовут Дарья Морозевич. Хорошая девушка, она симпатизирует Климу. Она знает о его прошлом с его же слов.
- Я протянул Варваре ключи от квартиры, которые хранились у Клима.
- А часы? А деньги? Я не думаю, что и ключи, и деньги взял Клим, но... он мог случайно прихватить. Надо опять сходить в сквер и поискать.
- Кроме обручальных колец Клим больше ничего не взял из твоей квартиры. Я в этом уверен.
- Тогда кто взял деньги и часы?
- Ты хочешь знать правду?
- Роман Александрович, а вы как думаете – мне нужно знать правду?
- Я несколько не сомневаюсь.
- Тогда я готова вас стойко выслушать.
- Лучше тебе одеться и поехать со мной...

По ночному городу мы быстро добрались до дома Софьи Яковлевой, дочери моих институтских друзей. И только подошли к нужному подъезду, как к подъезду лихо, с визгом подкатила уже знакомая мне «В6». Из салона вышли двое. Молодой человек и девушка. Девушка заметила меня первой.

- Дядя Рома, какими судьбами?! – с улыбкой произнесла Софья. – О! Ты не один, с девушкой. Познакомишь?

Варя стояла за моей спиной. Не спешила появляться. Она догадывалась, зачем я привез ее в чужой дом.

- Добрый вечер, - поздоровался я. Чмокнул Соню в щечку, кивнул Руслану.

Я ждал, что вот-вот выпрыгнет черт из табакерки – Варька из-за моей спины, но она там затаилась, уж не знаю, почему.

- Дядя Рома, познакомься, это мой жених Руслан.

И тут пришло время «черта». «Черт» не выпрыгнул, величественно выплыл из-за моей спины и отчетливо произнес:

- Картина Репина «Не ждали». Русланчик, как погода в Владивостоке? Встреча в аэропорту состоится в точно условленное время?

- Варя? Ты как здесь?

- Вот приехала... с дядей Ромой, - сообщила Скорлупкина и схватила меня за руку.

- У вас... отношения?! Варя, как ты могла?! – театрально осудил ее Руслан, позабыв о присутствии своей второй невесты. Актер из него, прямо скажем, никудышный.

- Не понялаааа, - с угрозой протянула сообразительная Сонька.

- А что тут непонятного, - вступил я, - этот молодой человек крутит любовь с вами обеими. И часики, которые он тебе, Сонечка, подарил сегодня в кафе, били похищены у Варвары, еще одной его...хм... невесты.

Сонька тут же стянула с запястья часы и вернула их законной владелице. После чего накрутила на руку длинную ручку сумочки со всей недевической силой опустила тяжелую сумку на голову альфонса. Альфонс втянул голову в плечи, что-то запричитал типа «ты всё не так поняла», получил еще пару ударов, после чего ретировался вприпрыжку.

- Если деньги не вернешь, я накатаю на тебя заявление в милицию! – крикнула ему вдогонку Варя.

- Верну! Завтра же! – бросил на ходу Руслан и увеличил темп бега.

- Вот скажи, дядя Рома, как я могла так купиться на симпатную мордашку! – в итоге заключила Сонька, проводив убегающего кавалера взглядом, в котором явно читалось омерзение от происходящего. – Дядя Рома, как?! Я?!

- Сам удивляюсь. А не опрокинуть ли нам с вами, девчонки, по рюмашке за одержанную победу в короткие сроки над дрянными людишками? Давай, Софья Викентьевна, приглашай в гости!

Варька захлюпала носом, Сонька, глядя на нее, тоже начала вытирать бегущие по щекам слезы.

- Дурочки! – с любовью произнес я и обнял девушек за плечи.

- Только не говори, что на нашем веку таких будет еще ого-го сколько, - гнусавым голосом сказала Сонька.

- ТАКИХ - нам без надобности, - скоро отозвался я. – Нам нужны другие мужики, положительные во всех отношениях. А это был неудачный опыт. Не все учатся на чужих ошибках, многие – на своих.

- Такие дурочки, как мыыыы, - замычала зареванная Варька.

- Я Соня, - назвалась Яковлева, шмыгнув носом

- Я Варя, - назвалась Скорлупкина. – Я с Мишей и Федей Хруцкими училась в одном классе.

- Я с со всеми Хруцкими выросла. Сколько живу на свете, столько их знаю. Спасибо тебе, дядя Рома.

- Не жалеешь? Не хочется мне сказать – где ты взялся на мою голову!

- Думаю, рано или поздно я бы разобралась, что к чему, - подумав, призналась Софья.

– Но лучше раньше, да лучше...

Когда я вернулся в родной дом, Наташка уже спала. Что и понятно – скоро рассвет. Когда я пристроился рядом с ней на кровати, спросила хриплым голосом:

- Который час?

- Поздно уже, - расплывчато ответил я и чмокнул ее в теплую щеку.

- Другая бы жена с тобой давно развелась: постоянно где-то бродишь по ночам, - сладко зевая, без всякой злости доложила жена.

- Я по делу.

- Кто бы сомневался. И как зовут... это дело?

- Их было сразу две, - пошутил я.

- Ну и муж у меня! Сорок пять, а он ягодеет и ягодеет - ягодка он у меня. Ни одна женщина не может пройти мимо, чтобы не одарить томным взглядом.

- Что ж ты мне раньше не говорила о женском интересе! - возмутился я.

- А то ты не знаешь, - хмыкнула Наталья. – Но я тебе доверяю.

- И я тебе.

- Расскажешь о своем новом расследовании?

- Завтра. А сейчас спи. Спокойной ночи...

На следующий день жизнь вернулась в привычное русло. Мы позавтракали, попрощались у подъезда и разошлись по своим делам.

Наташа крайне редко донимала меня своими телефонными звонками в рабочее время, только к экстренных случаях, считала неприличным быть назойливой, подталкивать моих коллег к пересудам, но сегодня изменила себе, позвонила спустя пару часов после расставания у подъезда. Я сразу заподозрил неладное. И оказался прав.

Наталья сообщила следующую новость: на одного из соучредителей их фирмы совершено нападение в сквере, расположенному неподалеку от его дома. Мужчина совершает ежедневные утренние прогулки в одно и то же время. Его привычки известны многим.

- Он жив? – спросил я.

- Слава Богу – жив. Но находится в больнице. Пока не пришел в сознание.

Я потребовал подробностей.

Поначалу я решил, что пострадал шуплый Гаврила Васильевич Куропаткин – легкая добыча и человек со вздорно-склочным характером. «Благодаря» характеру Гаврила Куропаткин обязан был рано или поздно нарваться на неприятность.

Оказалось, я сильно ошибался - в сквере совершено нападение на Матвея Алексеевича Рыбальченко, лысого здоровяка с бычьей шеей. Не скажу, что Матвей – добряк из добряков, но он умеет держать себя в рамках приличия. До поры, до времени. Но чтобы его вывести из себя надо сильно постараться. А кто выведет из себя, очень об этом пожалеет: Матвей в молодости занимался боксом, навыки и умение не забылись. К тому же ведет, как оказалось, здоровый образ жизни – регулярно бегает по утрам в сквере, посещает «качалку», с вредными привычками давно распрощался. Как заявляют оба приятеля: своё выпили в молодости. Не трезвенники, но выпивают редко и в небольших количествах – для поддержания разговора, во избежание лишних вопросов.

В то раннее утро Матвей Рыбальченко привычно совершал пробежку по дорожкам сквера. Предпочитает бегать спозаранку, чтобы без свидетелей. В это время суток даже собачники еще спят. Но в то злополучное утро один собачник все же был в парке, на счастье Рыбальченко, бегуна-одиночки.

Мужчина с собакой на поводке появился в сквере, еще не успел спустить собаку с поводка, как обратил внимание на человека, который только что бежал трусцой и вдруг рухнул на землю, как сраженный пулей. Поначалу собачник решил, что бегун элементарно споткнулся. Бывает с каждым. Сейчас поднимется, отряхнется и потрусит дальше как ни в чем не бывало. Не поднялся, не отряхнулся, не потрусил. Продолжал лежать. Собачнику было плохо видно место падения – мешал неработающий фонтан с девушкой-статуей посередине, но, если бы мужчина поднялся, он бы заметил. Собачник поспешил на помощь. Когда он обошел фонтан и до упавшего человека оставалось метров двести - деревья уже растались с листвой, сквер просматривался хорошо, он без труда заметил другого человека, который тоже направлялся к тому же месту, что и он. В голову собачника закралась разумная мысль – а надо ли вмешиваться? Опять же другой человек достигнет пострадавшего быстрее, а у него не так много свободного времени. И уже собрался двинуть по своим делам, но собака уперлась и не пожелала последовать за ним. И не только не побежала, но зарычала и пару раз громко гавкнула – возмутилась. Лабрадор Димка просто так никогда не рычал и не нарушал тишину ненужным собачьи лаем. Димка был правильно воспитан. Собачник вновь обратил взор на то место, где лежал спортсмен-любитель. Человек, спешивший ему на помощь, успел приблизиться и... замереть в странной позе. Собачий лай заставил его сменить позу, вернуться в естественное положение. И только тогда собачник понял, что незнакомец держит в руках то ли увесистую палку, то ли бейсбольную биту. Собачий лай лишил его возможности совершить нападение на беззащитного человека, лежащего на асфальтированной дорожке сквера. Злодей непроизвольно повернулся на звук, а сообразительный собачник освободил Димку, рвавшегося в бой, от ошейника. Общение с грозным лабрадором в планы злодея не входило, он припустил наутек. Увесистую палку или биту он не выпустил из рук. Димка добежал в два счета до лежащего без движения человека и повернул голову в сторону отставшего хозяина. Хозяин Димки зорко следил за злодеем. Лишь в одном месте злодей остановился, что-то подхватил с земли, прибавил скорость и скрылся с глаз. Димка переминался на лапах и возмущенно поскуливал: что ж ты не отдал приказ преследовать врага?! Но раз приказ не получен, он будет охранять пострадавшего. Тут подоспел хозяин. Похвалил четвероногого друга, склонился над незнакомцем,

распластавшимся на животе. Незнакомец был жив, собачник убедился в этом известным способом. Кажется, находился без сознания, но его глаза были широко открыты. Неприятное зрелище. Но, может быть, это такая особенность данного человеческого организма.

Хозяину лабрадора ничего не оставалось, как позвонить по своему мобильному телефону в милицию и в «Скорую», после чего терпеливо ждать их приезда. В сторону пострадавшего он старался не смотреть – зрелище-то неприятное. Успокоил себя тем, что это обычный сердечный приступ, а незнакомец с палкой – обычный вор, решивший воспользоваться ситуацией.

За все время ожидания пострадавший ни разу не пошевелил ни рукой, ни ногой. Собачник, несведущий в медицине, пришел к окончательному выводу – инсульт. Что он мог сделать, так это подложить под голову пострадавшего свою куртку, скрученную валиком. Лабрадор Димка от чувств и сострадания лизнул мужчине щеку, а его хозяин вновь отступил.

Приехавшим милицейским собачник не смог описать злодея – расстояние было большим, и октябрьское утро началось с легкого тумана. Но что успел заметить, так это черную шапочку на голове и темную, возможно тоже черную, одежду. Ему льстил интерес к его заурядной персоне, захотелось блеснуть красноречием, раз не смог дать четкого описания преступника:

- Это был черный человек, но не негр, - неудачно пошутил он и был отпущен восвояси после того, как были записаны его данные...

Когда мы с Наташей приехали в больницу навестить Матвея Рыбальченко, лечащий врач сообщил, что больной постепенно возвращается к жизни. Мы хотели прорваться в палату, но в палате уже находился следователь.

Сначала следователю, а потом и нам Матвей Алексеевич поведал о происшествии в сквере и о своих ощущениях, последовавших после нападения.

В то утро он чувствовал себя великолепно. В сквере не было ни души, прозрачный туман стелился по земле, обещая днем хорошую солнечную погоду. В общем, никаких нехороших предчувствий. И вдруг Матвей почувствовал о области шеи резкую боль, рухнул на землю, а подняться не смог, как и позвать на помощь. Хотя, кого звать – вокруг ни души, несмотря на то, что вышел на утреннюю пробежку позже обычного, замешкался дома. Тело как будто одеревенело, язык не ворочался. Но голова работала четко, слух выхватывал природные звуки и шорох. Как будто кто-то шел по аллее, шурша опавшими листьями. Звук становился всё громче – человек приближался к нему. Так ему казалось, так ему хотелось. Если бы Матвей мог, он бы облегченно вздохнул. Но еще хорошо, что дышит – жив!

Вот в поле зрения попали ноги. Мужские, судя по размеру. На мужских ногах были кроссовки. Кроссовки, как кроссовки, ничего особенно-выдающегося, но их появление для пострадавшего сродни чуду. Человек в кроссовках не спешил оказывать помощь, задавать дежурные вопросы, уместные в подобных случаях. И тот момент Матвей вдруг ощутил приближение опасности. Смог бы зажмуриться, зажмурился бы. Не смог, палился, как дурак, на кроссовки. Человек в кроссовках закричал, слегка приподнялся на носки, как будто занимается гимнастикой, связанной с поднятием рук над головой. Матвей уже приготовился к смерти, попытался вспомнить какую-нибудь молитву, не вспомнил, мысленно попрощался с женой и детьми. Отчетливо понял - еще пару секунд и всё закончится. Жаль, что так рано и так глупо.

И вдруг раздался короткий собачий лай. Человек в кроссовках напрягся, Матвей сразу догадался, сам не понял, как. Или ему хотелось, что он напрягся, передумал

совершать то, что хотел совершить - явное злодейство, уже совершенное наполовину. Опасный человек пошел прочь. Когда ноги в кроссовках исчезли, Матвей окончательно успокоился. Мысленно поблагодарил собаку-спасителя, ее хозяина, на ногах которого тоже были кроссовки, но не те, что на ногах преступника.

Доктор, который проводил обследование, сообщил, что на шее пострадавшего имеется след от инъекции. Что весьма странно. Пострадавший сообщил, что сначала почувствовал боль в области шеи, потом рухнул на землю. У Матвея Алексеевича Рыбальченко взяли кровь на анализ. Кровь отправили в токсикологическую лабораторию на экспертизу.

Следователь зря время не терял, продолжал терзать больного человека вопросами. Именно в такой форме выразил нам свое возмущение Матвей.

- Что интересовало следователя? – спросила Наталья, с сочувствием поглядывая на начальника.

- И ты туда же, - вспыхнул Рыбальченко.

Наталья только собралась рассказать о моих детективных способностях, но я незаметно ее одернул.

- Проклятое женское любопытство, - нашла моя жена. – Если ты не желаешь говорить, если это тайна следствия, то мы, пожалуй, пойдем.

- Выздоровливай, Матвей, - подхватился я.

- Не уходите, - заканючил больной, - нет никаких тайн... Следователь спрашивал о наших отношениях с Гаврилой.

Гаврила Куропаткин – еще один соучредитель и близкий друг Рыбальченко. Вопрос следователя меня несколько не удивил. Матвей заявил, что доверяет Гавриле как себе, пусть следователь ищет настоящего преступника. Версия с участием в преступлении Гаврилы Куропаткина – тупиковая. Следователь поинтересовался отношениями Матвея с подчиненными. Вдруг он кого-то сильно обидел, обиженный решил отомстить. На что Матвей ответил, что с подчиненными он общается постольку-поскольку. И будто бы никто зла на него не затаил. Конкуренты? Фирма, принадлежащая Куропаткину и Рыбальченко, появилась первой на рынке. Отлично зарекомендовала себя. А их последователи им не конкуренты. Именно так, высокомерно, заявил Матвей Алексеевич.

При словах – «обиды никто не затаил» - Натка невольно хмыкнула. Естественно, я взял ее хмыканье на заметку. Когда мы покинули здание больницы, оказались на свежем воздухе, я спросил, почему.

- Матвей, конечно, не такой псих, как Гаврила, но тоже не подарок. Он человек настроения. Если настроение плохое - лучше на глаза не попадаться. Если настроение хорошее – благодетель, дамский угодник, человек - большое сердце. Но чаще всего Матвей Алексеевич пребывает в состоянии среднего арифметического – не орет, не злится и замечает только тех людей, которые ему нужны по тем или иным вопросам.

- В плохом настроении Рыбальченко сносит головы всем подряд?

- Когда как. Но всегда у него первой в очереди на раздачу безответная секретарша.

- Наташка, ты тоже попадаешь под раздачу?

- Как без этого – главбух всегда виноват. Но я не обращаю внимания, привыкла. Матвей – человек отходчивый. Накричит и извинится. Это Гаврила так все вывернет, что ты еще и виноват останешься. Они хозяева, им все можно, не то что нам, простым смертным. Рома, ты не думай, что я позволяю на «себе ездить». Со мной тоже, знаешь ли, лучше не ссориться. Слишком много знаю. Себе же дороже будет.

- Он слишком много знал, как говорил один мой знакомый. Покойник, - задумчиво протянул я, вспомнив фразу из кинокомедии Гайдая «Бриллиантовая рука». Мне было совсем невесело. Фраза вырвалась автоматически.

- Рома, куда ты клонишь? - Наталья совсем не испугалась, смотрела на меня выжидательно-игриво. Хотя знала о моей особенности – если что-то вырвалось, то неспроста. Но слишком поспешно отвела взгляд, занялась невидимым пятном на модном плаще. Я внимательно следил за ее действиями, пытался рассмотреть то, чего не было.

- Что за отношения у Матвея с секретаршей? - требовательно спросил я таким тоном, как будто я был не лояльным мужем, а скандалистом, находящимся в постоянном поиске скандала – не так встала, не так села, суп пересолила, детей неправильно воспитала.

- Какие отношения могут быть у начальника и секретаря? Рабочие.

- Отношения могут быть разными, и тебе это известно. Дурочку из себя не строй. И оставь в покое свой несчастный плащ, - мягко, но настойчиво попросил я. – Наташа, что происходит?

- Моего начальника хотели убить, всего лишь, - с иронией заметила она. Придвинулась ко мне поближе, заглянула в глаза и поинтересовалась с долей кокетства, – а ты, когда спрашивал об отношениях Матвея и секретарши, имел в виду МОИ отношения с Матвеем? Не ожидала. Неужели ты меня ревнуешь? - И повторила вопрос в развернутой форме, делая значительные паузы между словами, - Рома, ты меня ревнуешь к этому лысому борову?

- Ты радуешься или огорчаешься? – не сообразил я.

- Хочу понять.

- Сам бы хотел понять... Я не о ревности... О твоём странном поведении. Когда я чего-то не понимаю, я начинаю злиться.

- Я знаю.

- Ты напугана, я чувствую это.

- На этот раз твоя интуиция тебя подвела. А что касается отношений Матвея с секретаршей, то могу честно признаться: на заре основания предприятия у них были близкие отношения. Но прошло много лет, любовь, если она была, давно канула в вечность. Матвей постарел, остепенился, не смотрит по сторонам с охотничьим азартом, и секретарша уже не годится на роль любовницы. Ей около сорока. Но одна дама и в сорок хороша собой, а на другую смотреть страшно. Бывшая любовь Матвея Рыбальченко из второй группы, она давно махнула на себя рукой, она толстая и некрасивая. Любит сладкое и мучное больше, чем мужчин. Так незаметно и достигла ужасающей цифры на весах.

- У нее есть муж? Или взрослый сын?

- Выбираешь человека на роль мстителя?

- Почему бы и нет. Они могли не знать о любовной связи жены и матери, но слышали от нее жалобы на вздорного начальника. Вполне возможно, что у нее на нервной почве появилось какое-то заболевание. Родные настаивают на ее увольнении, а она упирается, ни в какую не хочет уходить с работы, чем вызывает непонимание.

- Нет у нее никого. Была только мать, и ту она недавно похоронила. Матвей дал ей денег на похороны, поддержал. А то, что он вспылит иногда, она воспринимает как должное. Привыкла уже, внимания не обращает.

- Ты не обращаешь, секретарша не обращает, а кто-то мог затаить обиду. Попался под горячую руку начальника, незаслуженно получил... А что? Тонким уколom Матвей мог попасть в самое чувствительное место. Может быть, насмеялся над его физическим недостатком или унизил перед дорогим ему человеком. Подчиненный

долго добивался женского внимания, столько сил потратил, был близок к победе и на те вам, такой облом. Девушка заметила то, чего не замечала. Всему конец, огорчению нет предела. Что делать? Мстить! Пусть обидчик умоется кровью.

- Зуб за зуб, око за око, кровь за кровь. Вендетта получается, - задумчиво протянула Наталья, на этот раз оценивая взглядом свои изумительные по красоте и стоимости туфли. Я не жлоб, даже совсем наоборот, но таких трат не понимаю. Но приминаю.

- Наташ...

Жена подняла на меня глаза, вскинула брови в ожидании продолжения. Не дождавшись, рассудила:

- Один человек убивает другого человека словом, другой человек, в отместку, устраняет его физически.

- Вернемся к Гавриле Куропаткину. Матвей тебе не рассказывал о желании другого соучредителя продать свою долю в бизнесе? Тот вдруг решил отойти от дел, перебраться в теплую страну. И продал бы свою долю, да бизнес-партнер - Матвей Рыбальченко - не позволяет.

- Намекаешь, что покушение на Матвея – дело рук Гаврилы Куропаткина? Бред полный! Никогда бы Гаврила не пошел на убийство Матвея. Любое дело решили бы полюбовно. Они в девяностые такооооо творили! Лучше нам не знать. Они больше, чем друзья и бизнес-партнеры.

- Но раз ты говоришь, значит, кое-что тебе известно об их лихом прошлом?

- Кое-что, без подробностей. И рэкетом промышляли, и другими нехорошими делами. Но все это в прошлом, ты верно сказал. Сейчас и страна другая, и они другие

- законопослушные граждане.

- Так уж и законопослушные, - не поверил я. – Горбатого могила исправит.

- Занижение налоговой базы имеет место быть. Или по-русски: налоги в казну не доплачивают. Ничего удивительного в этом нет. Не хочется людям делиться с государством, и таких жадин-говядин пруд пруди. Кому я объясняю?!

- Наше предприятие честно платит налоги.

- Потому что ваше предприятие - солидное акционерное общество, которое дорожит своей репутацией. В руководстве сплошь люди сознательные, честные. В девяностых... Рома, не о том говорим, - отмахнулась Наталья.

- А если ниточки тянутся из далекого прошлого? Из тех же девяностых?

- Зачем было ждать столько лет?

- Мечь надо подавать в холодном виде. Или обиженный человек не имел возможности отомстить обидчику – находился далеко... В местах лишения свободы, к примеру.

Наталья попыталась скрыть свое напряжение, но меня не проведешь.

- Тебе что-то известно? Если известно, скажи сразу.

- Рома, мне ничего не известно, - констатировала жена. – У меня с Матвеем и Гаврилой было шапочное знакомство. И не смотри на меня, как Ленин на буржуазию, я ни с кем из них не спала. Спустя годы мы случайно встретились, я искала в то время работу, сказала им об этом, они спросили, чем я занимаюсь, я ответила. Меня пригласили на должность бухгалтера, со временем повысили до главбуха. Как раз бывшая главбух ушла на пенсию. Кому я всё рассказываю! Ты и так все это знаешь.

Все, да не все, - подумал я...

Мне хотелось поговорить с собачником, но следователь отказался дать мне его координаты, что и понятно – кто я такой! А Матвей Рыбальченко ничего не знал о своем спасителе. Оставалось отправиться вечером в сквер, где произошло утреннее происшествие, и самостоятельно поискать свидетеля и спасителя.

Но ближе к вечеру позвонил сын Мишка и сообщил, что они с Федором придут к ужину. Дед тоже будет, он и ему позвонил и пригласил от нашего имени. Меня, как обычно, поставили перед фактом. Но я был рад этому известию. Встреча с детьми, которые не баловали меня своими визитами, всегда была за счастье. Прежде чем расстаться до ужина все-таки не удержался, задал всего один вопрос:

- Что-то случилось?

- Чтобы ты дожид до вечера, сообщаю – ничего не случилось. Новостей нет, ни хороших, ни плохих, просто соскучились. Нельзя?

- Можно и нужно! – расчувствовался я.

В связи с семейным ужином прогулку по скверу пришлось перенести на завтра.

Ужин прошел в дружественной обстановке: я, как всегда, люблю употреблять в речи штампы из информационной программы «Время» времен развитого социализма. В присутствии детей и отца у меня всегда отличное настроение, я забываю о проблемах. Наталья тоже выглядела успокоенной. Тем более, здоровье Матвея Рыбальченко у медиков опасения не вызывало...

Поздно вечером, когда принял душ и выключил воду, я услышал, как Наталья с кем-то разговаривает по телефону. Слов было не разобрать. Телефонный разговор прервался до того, как я покинул ванную. Наталья сделала вид, что спит. Я лег рядом. Сна не было. Настроение резко ухудшилось. Я таращился в потолок.

Не поворачивая ко мне головы, Наталья сообщила:

- Матвей звонил.

- Как он?

- Гораздо лучше. Уверенно идет на поправку.

Позвонил за полночь, чтобы сообщить, что он идет на поправку, - подумал я и показательно зевнул – якобы нет дела ни до звонка Матвея, ни до самого Матвея. И вообще – ужасно хочу спать, нечего мне тут изливаться в объяснениях.

Как я могу разобраться в деле нападения, если от меня скрывают правду?! Что они все недоговаривают?

Гаврила Куропаткин, когда примчался сегодня в больницу, выглядел так, как будто только что узнал о смерти близкого родственника. Верхняя губа нервно дергалась, смотреть неприятно. Порхал над другом, как заботливая матушка. То подушку поправит, но стакан воды подаст. А едва заметный след от укола рассматривал так пристально, словно тот даст ему ответ на вопрос – кто покушался на жизнь Матвея Рыбальченко. Руки у Гаврилы так дрожали, что вода из стакана выплеснулась прямо на постель. Гаврила долго извинялся, ладонями сушил мокрое пятно. Со стороны его поведение выглядело подозрительно.

О чем тревожился? Боялся за свою шкуру? Или был расстроен, что покушение не удалось довести до конца?

Виновен? Не виновен? Если не Гаврила, то кто? Что-то мне подсказывает, что злодей ему известен. И не только ему.

О чем Наталья разговаривала с Матвеем? И с Матвеем ли?

Я не буду опускаться до того, чтобы копаться в ее мобильном телефоне.

Если Матвей позвонил ей только для того, чтобы успокоить, то почему Наталья обеспокоена?

Как бы я сам не был обеспокоен, сон подкрался незаметно. Я не успел окончательно погрузиться в сон, чтобы ничего не слышать, как на поверхность меня выдернул голос жены, которая решила, что я по-прежнему не сплю:

- Рома, представляешь, в него выстрелили из пневматического ружья с летающим дротиком.

- В кого? – спросонья не понял я.

- В Матвея, в кого же еще. – Наталья повернулась ко мне и шепотом затараторила, - преступник использовал курареподобный препарат, который приводит к временной парализации. Человек падает, как бревно, и... делай с ним что хочешь. Хочешь палкой или бейсбольной битой бей по голове, хочешь души голыми руками... Передозировка курареподобным препаратом приводит к летальному исходу. Хотелось бы знать, почему преступник не довел дозу яда до нужной смертельной дозы. Меньше было проблем. А то выстрелил, парализовал и собрался добить Матвея бейсбольной битой. Зачем?

- Возможно, хотел что-то ему сказать перед смертью, - пораскинув мозгами, ответил я. Сон как рукой сняло. – Матвей тебе поэтому звонил? Сообщил последние новости?

- Естественно. А ты о чем подумал?.. А что ты имел в виду, когда говорил о желании преступника высказаться? – опомнилась жена. - Ты предполагаешь, что прежде чем добить свою обездвиженную жертву, он хотел объяснить причину своего нездорового желания? Но зачем ему убивать Матвея? Неужели это все-таки месть? И корни преступления тянутся из далекого прошлого?

- Получается, что так, других соображений у меня нет.

- Откуда у преступника пневматическое ружье с летающим дротиком, откуда он взял курареподобное вещество? Ты что-нибудь понимаешь? Я – нет. Где можно взять эту гадость? В магазине точно не купишь.

- Да уж. В свободной продаже яда кураре и им подобных нет.

- Получается он, преступник этот, имеет свободный доступ к этому страшному веществу... в виду своей профессии. Или кто-то из его ближайших родственников имеет доступ. Что за профессия? Лично мне ничего не известно. Рома, ты все знаешь, - польстила мне жена, - вот скажи, где применяют пневматические ружья с летающим дротиком для усыпления... нет, усыпление ему не подходит – смысла нет усыплять, жертва не услышит его пламенную обвинительно-объяснительную речь, - на ходу размышляла она, - где применяются такие... средства для парализации? А?

- Я знаю, что нечто подобное используют на спецпредприятиях по отлову бродячих животных. Сотрудники предприятия получают заявку от населения, приезжают на место, выстреливают в бродячую собаку... Доза такова, что животное не умирает, обездвиживается, потом животное перевозят в питомник... Так говорят.

- А на самом деле?

- На самом деле, животное умирает от удушья.

- Кажется, я тоже где-то об этом читала. Или передачу смотрела по телевизору. Не это главное. Главное – Матвей. Если в него выстрелили и обездвижили, но он должен был умереть через... - Наталья вопросительно посмотрела на меня.

- Где-то через двадцать минут. Если в планах у злоумышленника было убийство курареподобным ядом.

- Зачем понадобилась бейсбольная бита? Сжалился, решил добить, чтобы не умер от удушья? Быть такого не может.

- Я тоже так думаю.

- Тогда что?

- Доза яда была мизерной. Преступник был уверен, что его жертва будет на время обездвижена и хотел насладиться своей властью над ним.

- Как я уже говорила: хочешь бейсбольной битой бей, хочешь ногами пинай, хочешь гадости носи - ответа не будет... Садист-убийца... Иначе не скажешь... Чем же ему так насолил Матвей? – задалась вопросом Наталья. - Ромка, но у нас есть в руках ниточка, которая приведет к преступнику!

- Ты говоришь о спецпредприятии, занимающимся отловом бродячих животных?
- Конечно! Его надо искать среди сотрудников!
- Тише, ты весь дом разбудишь, - осадил я. – Утро вечера мудренее. Давай спать. Завтра рано вставать.

Я закрыл глаза. Наталья подползла ближе и зашептала мне на ухо:

- Ромка, я вот тут подумала... зря я тебя втянула в это дело. Оно яйца выеденного не стоит. Уже завтра милиция выйдет на след преступника. Что ж они не смогут сложить два и два? Смогут. Много ума не надо. Не думаю, что в городе очень много организаций, которые занимаются отловом бродячих животных...

Что-то ты юлишь, милая моя, - подумал я.

Ни я, ни Наталья не могли себе представить, как события начнут развиваться дальше...

Если человек заряжен на убийство, долгие годы мечтал отомстить, то он достигнет своей цели, рано или поздно. Будет хитер и не всегда изобретателен.

Так произошло с Гаврилой Куропаткиным. Нападение на него почти не отличалось от нападения на Матвея Рыбальченко, шло по тому же сценарию, но разница между ними была огромной, потому что окончилось плачевно для Гаврилы Куропаткина. Да-да, ему повезло меньше, чем его другу и партнеру Матвею Рыбальченко.

Спустя несколько дней после первого преступления - нападения в сквере на Рыбальченко - Гаврила Куропаткин вечером не вернулся домой. Супруга не сразу забила тревогу. Муж частенько оставался ночевать в загородном доме, внутренняя отделка которого подходила к завершению. Вот-вот и будут отмечать новоселье, к общей радости владельцев. О своих ближайших планах Гаврила не всегда ставил в известность свою супругу.

Кстати сказать, на соседнем участке строил дом Матвей Рыбальченко, но медленными темпами – городская жизнь его вполне устраивала. Он был урбанистом до мозга костей, погружался в уныние от загородной тишины, кривился от восторгов приятеля, который рассказывал об освоении земли на участке в половину гектара.

Причина бурного восторга Гаврилы приятелю была понятна: в отличие от семьи Рыбальченко семья Куропаткиных проживала в доме, который стоял неподалеку от оживленной автотрассы. По трассе день и ночь сновали автомобили, рефрижераторы и прочий транспорт, включая и специальный, оглашающий окрестности всеми видами сирен. Особое раздражение у Гаврилы вызывали байкеры на своих железных конях, предпочитавшие устраивать гонки в ночное время. На жалобы жителей близлежащих домов милиция никак не реагировала. Поутру жители отправлялись службу злыми и не выспавшимися.

Гаврила мечтал о тишине и покое в любое время дня и ночи. Потому форсировал строительство загородного дома. Когда дом более-менее превратился в жилое помещение, после тяжелого трудового дня он отправлялся за город. Особенно его тянуло в свой дом, когда случались неприятности. Как теперь, после покушения на Матвея Рыбальченко.

Супруги Куропаткины давно находились в тех отношениях, когда чувства прошли, осталось привыкание и желание свободы. Но свободы ограниченной – после короткого отдыха друг от друга, супруги вновь воссоединялись.

О покушении на жизнь Рыбальченко супруга Гаврилы Куропаткина ничего не знала, но заметила, что муж чем-то встревожен. Значения не придавала – не впервой. Захочет, сам расскажет. Раз ночует в доме, то дела плохи. Разберется сам, без помощников и советчиков. И какой она ему советчик?!

Утром Куропаткина вспомнила, что у ее подруги детства сегодня юбилей. Приглашение получено давно, приготовление с покупкой подарка, нового платья, новой обуви и аксессуаров произошло сразу, без промедления. И надо же такому случиться, что дата выпала из головы. Причина была в старшем сыне, который собрался разводиться с женой. Желание развестись возникло по глупости: новоиспеченный супруг обвинил новоиспеченную супругу в неумении готовить. И самое скверное, что она не желает учиться. Свекровь, благосклонно относившаяся к тихой, неглупой и сдержанно-привлекательной невестке, решила провести ликбез по кулинарии. Временно обосновалась на «дневной стационар» в квартире сына. Возвращалась домой ближе к вечеру и наслаждалась тишиной. Никогда ее так не радовало отсутствие мужа.

В то утро вспомнила о юбилее подруги, заодно и о муже, с которым ей необходимо прибыть в ресторан в точно назначенное время.

Куропаткина несколько раз попыталась дозвониться до мужа, но телефон бесил ее длинными гудками – муж не желал разговаривать с женой. Жена окончательно разозлилась, вспомнила все нехорошие слова, обратила слова на мужа. Но параллельно продолжала названивать ему. В итоге ее обуяло беспокойство. Снизойшла и позвонила прорабу, который руководил отделочными работами их загородного дома. Прораб спросил у сторожа, сторож ответил, что хозяин вчера не появлялся. И тогда Куропаткина забила тревогу. Обзвонила все больницы, морги. Опомнилась и набрала номер секретарши: вдруг муж заработался, остался ночевать в кабинете. Сама верила в это с трудом, но мало ли, в жизни все бывает... Секретарша сообщила безразличным голосом:

- Гаврилы Васильевича пока нет.

- И не было? – сглупила взволнованная Куропаткина.

- Вчера он был, - прежним сухим голосом ответила секретарша, хотела добавить: лучше смотреть надо за мужьями, в то неровен час... Но промолчала, по обычаю, чтобы себе не навредить.

Недолго думая, Куропаткина кое-как оделась и поспешила в подземный гаражный кооператив, в котором за Гаврилой Куропаткиным числилось сразу три гаража. Женщина хотела проверить, на месте ли автомобиль мужа. Путь к гаражному кооперативу пролегал мимо детского сада, огороженного невысоким забором из белого кирпича. На территории детсада гомонили ребятишки, благотворно влияя на нервную систему взволнованной женщины. Она почти успокоилась, даже хотела повернуть назад, а, неожиданно подвернув ногу – тропинка вдоль детсадовского забора не предполагала прогулок на каблуках, но была самым коротким путем к гаражному кооперативу, решила – надо возвращаться. Надо взять себя в руки. Надо ждать. Заняться приготовлением к вечернему торжеству. Гаврила заявится на работу, секретарша ему ехидно доложит: звонила жена! Гаврила ей перезвонит и начнет отчитываться – не контролируй! Разве она его контролирует?! Никогда... Или было пару раз, но это совсем не контроль, ей необходим был его совет. Всего лишь.

Женщина повращала ступней ноги. Будто обошлось без вывиха. Сделала несколько нерешительных шагов в направлении своего дома, но снова остановилась. Оценила комья грязи на обуви. Подумала, зачем ее сюда занесло? Могла бы пойти другой дорогой или, вообще, остаться дома.

Что-то сердце тревожно защемило. В голове зашумело, как будто внутри черепной коробки поднялся ураган.

Это сказывается волнение, - подумала женщина, - в моем возрасте такие встряски ни к чему. И с чего вдруг я начала дергаться и других людей дергать! Ох, достанется мне от Гаврюши... Гаврюша... Как давно так его не назвала. Все отец или Василич

– уважительно... Нет, надо идти и проверять. Вдруг с ним случилась беда прямо там, в гараже... Дура! Сейчас сама беду накликаешь! – мысленно возмутилась Куропаткина и снова изменила направление движения.

Не обращая внимания на колдобины на тропинке, женщина прибавила шаг. Грязь слетала с ее ног, как с гусеницы трактора.

Была и другая дорога к гаражному кооперативу, через небольшой зеленый оазис. Парком его не назовешь, но некогда молодые саженцы, появившиеся несколько десятилетий назад сами по себе – вероятно семена надуло ветром, выросли, «сплотились», создав постоянную тень и прохладу. Но даже в жаркие летние дни сюда редко кто заходил. Возможно, из-за молодежных копаний, которые облюбовали заброшенный оазис дикой природы. Здесь они устроили свои посиделки с выпивкой, бранью и драками.

Супруга Куропаткина проверила гараж. Автомобиль мужа стоял на месте, что ее еще больше беспокоило. В обратный путь она решила отправиться через опасное место – через дебри дикой природы, зная, что муж иногда возвращается домой именно этим путем. Она всегда считала это мальчишеством, ругалась: если есть острое желание пощекотать нервишки, то можно найти другой способ. Кто бы ее слушал.

В утренние часы оазис дикой природы был пуст. О недавнем присутствии аборигенов напоминала пустая стеклянная тара, обеды еды и поломанная гитара. Женщина с опаской покосилась на всё это и прибавила шаг. Но голова вертелась почти на триста шестьдесят градусов, чтобы не упустить из вида что-нибудь подозрительное. Например, некий предмет, принадлежавший ее супругу. Предмет свидетельствовал бы о том, что он здесь проходил. Прошел и... не дошел до дома. Сердце колотилось, выпрыгивало из груди. Как бы женщина не волновалась, не трепетала от каждого звука, даже от треснувшей под ногой сосновой шишки, сухой ветки, она цеплялась взглядом за каждую мелочь, за любую инородную для данной местности, обитаемо-необитаемой, вещь. Сначала она не сразу поняла, что за инородный предмет лежит возле старого дивана, обтрепанного, засаленного, полуразвалившегося. Диван имел такой отвратительный вид, что к ее горлу подступила тошнота. Но у нее не было времени для всяких несвоевременных недомоганий.

Женщина с осторожностью направилась в сторону дивана, возле которого стоял колченогий стол, были раскиданы в хаотичном порядке стулья, табуреты. Видимо, молодежь сносила в свои владения найденную на свалке мебель, бывшую в долгом употреблении и пришедшую в полную негодность.

Вдруг зазвонил мобильный телефон, который женщина все время своего пути сжимала в руке, чтобы не пропустить звонок. От неожиданности и напряжения она едва не потеряла сознание. Но взяла себя в руки и ответила на звонок.

Звонила секретарша мужа, чтобы узнать, есть ли новости. У Гаврилы Васильевича на девять часов назначена деловая встреча. Переносить встречу или он скоро появится?

- Какая встреча?! – взревела на всю ближайшую округу Куропаткина, напугав немногочисленных птиц и кота, появившегося из-за осины. Кот сверкнул глазами, перешел женщине дорогу и скрылся за ближайшим деревом. Присутствие животного ее успокоило. Не говоря больше ни слова, она отключилась, мысленно послав секретаршу куда подальше. Чтобы окончательно взять себя в руки, пробубнила под нос:

- На девять часов у него назначена деловая встреча. Перенесут встречу, никуда не денутся.

Она более уверенно направилась к стоянке аборигенов, временно отсутствующих. Теперь она могла хорошо рассмотреть и диван, и другую «обстановку». И будто бы совсем успокоилась.

Но не доходя нескольких метров до стойбища, сместилась вправо, поцарапала ногу обо что-то острое, не обратила внимания на боль. Возникло острое, безотчетное, желание увидеть то, что находится за старым диваном.

Увидев, не сразу поняла, что за диваном лежит человек. Одна рука на груди, другая вытянута вдоль туловища. Со стороны кажется, что человек устал и прилег отдохнуть. Так бы показалось, если бы не изуродованная голова, не изуродованное лицо.

Она узнала его сразу,хватило одного взгляда. По инерции сделала несколько шагов, осела, доползла до тела на коленях...

Последующие события она помнила плохо...

Поначалу подозрение в убийстве Гаврилы Куропаткина пало на молодежь, которая постоянно веселилась в заброшенном месте. Но почерк убийства был очень похож на неудавшееся покушение на Матвея Рыбальченко.

Если с Рыбальченко преступнику помешал лабрадор Димка и его хозяин, то с убийством Гаврилы помех не возникло.

Завсегдатаи, они же любители дикой природы, заявили, что в прошлый вечер и в прошлую ночь здесь не появлялись из-за непогоды. И действительно, мелкий дождь зарядил еще с вечера и продолжался всю ночь. Прекратился только к утру.

Получается, преступник заранее знал о привычках обоих приятелей. Не откладывая дела в долгий ящик, он переключился с Рыбальченко на Куропаткина...

Когда Наталья говорила о милиции, способной «сложить два и два», она была права. Милиция сложила и получила правильный результат: вплотную занялась организациями, которые занимаются отловом бродячих животных, занялась проверкой сотрудников, которые непосредственно имеют дело с пневматических оружием и веществами для усыпления и временной парализации животных.

Но они не знали, кого нужно искать.

Я догадывался, поэтому находился в выигрышной ситуации.

Откуда у меня такая осведомленность? Благодаря моей жене. Не ее какому-то заявлению, подтолкнувшему к озарению, а благодаря ее поведению, озадачившему меня. Всё произошло в тот момент, я рассуждал о мстителе, которому пришлось отсрочить свою месть по причине его нахождения в местах заключения. Наталья повела себя подозрительно: как-то вся сжалась и испуганно воззрилась на меня, как будто мститель, вернувшийся из мест заключения, это я, а она – объект моей мести. Я сделал вид, что не заметил ее внешних изменений, уж не знаю, что творилось у нее внутри, и продолжил рассуждать более красноречиво о мести, о долгих годах ожидания, о целенаправленности. Человек выжил в трудных условиях благодаря своей цели. Любой заключенный считает себя невинно осужденным. И не всегда бывает неправ. Вдруг он и впрямь невинно осужденный? Его элементарно подставили. Кто подставил? Ответ прост: два бизнесмена, Куропаткин и Рыбальченко.

Один мой не озвученный вопрос остался без ответа: почему моя супруга тоже дрожит, как осенний лист? Что ей известно? Какую роль она играет в чужой игре? Что связывает ее и троих мужчин, двое из которых мне известны?

Я мысленно перенесся в тот день, когда мы встретились с Наташей в холле здания городского суда. Я живо представил нашу встречу, без труда восстановил в памяти наш диалог.

Наталья поведала мне, что за убийство ее сестры Норы осудили ее жениха. Суд приговорил преступника к одиннадцати годам лишения свободы в колонии строгого режима. Теперь перейдем к расчетам. Встреча с Натальей Эльциной случилась за год до нашего бракосочетания, в девяносто пятом году, в сентябре. Убийство Норы произошло в начале марта. Следствие по делу шло приблизительно полгода. Эти полгода прибавились к сроку заключения.

Если бывший жених Норы отсидел «от звонка до звонка», то он должен был выйти из мест заключения... в этом году. О как.

Не подозрительно ли всё это?

Но какая связь между убийцей Норы и двумя бизнесменами? Наталья говорила, что они не гнушались в девяностые ничем. Случайно обронила? Или специально подвела меня к определенному выводу?

Чтобы не увязнуть в своих вопросах, необходимо для начала узнать фамилию бывшего жениха Норы Эльциной, которого суд приговорил к одиннадцати годам лишения свободы. Наталья тогда возмутилась: «Мало дали!»

А заслуженно ли осудили его на одиннадцать лет? Совершал ли он убийство своей невесты, которая, к тому же, ждала от него ребенка? Если совершил убийство беременной женщины, то иначе как зверем его не назовешь? Зверь готов мстить людям, которые были свидетелями убийства, спустя одиннадцать лет? И да, и нет. Точного ответа у меня нет.

Я попытался встать на место зверя, влезть в его шкуру. И пришел к следующему выводу: готов мстить, если получил срок незаслуженно – он не убивал свою беременную подругу...

За долгие годы своей нелегальной деятельности в роли частного сыщика я успел обзавестись связями в нужных кругах. Поэтому мне было к кому обратиться за помощью. Меня интересовало уголовное дело одиннадцатилетней давности. Была убита Нора Эльцина, родная сестра моей жены.

Уже к вечеру я знал фамилию человека, совершившего преступление.

Ярослав Прасолов. В ту пору он был старше своей невесты на два года. Получается, сейчас ему сорок семь лет.

Из уголовного дела (показания Натальи Эльциной) я узнал следующее.

Ярослав Прасолов вместе с будущей супругой Норой и ее двумя сестрами решили прогуляться по набережной реки. Мартовская погода радовала теплом и солнцем. Кооперативное движение процветало по всем направлениям, включая и общепит. Различных кафешек на набережной было достаточно, но все столики были заняты. В теплый воскресный день многие предпочли прогулку по свежему воздуху нахождению в помещении. Долгая холодная зима всем надоела, хотелось тепла, ласковых солнечных лучей. Сидеть, ни о чем не думать, ничего не делать, только созерцать, глупо улыбаться.

Девушки расстроились, Ярослав вспомнил, что вдали от всех заведений, пользующихся в этот день огромным спросом, недавно открылось еще одно кафе. Квартет в составе трех женщин и одного мужчины направился туда. К их радости кафе пустовало. Ярослав попросил официанта вынести столик на веранду. Вскоре от желающих посидеть на веранде не было отбоя. Солнце пригревало не по ранневсеннему, ветер дул слабый, закуска и выпивка добавляли веселья.

Нора слегка пригубила бокал с красным вином. Нелли и Наталья пили коньяк, Ярослав – водку. В одиночку опустошил поллитровку. Но вел себя благоразумно, даже излишне заботливо – по сто раз спрашивал невесту, не холодно ли ей? Чего ей хочется? Поначалу забота радовала, потом, когда забота превратилась в навязчивость с пусканием слюней, начала раздражать. Нора резко ответила жениху. Тот выкатил глаза и начал истерить:

- Надоел? Да? Так и скажи! А то сидит, глазки строит всем подряд!

- Кому это я глазки строю?! Ты что, ополоумел?

- Наверное, нам пора домой, - мягко встала Нелли.

- Тебе пора, ты и иди, - брякнул будущий родственник и припечатал ее грубым словом.

Нелли обиделась и ушла, ничего не сказав сестрам. Наталья собралась последовать за ней, но Нора схватила ее за руку и непустила.

- Иди-иди, никто тебя силком не держит! – не на шутку разошелся пьяный Прасолов.

Наталья обратилась к сестре Норе:

- Тебе нравится такое обращение, оставайся, а я пойду. Prospится, тогда я с ним поговорю.

Нора опять уцепилась за руку сестры, умоляла не оставлять ее одну. Она не может уйти и бросить Ярослава одного, из жалости. Наталья услышала ее мольбы, ей тоже было жаль, но не будущего родственника, а беременную сестру, из которой Прасолов «вил веревки», опустилась на стул и постаралась не смотреть в его сторону.

Прасолов одумался, скрипя сердцем, извинился, и заказал девушкам десерт, себе – кружку пива, для восстановления душевого здоровья. Наталья искоса взглянула на него и поняла, что близится «продолжение буйствующего банкета», просто так пьяный Прасолов не успокоится. Пора брать ноги в руки и бежать.

Но Нора уперлась и не хотела уходить. Наталья не сдавалась:

- Пойдем домой, а он пусть здесь остается.

- Как же я его брошу одного, - прошептала в ответ Нора, - сейчас он пиво допьет, и сам домой засобирается. Вот увидишь. Вдвоем мы его доведем до дома, одной мне с ним не справиться.

- Еще не хватало этого борова на себе тащить, - буркнула Наталья. – Не февраль, упадет, не замерзнет.

- Не скажи, ночи еще очень холодные...

- Ну ты, метеоролог, не надоело терпеть унижения?

- Ната, я, конечно, перед тобой виновата...

- Забыли, - встала сестра, не желая возвращаться в прошлое, когда Нора увела у нее жениха.

- Знаю, виновата. Но я прошу тебя не лезть в мою жизнь, я сама разберусь.

- Вот и разбирайся, а я пойду.

И Наталья бы ушла, на этот раз никакие уговоры на нее бы не подействовали, но вмешался Ярослав Прасолов. Перешептывание сестер не осталось незамеченным и опять подтолкнуло к конфликту.

- Наташка, и ты туда же! Тоже мужики понравились? Делите, кто кому достанется?

- Какие мужики, ты о ком вообще говоришь?! – с вызовом спросила Наталья.

- Вон те, - он указал на один из столиков, за которым сидели двое мужчин.

Мужчины постоянно поглядывали в их сторону, но никаких действий не предпринимали. Наталья, сидевшая к мужчинам спиной, не удержалась от любопытства и повернула голову. Один из мужчин сделал приглашающий жест. Наталья поспешно отвернулась.

- Когда Нелька уходила из кафе и проходила мимо их столика, - зашептала Нора, - этот мужик приподнялся с места и что-то ей сказал. Нелька только отмахнулась и пошла дальше. Гад такой, - заключила она на всякий случай.

- Я вообще ничего не видела, - с сожалением произнесла Наталья, словно пропустила важный момент в пьесе и теперь не может разобраться в витиеватом сюжете.

- Как же тебе увидеть – глаз на спине нет, - пискнула Нора.

- По мнению Ярослава – есть! Раз я тоже, как и ты, строю им глазки, - поморщилась сестра.

Наталья не сдержалась и снова повернула голову. Распирало любопытство. На этот раз оба мужчины указали на два свободных стула: мол, присоединяйтесь, в обиду вас не дадим. Наталья сдержанно улыбнулась.

- Шлюхи, - заключил Ярослав Прасолов. – Вы обе шлюхи!

- Заткнись, придурок, - «любезно» посоветовала ему Наталья. Но ее нервы были на пределе. Она резко вскочила со стула и приказала сестре следовать за ней.

Нора натянуто улыбнулась, попыталась сгладить взрывоопасную ситуацию.

- Сестричка, еще пару минут, и мы все вместе пойдем домой.

- Довольно, я ухожу. И ты, Нора, пойдешь со мной.

Ярослав психанул и больно схватил за руку свою невесту.

- Куда это ты собралась? К ним?!

Один из потенциальных кавалеров резко вскочил, с зубодробящим звуком отодвинув свой стул, приблизился к их столику и голосом, не предвещающим ничего хорошо, спросил у наглеца:

- Нельзя ли повежливее с дамой?

- А не пошел бы ты... - «вежливо» обратился к нему Ярослав Прасолов.

Мужчина схватил Ярослава за воротник куртки и предложил отойти для серьезного разговора. На помощь грубияну-жениху подоспела глупая бесхарактерная Нора.

- Пожалуйста, оставьте его в покое. Вы же видите, человек выпил лишнего. Когда он трезвый, он тише воды, ниже травы, - запричитала она.

И все бы закончилось благополучно, незванный защитник бы внял просьбе Норы, но Ярослав, всегда тихий и покладистый человек – тише воды, ниже травы, сегодня стал другим человеком – буяном и скандалистом. Он начал судорожно махать кулаками, в итоге угодил кулаком в лицо Норы. Та схватилась за скулу. Наталья стукнула будущего родственника ладонью по лбу. Взбешенный родственник с силой оттолкнул ее от себя. Наталья села на пятую точку. Другой незнакомец, менее привлекательный, чем первый, тут же подоспел ей на помощь. Потасовка в итоге зачахла, так и не разгоревшись. Обиженные сестры согласились на предложение незнакомцев перебазироваться в другое место: Нора – от злости и желания досадить Ярославу, Наталье ничего не оставалось делать, как присоединиться к обиженной сестре, случайно пострадавшей в неравной схватке.

- Лучше с ними, - шепнула на ухо озадаченной сестре Нора и пояснила, - все-таки защита от этого пьяницы. Неизвестно, что он еще может отчебучить.

- И за этого человека ты собираешься замуж, - не сдержалась от высказывания Наталья.

- Сердцу не прикажешь...

Мужчины предложили посидеть в одном ресторанчике, небольшом и уютном, там же, на набережной, женщины согласились без особого желания. Отступить было поздно. Посидят немного и уйдут, ничего в этом предосудительного нет. Они выбрали столик у окна. Мужчины поразили эрудированностью, хотя, с первого

взгляда показались «одноизвилистыми». Именно так охарактеризовала мужчин Наталья, привычно шепнув сестре. Неожиданно они провели приятный вечер. Мужчины не давали женщинам грустить.

Когда совсем стемнело, и в помещение зажегся верхний свет, с улицы помещение хорошо просматривалось, все посетители были как на ладони. Слегка отрезвевший Ярослав, блуждающий по набережной с одной целью – найти беглянку и строго наказать, наконец-то, увидел ее в ресторане в обществе сестры и тех самых мужиков. Недолго думая, он направился туда.

- Добрый вечер, - огорошил их своей вежливостью Ярослав. – Приятного всем вечера.

- И тебе, - отозвалась Нора. Губы почему-то онемели.

Остальные промолчали. Мужчины безразлично поглядывали в его сторону, Наталья превратилась в тигрицу, готовую защитить своего детеныша. Детенышем, естественно, была сестра Нора.

- Девочка моя, пойдем домой, - предложил ей жених заботливым голосом. – Тебе пора баиньки.

Мужчины вопросительно посмотрели на Нору, дескать, одно твое слово и этот человек отстанет от тебя.

- Он хороший, - нехотая охарактеризовала Ярослава его невеста. – Он не со зла меня ударил. Так вышло... случайно. Я не обижаюсь.

- Хороший, когда спит зубами к стенке, - вставила ее сестра.

- Наталья, не встречай, когда тебя не просят, - осадит ее потенциальный родственник и посоветовал, - тебя никто не трогает, вот и не лезь. – После чего с материнской заботой вновь обратился к невесте, - милая моя, пойдем домой.

- Я пойду, – полувопросительно произнесла Нора. Как не пойти, если она милая. О ней заботятся.

- Иди. Твое право, прощать его или не прощать. Но я тебя предупреждаю – ничего хорошего с этим... человеком в будущем тебя не ждет.

- Ты перегибаешь палку, - едко заметил Ярослав, обидевшись на сомнение относительно него, как человека.

- Сама разберусь, - бросила Нора и ушла вместе с Ярославом...

Наутро Ярослав позвонил Наталье и сообщил, что убил Нору.

Как все произошло, он не помнил. Даже не помнил, как вернулись домой. Кажется, решил «добавить, для успокоения расшатанной нервной системы». А потом – вообще кромешная мгла...

Наталья объяснила следователю:

- Потому и отпустила сестру с Ярославом, что он выглядел адекватным. Будто бы протрезвел.

Главными свидетелями выступали: Наталья Эльцина, родная сестра погибшей Норы, официант ресторана Гордей Цацуненко, который видел, как подвыпивший мужчина увел одну из женщин, и двое мужчин, с которыми женщины проводили время...

А теперь самое интересное. Компанию двум сестрам составили... Матвей Алексеевич Рыбальченко и Гаврила Васильевич Куропаткин.

Вот тебе и случайное знакомство с отягчающими последствиями...

После суда над Ярославом Прасоловым моя будущая жена отправилась на черноморское побережье. Откуда деньги, Зин? Постоянно ощущала проблему с деньгами, и вдруг... неожиданно разбогатела. Деньги свалились на голову, как снег в летнюю пору – неожиданно. Получила расчет на предприятии? Сомнительно. Если бы и получила, то курам на смех – мелочь на хлеб. А Наталья отдохнула с шиком,

оплатила бухгалтерские курсы, какое-то время, пока не нашла новую работу по новой специальности, была баклуши. На какие шиши жила, спрашивается?

И что мне прикажете делать? Как узнать правду? И нужна ли она мне?

Я точно знал – не отступлю.

Что меня сразило наповал больше всего? Не то, что моя жена лжесвидетельствовала, хотя никаких подтверждений этому у меня пока нет, а то, что я, прожив с ней некоторое время, так и не распознал эту женщину.

Чем дольше я размышлял, тем больше убеждался в своей правоте – в деле об убийстве Норы Эльциной все не так, как на бумаге, в уголовном деле. Уголовный срок получил не тот человек, не настоящий убийца.

К чему бы... случайным знакомым так заботиться о бухгалтере без опыта работы или с мизерным опытом работы, что одно и то же. Кем Наталья приходится двум бизнесменам? Будто бы никем, случайная знакомая, коих у них было предостаточно. И вдруг сразу «из пешки в дамки» - усадили на должность главбуха. Имеет место быть шантаж?

Конечно, можно, открыться Наталье: «Я читал уголовное дело, я все знаю»... Выдержать паузу и ждать. Посмотреть на ее реакцию. Будет молчать, расскажу о своих догадках. И опять буду зорко следить за ее реакцией.

Я знаю и одновременно не знаю свою жену. Согласно первому утверждению я уверен – Наталья будет стоять на своем. В ее интересах, чтобы я ошибся в своих предположениях. А где доказательства? Доказательств у меня нет. И вряд ли будут. Все участники уголовного дела не скажут мне правды, потому как чистосердечные признания не в их интересах.

Но я не сдамся. Слабое звено в цепочке подозреваемых – моя жена. Она женщина, ее можно запугать. Как бы мне не было противно.

Я ей скажу: «Дело твое, но стоит задуматься, отчего стали происходить странные нападения? Сначала на Рыбальченко, но ему дико повезло, потом на Куропаткина, тому повезло меньше. И почему именно сейчас, спустя одиннадцать лет после суда над Прасоловым?» Невзначай поинтересоваться: «Не знаешь, он вышел из колонии? Вернулся в город?»

Я целый день собирался с мыслями, ничего делать не мог, в итоге передумал вести откровенный разговор с женой. Решил зайти с другого края.

Адрес, по которому проживал Ярослав Прасолов, мне был известен. Как известно место его работы – фирма «Забота», которая занималась... отловом бродячих животных. Странное название для фирмы с подобным видом деятельности...

После окончания рабочего дня я еще долго сидел в своем кабинете, размышлял, потом отправился на квартиру Прасолова.

Человек, открывший мне дверь, никак не выглядел на сорок семь лет. Время, проведенное в колонии, никого не красит, не молодит, включая и Ярослава Прасолова.

Я не стал вилять, сразу назвал себя – Александр Хруцкий, муж Натальи Эльциной.

- Чего надо? – со злостью спросил Ярослав.

- Хочу знать правду. Я уверен - вы не убивали свою невесту Нору.

- Какая теперь разница – убивал, не убивал, я свое отсидел, все одиннадцать лет. И теперь хочу начать новую жизнь.

Мне надоело вести разговор на лестничной клетке, я протиснулся в захлавленную прихожую.

- Чего ты, чего? – возмутился Ярослав. – Я тебе в гости не звал!

- Я вы знаете, что недавно был убит Гаврила Куропаткин? Тот самый человек, который выступал свидетелем в вашем уголовном деле. Он тогда утверждал, что вы вместе с Норой покинули ресторан. А другой свидетель, Матвей Рыбальченко, едва остался жив. На него тоже совершено нападение.

- И чо?! Я-то тут при чем? Не при делах я?

- Это вы в милиции расскажите, когда вас задержат по подозрению в убийстве Куропаткина и в нападении на Рыбальченко. А милиция рано или поздно обязательно на вас выйдет. Метод убийства уж очень необычный.

- Какой еще метод?!

Я откровенно всё рассказал, углубился во все тонкости, поразил, а может быть и не поразил, своими познаниями, не забыл сделать выводы.

- Это не я! – нервно взвизгнул Ярослав и сразу сник. – Сам подумай, зачем мне его убивать? Дело прошлое... Не скрою, я сомневался в том, что убил Нору. Сначала согласился – да, убил. Но потом задумался. Долго думал, все эти годы...

- И что надумали? – спросил я, не дождавшись продолжения.

- Должен был я хотя бы что-то вспомнить, должен! Ну, никакого проблеска! Даже не помню, как домой вернулись.

- Вдвоем? Вдвоем с Норой вернулись?

Вопрос очень удивил Прасолова.

- Вдвоем, - с трудом выговорил он с явным сомнением в голосе. И опять сорвался на крик, - не помню я, черт побери! Утром проснулся, лежу на полу, в руке нож... И Нора рядом лежит... вся в крови. И лицо белое-белое... Неживое. Я Натке позвонил... Она примчалась, милицию вызвала, меня забрали...

- Вы ревнивый?

- Что? – не сразу сообразил Ярослав. Он опять оказался в том жутком прошлом и не успел вернуться в настоящее.

- Вы... ревновали свою невесту?

- Вообще-то нет, но как выпью, крыша съезжала. Она красивая была. Они будто бы тройняшки с сестрами, но все разные. Я легко их различал. Нора самая красивая. Я ее очень любил. И она меня любила... Я ведь... двоих тогда убил. Нора ребенка моего носила... И почему я не умер в колонии? Лучше бы умер.

- Ярослав, вы опять можете угодить в колонию по ложному обвинению.

- Опять... Это все слова. Зачем это тебе, мужик? В чем твой интерес?

- Мне нужна правда. Мне не нравится, что настоящий преступник ловко уходит от наказания, а другой человек становится невинно осужденным.

- Если бы не Натка... Ей я поверил тогда...

- Вы заходили в ресторан за Норой? – зашел я с другой стороны.

- Снова здорова, - хлопнул себя по бедрам Прасолов, - чего ты пристал, как банный лист?! Если я ничего не вспомнил за одиннадцать лет, то не вспомню и сейчас. Иди отсюда подобру-поздорову. Не бери мне душу.

- Я-то уйду, а ты сядешь за убийство Куропаткина и за покушение за Рыбальченко. Тебя оговорили тогда, одиннадцать лет назад, оговорят и сейчас. Кому-то очень это нужно. Преступник преследовал свои цели, ты очень кстати вышел на свободу.

Прасолов, не слова не говоря, распахнул входную дверь, дав понять, что пусть свободен, меня никто не удерживает в его квартире. Я никуда не торопился.

- У Наталья был ключ от вашей квартиры? – неожиданно вырвалось у меня.

- Ключ... был. И у Нелли ключ был.

- Нелли меня сейчас не интересуется. Получается, что вы ничего не помнили, а свидетели утверждали, что вы заходили в ресторан, выглядели адекватным, увели с

собой невесту, вернулись домой, заревновали ее в очередной раз и, не отдавая отчета своим действиям, убили ее ножом. Каким ножом?

- Кухонным. На нем были мои отпечатки.

- Нож принадлежал вам?

- Я что, помню? Нож как нож. Я не занимался готовкой. Нора была знатная кулинарка. Она бы точно сказала, наш нож или не наш.

- Вы дали признательные показания?

- А куда мне деваться, если есть свидетели. Ушли вместе, вернулись домой, я еще выпил, а потом устроил скандал... Наверное.

- Соседи слышали ваш скандал?

- Тогда говорили, что в моей квартире закричала женщина, но быстро смолкла. Никто не стал вызывать милицию – смолкла же. Поверь, не мог я ее убить. Я ее пальцем никогда не трогал. А в тот день я случайно ее зацепил кулаком, хотел ударить этого, мордастого, который меня за шкирку схватил, а попал по Норе. Случайно все вышло... Беременная она была... Я не мог...

- Не мог, но подписал признательные показания.

- А кто, если не я... Получается, я... Так получается?

- Надо разбираться, - вздохнул я.

- А чего это ты все осматриваешься, осматриваешься? Что ищешь? Удивляет, что у меня не прибрано...

- Сам не знаю, - признался я. - Слушай, Ярослав, а к тебе ненароком никто не заходил на днях? Например, с социологическим опросом? Или участковый, которого ты видел первый раз? Для проверки зашел, поговорил, посидел и ушел, - «глубокомысленно» высказался я, слишком нервничал. От ответа Прасолова многое зависит, но он об этом не догадывается. – Давай, вспоминай, незнакомцев в твоём доме не было?

- Как же, был один, - подумав, сообщил Ярослав Прасолов, - газовщик приходил. Сказал... плановая профилактика газового оборудования. Что-то пошерудил, проверил, дал мне бумажку какую-то подписать и ушел.

- Ты постоянно при нем был?

- Чего ж я буду над душой стоять. Я вернулся в кухню, когда он меня позвал. Сказал, все проверил, все в порядке и предложил расписаться.

- И к соседям он с проверкой заходил?

- Почем я знаю, - передернул плечами Прасолов. – Могу спросить, если надо.

- Спроси, если не трудно!

- Не трудно. Ты погоди, я скоро.

Ярослав позвонил в соседнюю квартиру, переговорил, вернулся озадаченным.

- Баба Нюра всегда дома, она никуда не выходит, у нее ноги болят. Так она говорит, что к ней никто не приходил, газовые краны не проверял. И другой соседке она позвонила, к той тоже никто не приходил. Получается, ко мне одному приходил газовщик. Зачем? Можно позвонить в газовую службу, спросить...

- Я и без звонка в газовую службу тебе скажу - никакой это был не газовщик. Ему что-то было нужно в твоей квартире.

- Я ничего не понимаю.

- Сначала некто пытается убить двух свидетелей, причем применяет пневматическое ружье с летающим дротиком с курареподобным ядом. С какой целью? Чтобы подставить тебя.

- Зачем я ему сдался? Освободился, живу себе, никого не трогаю.

- На этот вопрос у меня пока нет ответа. Но я точно знаю, что он пришел к тебе под видом газовщика с определенной целью.

- Хотел оставить улику? Пневматику, например? – на полном серьезе выпалил Ярослав. - Так я домой оружие не приношу. У нас все четко – взял, вернул, расписался.

- А кто-то мог позаимствовать пневматику во временное пользование?

- На время? Вполне возможно. За деньги все возможно. Но никто тебе правду не скажет, кому ж охота угодить под статью!

- Значит, мы допускаем, что некий человек мог взять на время оружие и прилагающие к нему штучки-дрючки. Хорошо заплатил и взял. Потом вернул... Как ни в чем ни бывало, - повторил я слова Ярослава. – Об этом не узнала ни одна живая душа, кроме того человека, с кем он договаривался. Но этот человек будет молчать. В его же интересах молчать, иначе пойдет как соучастник преступления. Далее злоумышленник решает подбросить тебе улику.

- Какую еще улику?

- Бейсбольную биту, которой он убил парализованного Гаврилу Куропаткина, предварительно выстрелив в него из пневматического ружья. Куропаткин не мог оказать сопротивления, получил удар по голове и скончался. Все исполнено так, чтобы следствие пришло к выводу – убийство совершил ты, из мести. Выстрелил, подобрался ближе, объяснил причину своего острого желания расправиться с человеком и убил.

- Я не убивал. Мне нет смысла убивать свидетелей. Чего уж теперь.

- Если бы не они, ты бы избежал наказания.

- Каким образом?! Мы с Норой были в квартире одни! Больше никого не было!

- Но свидетели показали, что ты ревновал, скандалил, случайно зацепил невесту кулаком по скуле. От обиды она ушла с другой компанией. Ты протрезвел...

- Я не протрезвел... Если бы протрезвел, то помнил бы, как увидел ее в ресторане, как уговорил пойти со мной, - заметил Прасолов.

- Но тебя видели двое мужчин, Куропаткин и Рыбальченко, плюс Наталья и официант. Других свидетелей не нашлось: убийство было совершено не в ресторане, никто не опрашивал посетителей, и без них хватило свидетелей. Вы с Норой ушли, эти трое посидели еще какое-то время, потом мужчины проводили Наталью до дома и распрощались, обменявшись номерами телефонов. Натальи им позвонила, когда случилась трагедия. Это известно из ее свидетельских показаний. И мужчины, и официант подтвердили, что вы ушли вдвоем...

- Слышал я весь этот бред. Но раз говорят, значит, так все и было.

- Ярослав, я хотел бы осмотреть твою кухню. Не возражаешь?

- Пожалуйста.

- Газовщик больше нигде не бродил?

- Зашел в прихожую, потом сразу в кухню. При нем был небольшой чемоданчик, бейсбольную биту в него не спрячешь.

- Как он был одет?

- В объемной куртке. Как с чужого плеча. И длинная очень, похожа на полупальто. Куртку он не снимал.

- Вот тебе и ответ.

Я принялся тщательно обследовать шестиметровую кухоньку. Старенькая мебель, газовая плита, обеденный стол, три табурета. Два подвесных шкафчика. Газовый шланг тянулся к газовой плите, шланг заслоняла двухстворчатая тумба, используемая в качестве рабочей поверхности. В данную минуту на тумбе лежала разделочная доска, на доске – недорезанная любительская колбаса и ломоть хлеба. Я непроизвольно заглянул за тумбу, как будто решил проверить надежность газового шланга. Шланг изгибался змеей и соединял кран и газовую плиту. Полы за

тумбой были грязными, липкими, давно не мытыми. Я с трудом разглядел на полу инородный предмет. Достать его можно только в том случае, если отодвинуть тумбу, намертво приклеенную к полу, покрытому старым линолеумом. При этом предварительно освободив все полки. Никакого желания возиться и терять время у меня не было. Помогла смекалка.

- Ярослав, у тебя случайно нет старых деревянных клещей, которые применяли в далеком прошлом для выварки белья? – спросил я у хозяина. Хозяин озадаченно смотрел на меня. Я пояснил, - раньше белье кипятили в выварке, подобными деревянными клещами мешали белье в выварке. В каждом доме было такое приспособление. Но смекалистые люди, в числе которых и я, находили и другое применение клещам. Например, с их помощью доставали из недостижимых мест упавшие предметы.

- Кажись, есть. От мамани остались. Маманя-то моя померла, не дождалась меня.

- Жаль, - только и смог сказать я, нисколько не удивившись слезе, скатившейся по небритому подбородку Ярослава.

- Сейчас посмотрю на балконе, там всякий хлам валяется, - опомнился хозяин.

Он умчался на балкон, а я пока присел в ожидании на табурет. Ярослав вернулся быстро и протянул мне вещь из моего далеко детства и юности.

У меня имелась сноровка, поэтому я с первого раза ухватил предмет клещами. Но вытащил его в четвертого раза – предмет был достаточно тяжелым.

Предметом оказался бейсбольная бита со следами засохшей крови.

- Что это? – с трудом двигая языком, спросил Прасолов и сразу запричитал, - это не мое, точно не мое, клянусь.

- Что и следовало доказать, - вымолвил я без намека на радость. Напротив, в голосе слышалась усталость. И разочарование.

- Говорю же – не мое!

- Я тебе верю, не кричи. Зачем тебе оставлять дома важную улику. Ты бы от нее избавился после убийства Куропаткина.

- И что мне теперь делать?

- Рано или поздно следствие на тебя выйдет. У тебя судимость, ты работаешь в фирме, которая имеет дело с пневматическим оружием и ядовитыми веществами. Опять же в прошлом был знаком и с Рыбальченко, и с Куропаткиным, и с Натальей Эльциной, и с официантом Гордеем Цацуненко. В твоей квартире проведут обыск, обязательно обнаружат орудие убийства и опять ты, Ярослав, окажешься, в колонии. Закроют тебя на долгие годы за покушение на убийство Рыбальченко и за убийство Куропаткина. И доказывай потом, что ты не верблюд.

- Но как же так! - всплеснул руками Прасолов. – Почему я такой невезучий!

- Одиннадцать лет назад настоящему убийце был нужен козел отпущения, и он его без труда нашел. А потом что-то случилось, ему снова понадобился козел отпущения. В голове настоящего убийцы созрел план, оставалось дождаться появления козла отпущения, чтобы все прошло гладко. Ты вернулся в родной город, план заработал.

- После твоих слов я убедился, что не убивал Нору. Меня подставили. Знаю, все осужденные так говорят, но я не убивал.

- Я верю.

- А кто же убил?

- Пока не уверен, но догадки кое-какие есть.

- Если кто-то покушался на жизнь Рыбальченко, потом расправился с Куропаткиным, то Наталье тоже грозит опасность?

- Думаю, на этом преступления закончатся.

- Убийца - официант? Гордей Цацуненко, кажется? Но зачем ему убивать двух бизнесменов? Их что-то связывает? – неожиданно спросил Ярослав Прасолов...

Всю дорогу домой размышлял над словами Прасолова о Гордее Цацуненко. Мне необходимо с ним встретиться и кое-что обсудить.

После суда над Ярославом Прасоловым Гордей Цацуненко через пару месяцев открыл собственное кафе. Не подозрительно ли? Одна свидетельница разъезжает по морям, останавливается в дорогих гостиницах, ни в чем себе не отказывает – сама мне говорила, другой открывает свой бизнес. С чего бы вдруг? Откуда на их голову обрушилось богатство? Ясно откуда – от богатых дяденек, Куропаткина и Рыбальченко. Причина? Один из них убил Нору Эльцину. Ее сестра, что самое ужасное, и официант Цацуненко дали против Прасолова свидетельские показания. А на самом деле? На самом деле две пары, действительно, посидели в ресторане, потом отправились еще куда-то. Там случился конфликт между Норой и одним из мужчин. Скорее всего, с несдержанным Куропаткиным, который в пылу гнева схватился за нож. Уж не знаю, кто предложил свалить убийство на Прасолова, надеюсь, не моя жена... Хотя что это меняет...

Я всегда считал себя прорицателем. Тяжело признавать свои ошибки, тяжело принимать горькую правду.

Эх, ты, горе-прорицатель... Но довольно посыпать голову пеплом.

Значит, так. Троица решает свалить вину на пьяного Прасолова. Они едут на квартиру Ярослава. Наталья открывает дверь своим ключом. Соседи спят, никто ничего слышит. Подельники оставляют тело Норы на полу, прикладывают руку спящего мертвецким сном Прасолова к рукоятке ножа... Да, забыл... Наталья издает какое-то восклицание – для спящих соседей, чтобы они после подтвердили: кричало женщина!

Утром Прасолов звонит Наталье и сообщает трагическую весть. Кто убил ее сестру? Он же и убил, больше некому.

«Свидетели» - Наталья и Цацуненко - получают обещанный «гонорар», и разбегаются на все четыре стороны. Однажды судьба сводит Наталью с Рыбальченко и Куропаткиным. Наталья получает место бухгалтера в их успешно развивающейся фирме. Имел место шантаж? Не думаю, этих крепких ребят не запугаешь, а кто попытается, долго не проживет. Дали место по доброте душевной, из любви к ближнему, или...?

Надо отбросить ненужную в данных обстоятельствах ревность.

Рассуждаем далее без эмоций. Наталья. Зачем Наталье убивать Рыбальченко и Куропаткина? Незачем. Цацуненко. Зачем Цацуненко убивать этих двоих? Незачем. Так мне кажется. Остаются Куропаткин и Рыбальченко. Куропаткин мертв. Рыбальченко выжил.

Почему, когда вышел из мест заключения Ярослав Прасолов, завертелся новый круговорот событий? На этот раз не спонтанный! Убийца заранее подготовился, все рассчитал.

Неужели все-таки Цацуненко? Почему одиннадцать лет назад бизнесмены обратились именно к нему за подтверждением – убитая Нора Эльцина покинула ресторан в сопровождении своего жениха Ярослава Прасолова?

Одного свидетельского показания Натальи им было мало.

Получается, они были раньше знакомы с Цацуненко... Я его никогда не видел, но почему-то он мне представляется человеком, который за деньги продаст родную мать. Подкупать я его не собираюсь, но запугать попробую...

Во второй половине дня я решил смотаться в кафе, принадлежавшее Гордею Цацуненко, хотел застать его на месте. Но, подумав, нашел в телефонной книге номер телефона кафе «Гордость» (однокоренное слово с именем его владельца) и предварительно позвонил. Девушка мне сообщила, что хозяина сегодня не будет. Естественно, я поинтересовался, как мне с ним связаться. Уже собрался приступить к осаде несговорчивой девицы, стоявшей на страже интересов ее работодателя, но девушка без долгих проволочек призналась:

- Наш шеф находится в больнице. Я подробностей не знаю, но кто-то пытался его убить. Сейчас его жизнь вне опасности. Не знаю, пустят ли вас к нему, но стоит попытаться.

Я бы таких доверчивых и болтливых работников гнал в три шеи. Но девушка мне очень помогла, поэтому я ее горячо поблагодарил. После чего отправился в больницу номер восемь, куда поместили Гордея Цацуненко после неудавшегося покушения...

Три медсестры о чем жарко перешептывались. Я догадался – обсуждают пациента Цацуненко. Видимо, особо любопытная медсестра подслушала его разговор со следователем и решила поделиться новостями. Девушки были так увлечены разговором, что не заметили меня.

Я понял одно - Цацуненко не знает, кто на него напал. Его автомобиль находился в сервисе, поэтому он уехал домой на частнике. Номера автомобиля он не заметил, водителя не рассмотрел. В безлюдном месте водитель остановил автомобиль, оглушил пассажира, обчистил карманы и сбросил в водоем.

На первый взгляд – обычное ограбление. Если бы не связь Цацуненко с Рыбальченко и Куропаткиным и события давнего и недавнего прошлого.

Гордею Цацуненко повезло – он быстро пришел в себя и самостоятельно выбрался из воды. Добрался до заправочной станции, где ему оказали первую помощь, вызвали «Скорую» и милицию.

В завершении своей пламенной речи любопытная особа заявила:

- Я же вам, девочки, говорила, что у нас в городе орудует маньяк! Я вы мне не верили!
- Как страшно ходить по улицам, - запричитала другая.

Сегодня был мой день: всякий раз я наталкивался на болтливых людей и легко получал информацию.

Пока медсестры делились сочиненными на ходу страшилками, я проскользнул мимо них и добрался до палаты Гордея Цацуненко.

Цацуненко спал. Его забинтованная голова покоилась на подушке. На бинте виднелось небольшое пятнышко крови. Даже во сне на лице пострадавшего застыла гримаса боли.

Гордей что-то почувствовал и открыл глаза. Осмыслил – перед ним не доктор, не медсестра, перед ним незнакомец, поэтому с ужасом уставился на меня. Он был так напуган, что у него отнялась речь, хотел позвать на помощь и не смог. Если бы я не знал, что еще до моего прихода с пострадавшим беседовал следователь, я бы решил - в результате нападения у него возникла проблема с речью.

- Не волнуйтесь, я не причиню вам вреда, - успокоил я больного с выпученными глазами и доброжелательно всучил кулек с апельсинами – показатель моего лояльного отношения.

- Вы кто? – с трудом выдавил из себя Гордей. Голос при этом был как из преисподней.

На вид ему было не больше тридцати. На самом деле - тридцать шесть. Хорошо сохранился. И совесть не мучает. Едва не поплатился за грехи прошлого. И настоящего?

- Я частный детектив. Параллельно с нашей доблестной милицией веду расследование одного уголовного дела. Следы привели меня к вам, Гордей Михайлович.

- К...какого еще уголовного дела? Я чист перед законом... Это на меня совершенно нападение, я чуть не погиб, - взвизгнул он, усердно теребя пальцами края пододеяльника. И доверительно сообщил, - хорошо, черепушка крепкая, быстро пришел себя и сумел выбраться... Получается – сам себя спас, - повеселел и осмелел он.

- Почему вы не рассказали следователю правду? – пошел я ва-банк. Его наглое поведение меня бесило.

- К...какую еще правду, - опять начал заикаться Цацуненко. – Я, действительно, незнаком с человеком, который на меня напал. Он хотел меня убить и ограбить. Убить не убил, а бумажник и мобильный телефон забрал.

- Надеетесь вымолить у преступника помилование? Думаете, он не предпримет вторую попытку?

- О чем вы?! Я ничего не знаю, отстаньте от меня. Вам лучше уйти, иначе я позову охрану.

- Но только после того, как я вам расскажу одну историю... Нехорошая история, честно вам скажу, с душком.

- Уходите!

- Спокойно, - осадил я нервного больного. И отстраненным голосом продолжил, - более одиннадцати лет назад была убита молодая женщина, Нора Эльцина. Она была беременной. За убийство осудили ее жениха, Ярослава Прасолова, который не смог вспомнить, что произошло в ту злополучную ночь. Он был сильно пьян. Кто на самом деле убил беременную женщину? На самом деле ее убил другой человек, и вам известно его имя. За лжесвидетельствование вам хорошо заплатили, вы смогли открыть свой бизнес. Вас, свидетелей, было четверо – трое мужчин, включая вас, и женщина, сестра убитой. Женщина не могла убить свою сестру, к тому же у нее не было достаточной суммы денег, чтобы откупиться. Вы, как я понимаю, тоже не убивали Нору Эльцину. Получается убийцей является или Куропаткин, или Рыбальченко. Который из них? Молчите? Ладно. Пока следствие не связало воедино покушение на Рыбальченко, убийство Куропаткина и покушение на вашу жизнь. Но это всего лишь пока. Не думаю, что в деле участвовал кто-то чужой. Наталья Эльцина не в курсе последних событий. Она думает, что убийство Куропаткина и покушение на Рыбальченко – это месть ее несостоявшегося родственника, Ярослава Прасолова, невинно осужденного за убийство.

Я говорил уверенно, хотя, совсем не был уверен в непричастности Натальи. Хотел с ней накануне поговорить по душам, но не решился. Моя жена из тех людей, которые никогда не признаются в своих проступках, в проступках разной степени неблагоприятности, тем более таких, как соучастие в убийстве.

Я продолжил с прежним безучастным видом:

- Убийца Куропаткина долго вынашивал свой план. Ждал, когда Прасолов выйдет на свободу. Возможно, Некто, в своих корыстных интересах, посодействовал его устройству на работу в организацию, которая занимается отловом бродячих животных. Но убийце позарез был нужен подельник. Он обращается за помощью к вам, Гордей Михайлович, сулит крупное вознаграждение. Вы соглашаетесь. Однажды преступив закон, почему бы еще раз не преступить... за хорошее вознаграждение на поправку ресторанного бизнеса. Я наводил справки, бизнесмен из вас никудышный, дела в кафе идут из рук вон плохо. Того и гляди, придется закрыть заведение. Вам назвать имя вашего спонсора? Пожалуйста! Это

небезызвестный вам Матвей Алексеевич Рыбальченко. Знаете такого? Вижу по глазам, знаете. Вы подыгрываете Рыбальченко. Изображаете нападение на него. Появление собачника с лабрадором приходится весьма кстати. Рыбальченко нарочно вышел на пробежку чуть позже привычного времени. Конечно, ему были нужны свидетели, которые помешают «преступнику» довести задуманное до победного конца. «Преступник», он же поделщик Рыбальченко, ретировался, испугавшись собаки, на ходу прихватил пневматическое ружье и скрылся. Рыбальченко очень рисковал, но риск - оправданное дело, если речь идет об успешно развивающемся бизнесе. Чем мешал Гаврила Куропаткин Матвею Рыбальченко? Куропаткин хотел продать свою долю в бизнесе, а Рыбальченко был против? Никакие уговоры не помогали? Так? Или он вам озвучил другую версию? Неужели Куропаткина замучила совесть? Он хотел честно рассказать, кто на самом деле убил Нору Эльцину, какую роль в этом деле сыграли другие действующие лица? Бредовая мысль иногда рождается в моей голове, не правда ли?.. Что ж вы воды в рот набрали, Гордей Михайлович?! Хотя бы кивните. Ну, и ладно, я привык к монологам. Не впервой. Путем подкупа и шантажа Рыбальченко сделал вас своим поделщиком. Не думаю, что Гаврилу Куропаткина убивали вы. Это сделал сам Рыбальченко. В себя он верит, а вот в вас... Вы трус, Гордей Михайлович. И ненадежный человек. Корысть стоит у вас на первом месте. Куропаткин мог вас перекупить.

- Я бы попросил меня не оскорблять, - пролепетал Цацуненко.

- Гляди-ка, голос прорезался, - хмыкнул я. – Лучше вам снова заткнуться. Если хотите говорить по существу дела, говорите, а просто так воздух сотрясать... Я продолжу с вашего позволения... Рыбальченко знал привычки своего давнего приятеля. Тайно покинул больничную палату, дождался его в лесочке и жестоко расправился с ним. После убийства вернулся в больничную палату. У Рыбальченко есть алиби. Его и подозревать-то никто не будет, на его жизнь тоже покушались. Следствие будет работать в трех направлениях: преступник «положил глаз» на их фирму, всему виной конкуренция или это месть человека, которого оба бизнесмена чем-то обидели. Со временем первые два будут отброшены, все усилия направлены на поиски мстителя. И его найдут. Но для его задержания необходимы доказательства того, что преступление совершил он. Рыбальченко снова потребовалась ваша помощь. В квартире главного подозреваемого милицейские должны обнаружить улику, бейсбольную битую, которой ударили по голове несчастного Куропаткина. Вы приходите на квартиру Ярослава Прасолова под видом работника газовой службы и «забываете» на его кухне предмет, о которой я говорил выше. Но как быть с отпечатками пальцев Прасолова? На бейсбольной бите не осталось никаких отпечатков. Вот незадача! И опять же, зачем Прасолову оставлять важную улику у себя дома? Она ему еще понадобится? Неужели он решил покончить со всеми свидетелями? До одного?

- Не ерничайте.

- Надеялись, что все пройдет гладко, как прошло одиннадцать лет назад? – не обратив внимания на его слова, продолжил я. - Увы и ах! На этот раз вам крупно не повезло.

- Вы о себе?

- Не будем переходить к обсуждению моих незаурядных способностей. Вернемся к «нашим баранам». Накануне Рыбальченко предложил вас подвезти. Ваш автомобиль находился в сервисе. По дороге он неожиданно напал на вас, оглушил и выбросил в водоем. Вам крупно повезло. У вас, действительно, крепкая черепушка. Вы выбрались из воды, вам оказали помощь. Вы догадываетесь, что против Рыбальченко у вас нет шансов, поэтому решили его задобрить тем, что скрыли от следствия правду. Вы его боитесь, уверены, что он откупится, останется на свободе,

и тогда вам не сдобровать. Но вам и так не сдобровать. Вы опасны для Рыбальченко. Подумайте над моими словами. Я - добрый самаритянин, поэтому предоставляю вам возможность сделать свой выбор... Пишите чистосердечное... Прощайте...

На следующий день меня пригласил к себе следователь.

Оказывается, гражданин Цацуненко указал на Прасолова, как на человека, который мог ему отомстить. Прасолов, с его слов, затаил обиду, вышел на свободу и теперь по очереди избавляется от свидетелей его уголовного дела.

Всё, как по писанному...

Сказать точно, управлял ли Прасолов автомобилем, на котором Цацуненко ехал домой поздним вечером, сам Цацуненко утверждать не мог. На голове водителя была бейсболка, в салоне было темно. То, что у Прасолова нет личного автотранспорта, никого не смутило: мог угнать чужое авто.

Рано утром милицейские ввалились в дом Ярослава Прасолова, провели обыск, ничего подозрительного не обнаружили (бейсбольную битую я прихватил с собой и спрятал в надежном месте) и отвезли Прасолова в участок, где предъявили обвинение в нападении на Гордея Цацуненко. Ярослав Прасолов заявил, что на вчерашний вечер у него есть алиби. Алиби – это я, Роман Хруцкий. Я приходил к нему, и мы долго разговаривали. О чем? Не имеет значения, к делу это не относится.

Я подтвердил, что пробыл у Ярослава Прасолова с такого-то по такое-то время.

Получилось, что на момент нападения на Цацуненко Прасолов находился в своей квартире вместе со мной.

Ярославу помогло еще одно обстоятельство: вещество, которое обнаружено в крови Рыбальченко после тщательного исследования в токсикологической лаборатории, хотя и относится к курароподобным ядам, но не применяется на спецпредприятии по отлову бродячих животных, на котором работает Прасолов.

Ярослава Прасолова пришлось отпустить за недостаточностью улик...

А я вновь подумал о себе, как о горе-прорицателе. Я ошибся. Рыбальченко не пытался убить Цацуненко, своего поделчика, изобразив ограбление, Цацуненко и Рыбальченко заодно. Нападение на Цацуненко было инсценировано. Зачем? Якобы, это еще одна месть Прасолова. Изменен только способ расправы.

Актеры-самоучки разыграли всё отлично, подтолкнули следствие в нужном им направлении. Но никак не учли, что к волку-одиночке Прасолову кто-то придет в гости в поздний час и станет его алиби. И самое главное – исчезнет важная улика.

Теперь Рыбальченко в курсе, что я обо всем догадался. Его поделчик Цацуненко поспешил доложить сразу после моего ухода из больницы. Я опасен для Рыбальченко, человека безжалостного. Что ему стоит закрыть мне рот раз и навсегда?

Получается, за мою жизнь не дадут и ломаного гроша? Получается так.

Я не собираюсь играть в кошки-мышки, воевать с преступным миром в лице Рыбальченко, и опять же подставлять своих близких. Я пойду и поделюсь своими соображениями со следователем. Тем более, далеко от участка я не ушел... Так и сделать? Или героизировать? Ради кого? Ради чего? Ради игры, которая меня заводит?.. Или всё дело в Наташке? Я не знаю, как повернется следствие, причастна ли она к преступлениям? Вдруг Рыбальченко не станет скрывать имена своих поделчиков? Вдруг ему помогал не только Цацуненко?

Что будет, то и будет. Моя нерешительность, промедление поможет Рыбальченко убрать слабое звено, Гордея Цацуненко. Нет Цацуненко - нет проблемы. Расколоть Рыбальченко весьма сложно. Чистосердечное он не напишет. Нужны доказательства.

Я решительным шагом вернулся в кабинет следователя...

Спустя время следователь сидел в больничной палате Гордея Михайловича Цацуненко и вел допрос. Цацуненко недолго увиливал, в итоге во всем признался. И перебрался в тюремный лазарет.

А Рыбальченко оказался в СИЗО.

Вечером Наталья рассказывала мне в лицах, как происходило задержание Матвея Рыбальченко. Я слушал, не перебивая, и изображал крайнее удивление. Не думаю, что Наталья купилась на мой удивленный вид. В конце монолога сказала:

- Проходя по коридору в наручниках, Рыбальченко повернул голову в мою сторону и процедил сквозь зубы: «Пригрел змею на груди». К чему бы это? Можно подумать, я в чем-то перед ним виновата... Рома, признайся, ты причастен к его задержанию?

- Я проводил собственное расследование по твоей просьбе.

- Это я знаю. Хочу разобраться...

- Наталья, я давно хотел с тобой поговорить.

- Только не говори, что ты нашел другую, - нервно хихикнула она.

Она хотела меня сбить с мысли, ей это не удалось. Я был решителен. Настало время во всем разобраться. Мне нужна правда. Любая.

- Наверное, ты никак не ожидала, что всплывут старые грехи. Весь план Рыбальченко базировался на одном человеке. На убийце твоей сестры Норы, на Ярославе Прасолове, который отсидел положенные по суду одиннадцать лет и недавно вышел на свободу. Недаром ты тряслась, как осиновый лист, когда узнала о нападении на Рыбальченко. Ты сразу догадалась, кто мог это сделать.

- С какой стати мне трястись? Я была свидетелем, честно обо всем рассказала. Не я же его приговорила к одиннадцати годам лишения свободы!

- А ты не нервничай.

- Я не нервничаю. Я не пойму, в чем ты меня подозреваешь?!

- Я подозреваю тебя в даче ложных показаний. Сама расскажешь, как было дело, или предоставишь эту возможность мне, а по ходу рассказа будешь корректировать?

- Мне нечего тебе рассказывать, - пролепетала жена.

- Ничего другого я от тебя не ожидал, - с явной угрозой в голосе произнес я. – Ты упустила свой шанс.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Если бы ты честно обо всем рассказала, мы бы могли... жить дальше без твоего прошлого.

- Рома, зачем тебе уходить в прошлое! – в отчаянии воскликнула жена. – Я же не спрашиваю, как ты жил до меня, - сверкая глазами, она «бросила камень в мой огород».

- Наташа... Мы должны откровенно поговорить.

- Ром, ты меня любишь? Хотя бы капельку?

- Люблю, - сухо ответил я. – Мне тебя жаль, не скрою. Ты запуталась. Давай распутывать клубок вместе.

- Вместе, - чуть слышно повторила она. – Звучит обнадеживающе...

Наталья глубоко вздохнула, как перед погружением в морские глубины, и начала рассказывать...

После ресторана они вчетвером поехали на квартиру, которую бизнесмены использовали для развлечений. Наталья была пьяненькой, плохо соображала, потому и согласилась, а Нора не хотела возвращаться к жениху.

Они разделились на пары. Наталья с Рыбальченко уединились в единственной комнате, Нора с Куропаткиным остались на кухне. Спустя короткое время из кухни послышался громкий голос Куропаткина. Потом вскрик Норы. Когда Наталья и

Рыбальченко вбежали в комнату, они увидели распростертое на полу тело Норы. Из ее груди торчала рукоятка ножа. В двух шагах от распростертого тела стоял Куропаткин и непонимающе озирался по сторонам, как будто искал злодея, совершившего убийство. Злодей в кухне был один и им являлся Гаврила Куропаткин, руки которого были испачканы в крови.

Уже после случившегося Рыбальченко рассказал Наталье следующее.

Мать Гаврилы Куропаткина умерла, когда мальчику не было шести. Отец быстро женился, привел в дом новую жену, мачеху для сына. Мачеха относилась к мальчику неплохо, но была очень требовательной. И постоянно говорила: «Ты не так делаешь». Чтобы он не делал, всё было не так. Будто бы безобидная фраза, но со временем она начала приводить мальчика в бешенство, он терял над собой контроль. В заброшенном сарае он соорудил чучело, прицепил на грудь чучела картонку с надписью «мачеха» и после очередной фразы «ты не так делаешь» бежал сломя голову в сарай и колотил чем только мог по чучелу, представляя его мачехой. Злость быстро проходила, мальчик возвращался домой. О всплеске агрессии напоминали красные глаза и иногда сбитые костяшки рук.

Когда Гавриле исполнилось шестнадцать, он убил мачеху. Заранее позаботился об алиби – ночевал у друга, отец в ту ночь был на дежурстве. Из квартиры Куропаткиных пропали деньги и ценные вещи, поэтому следствие пришло к выводу – убийство совершили грабители. Повезло мальчишке, иначе тоже стал бы жертвой грабителей. Деньги подросток постепенно растратил, а немногочисленные ценные вещи закопал в лесу и не оставил отметины, чтобы не появилось желание их откопать, сдать в скупку и тем самым выдать себя.

Случаи агрессии случались и позже. Но дело ограничивалось одними кулаками. До убийства точно не доходило. И вот...

Когда он принялся разрезать торт на ровные кусочки – очень старался, мачеха приучила к аккуратности, ничего не подозревающая Нора взяла в руки другой нож, встала рядом и заявила:

- Дай я разрежу, ты не так делаешь. - И тем самым приговорила себя.

Обезумивший Куропаткин вырвал из ее рук нож (его нож был испачкан в креме, а он был аккуратистом – странное поведение при безумии) и одним сильным ударом убил женщину.

Куропаткин быстро опомнился. Увидел, что сотворил и начал рыдать и валяться по полу. Рыбальченко решил прикрыть друга и компаньона. Но в первую очередь думал о себе – Гаврилу «закроют», он скиснет, признается в убийстве Норы Эльциной, а потом и в других делишках, коих за плечами столько, что не все сразу вспомнишь. Но малой толики хватит, что получить пожизненный срок.

Наталью запугали. Она согласилась помочь. Кто ее осудит – сестру не вернешь, а жить хочется...

Кроме трех «свидетелей» того, что Нора ушла с Прасоловым, нужен был еще один – работник кафе. Им оказался Гордей Цацуненко, мечтавший открыть собственное заведение общественного питания. И его мечта сбылась...

- Тебе тоже заплатили? – спросил я.

- Да. Но я не хотела брать деньги. Потом подумала – на что буду жить? Платят мне копейки, грозят сокращением... Рома, надо было тебе давно всё рассказать. Но я подумала, дело прошлое... Зачем прошлое ворошить... Рома, я виновата... Знаю... Рома, Ромочка, пожалуйста, не бросай меня. Я не могу без тебя. Я люблю тебя. Прости меня, Ромочка...

Я ее простил. Я добрый самаритянин.

И все равно горе-прорицатель...

Ночью у Наташки случился сердечный приступ. Пока ехала «Скорая» я бегал по квартире, искал лекарства, что-то ей предлагал... Она сжимала посиневшие губы и виновато смотрела на меня...

В больнице жена пробыла неделю, потом запросилась домой.

Я договорился с участковой медсестрой, чтобы она приходила делать ей уколы – нельзя прерывать на полдороге процесс лечения.

Наташка шла на поправку. Мы начали выходить на улицу, гулять по парку. Осень плавно переходила в зиму. По утрам уже подмораживало. Днем солнце выглядывало редко, совсем нас не баловало. Наташка куталась в теплое пальто, засовывала ладошку мне в карман. Я сживал ладошку своей горячей рукой.

- Ромка, когда я окончательно поправлюсь, давай возьмем ребенка из детского дома? Мальчика или девочку. Нет, лучше девочку, мальчики у нас есть. Ты согласен?

- Почему, нет. Какие наши годы. Воспитаем.

- Вот и отлично, - повеселела жена.

С того дня она стала прежней Наташей. Двигалась скоро, улыбалась, делала по дому нехитрую работу. Медсестра по-прежнему приходила к нам. Теперь два раза в неделю.

Ничто не предвещало трагедии.

Однажды я вернулся домой, привычно объявив о своем появлении:

- Я дома! Наташка, ты чего сидишь в темноте?

Я с улицы заметил, что наши окна не освещены. Решил – жена задремала.

- Наташка, просыпайся!..

Она лежала в кухне на полу. Вокруг головы образовалась красная лужица. Не отдавая отчета своим действиям, я сбегал в ванную, схватил полотенце, принялся прикладывать полотенце к разбитой голове жены. Звать ее, трясти...

Позвонил детям. Они приехали быстро. Все это время я сидел рядом с телом жены и держал на ее голове полотенце, пропитанное кровью.

Когда к человеку подкрадывается горе, он часто совершает поступки, не поддающиеся объяснению.

Оказалось, у Натальи резко упало давление. Закружилась голова. Она упала и ударилась виском об угол кухонного шкафа. Смерть была мгновенной...

Мы похоронили Наталью. Дети перебрались ко мне, не хотели оставлять меня одного наедине со своими мыслями.

Спасала работа. Но я постоянно возвращался к событиям недавнего прошлого. Жалел, что докопался до истины. Заставил жену вернуться в прошлое.

Жили-были три сестры, не осталось ни одной...

Я все больше погружался в сумрак. Мальчишка волновались за мое здоровье. Отец предлагал пойти на прием к врачу.

- К какому врачу? К психотерапевту? Или к психиатру? - взвился я. – Или сразу – вызвать спецбригаду, чтобы отвезли меня в психушку?

- Уже какие-то эмоции, и то ладно, - успокоился отец, - а то слова из него не вытянешь.

- Что за привычка говорить о присутствующих в третьем лице! – продолжал возмущаться я.

- Когда я так говорил? – округлил глаза батя.

Я ходил по замкнутому кругу, как тигр в клетке.

- Рома, на этом жизнь не заканчивается, - сказал отец, побряхывая, поднялся с кресла и присоединился ко мне.

Ходить вдвоем по замкнутому кругу в небольшой комнате было нелепо. Я невольно улыбнулся. Не знаю, было ли это улыбкой, скорее, звериным оскалом.

- Ромка, поговори со мной. Не теряй зря времени. Вдруг будет поздно.

- Батя, ты умеешь успокоить, - нахмурился я.

- Ты должен быть готов. Сам знаешь, сколько мне лет. Еще удивляюсь, что столько протянул с больным сердцем.

- Батя! – рявкнул я, - не добивай меня!

- Хорошо, не буду. Но ты не молчи, не закрывайся в себе. У меня руки опускаются, когда вижу тебя таким несчастным.

- Батя, как хорошо, что ты у меня есть.

Мы дружно дошли до дивана и сели. Отец для порядка побряхтел, хитро взглянул на меня и произнес:

- Так просто ты от меня не отделаешься. Мне еще правнуков надо дождаться... Или внуков.

Знать бы тогда, как он окажется близок к истине...

История пятая. 2016 год Лебединая песня

Если я был женщиной, то вышел бы на пенсию. Я рад, что я мужчина, что до пенсии мне еще пахать и пахать. Хотя, как сказать: время летит незаметно. Взять, к примеру, прошедшие десять лет. Пролетели, как одно мгновение. Потому что я пребывал и пребываю в эйфории счастья. Не безумного с сумасшедшинкой, не скачущего по синусоиде, вверх-вниз, не заоблачного-эфемерного, а самого настоящего счастья, постоянного, обволакивающего теплотой любви. Губы невольно растягиваются в улыбке, никакие трудности тебя не волнуют. Возможно потому, что отсутствуют проблемы глобального характера. И на том спасибо. А мелкие недоразумения, они же мизерные проблемы, не раздуваются до невероятных размеров, в чем важную роль играет позитивный настрой. В связи с чем решаются легко и просто, да и не кажутся они проблемами. Так, сущая ерунда, говорю же – мелкие недоразумения! И вообще - ничего грандиозно-плохого у нас случится не может! Беда отскочит от нас, испугает.

Кто же является источником моего прямолинейного, не скачущего вверх-вниз, позитивного настроения? Варька... Жена... Необыкновенно добрый, умный, понимающий человек. С ней не нужно слов, хватает одного взгляда.

Она утверждает, что я значительно моложе ее: веду себя как ребенок. Возможно, она права: когда любишь, теряешь мудрость, накопленную с годами. Но мне не хочется молодиться, как поступают некоторые люди, пребывающие в неравном браке, чтобы «догнать» своего партнера. Знакомые утверждают, что я выгляжу моложе своих лет. Когда мои мальчишки, мужики с усами, в незнакомом обществе называют меня папой, все начинают искать того, к кому адресовано обращение.

Мне льстит, не более того.

Вот когда я иду по улице со своей дочерью Серафимой, которой сейчас девять лет, никто не думает, что ее за ручку ведет дедушка. Папа. Сие мне греет душу...

Не знаю, рискнул бы я жениться еще раз, если бы Варюха не призналась, что ждет ребенка. Я опешил на пару секунд, потом запрыгал до потолка, а попрыгав, сгреб будущая мать в охапку. Сгреб бережно, как статуэтку из хрупкого материала. Варя решила, что будущий отец тронулся умом.

Именно с той минуты я осознал, что такое настоящее счастье. Везде, во всем, всегда.

Всегда. Я очень хочу, чтобы так было всегда. Но иной раз в голове забрезжит огонек сомнения: а вдруг... Вдруг что-то случится?! С моими тремя детьми, с женой, с отцом, со мной? Я гоню от себя эту мысль, совершенно идиотскую, но... здравую. Никто не застрахован от горя.

А последнее время вспоминаю Чеховского Беликова, человека в футляре, с его фразой: как бы чего не вышло...

Выйдет-не выйдет, когда выйдет... Никогда и ни за что! Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы счастье и гармония в нашей семье не исчезли. Готов на все, но без риска. Риск - дело благородное, но безрассудное, безрасчетливое что ли. Пришел, увидел, совершил. Я уже не тот, что был раньше. Сейчас я расчетлив, как никогда. Не просто живу и кайфую от счастья и любви, я всеми силами оберегаю своих близких. И себя ради них. Внешне выгляжу спокойным до неприличия. Со стороны покажется – полный пофигист. Ошибочное мнение.

Я - человек разумный, хотя и «в футляре», понимаю, что все мы смертны, и прошу у Бога одного: чтобы я ушел раньше моих близких...

Особенно волнуюсь за отца. Все-таки возраст.

Я рад, что отец не унывает. Значит, не всё так плохо.

Вот весной был случай. Отец был в кардиоцентре, где ему прицепили аппарат для суточного измерения давления. От моего сопровождения он отказался, как и от сопровождения Миши и Феди. И нет бы сразу двигать домой, так нет: отец зашел с банк, снял со счета некоторую сумму денег, и только после этого направился к своему дому. Видимо, парочка молодых лоботрясов высматривала возле банка доверчивых стариков, которые временно разбогатели. Лоботрясы «повели» моего батю от здания банка, а он идет себе по улице весь такой счастливый – разбогател, думает, чем порадует внуков. Слежку, естественно, не замечает. Так дошли они до безлюдного места, до проходного двора. Окружили лоботрясы батю и предложили отдать деньги по-хорошему. А у бати надета на руке манжета, под курткой спрятана, в сумочке лежит моторчик, который периодически гудит: манжета накачивает, давление фиксируется. И когда двое злоумышленников к нему подкатили с понятным предложением, моторчик возьми и загуди, к счастью отца. Другой был старик на его месте, сказал чистую правду: что гудит, почему гудит. А отец? Отец загробным голосом сообщил: «Пошел отсчет времени. Осталось пятнадцать секунд, четырнадцать...» Про тринадцатую секунду злодеи не услышали, припустили наутек.

Мы дружно посмеялись над рассказом моего отца-юмориста, но я не преминул заявить: «Впредь ты один ходить не будешь!» - «Знал бы, вообще не рассказывал», - набычился батя...

Ох, и ворчун. Был ворчуном, стал ворчуном в квадрате. Или в кубе. И пусть себе ворчит, меня его ворчливость несколько не напрягает. Отец не злой, ворчит, чтобы о нем не забывали. Я его очень люблю.

Батя принял Варю сразу. Не сдержался, шепнул мне: «Седина в бороду, бес в ребро». По-доброму так шепнул и подмигнул – дал понять, что одобряет, чтобы я не упустил свое счастье. Когда батя узнал потрясающую новость – у нас будет ребенок, едва не лишился чувств от радости. И заявил: «Не зря ждал, вот теперь увижу свое Ясно-Солнышко, и пора...»

При других обстоятельствах я бы нашел доходчивые слова для внушения: пусть отец и думать забудет о вечном покое. Вероятно, накричал бы. Но я выглядел блаженным от счастья и на самом деле был блаженным, потому сдержался и мягко попросил: «Поживи еще!» И голос дрогнул при этом. Отец поднял на меня вылинявшие глаза. В глазах появились слезы. Чтобы я не заметил его нахлынувших чувств, отвернулся и тихим голосом затынул, намекнув, что совсем не то имел в виду: - Пора в путь-дорогу, в дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идем...

Он дождался появления на свет своего Ясно-Солнышка, названного Серафимой. Исполнил мою просьбу. И что самое важное – грустные мысли об уходе его покинули...

Теперь о моих мальчишках. Мое сообщение о предстоящей свадьбе с Варей их несколько не шокировало.

- Рад за вас, - признался Федор. - Как будто не знал вас обоих долгие годы, а впервые увидел только сейчас – настолько вы изменились, прям совершенно другие люди. И выглядите иначе, и говорите иначе, и ведете себя иначе. Главное – глаза! Говорю же – другие люди. Кто вы? Маски, я вас знаю? – пошутил он.

- Знаешь, знаешь, - усмехнулась Варвара, немного успокоившись: знакомство в новом статусе ее очень волновало.

- Ну, пап, поздравляю! – высказался Михаил, - и тебя, Варюшка, поздравляю. Тебе, очень повезло, наш папа – замечательный человек, таких больше нет.

- Я знаю.

- Мне тоже очень повезло, - вставил я.

Я заметил, что старший сын хочет ее что-то сказать, но он промолчал, а я его не сподвиг на продолжение. Однако позже, когда мы остались вдвоем: я и оба моих сына, Мишка признался:

- Глядя на вас с Варей, таких счастливых, теперь и нам с Федей захочется найти себе спутницу жизни.

На этот раз я уточнил:

- А раньше у вас такого желания не было? Что вас не устраивало раньше, в моем прежнем браке?

- Ты, пап, извини, что я возвращаю тебя в то время, вижу, тебе больно об этом вспоминать...

- Говори, раз начал...

- С виду у вас будто бы была любовь-морковь, а приглядишься, прислушаешься и понимаешь – искусственные отношения.

- Да-да, не натурально как-то вы жили с Натальей, - поддержал брата Федя. – Смеетесь, а глаза пустые, разговариваете и не слышите друг друга, отвечаете невпопад. Папа, мы давно поняли, что тебе пришел срок жениться, и ты взял в жены женщину, которая отнеслась к нам по-человечески. Мы считали ее другом, но она никогда не стала нам матерью.

- Мы никогда не разговариваем на тему нашей мамы, но это не значит, что мы о ней никогда не вспоминаем. Вспоминаем и очень часто, - откровенно признался Мишка.

- Это правильно, мальчишки...

Я поделился своими воспоминаниями об их матери, о Дине Чайке. Только хорошими...

Я считал своих пацанов взрослыми несмышленишками, а они раньше нас с Натальей догадались, что мы – не пара...

Но прошлого не изменишь. Это как история. Было. И никуда не денется...

Теперь о глобальном.

В 2014 году в Сочи прошли XXII Зимние Олимпийские игры. Прошли успешно, с размахом. За семь лет подготовки к играм организаторы совершили невозможное. Честь им и хвала!

В тот же год случилось еще одно событие: Крым наш! Есть и будет! Чтобы кто не говорил. Что последовало за присоединением Крыма к России? Санкции против России. Миру не интересны мнения и желания жителей полуострова.

- Ой, как страшно, сейчас умру от страха, - поерничал отец, прослушав новости, где жарко обсуждались санкции против России. – Эти люди хотят НАС напугать!.. – Далее последовала игра слов с использованием местных идиоматических выражений...

Одним из основных событий прошлого, пятнадцатого, года, является 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. По этому случаю на Красной Площади прошел грандиозный Парад.

А в сентябре того же года российские летчики нанесли первый авиаудар по позициям ИГИЛ в Сирии. Россия не позволила сделать с Сирией то, что наши «партнеры» сотворили с Ливией и Ираком. Увы, война не обходится без жертв. Двадцать четвертого ноября турецкие военные сбили российский самолет СУ-24, один военный летчик погиб, другому удалось спастись. Увы, будут еще жертвы среди наших героических военнослужащих...

2016 год.

Вступило в силу соглашение о свободной торговле между Украиной и Европейским Союзом.

В новогоднюю ночь в Кельне 90 женщин подверглись сексуальным домогательствам со стороны мужчин арабского и африканского происхождения. Соответствующие органы, обязанные защищать граждан своей страны, никак не отреагировали. Вопрос: у пострадавших женщин есть мужья, братья, отцы? Да, друзья мои, это не дикая, по их мнению, Россия, это толерантная Европа. Ну-ну... То ли еще будет...

И я как в «воду глядел». По Европе покатысь катком террористические акты. Гибнут люди. Хочется сказать – что посеешь, то и пожнешь, но мирные граждане здесь причем? Они в чем виноваты?!

В должность президента Филиппин вступил Родриго Дутерте Роа – харизматичная личность, высказавшаяся о президенте США с «употреблением местного диалекта».

Кстати, о президенте США. В команде замена: вместо афроамериканца Барака Обамы в поединок против... дикой страны, региональной державы с разорванной в клочья экономикой выступает бизнесмен Дональд Трамп.

Никто и не ожидал такой замены... Кроме наших хакеров. Для тех, кто не понял, это шутка. Не хочется усугублять...

В июле в Турции совершена попытка государственного переворота...

Российский путешественник Федор Конюхов установил рекорд скорости кругосветного перелета на воздушном шаре, совершив его за одиннадцать с хвостиком дней.

А августе в Рио-де-Жанейро открылись XXXI летние Олимпийские игры. Олимпийский комитет попил кровушки не только у наших спортсменов, тренеров, руководства, но и у болельщиков. Причина – допинговый скандал. В итоге: в полном составе отказано в участии легкоатлетам и паралимпийцам (вообще за гранью понимания), остальные спортсмены – выборочно. Многие из них до последнего не знали, едут в Бразилию или нет.

И все политика... Не помогли санкции, зайдем с другого края...

Кажется, мир перевернулся... Или не кажется?..

Конечно, я совру, если скажу, что жизнь идет гладко, по колдобинам мы не скачем. Всё бывает: и скольжение по льду, и парение в облаках, и гонки по вертикали, и езда по горной местности.

Мои душевные переживания касаются моего старшенького, Мишки. С Федькой все в порядке: недавно сочетался браком с хорошей девушкой, они ждут первенца.

Мишка встретил женщину с двумя детьми, влюбился, похоронившись с ней короткое время и женился. Причем женился на ней тайно, даже брат Федька ничего не знал. Что уж говорить о нас. Федька обозвал Мишу «тихушником». Без продолжения. Было заметно – огорчен и раздосадован. И причина кроется не так в недоверии, как в выборе брата. Федька на нашей стороне. Скажу избитую фразу – она ему не пара. Это заметно всем окружающим, кроме Михаила Хруцкого.

Чего я боялся больше всего, то и случилось: неопытный в любовных делах Михаил попался на удочку опытной тетки. Она сразу позволила себе вольности, Миша опьянел от счастья.

Впоследствии я понял, что Мишка патологически ревнив, а его супруга не отказывает себе в удовольствии провести испытание на прочность. Дед не выдержал, обратился к новоиспеченной супруге внука:

- Так и до беды недалеко, Мила.

Ее Людмилой зовут. У Людмилы есть двое деток от предыдущего брака: Филипп и Настя, восьми и шести лет соответственно. Хорошие детки, но пугливые и замкнутые. Миша объяснил, что бывший муж Милы крепко выпивал, устраивал

скандалы со всеми вытекающими последствиями. Доставалось всем - и жене, и детям. Дед не удержался:

- Жене-то понятно, а дети-то при чем?

- Что тебе понятно? – спросил Мишка, приготовившись к обороне супруги.

- Поведение у нее... облегченное.

- Дееед, - предупредительно протянул Михаил.

Я попытался разрядить обстановку:

- Как писал Достоевский в своей повести «Белые ночи»: он протестовал против меня в довольно энергичных терминах.

- Умному человеку и отвечать надо умно: ты не пианист, а я не фортепьянная клавиша – хочу жить самостоятельно, без указаний.

- Кто тебе указывает? – возмутился дед. - Не нравится правда-матка? Глаза колет? А ты послушай, послушай, что умные – сам это сказал – люди тебе толкуют. Может быть, задумаешься и сделаешь правильные выводы. Вот твой отец тоже ни в какую не хотел меня слушать! А что вышло? А то и вышло, что ничего хорошего, - закручено высказался старик. – Мишаня, мы тебе зла не желаем, мы тебе добра желаем... Где ж это видано, чтобы такой хороший парень женился на этой... прости Господи.

- Не хочу ничего слушать! – рявкнул Мишка и ушел, хлопнув дверью.

В кухню зашла Варя. До этого она сидела в комнате, чтобы не мешать мужскому разговору.

- Обиделся, – вздохнула она. – Лучше оставить его в покое, время пройдет, сам разберется.

Как говорят в русских народных сказках – на том и порешили...

Уже после Варя случайно узнала, что после первого, официального, мужа, у Милы был еще один, гражданский. Родители гражданского мужа Милы были категорически против выбора сына. Неизвестно, чем бы дело закончилось, но помог случай.

Мила, женщина свободных нравов, закрутила любовь с новым коллегой по работе. Работала и работает она менеджером в мелкой компании «Кому делать нечего» - так компанию назвал мой отец. На самом деле, компания занимается социологическими опросами населения по заказу крупных компаний. В общем, пришла Мила к любовнику домой, то, се. Вышла в нижнем белье на балкон, проветриться решила. Стоит, дышит свежим воздухом. Чувствует на себе чей-то взгляд. Поворачивает голову. На соседнем балконе стоят родители ее гражданского мужа, в гости пришли к давним друзьям. Не удивительно, что в рекордно сроки гражданский муж узнал о похождениях своей гражданской супруги. Его глаза открылись, голос прорезался, правая рука указала супруге на дверь. Милка бросилась к любовнику, но тот ее на порог не пустил. Тут на пути попался наш лопух Мишка.

Жаль детей Милы, Филиппа и Настю. Как говорили в одном старом кинофильме – это не мать, это ехидна. Наверное, для детей же лучше, что они живут с бабушкой, матерью их отца. На всякий случай, я к ней наведалься. Приятная во всех отношениях дама. Учительница русского языка и литературы с многолетним стажем. А единственный сын в пьяном угаре подрался и забил человека до смерти. Получил уголовный срок.

Отец сидит, мать кочует от одного мужика к другому. Надеюсь, долго с Мишкой не задержится. Или перевоспитается Мишкиной любовью. Так считает Варя. Я считаю – горбатого могила исправит.

Время шло, перемены не наступали. Это был тот редкой случай, когда стабильность не радует. Чем дальше, тем мы с отцом сильнее утверждались в своем первоначальном мнении о Миле. Мила нам была не мила, вот такой каламбур. Она напропалую изменяла Мишке, а этот ревнивец устраивал сцены ревности, после сцен ревности происходило жаркое перемирие.

Ко всему Мила была круглой душой. Что можно еще сказать о человеке, если при заполнении анкеты при приеме на работу (по настоянию теперешнего мужа она решила найти другое место работы, ходила на собеседования) в графе «SEX» - укажите ваш пол, Мила пишет: not often – не часто. Во-первых, соврала, во-вторых, ни хт ферштейн. Или по-русски: моя твоя не понимай.

Опять же вспоминается балкон в квартире любовника. Пришла, принимай лежачее положение и не высовывайся.

Вот еще одно доказательство ее «большого» ума. Мила с умным видом разгадывает кроссворд. Губы трубочкой, почему-то, между татуажными бровями складка задумчивой напряженности, глаза устремлены в журнал. Долго за ней наблюдал, она ни разу не применила ручку по назначению. Кроссворд оставался незамаранным писаниной. Вдруг не выдержала и спрашивает у мужа:

- Мишаня, что такое баба тире халка?

- Сколько букв? – автоматически спросил муж, занимаясь приготовлением ужина. Я ему помогал и исподтишка следил за Милой, сидевшей тут же, на кухне, возле подоконника, полубоком к нам.

- Пять букв!

- Что за слово такое – баба-халка? – не сообразил я, чувствую какой-то подвох.

- Если мне не верите, то можете сами убедиться! – Мила оторвала свой тощий зад от стула, вальжной походкой подошла ко мне и ткнула пальцем в нужное задание.

- Это салют, - прочитав, ответил я, не заставив долго ждать мою сноху.

- Это почему же салют? – с вызовом поинтересовалась она, как будто я ее обозвал.

- Тире – это перенос слова. На самом деле, оно звучит так – бабахалка. Нечто бабахает. Что бабахает? Салют! Слово из пяти букв.

- Какой вы умный, папочка, - презрительно протянула сноха.

Даже в мыслях я не называю ее невесткой. Невестка, какие бы анекдоты о ней не сочиняли, родной человек, а в слове «сноха» есть что-то насмешливое, унижительное что ли. Это лично мое мнение.

- Кому папочка, а кому – Роман Александрович, - напомнил мой старший сын, опередив меня, чтобы избежать конфликта: одно дело я ее поправлю, другое дело муж. – Мила, ты же знаешь, что папа не выносит фамильярности.

Конфликт все-таки грезил разгореться. Я судил об этом по красным лопухим ушам снохи и по-нервически закусываемым губам. Поэтому поспешил ретироваться, на ходу обтерев о полотенце мокрые руки.

- Пап, ты куда? Сейчас будем ужинать.

- Я вспомнил – у меня дела... Совсем забыл, черт побери... Пока-пока...

Мила мне даже не ответила. И как вести себя с такой... интеллектуалкой?..

Или еще один случай. Гуляем мы всей семьей по институтскому парку. Проходим мимо таблички. Мила громко читает на французский манер:

- Ля Манеж. - Потом обращается к Мише, - дорогой, ты французский знаешь? Что такое ля Манеж? Тут еще кривая перекладинка, не пойму, для чего?

- Я знаю французский язык, - с трудом сдерживая смех, произнесла моя жена Варвара. – Здесь написано – л/а манеж, что означает – легкоатлетический манеж. И указано направление, где находится легкоатлетический манеж.

Просветив Людмилу, Варвара повернулась ко мне и прошептала: «Я в шоке». Мне оставалось только вздохнуть.

Я старался абстрагироваться от молодой семьи. Не выбрасывал своенравного Мишку из своей жизни, но и не контролировал. Это их семья, это их жизнь.

Однажды старший сын пришел к нам и с порога попросил занять ему денег. Не потребовал, а мягко попросил. Но заметно волновался: некий поджигатель поднес уже спичку – пожар негодования готов вспыхнуть.

- Сколько? – спросил я и присвистнул, услышав сумму. – Зачем тебе столько? Что-то случилось?

- Почему у меня должно что-то случиться?! – с вызовом спросил Михаил. – Это вам так хочется, чтобы в нашей семье что-то разладилось, чтобы мы разбежались. Хочу вас расстроить: у нас с Милой все прекрасно!

- Как дети, Филипп и Настя? – поинтересовалась Варя, желая разрядить обстановку.

- Хорошо, - сдержанно ответил Миша.

- Они по-прежнему живут с бабушкой?

- По-прежнему. Там им лучше... Пап, так ты денег дашь?

- Я могу спросить, на что ты хочешь потратить такую немаленькую сумму?

- Я хочу подарить Миле автомобиль. Она давно хочет машину, а один знакомый продает поддержанный автомобиль в очень хорошем состоянии, - протараторил Михаил. - У Милы есть водительские права, - добавил он, считая это весомым доводом.

- Не слишком ли дорогой подарок?

- Еще добавь – для такой женщины, как Мила. Мила моя жена, для меня она лучше всех... Я так понимаю, что денег ты не дашь? В займы?

- Ты правильно понимаешь.

- Миша, ты поужинаешь вместе с нами? – задала элементарный вопрос Варя, но он стал для Миши детонатором.

- Подавитесь вы своимужиной, ноги моей у вас не будет!..

И всё в таком духе.

Он выговорился и привычно громко хлопнул дверью. Мы с Варей вздрогнули и переглянулись. Я изможденно упал на стул, как будто проделал тяжелую физическую работу.

- Мы же с тобой знаем, что Миша не такой, он хороший, он так не думает, просто попал под влияние, - поспешно проговорила моя жена, ласково поглаживая меня двумя руками по плечам.

- Зря не дал ему денег. Хочет подарить ей автомобиль, пусть дарит. Его право. Спокойствие моего сына у меня на первом месте.

- У Милы скоро день рождения, - напомнила Варя.

- Я помню.

- Рома, не расстраивайся, всё проходит, пройдет и это. Миша разберется... Со временем.

- Пока он разберется, я успею сойти с ума...

- Лучше тебе не вступать в открытый конфликт. Хочешь выговориться, выговаривай мне свое возмущение.

- Ни в коме случае! Еще чего не хватало!

- Тогда молчи и принимай их союз как очередное испытание, которое ты обязан пройти. Поверь, это наваждение, Мишка разберется.

- Я хочу в это верить. Наверное, надо Мишке позвонить, узнать, что за автомобиль он хотел ей подарить, поехать и купить. Как думаешь, Варюша?

- Все правильно. Так и поступи. А лучше поезжайте вместе. Вы так редко видите и почти не общаетесь. Общение с тобой пойдет Мише на пользу. Только не читай ему нравоучения...

Мишка не стал выпендриваться и помирился со мной без долгих уговоров. Мы договорились встретиться на следующий день и посмотреть автомобиль...

Мой сын отличался хорошим вкусом во всем, за исключением выбора спутницы жизни. Он решил купить Миле в подарок ко дню рождения автомобиль «Skoda Fabia» цвета серебристый бриллиант, в очень хорошем состоянии, по приемлемой цене. На продавца Миша вышел через друзей, это был величавый армянин, больше рассказывающей о своей жене, чем об автомобиле, цели нашей встречи. На «Шкоде» рассекала его жена, оформлен авто на мужа. Чем она его прогневила, почему он решил ее наказать и лишить игрушки, нам стало известно. Изменила, но доказательств пока нет. Но муж чувствует – изменила.

В свой день рождения Мила получила неожиданный подарок от нас всех, так мы договорились с Мишей. А я убедил его не отдавать часть денег, которые он собирался вернуть со временем.

Наверное, я задабривал сына. Смягчал обиду на меня.

Если бы я мог предположить, чем обернется совместный подарок, то... не знаю, как бы поступил, признаюсь честно...

Но всё вышло так, как вышло. Высшие силы смиростивились над Михаилом, уберегли его от этой женщины.

Через неделю Людмила скончалась от непонятной болезни. Была здорова, и вдруг сгорела за неделю. Вскрытие показало отравление непонятным веществом. Уголовное дело по факту отравления завели, нас опросили. Я честно поведал следователю об образе жизни моей снохи. Из чего следователь заключил, что на покойную имели зуб многие женщины.

Нас оставили в покое.

Мила скончалась от отравления в июне. Мишка два летних месяца ходил на ее могилу почти ежедневно. С наступлением осени воспрянул духом, ожил. Теперь ходил на кладбище раз в неделю, по субботам. Мы немного успокоились за него. И только тогда я завел разговор о смерти Милы. Миша рассказал следующее:

В потолочном отсеке для очков в новом автомобиле Мила обнаружила конверт со ста тысячами рублями в купюрах по пять тысяч. О находке муж узнал позднее, когда жена похвасталась обновой – полушубком из норки. Миша надулся, решил, что полушубок это подарок любовника. Затеял скандал с пристрастием, но жена быстро его успокоила чистосердечным признанием – деньги нашла в машине. Скорее всего, это была заначка бывшей владелицы автомобиля. Спрятала и забыла. Для нее, видимо, это мелочь, а для Милы – еще один подарок. В несезонное время в специализированных магазинах большие скидки на меховые изделия, Миле удалось купить полушубок из цельной норки за девяносто тысяч, оставшиеся десять они с подругами прокутили в ресторане – обмывали покупку. Миша не успокоился, приказал вернуть в магазин шубу, и вернуть деньги жене армянина. Милка топнула ногой и сказала, что ничего возвращать не будет. Мишка хотел обратиться ко мне – занять денег, но потом устыдился: и без того в долгах у меня, как в шелках. Так моя бабуля выражалась. В потом ему стало не до шуб и денег, заболела Мила и быстро угасла.

Мой отец, присутствующий при рассказе старшего внука, удивил нас заявлением: - Значит, так было угодно Богу... Что вы на меня так смотрите? Не надо удивляться, в моем уважаемом возрасте нельзя быть атеистом. Вот так-то.

- Наверное, надо обо всем рассказать следователю, - полувопросительно произнес Михаил.

- Зачем? – удивился Федор. – Начнут тебя таскать по допросам.

- Причем здесь я? Скорее всего, преступник хотел убить прежнюю владелицу автомобиля. Ей подкинули деньги, она должна была найти и... умереть.

- Это точно не ее муж-армянин, - уверенно заявил я, - если бы это было его рук дело, он был бы забрал конверт с деньгами. Зачем подводить себя под монастырь?

- А если он был знаком с Милой? – задумался Федор. – Извини, Мишаня, что я это говорю в твоём присутствии, но ты и сам догадывался, что Мила и мораль – понятия несовместимые.

- Это клевета, - без прежней непримиримости брякнул старший сын.

- Пусть покоится с миром, - попытался всех примирить батя, в очередной раз всех поразив своим смирением.

- Если Мила погибла по вине денег, то это могло случиться с кем-то еще, - сообразил я, - допустим, с тем, кто продал ей полушубок. А потом отравленные деньги пошли «гулять по планете». Цепная реакция. Это сколько же еще жертв появится?!

- Папа прав, - согласно кивнул Федор. – Мы должны предупредить следующие жертвы. Мишаня, ты обязан вспомнить свой разговор с Милой после покупки полушубка. Где купила? У кого купила? Она что-то рассказывала?

- Говорила, что купила полушубок на вещевом рынке «Магнолия». Знаете, есть такой за городом. Кажется, ей дали визитку. Надо поискать.

Вся наша мужская компания принялась обследовать квартиру Миши. Безалаберная Мила могла засунуть визитку куда угодно, в самые странные места. Так и получилось: Федька обнаружил визитку в кармане демисезонного пальто Милы, которое висело в шкафу рядом с новым полушубком. Видимо, впопыхах перепутала карманы. Мишка в сердцах запихнул полушубок в большой пакет и сообщил, что сожжет полушубок после всех следственных мероприятий. Как чувствовал, не сделал этого раньше. Отца мы оставили дома, а сами помчались на машине в сторону рынка «Магнолия».

По дороге я спросил у Миши, как выглядела Мила? Не заметил ли он каких-либо внешних изменений у Милы в день приобретения норкового полушубка? Миша задумался над моим вопросом, потом неуверенно пробормотал:

- Она была слишком возбуждена. Это и понятно – купила себе дорогостоящий подарок, который не потребовал ее личных затрат, он ей с неба свалился, как тут не радоваться... Что еще? Румянец был во всю щеку, нездоровый какой-то. Когда на лице нашего деда такой румянец, мы сразу предполагаем повышенное артериальное давление... Мила болтала, не смолкая. Я старался абстрагироваться – надоело слушать восторги, но волей-неволей прислушивался. Мне показалось, Мила заговаривается. Но она быстро выдохлась, легла на диван, свернулась калачиком, несмотря на жару, прикрылась своим полушубком. Я пытался его забрать, да где там, вцепилась и не отдала. На следующее утро я ушел раньше Милы. Вечером она вернулась из ресторана поздно, я уже спал. Наутро выглядела помятой, что и понятно – вечер удался на славу. После работы куксилась, говорила, наверное, съела что-то не то. Вытащила из холодильника початую бутылку водку - решила полечиться. Уверяла меня, что при пищевых отравлениях водка с солью - лучшее средство. Выпила пару стопок... без соли, про соль, видимо, забыла, заявила, что ей гораздо лучше... Легла спать... На следующий день всё повторилось. С каждым днем ей становилось все хуже.

- Продолжала лечение водкой? – поинтересовался Федор.

- Пила по две-три стопки вечером. Утверждала, что спиртное снимает боль.

- Если бы не умерла, то спилась бы, - резюмировал младший брат. Михаил промолчал, я бросил на младшего сына укоризненный взгляд...

Мы быстро нашли нужный павильон. Нас встретил с улыбкой продавец, он же владелец павильона. Но улыбка быстро исчезла, когда мы рассказали о причине нашего визита. Милу он не помнил, тогда Мишка потряс перед его физиономией полушубком, упакованным в прозрачный пакет.

- Твоя вещь?

- Мммоя. Но я ничего не понял...

- Ничего не понял, а уже испугался. Напряги извилины! Это очень важно!

Мужчина напряг извилины, уточнил дату покупки, и быстро вспомнил покупательницу, безумно счастливую. Даже вспомнил такие мелочи, как то, что деньги лежали в конверте. Из конверта торчал кончик обычного целлофанового пакета. В тот день хозяин был в павильоне один, его супруга и помощница находилась в отъезде.

- Раз перед нами стоит живой и здоровый продавец, имеющий непосредственный контакт с деньгами, значит, деньги, врученную ему покупательницей, не несли с собой ядовитых веществ, - заключил я, успокоив продавца.

- Я здоров, - подтвердил мужчина, расправив плечи и гордо вздернув подбородок. Но глаза таили в себе неуверенность в сказанном.

- Желаю и впредь здравствовать! – пожелал ему я и увел детей из бутика.

На улице продолжил свои рассуждения:

- Деньги лежали в пакете, а пакет с деньгами находился в конверте. Я предполагаю, что пакет был туго завернут, перетянут резинками, для создания чего-то, похожего на вакуум. Когда Мила вскрыла пакет, соприкоснулась с деньгами, именно тогда она и отравилась. Процесс шел постепенно, сразу не поняла, чем вызвано недомогание. А когда стало совсем худо, и она обратилась за помощью к медикам, было уже поздно. Успокаивает одно – больше никто не пострадал. И нам не придется опрашивать подруг Милы на предмет ресторана, в котором женщины обмывали покупку. Преступнику не обязательно было пропитывать все денежные купюры, достаточно было пропитать две наружные. Мила взяла пачку денег в руки, пересчитала... - Я изобразил пересчет денег. - Яд мог улетучиться... Или обсыпаться, если это вещество было сыпучим. Она сочла его за пыль. «Пыль» осталась на руках, попала в легкие, процесс отравления пошел. Осчастливленная находкой Мила не обратила внимания на «пыль», положила деньги в конверт, а пакет, в котором они находились, засунула туда же, в конверт. Может быть, не имела возможности выбросить его. Или причина была – в навалившем счастье, отключившем мозги.

- Было бы что отключать, - не сдержался от комментария Федор.

- Еще братом называется, - процедил сквозь зубы Михаил.

- Это прям наваждение какое-то было! И есть! Брат, когда же она тебя наконец отпустит?!

- Я любил ее.

- Любил. Смешно. Мила тебя околдовала своей раскрепощенностью! Ей нужен был такой муж, как ты, а тебе нужен был секс. Вот тебе простое объяснение! Многих ты знал женщин до нее? Можешь не отвечать, я и сам знаю – ни одной. Все твои отношения с женщинами дальше букетно-конфетного периода не шли. И тут появляется Людмила...

- Федя, давай не будем...

- И впрямь, сынок, давай закончим этот неприятный разговор... Мы выяснили, что продавец, державший в руках деньги из конверта, не пострадал, значит, не

пострадали люди по цепочке. Из сказанного я могу заключить следующее: целью преступника была не Мила, она стала случайной жертвой. Все остальное нас не волнует. В чужую жизнь мы лезть не будем... И прошлое беречь не станем. Договорились?

- Договорились, - с разной степенью убежденности сказали мои ребята.
- А теперь мы заберем отца, и поедем к нам. Варя такую уху приготовила! – закатил я глаза. - Пальчики оближешь! И Симка за вами соскучилась.
- Нет, я с вами не поеду. Яна лежит в больнице на сохранении, а я буду по гостям расхаживать, - заявил Федор.
- Но мы же ее сегодня навещали в больнице. Думаю, Яночка не будет против, чтобы ты пообедал в кругу своей семьи, - привел я весомый аргумент.
- Думаю, не будет, - подумав, изрек Федя...

А через полтора месяца в нашу семью пришло долгожданное счастье - роилась дочь Федора и Яны. Малышку назвали Ингой. Инга Федоровна Хруцкая. С одного взгляда мне стало ясно: внучка – вылитая бабушка Дина. Жаль, Дина Чайка никогда не увидит своих взрослых сыновей и внучку, свою копию.

Тетя новорожденной, Серафима Романовна Хруцкая, долго изучала крошечку, осторожно дотронулась пальчиком до ее крошечной подошвы, отдернула пальчик, как будто обожглась, склонилась над ней, пристально изучила личико и сказала:

- Это кукла.

Так, с ее легкой руки, Инга стала Куклой на несколько месяцев. Когда начала соображать, родители и родственники вспомнили имя девочки, чтобы она привыкала к своему имени.

А пока Инга была Куклой, милым ребенком, улыбочивым и понимающим, не по возрасту...

Жизнь начала налаживаться. Я успокоился. Вновь почувствовал себя совершенно счастливым человеком.

Никак не ожидал получить страшный удар. Знал, что это случится... Старался не думать... Случилось...

В октябре от обширного инфаркта скончался отец. И не возраст и больное сердце тому виною... Люди... Корыстные... Бессердечные...

В один из дней бабьего лета, в первых числах октября, позвонил отец и радостно сообщил:

- Сынок, я приобрел очень нужную вещь!
- Что за вещь? – отстраненно спросил я, занимаясь своими непосредственными обязанностями. Я был в кабинете один, поэтому мог немного поболтать с отцом, не отрываясь от процесса.
- Я купил прибор, контролирующий утечку газа.
- Стоп! Давай с подробностями!
- По квартирам ходили двое молодых людей, предлагали купить эти самые приборы,
- без прежней бравурности проговорил батя, почувствовав подвох. - Многие жители дома купили приборы контроля, не только я.
- И сколько же стоит этот прибор?
- Пять тысяч. Деньги немалые, но дело-то нужное, газ все-таки. Сам понимаешь...
- Батя, эти молодые люди - отъявленные мошенники. Они пользуются тем, что старики - доверчивые люди.
- Получается, меня обманули?
- Получается, так. Но ты не волнуйся, деньги я тебе возьму.

- Дело не в деньгах, а во мне, - упавшим голосом произнес отец. – Как я, будто бы не глупый человек, несмотря на возраст, мог поддаться уговорам двух мошенников.

Я был не рад, что заговорил на тему мошенников, пусть бы батя радовался своему «нужного» приобретению. Но рано или поздно обман был раскрыт.

Я постарался сгладить ситуацию.

- Пап, я тебя прошу, не волнуйся. Подумаешь, пять тысяч. Мы люди не бедные.

- Сын, дело не в деньгах, - повторился он, - обманув, меня унизили. И не говори мне, что не я один купился на обман, мне нет дела до других стариков! – разошелся он не на шутку.

- Пап, я сейчас приеду.

- Незачем ко мне приезжать, у тебя ответственная работа. Не надо из-за каждого старого дурака, откладывать служебные дела.

- Ты не дурак, и не каждый. Я сейчас приеду.

Я застал отца без сознания. «Скорая» приехала быстро. Отца до больницы не довезли... Обширный инфаркт...

Я не собираюсь оставить это зло без наказания. Я найду молодых мошенников и сдам их в руки правосудия. Большой уголовный срок им не светит, но пройти испытание в колонии им необходимо.

В полиции приняли заявление от граждан, которым мошенники всучили приборы контроля утечки газа, и забыли. Никто злоумышленников искать не станет, даже если они косвенно виновны к смерти Александра Федоровича Хруцкого.

Сказать, что я любил и уважать отца, это ничего не сказать. Он был для меня всем. Никто мне его не заменит. Я не успокоюсь, пока не найду этих гадов.

Мальчишки были со мной солидарны, и тоже подключились к поискам.

Я находился в таком разобранном состоянии, при котором голова работает отвратительно, сообразительность близится к нулю. Я чувствовал себя девяностолетним стариком. Больным и вялым. Но благодаря внутренней силе и жгучему желанию покарать этих сволочей, я собрался.

Я был далек от современных технологий. Умел пользоваться смартфоном, компьютером, навигатором на автомобиле. Но как примитивный пользователь. Последними достижениями в области слежения не интересовался. Когда получал по почте «письма счастья», вспоминал о камерах видеонаблюдения. Правила дорожного движения старательно соблюдал, потому и «письма счастья» получал крайне редко: никто из водителей не застрахован от неправильной парковки.

Мишка первый заговорил о камерах видеонаблюдения. Раз никто из пострадавших от действий мошенников не мог дать точного описания, мы должны увидеть этих личностей собственными глазами. Как? С помощью камеры видеонаблюдения, установленной на продуктовом магазине, расположенном на первом этаже дома, где когда-то жила бабушка, где в последнее время жил отец. Магазин находился в одном из бывших жилых помещений.

Мы прихватили с собой самого здравомыслящего старикана, тоже ставшего жертвой мошенников, и отправились в магазин. Просмотрели видеосъемку за нужный нам день. Повезло, что видеосъемку не успели удалить, времени прошло недостаточно, мы шли по горячим следам. Старик без труда узнал продавцов «нужных» приборов. Мишка позаимствовал видеосъемку, вскоре у нас на руках были распечатанные фото преступников. Еще бы понять, что делать с фотографиями? Ходить по улицам и показывать гражданам со словами: «Вы не знаете этих людей?» Можно ходить по улицам и спрашивать до скончания века.

Когда я не знаю, как поступить, начинаю нервничать и совершать поступки, о которых могу позже пожалеть. Например, наброситься без причины на жену или

дочь. Они понимают мое состояние, но нельзя вести себя с ними подобным безответственным образом. Я бы повел себя безответственно, от общения с близкими не уйдешь, но меня выручил Федор.

- Я, конечно, не спец, но кое-что знаю, - издали начал он, напряженно поглядывая на меня. – Есть программы, с помощью которых можно найти человека по фотографии через Интернет.

- Это как? - недоверчиво протянул я.

- Если человек зарегистрирован в социальных сетях, то методом сличения можно установить его личность.

- Неужели подобное возможно? - с долей скептицизма спросил я, переводя взгляд с одного сына на другого.

Если можно говорить в этот трагический момент о счастье, то я пребывал в тихом счастье, спокойной радости и безграничной гордости: рядом со мной два сына, два надежный друга, молодых и более сообразительных, с которым можно в огонь и в воду. О соцсетях я знал одно – они есть!

Федор призвал на помощь знакомого компьютерщика. Нам повезло на пятьдесят процентов: одного мошенника нам удалось вычислить путем сличения с фотографией. Но где один, там рядом ходит и второй.

Обнаруженная в социальных сетях личность имела располагающую к себе внешность, звалась Гошей Книгиным, отдыхала на заграничных курортах (кто бы сомневался в материальных возможностях!), разъезжала по городу на престижном автомобиле импортного производства. О чем свидетельствовали многочисленные фото.

Далее в дело вступил я.

С помощью своих друзей «из органов» я узнал адрес, по которому проживает Гоша Книгин. Он же Георгий Севастьянович. Книгины - вполне благополучная семья. Кроме Гоши у родителей есть еще две дочери. Гоша – младший, избалованный. Учится великовозрастный отрок в вузе с коммерческим обучением, в одном из немногих в нашей стране, в котором занятия проводятся дистанционно. То есть, можно не учиться, платить деньги и через сколько-то там лет получить диплом о высшем образовании. Данное высшее учебное заведение носит странное название «Университет сервиса и перераспределения». Что они там перераспределяют, думаю, остается загадкой как для студентов, так и для преподавателей. В подобных вузах знание – не сила, здесь главное - корочка, диплом о высшем образовании. И еще уйма свободного времени, которое можно занять чем угодно, в том числе и мошенническими действиями, таких, как обман доверчивых стариков, унижение их человеческого достоинства, доведение до сердечного приступа с пагубными последствиями. Но разве их волнуют последствия?

Для начала я решил узнать имя подельника Георгия Книгина. С этой целью сел ему «на хвост». Когда-нибудь они встретятся. Общее дело зовет к действиям.

Встреча двух единомышленников не заставила меня ждать. Уже на второй день преследования, я увидел их вместе.

Но прежде Гоша припарковал свой автомобиль возле пивного бара, который находился в полуподвальном помещении обычного жилого дома, покинул салон, сбежал по ступенькам и скрылся внутри. Я не стал медлить и устремился за ним. Устроился неподалеку с чашкой кофе. Не успел я допить кофе, как появился подельник Книгина. Благодаря камере видеонаблюдения, запечатлевшей «прелестный» облик, я убедился, что это тот человек, который мне нужен, и который игнорирует социальные сети в отличие от Книгина. Если бы я не знал, что эти двое отъявленные негодяи, я бы принял их за прилежных мальчиков из

благородного семейства. Даже одежда отличала их от современной молодежи: нет курток с капюшонами, штанов в обтяжку. На парнях были нормальные джинсы, пуловеры, модные стеганые куртки и шарфы, змеей скрученные вокруг шей. Модные стрижки дополняли приятное впечатление. И ни каких бород с усами. Чистые светлые лица.

Я разгадал их тактику: они должны внушать старикам доверие, быть прилежными мальчиками.

Я сидел неподалеку, но как ни старался, не услышал, о чем они говорят. По всей видимости, замышляют очередное преступление, потому и ведут беседу полупшепотом. Для совещания им хватило полчаса, после чего они расстались. Сначала пивной бар покинул Гоша, я остался сидеть. Его приятель тянул пиво и пялился в экран плазмы. По зеленому газону лениво передвигались футболисты. Игра была незрелищной, парень заскучал и поспешил удалиться. Я устремился за ним.

Парень пошел пешком. Я бросил прощальный взгляд на свой автомобиль и пошел прочь. Но не слишком далеко. Оказалось, парень живет в том же доме, в котором находится пивной бар. Ему осталось всего лишь обогнуть дом, завернуть во двор и зайти во второй подъезд.

Мне необходимо знать точный адрес. Я ускорился, успел проникнуть в подъезд до того, как стих зуммер домофона. Парень дождался лифта. Я встал рядом с ним. Мы дружно загрузились в подошедший лифт. Не обращая на меня ни малейшего внимания, парень надавил нужную ему кнопку – четвертый этаж. Ему было глубоко наплевать на чужое желание. Ему на всё и на всех было наплевать.

Как мне хотелось придушить его собственным шарфом. От напряжения на лбу выступили капли пота. Руки судорожно сжались в кулаки в карманах куртки. Я еле-еле удержал свой порыв. Для этого изувера это будет слишком легкая смерть, быстрая. Я хочу, чтобы он помучился...

Землю жрать будешь, сволочь, - подумал я.

Парень покинул лифт на четвертом этаже. Я зафиксировал в памяти номер квартиры, в которую он зашел. Доехал до верхнего этажа, спустился вниз и потащил ноги к своему автомобилю. Именно, потащил: не было сил. Я чувствовал себя всерьез больным человеком, доживающим последние дни.

Я должен взять себя в руки. Я обязан взять себя в руки и покарать убийц моего отца. Кроме как убийцами я их не называл. Желание сдать преступников в руки правоохранительных органов неожиданным образом исчезло. Когда это произошло? Наверное, там, в баре. Парни выглядели совершенно спокойными, самодовольными. Они уверены, что им всё сойдет с рук, что они и впредь будут унижать стариков с копеечной пенсией.

Землю жрать будете, сволочи, - снова подумал я...

Через полчаса я знал, кто проживает по интересующему меня адресу. Филимон Егорович Чемоданов вместе со своей бабушкой. Вот, значит, как.

Не пойму, зачем мне такая информация, но я загорелся узнать об отношениях бабки и внука. Наверное, от их взаимоотношений зависят мои последующие действия. Вдруг Филимон – единственная бабкина надежда и опора. Как можно лишать ее опоры.

Как я буду лишать ее опоры, я пока не придумал. И буду ли вообще, не уверен.

Утверждают, что месть – это блюдо, которое надо подавать холодным. Это не для меня. Я должен ковать железо, пока оно горячо. Пока моя ненависть находится в

наивысшей точке. Я всегда буду ненавидеть этих молодых подонков, но со временем мое желание уничтожить их – начнет ослабевать...

Мне нужен информатор. Кого мне выбрать? Конечно, говорливую пенсионерку, которая раскроет мне все тайны «мадридского двора».

Однако, не совсем подходящее время для уличных посиделок. Но я понадеялся на удачу.

Вернулся к дому, в котором проживал Чемоданов вместе с бабушкой. Двор был пуст, говорливые пенсионеры сидели по домам в осеннюю сырость, разговаривали с телевизором. Я направился ко второму подъезду. Хотел наугад выбрать квартиру и позвонить в домофон, но подъездная дверь закрипела, домофон запиликал, из подъезда показалась сухощавая старушка с пустой котомкой в руках.

- Добрый день, - вежливо поздоровался я, - не скажи ли, в этом подъезде находится пятидесятая квартира?

- А ты что, слепой?! Не видишь надпись! – Она указала мне на табличку над входной дверью, на которой указывался номер подъезда и начальная и конечная квартиры через черточку.

- Не заметил, извините, - продолжал я источать вежливость.

- А зачем тебе пятидесятая квартира?

- Я из адвокатской конторы, - на ходу сочинил я, - Елизавета Андреевна Чемоданова хочет посоветоваться насчет завещания.

- Так она будто бы уже написала завещание на Фильку.

- Значит, хочет изменить завещание в пользу другого внука.

- Внуки! У Лизы есть внучка, Виола. Недавно появилась.

- В смысле, родилась?

- Ты спешишь?

- Не очень.

- Тогда проводи меня до магазина, я тебе все расскажу...

Старший сын Елизаветы Андреевны Чемодановой скончался в возрасте двадцати пяти лет в результате несчастного случая на производстве. Вдова забрала дочку и уехала, не сообщив свекрови, куда она уезжает. Как выяснилось позже, женщина вышла замуж, новый муж удочерил девочку, которой в ту пору шел третий год. Девочка Виола всегда считала отчима своим родным отцом. Когда ей было двадцать лет, ее родители погибли в автомобильной аварии. Разбирая бумаги, Виола поняла, что муж матери не являлся ей отцом. И узнала имя ее настоящего отца. Начала его разыскивать. Поиски привели девушку в наш город. Она нашла свою родную бабушку, мать отца. Бабушка рассказала о гибели старшего сына, отца Виолы. Филимон заподозрил девушку во лжи. Якобы та хочет заполучить наследство. У бабули есть на что позариться. Виола согласилась пройти экспертизу ДНК. Ее родство с Елизаветой Андреевной Чемодановой было установлено. А вскоре поздним вечером на Виолу было совершено нападение, она чудом осталась жива. Ей была сделана сложная операция «на мозгах», как выразилась болтливая старушка, шествующая со мной под руку в сторону продуктового магазина. Два месяца Виола лежала в больнице, потом бабушка отправила ее в санаторий.

- Лиза очень переживает за внучку. Она у нее единственная родная душа, - печально протянула старушка.

- Как же, единственная? А Филимон?

- Филимон приемный сын ее младшего сына. Сын живет на Урале, а Филимон приехал к ней за образованием. В институте он здесь учится, - нравоучительным тоном проговорила бабка. – Говорила я Лизе, чтобы отправила этого парня назад, к

родителям, а она и слушать не хочет. Не верит, что Филька мог подговорить кого-то, чтобы на Виолу напасть в подворотне. А этот может, у него глаза злющие, как у фашиста. Я не сдаюсь, говорю: ты не подумала, что он может и тебя убить? Кто на него подумает? Скажут, бабка старая, сама умерла. И дело с концом! Филька избавится от бабки, примется за Виолу... Этот может, - повторила она.

Я должен действовать... Нельзя терять драгоценное время... Но не с бухты-барухты, надо тщательно подготовиться, чтобы не оплошать...

В результате недельного наблюдения за «прилежными» мальчиками я сделал вывод, что чаще всего они посещают пивной бар, в котором я впервые увидел Филимона Чемоданова. Появляются парни в баре по вторникам, четвергам и субботам. Причем во вторник и четверг они приходят в бар в дневное время, а по субботам заваливаются туда ближе к шести и сидят часов до полуночи.

Ближайшим днем посещения пивного бара был четверг. Именно к этому дню я тщательно подготовился.

Конечно, ни с кем из близких я не поделился своими планами. Но обратился за помощью к Инге, жене Федора. Эта отзывчивая и все понимающая молодая женщина мне обязательно поможет и, что самое главное, никому не расскажет о моей странной просьбе.

Мне необходимо изменить внешность. И не просто изменить, а превратиться в городского сумасшедшего с налетом одухотворенной уверенности.

Инга не спросила, зачем мне это нужно, а принялась пристально меня изучать, как будто впервые увидела.

- Роман Александрович, вы мне доверяете?

- Если бы не доверял, не обратился за помощью.

- Ну тогда я приступаю. Вы пока не смотрите в зеркало, увидите уже конечный результат...

Я дождался, когда Книгин и Чемоданов окажутся внутри заведения, и тоже зашел туда с озабоченным видом. Замер в дверях, привлекая к себе внимание посетителей. Я зорко осмотрел зал, останавливая взгляд на каждом столике. Когда взгляд упал на столик, за которым сидели Книгин и Чемоданов, я чрезвычайно обрадовался и воскликнул:

- Наконец-то я вас нашел!

Подошел к ним и уселся на свободный стул без приглашения.

- Мужик, ты чего? Чего тебе здесь надо? – возмутился Книгин.

- Вали отсюда, - злобно высказался Чемоданов.

- Я-то уйду, но прежде мне хотелось бы кое-что вам рассказать, - с загадочным видом произнес я. - Мне было видение...

- Психушка – дом родной, - хмыкнул Чемоданов, поглядывая на меня с опаской.

- Я могу уйти, но вы об этом сильно пожалеете... Вам осталось жить, - я выразительно посмотрел на свои наручные часы, - всего двадцать два часа сорок шесть минут... Уже сорок пять... На вас, молодые люди, навели порчу. Я экстрасенс, я знаю, о чем говорю. Кажется, вы кому-то сильно насолили... Так ведь?

Молодые люди смотрели на меня, открыв рот, потом дружно потупились.

- Вижу, я прав. Я еще могу вам помочь. Но прежде вы должны меня выслушать...

Я знал - чем увереннее буду нести всякую ересь, чем чаще буду пересыпать свою речь заумными терминами, тем буду убедительнее...

- Многие ученые утверждают, что аллотриофагия – это расстройство психики, при которой человек употребляет в пищу несъедобные предметы. Я скажу иначе:

человек интуитивно ест то, что требует его организм! Неправильные культурные традиции формируют неправильные представления о съедобном и несъедобном...

- Нельзя бы сократить вашу лекцию, время-то идет, - напомнил мне Книгин.

- Что за игра в съедобное-несъедобное, - хмыкнул Чемоданов.

- Вы должны уверовать в то, что я говорю... В нашем организме недостаточно витаминов, аминокислот и других элементов. Особенно большая проблема ощущается с железом. Вы, наверное, замечали, что в детстве вам хотелось попробовать на вкус землю. И я не исключение. И в этом нет ничего плохого! Употребляя в пищу землю, глину, мы оздоравливаемся, мы продлеваем жизнь. Сколько мне лет по вашему мнению?

- Лет пятьдесят, - ответил Книгин.

- Шестьдесят, - ответил Чемоданов, напряженно вглядываясь в мое лицо.

- Вы ошибаетесь! – самодовольно воскликнул я, привлекая внимание всех посетителей. Понизил голос и доверительно сообщил, - мне сто один год. Можете мне не верить, но это так. Я родился за два года до Великой Октябрьской революции...

- Ближе к вашему видению, - обронил Чемоданов. – Оно касалось нас? Но мы же с вами незнакомы.

- Я четко увидел перед собой двух молодых людей. Голос свыше приказал мне спасти ваши грешные души. Да, вы успели много нагрешить, несмотря на возраст. Но у вас есть шанс спастись, - сообщил я, нервно осмотревшись, как будто опасаясь появления человека, который посягнет на жизнь рядом сидящих людей. – И не надо беспокоиться, - дрожащим от волнения или страха голосом проговорил я. – Если здесь нахожусь я, то все будет хорошо! – И опять визуальная проверка помещения. Парни насторожились. - И опять я возвращаюсь к нашей земле-матушке. Она не только кормила крестьянина, но и лечила, спасала от удара молнии, землей дезинфицировали раны. Что уж говорить о глине! Ласточки используют глину в качестве строительного материала, вслед за ними и люди начали строить хаты-мазанки, которые отлично сохраняют тепло. Но главное – люди сумели применить глину для лечения различных заболеваний, которые не поддаются традиционной медицине. В старину знахари лечили глиной безнадежно больных людей, снимали порчу. Глина – это земляной жир. Для лечения надо применять глину, которая есть в том месте, где живет человек. Только так! Человек проходит полное очищение организма, рождается заново.

Я прикинулся, будто заклевал носом. Все-таки старик ста одного года.

- Дед, не спи! – дружно приказали мне парни.

Я «очнулся».

- Где взять эту глину? – спросил Книгин.

- Есть одно место, здесь за городом... Если вы согласны пройти полное очищение, я вам расскажу. Если выслушаете и не сделаете, то случится непоправимое.

- Я так понимаю, что выбора у нас нет, - с тревогой в голосе вымолив Чемоданов.

- Мне повезло вас найти. Я искал вас трое суток, бродил по городу, заходил в разные заведения. Я знал ваши имена – Филимон и Георгий. И видел ваши лица в видении...

Моя осведомленность окончательно убедила парней – надо следовать установке...

Я рассказал, что ровно в полночь они обязаны прибыть на место. Нужно место находится на двадцатом километре автотрассы, есть указатель «Иванушкино». Надо съехать с трассы, добраться до озера. На берегу растёт раскидистая старая ива. Надо отсчитать от нее шесть шагов на юго-запад, осторожно снять высохший травяной покров, и взять земли столько, сколько потребуется для очищения и снятия порчи.

- Сколько нам потребуется? - спросил Книгин.

- Вам по двадцать лет, - протянул я, в очередной раз выказав осведомленность, - значит, каждому необходимо двадцать ложек земли. Ложка должна быть обязательно деревянной. Это важно, никаких соприкосновений с металлом. Кладете ложку земли в рот, делаете глоток воды. И опять ложку земли, вода... Лечитесь прямо там, на берегу, иначе земля потеряет свои лечебные свойства. Но перед лечением необходимо хорошо подкрепиться, на голодный желудок землю есть нельзя. После лечения землей вам надо принять по три таблетки, - я протянул каждому по три таблетки, с виду обычных, завернутых в пакетик.

- Что это? - испуганно проговорил Чемоданов, но таблетки взял.

- Это таблетки для лучшей усвояемости земли организмом, - уверенно ответил я. На самом деле, это было сильное снотворное, для гарантированного успеха операции. – Ничего подобного вы в аптеке не найдете. Это таблетки из моих личных запасов. Не забудьте - таблетки нужно выпить сразу после приема земли и тотчас принять горизонтальное положение.

- Где нам лечь? Там же, на берегу? - пряча таблетки в карман, уточнил Книгин.

- Лучше в салоне автомобиля, ночи уже холодные... Прощайте, молодые люди. Надеюсь, что наш разговор останется в тайне, в противном случае я не гарантирую успеха...

Я вернулся домой совершенно разбитым. Брякнулся на диван и проспал сутки...

Я увидел в местных новостях сюжет. Голос за кадром рассказал:

- На берегу озера вблизи поселка Иванушкино в автомобиле обнаружены трупы двух молодых людей, их личности установлены. Причиной смерти явилась странгуляционная кишечная непроходимость... Есть версия, что парни были носителями некой оккультной науки, состояли в секте...

Я выключил телевизор. Что хотел узнать, я узнал.

Я несколько не сожалел о содеянном, муки совести меня не терзали.

Я ругал себя за то, что не уберег отца... Да, ему было восемьдесят пять. У него было больное сердце, он перенес несколько инфарктов. Это слабое для меня утешение.

Я сам чувствую себя глубоким стариком. Болит все тело. Варюша уговаривает пойти на прием к врачу. Любящая женщина, как рентген: видит меня насквозь. Надеюсь, не просвечивает мою голову – не читает мысли.

Я пока терплю, хотя, понимаю, что надо себя выдергивать из горя. Понимаю, но ничего с этим поделать не могу. Я ни в коем случае не наслаждаюсь победой над людьми, которые косвенно причастны к смерти моего отца, тем самым лечу себя от неизвестной болезни, которая есть мои внутренности. Я стараюсь не «дружить» с болезнью, лечусь от нее пренебрежением к ней.

Чем больше проходит времени, тем мне становится все хуже и хуже. Я уже не понимаю, что конкретно меня беспокоит, какой из органов вышел из строя. Успокаиваю себя: если болит все сразу, то не болит ничего. Обыкновенно-необыкновенное расстройство нервной системы в результате перенесенного несчастья. Не очень-то верю, что время лечит, но приложу все силы, чтобы выкарабкаться. Ради детей и внучки, ради жены. Очередность не имеет значения, они все у меня на первом месте.

Я взял на работе отпуск. Просто-напросто не мог выполнять свои служебные обязанности.

Сначала отсыпался, будто бы полегчало. Решил заняться мелким ремонтом, но оставил затею, так толком и не начав: у меня все валилось из рук.

Пока Симка была в школе, я делал записи в личном дневнике(сам не пойму, зачем начал его вести), ходил в ближайший магазин за продуктами, готовил нехитрый обед. Встречал дочь, кормил обедом, она садилась за уроки, я читал книги, потом мы вместе укладывались на диван и разговаривали. В основном говорил я, дочь внимательно слушала, время от времени задавая наводящие вопросы. Я был благодарен дочери за внимание к моим воспоминаниям и терпение. Мне хотелось думать, что ей интересны мои возвращения в прошлое, далекое, когда я был мальчишкой, и не очень далекое, но Симки в ту пору еще не было. Воспоминания об отце позволили моей ране слегка затянуться.

Я всегда знал, что близкие люди для меня очень много значат, ради них я готов на все, но потеряв отца, к которому прирос, как сиамский близнец, с самого своего рождения, я осознал, насколько мне дороги мои родные люди. Наверное, мое отношение к ним не совсем нормально с точки зрения психики, но это так. Я дрожу над ними, я переживаю, оберегаю. Волнения зашкаливают. Надо брать себя в руки, иначе недалеко до беды.

Или я уже опоздал, страшная болезнь подкралась незаметно, обосновалась с комфортом у меня внутри, и теперь размножается?

Очень болит спина. И живот. Опоясывающая боль. Я отмахиваюсь, в тайне от Вари пью болеутоляющее. Я – выжатый лимон, хотя стараюсь бодриться, не показывать вида. Даже шучу иногда, но мои родные смотрят на меня с состраданием. Они выдвинули Федьку в качестве переговорщика с безответственным больным.

Федька не стал ходить вокруг да около, заявил в лоб:

- Папа, я договорился с одним знакомым главврачом, тебя положат к нему в клинику на обследование.

- Само пройдет, - усмехнулся я.

- Папа, так нельзя относиться к своему здоровью, - внушительным тоном произнес переговорщик.

- Федя, ты же знаешь, как я отношусь к лечением, обследованиям.

- Знаю, но время пришло...

- Когда время придет, я тебе сам скажу. Я пока хочу дать своему организму шанс справиться с проблемой самостоятельно.

- Как бы поздно не было, ты об этом подумал?! И еще подумай: как мы все будем... без тебя?

- Что за пессимизм?! Просто так вы от меня не отделаетесь! – Я старался выглядеть веселым и здоровым.

- Так всегда... говорил... дедушка, - запинаясь, прошептал младший сын. – Извини, не сдержался от воспоминаний.

- Это хорошо, что не сдержался: ты его помнишь. Для меня это как лечебное снадобье: правильно вас воспитал...

Федор вернулся к своим сторонникам, притихшим на кухне. Я знал, что после короткого совещания они примут очередное решение, просто так от меня не отстанут. Интересно, с какой стороны подойдут ко мне на этот раз?

Это не издевательство над близкими, которых волнует мое здоровье. Я не хочу усугублять их переживания. Только и всего. Лучше ничего не знать, чем знать плохое.

И еще я не желаю ставить их в затруднительное положение. У них у всех работа, свои дела, а тут я, больной, нетрудоспособный. Человек-проблема. Но пока я могу держаться, я держусь. Когда не смогу держаться... Пока не решил, что сделаю. Послушаю свой умный организм. Но точно не заставлю их исполнять свой долг передо мной. Я живу по правилу – никто никому ничего не должен. Как быть с

желанием помочь близкому и родному человеку? - спросите вы. Хороший вопрос. Помогать можно и нужно тому, кто заслужил. Это, во-первых. А во-вторых, помогать нужно не безнадежно больному, а тому, у которого есть шанс выжить. Пусть это один шанс из ста. Кто определит, есть шанс, нет шанса? Даже лечащий врач не делает прогнозов, многое зависит от самого больного. И здесь вступает в силу первое правило: заслужил – не заслужил, но с уточнением – если у больного человека «с мизерным шансом» и со шлейфом неблагоприятных поступков осталась хотя бы чуточка совести, то он обязан взять на себя функции верховного судьи, вершителя своей судьбы. Лучше уйти, чем остаться, этим Поступком искупить свою вину...

На душе было гадко... Мое душевное состояние напоминало погоду за окном: то дождь, то снег с дождем. Слякоть. Туман лежит на земле...

На следующий день раздался телефонный звонок. Наш стационарный телефон так редко звонит и напоминает о себе, что мы о нем подзабыли. А тут напомнил о себе громким звонком, и заставил меня вздрогнуть. Я решил – звонит главврач клиники по настоянию моего младшенького, сейчас начнет читать мне лекцию на тему «Роль больного человека в написании его докторской диссертации». Естественно, он будет говорить совсем не это, изображать заботу, давить на жалость, но я-то знаю – меня хотят превратить в подопытного кролика. Я претворился спящим. Но слышал, как Варя прошмыгнула к телефону и слишком громко, даже безжалостно, сказала тягучее «Аллооо». Потом изобразила удивление, раскусил ее на раз-два. Народ сговорился. Одно не ясно – почему она обращается к абоненту на «ты». Я наострил уши, но толком ничего не понял, потому что Варя больше молчала и слушала, иногда вставляла невыразительные реплики. Я поднялся с дивана, на котором «крепко спал», и решил перебазироваться в кухню, чтобы пройти через прихожую, в которой находилась жена, не обратившая на меня ни малейшего внимания. По завершении недолгого телефонного разговора она сказала: «Я переговорю с мужем и потом тебе перезвоню».

Меня она застала с кухонным ножом в руках. Я продолжал прерванную женой работу по очистке картофеля. Работа так увлекла меня, что я никак не отреагировал на ее возвращение. Варя взялась шинковать капусту. Она ждала моих вопросов – кто звонил, зачем звонил, я предательски молчал. Через десять минут, которые жена выдержала с величайшим трудом, она, не поворачивая головы в мою сторону, пробубнила себе под нос:

- Рома, ты никогда не догадаешься, кто сейчас звонил.
- Кто же? – подключился я в игру.
- Клим Прятин. Помнишь его?
- Твой несчастный поклонник, который умыкнул обручальные кольца? – удивился я, на этот раз совершенно искренне. – Что ему надо? Опять болеет тобой?
- Что ты! – повысила голос жена, оставила в покое обкромсанный вилок капусты и опустилась на табурет. – Клим давно и счастливо женат.
- Сейчас я угадаю... Он женился на медсестре... Ее звали... Кажется, ее звали Дарья Морозевич.
- Ну и память у тебя!
- Рад за них обоих. Я сразу понял, что Дарья равнодушна к парню. И его мать говорила, что всё идет к серьезным отношениям. Значит, они поженились. Дети есть?
- Мальчик. Пять лет. Зовут Степаном. Дарье скоро снова рожать, ей волноваться никак нельзя...

- А есть повод для волнений? Варя, что случилось, в конце-то концов?! – не выдержал я, устав от недомолвок.
- Рома, ты хорошо себя чувствуешь? Ты очень бледный... Я хотела, как лучше, а сейчас поняла, не надо было... затеваться...
- Варюша, радость моя, я нормально себя чувствую, - ласковым голосом сообщил я, - извини за резкость. Но если ты что-то хочешь мне сказать, то говори прямо, не юли. Я этого не люблю.
- Я знаю. Ты тоже меня извини. Я встретила на улице Клима и Дашу... Они в курсе, что я вышла за тебя замуж. Клим тебя никогда не видел, но Даша ему обо всем рассказала.
- Обо всем – это о чем?
- О том, как ты вычислил... воришку. Не хочу вслух произносить его имя. Когда-то давно я с ними пересеклась в магазине. Клим познакомил меня со своей женой. Мы поболтали пять минут и разбежались. А потом я столкнулась с Дашей на улице. В первую нашу встречу Клим ей объяснил, кто я такая, поэтому она заинтересовалась, как прошло расследование. Я не стала ничего скрывать. И похвасталась, что вышла замуж за гениального сыщика. Знаешь, что она мне сказала? Что мне невероятно повезло! Ты очень надежный человек!
- Она права, - без ложной скромности заявил я. - Ну а теперь, когда дифирамбы в мою честь позволили растопить лед подозрений, я готов выслушать продолжение.
- Рома, я стараюсь не ради Клима и Дарьи, я стараюсь ради тебя. Новое дело тебя отвлечет, а возможно и вылечит. Я эгоистка – не хочу, чтобы кто-то или что-то отвлекали тебя от семьи, но я любящая женщина, поэтому должна о тебе позаботиться. Пусть новое расследование будет твоей лебединой песней. А после мы заживем... не как прежде, прежде у нас не получится, но мы будем стараться, будем жить и любить друг друга вечно!
- Боже, какой высокопарный слог! Я тебе не узнаю, Варюшка!
- Да, я глупею на глазах, потому не нахожу человеческих, доходчивых слов. Ругай меня!
- Ругать не буду, буду тебя слушать.
- Это хорошо... Так вот... У Дарьи есть младшая сестра. Зовут Юлия. Юлия Морозевич. Двадцать восемь лет, не замужем. Синий чулок. Клим мне шепнул: девица страшнее атомной войны. Сестры совсем непохожи. Дарья вся в мать: симпатичная, глазастая, пухленькая, а ее младшая сестра Юлия – копия отца. Одним словом, высохшая мумия на прогулке и баба Яга в тылу врага в одном лице.
- Милая, ты сегодня добра, как никогда.
- Пытаюсь тебя развеселить.
- Эти красочные эпитеты тебе тоже Клим шепнул?
- Я видела эту Юлию своими собственными глазами. Хотела с ней переговорить, чтобы разобраться, стоит ли тебе подключаться к этому делу.
- И?
- Рома, ей необходима твоя помощь. С одной стороны, будто всё ясно, а с другой, ничего не ясно, дело запутанное. И не зря я начала свой рассказ с описания внешности Юлии Морозевич. Она – женщина на большого любителя.
- Милая моя, переходи уже к конкретике.
- Перехожу. Но издалека.
- Уж извольте.
- Юлия работает в архиве публичной библиотеки. Зарплаты там, сам знаешь какие – мечты в жизнь не претворишь. А Юля давно мечтала о собственном автомобиле. И вдруг умирает ее дядя, родной брат отца. Дядя был одиноким человеком, все его

нехитрое состояние отошло родственникам, а именно брату и племянницам. Отец сразу заявил, что отказывается от наследства в пользу дочерей. Дарья тоже отказалась от наследства в пользу младшей сестры, несчастного существа. Так на Юлю обрушилось нежданное счастье: собственная квартирка и некоторая сумма денег, которых хватило на исполнение мечты. Юля приобрела поддержанный автомобиль, иномарку с небольшим пробегом. Оставила автомобиль в частном дворе своих родителей и отправилась на курсы водителей. Окончила курсы, сдала на права, и начала набираться опыта. Сначала под руководством отца, профессионального водителя, а потом и сама... Осмелела, освоилась за рулем и решила поехать на новом автомобиле на работу, чтобы коллеги умерли от зависти. Но далеко не уехала, чиркнула крылом своего авто по крылу чужого автомобиля. Повреждения смехотворные, но владелец пострадавшего автомобиля наградила ее массой «лестных» характеристик. Юля разревелась, призналась, что она ученик, хотя ее признания возмущенному мужчине были не нужны – он и без нее видел знак на ее заднем стекле. Юля приготовилась к долгим разбирательствам, уже придумывала, как объяснит свое опоздание на работе, и очень удивилась, когда мужчина заявил совершенно нормальным голосом, без психических захлебываний, что прощает ее, но с одним условием – она обязана взять у него уроки вождения. Безвозмездно, то есть даром. Ты спросишь, с чего вдруг такой аттракцион невиданной щедрости? Юля тоже заинтересовалась этим вопросом. Оказалось, что мужчину очень беспокоит поведение неопытных водителей на дорогах города. В лице Юли он попытается исправить ситуацию.

- Не нужно спрашивать, согласилась ли Юля, несчастная одинокая девушка.

- Естественно, она согласилась, сразу же начала строить планы относительно мужчины, который был очень хорош собой. Обаяшка! Уже на следующий день, после работы они встретились. Мужчина подсел в автомобиль Юли, и они поехали за город. На трассе Юля чувствовала себя за рулем неуверенно, поэтому для начала ученица и ее учитель колесили по второстепенным дорогам. Так продолжалось больше недели. Отношения между ними установились дружественными, в ближайшем будущем обещали перерасти в нечто большее. Как призналась Юля сестре: они уже пили кофе у нее дома, Леонид согласился заглянуть к ней поздним вечером после уроков вождения. На прощание мужчина поцеловал девушку.

- Все ограничилось прощальным поцелуем?

- Именно так. Юля всю ночь ворочалась, к утру пришла к выводу, что ей срочно нужно купить новое белье, кружевное, сексуальное.

- Одним словом, все распланировала.

- Как без планов на будущее! Купила себе новое бельешко, не забыла по мини-платье, вспомнила слова сестры, что ее главным достоинством считаются ноги. В общем, подготовилась к продолжению вчерашнего поцелуя. Они привычно выехали за город, промчались по трассе, свернули ближе к природе, к уединению. Давно стемнело. И вдруг на дорогу выскочил человек. Юля нажала на тормоза, но было уже поздно. Она оцепенела. Друг, он же учитель, приказал ей оставаться в машине, сам вышел, чтобы оценить ситуацию. Юля открыла окно, поинтересовалась, как и что. Учитель подошел к ней и попросил влажную салфетку. Его руки были испачканы в крови. Юля онемела, не могла ничего спросить. Мужчина сам ей сообщил, что пострадавший не подает признаков жизни. После чего занял свое место и приказал ей «рвать когти». Якобы пострадавшему помощь уже не требуется, а Юле совсем не нужно отвечать на смерть какого-то бомжа, который бегаёт ночью по проезжей части, как подстреленный заяц. Юля подчинилась. Но далеко уехать не могла, нервничала, машина ее не слушалась. Тогда мужчина сам сел за руль. Он

привез ее к себе домой, влил в нее стакан коньяка и уложил спать. Наутро Юля заявила, что пойдет в полицию признаваться. На что получила вопрос: хочешь сесть за убийство никчемного человека, о котором никто и не вспомнит? Тебе это нужно? – Но он же человек! – ответила Юля, - вдруг он еще жив, вдруг ему необходима помощь? – Он мертв, я проверял. А тебя отправят на медицинское освидетельствование, установят, что вчера ты употребляла спиртное, и тогда ты не докажешь, что пила уже после аварии, что он сам выскочил тебе под колеса. – Что же мне делать? – спросила девушка. – Надо избавиться от твоего автомобиля и забыть. – Как избавиться? - Продать! Много за него не возьмешь, все-таки на кузове есть повреждения. Но я могу в кратчайшие сроки провести все кузовные работы, и тогда уже мы продадим твой автомобиль по нормальной цене. Но есть два «но» - у меня туго с деньгами, а нужно закупить материалы. У тебя есть деньги? Вижу, у тебя тоже лишних денег нет. Второе «но»: полицейские начнут искать автомобиль с повреждениями, которые могут соответствовать повреждениям, полученным в результате ДТП. И легко выйдут на тебя. – Но если мы продадим мой автомобиль с повреждениями, то полиция все равно выйдет на меня, - рассудила Юлия. – А мы сбавим машину покупателю, который живет в другом городе. И чем скорее мы провернем сделку, тем лучше. Пока еще есть шанс беспрепятственно покинуть город. У меня есть знакомый юрист, он этим займется. Ты получишь деньги и купишь себе другую машину, попроще. Но это не страшно. Сейчас главное – избавиться от улики. А кузовные работы – это боль покупателя. – Но разве мы найдем покупателя так быстро? – спросила девушка. – Найдем, если цена будет приемлемая. Ты согласна на мое предложение? – У меня разве есть выбор?

- Я так понимаю, что друг-учитель занимается ремонтом автомобилей?

- Да, занимается, частным способом.

- Что Юлия рассказывала о человеке, который попал ей под колеса? Что-то она запомнила?

- Он выскочил на дорогу. Она затормозила. Больше ничего не видела. В память врезались окровавленные руки приятеля. И его слова, что человек мертв. Так она мне сказала. Погоди... Я сейчас позвоню Дарье, может быть, у нее есть другая информация, полученная по горячим следам, когда память выдает чудеса.

- Не легче ли нам встретиться с Юлей и самим подробно обо всем расспросить, чтобы не действовать через третьи руки?

- По просьбе Дарьи Юлю поместили в клинику, в которой работает медсестрой Даша. Нервы подлечить. Это не сумасшедший дом, ты не думай...

- Ты говоришь так же, как мать Клима Прятиня, когда я расспрашивал ее о сыне.

- Дарья уверяет, если не разобраться в этом деле, то с ее сестрой может случиться непоправимое.

- А с чего они решили, что в этом деле надо разбираться? Произошло ДТП со смертельным исходом, водитель скрылся с места преступления. Что грозит водителю? Несколько лет колонии. Сколько именно, решит суд.

- Рома, не надо меня уверять, что в этом деле всё так просто. Ты и сам видишь, что не просто. И я, и Дарья с Климом считаем, что Юлю подставили. Но как это доказать?

- Мне нужны факты, а фактов нет. Сколько прошло времени?

- Три дня.

- Автомобиль уже продали?

- Представь себе – продали в тот же день... за бесценок. За вырученные деньги Юля может купить драндулет. Но вряд ли она еще раз сядет за руль. Даже если ей удастся

избежать наказания, она, как девушка очень впечатлительная, будет казнить себе всю жизнь. Надолго ли ее хватит, вот в чем вопрос.

- Что ты думаешь по этому поводу? Я уже понял, ты считаешь, что Юлю подставили? Зачем? Что было нужно этому учителю, дружелюбно настроенному?

- Я ничего не думаю, у меня ума не хватит докопаться до истины. Но ты можешь распутать этот клубок.

- Лебединая песня, - задумчиво протянул я. – А потом уйду на заслуженный отдых.

- Так мне звонить Даше?

- Звони, пусть приезжает к нам. Или лучше не так. Давай мы к ней приедем. Все-таки она глубоко беременная. Или лучше встретиться где-нибудь неподалеку от ее дома, на нейтральной территории? Как думаешь?

- Лучше на нейтральной...

Несмотря на поздний срок беременности и проблемы с младшей сестрой, Дарья выглядела великолепно. Она сразу меня узнала и сказала, что за прошедшие десять лет снисколько не изменился. Я ей не поверил, догадался, что это происки моей жены, которая рассказала Дарье о трагедии нашей семьи и последовавшим за трагедией моим нездоровьем.

Что нового я узнал? Узнал точное место, где произошло ДТП. И то, что Юля успела заметить на верхней одежде человека, на рукаве куртки большую круглую эмблему, запавшую ей в память. Ни охваченное ужасом лицо человека, ни что-то еще, а именно круглая эмблема на рукаве куртки.

И опять же Дарья сообщила еще одну важную деталь, которую я никак не рассчитывал услышать, потому что сразу понял – Юлю «развели». Оказалось, что в одну из больниц на окраине города поступил пострадавший с черепно-мозговой травмой и многочисленными ушибами. Судя по ушибам, человека сбил автомобиль. В больницу его доставил пожилой мужчина, который ехал по дороге и заметил на обочине человека. Водитель остановился, проверил пульс, удостоверился, что человек жив и находится без сознания, осторожно погрузил человека в машину и помчался в больницу.

Что на это скажешь? Скажешь, все ясно, расследование окончено, так и не начавшись. Юля виновна. Юлю ввели в заблуждение, когда сказали, что пострадавший мертв. Сознательно или намеренно ввели в заблуждение? Чем вызвана такая забота? Симпатией мужчины? Или его эгоистическим желанием оградиться от проблемы, которая может возникнуть благодаря неопытному водителю, вознамерившемуся оказать пострадавшему помощь, тем самым признать свою вину. Или есть другая причина?

Во время первой встречи на дороге, мужчина набросился на Юлю чуть ли не с кулаками, но спустя время, вдруг проникся к ней состраданием. Якобы.

Я не верю в чувства с первого взгляда мужчины к некрасивой женщине. Я их допускаю, если прошло время, он заметил душевную красоту или некие яркие штрихи к ее блеклому портрету, которые способны вызвать чувство. Как я понимаю, Юля в тот момент пускала слезы со слюнями, красоты ей это не прибавляло. А мужчина, обаяшка и симпатяга, вдруг предложил, пусть не любовь-дружбу, но помощь во благо общества. Решил вселить в девушку уверенность. А на самом деле... у него созрел план. Как он будет его осуществлять, он пока не придумал, но цель поставлена. Набрался терпения в роли учителя, сделал шаг навстречу дружбы-любви, а потом случилось то, что случилось. И опять протянул руку помощи? Помощи ли?..

Я выяснил, что пострадавшему проведена хирургическая операция, после которой его ввели в искусственную кому. Следовательно, помощи от пострадавшего ждать не приходится.

Надо побеседовать с человеком, который доставил пострадавшего в больницу. Его данные мне, частному детективу, любезно предоставили.

Евстегней Ильич Белокобыльский проживал в поселке Отрадный. Именно на узкой дороге, ведущей от поселка до основной трассы, житель Отрадного обнаружил на обочине пострадавшего.

В ту ночь Белокобыльский спешил в аэропорт встречать свою супругу, которая гостила у дочери. В свете фар заметил лежащего на обочине человека...

- В чем он был одет?

- Во всем черном. Не мудрено, что неизвестный водитель его не заметил и сбил. Ужасно, что не оказал помощь.

- Евстегней Ильич, вы не заметили большую круглую эмблему на рукаве его куртки?

- Не было никакой эмблемы.

- Уверены?

- Уверен, - без тени сомнения, ответил Белокобыльский. – Когда я его укладывал на заднее сидение своего автомобиля, на свету осмотрел всего, признаюсь, с ужасом – боялся видимых увечий, кости торчащие, что-то еще... Ты меня понимаешь. В этом я трус по жизни. Опасности не боюсь, а вот кровь, ужасы – это не для меня. Я всю жизнь работал инженером на заводе, вышел на пенсию, не так давно перебрался в поселок. Выращиваю овощи, фрукты... Что-то я не о том говорю... У пострадавшего была рана на голове. Неприятное зрелище. Других видимых увечий не заметил. Но я спешил. Чем скорее ему будет оказана квалифицированная медицинская помощь, тем больше шансов выжить.

- Значит, эмблемы на рукаве не было...

- Надеюсь, я тебе помог.

- Без сомнения. И помогли бы еще больше, если бы указали точное место, где нашли пострадавшего...

Узкая дорога, еще хорошо, заасфальтирована. По ней с трудом разъезжаются два автомобиля. Если транспорт погабаритнее, но одному транспортному средству придется съехать на обочину. Если рядом не окажется густого кустарника.

Дарья говорила, что человек с эмблемой на рукаве куртки выскочил из-за кустарника. Белокобыльский увидел пострадавшего на обочине, рядом кустарника не было, потому он его и заметил. На указанном Белокобыльским месте виднелись красные пятна, похожие на кровь. Я нисколько не сомневался, что место указано правильно.

Я протиснулся с пожилым мужчиной, доставил его до собственного дома, потом вернулся назад. Оставил машину и принялся обследовать проезжую часть. Вскоре, метров через триста, заметил на асфальте хорошо различимый тормозной путь. Видимо, оставленный автомобилем Юлии Морозевич. Странно, но в этом месте тоже были пятна красного цвета. Но эти пятна отличались от тех пятен. Эти пятна... пахли краской. Рядом густо рос кустарник. Из-за него выскочил Некто, изобразив – не побоюсь этого слова – жертву ДТП. Я продолжил обследование местности. Совсем близко расположилась небольшая роща, легко просматриваемая в осенний период. Я углубился в рощу. Под одним из деревьев я обнаружил горку песка. Рядом с горкой песка я заметил взрыхленную землю. Как-будто здесь что-то искали. Или закапывали. Я вернулся к своей машине трусцой (откуда силы взялись), перегнал машину ближе к подозрительному месту, прихватил лопату и занялся

раскопками. Много физических сил мне не потребовалось. Вскоре я вытащил из земли большую порванную тряпку странной формы, сильно поношенные спортивные брюки и такую же поношенную спортивную куртку. На рукаве куртки я увидел эмблему малоизвестной фирмы по выпуску спортивной одежды. Тряпку странной формы я старательно разложил на земле. Получилось подобие человека: туловище, голова, руки, ноги. Еще недавно это чучело, набитое песком, было имитацией человека, «пострадавшего» на дороге. После завершения операции злоумышленник вытряхнул из чучела песок и закопал улики.

Получается следующее. В городе на дороге столкнулись два автомобиля. Один водитель опытный и нервный, другой – неопытный и доверчивый. Лохушка, - подумал первый о втором. Мне конец, - подумал второй, с опаской поглядывая на первого. Конец был отложен на неопределенный срок.

Опытный «положил глаз» на автомобиль неопытного. Чтобы заполучить автомобиль, разработал целую спецоперацию. У опытного был поделщик, который прятался за кустом, пусть и голым, но в темноте поделщик остался незамеченным. В нужный момент поделщик выбросил под колеса автомобиля чучело, набитое песком. Опытный, на время ставший учителем неопытного, вышел, испачкал руки красной краской – для устрашения неопытного, и принудил его покинуть место ДТП. Напоил коньяком, запугал и заставил продать автомобиль за бесценок.

Юля пошла у него на поводу. После чего оказалась в специализированной клинике.

«Добрый» наставник достиг цели. Но вряд ли он изощрялся ради себя. Ради кого? Вероятно, ради своего знакомого, который, как и Юля Морозевич, давно мечтал о собственном автомобиле определенной марки, но не имел достаточных средств для исполнения мечты. Но в отличие от Юли на него не обрушилось наследство покойного дяди.

Получается, что поделщиком «доброе» наставника является новый владелец бывшего автомобиля Юлии.

Афера чистой воды. Всё ясно... Но не всё: откуда взялся пострадавший, одетый во все черное, которого подобрал Белокобыльский?

Я вернулся к тому месту на обочине, где Белокобыльский обнаружил пострадавшего. Я не мог утверждать, что сухие красные пятна – это кровь. Но очень похоже. Я решил обследовать прилегающую территорию. Мне показалось, что на земле осталась борозда, как будто здесь кого-то тащили волоком. Я пошел по следу. Сегодня все дороги ведут в рощу. Я очень надеялся обнаружить еще одну подсказку.

Возле одного толстоствольного дерева я заметил осколки стекла. На стволе имелись царапины темно-синего цвета. И пятна красного цвета. Темно-синие царапины имели понятное происхождение – в дерево врезался автомобиль темно-синего цвета. Разбил фару. И зацепил человека, который... ночью прогуливался по роще. Пострадавший невероятным образом добрался до дороги - дополз, где и был обнаружен Белокобыльским. Следы протектора от дороги до рощи были неотчетливо, но видны. После очередного ДТП в этом районе автомобиль тоже скрылся с места преступления – я проследил его путь.

Я постоял в позе задумчивости, потом снова вернулся к «пострадавшему» дереву со следами темно-синих царапин и красных пятен. И принялся кружить неподалеку. Мои поиски были вознаграждены. Я обнаружил отлетевший номер автомобиля. Не какой-то ржавый кусок жести, которому сто лет в обед, а более-менее чистый номер, с цифрами, которые могут дать мне ответ на мой вопрос...

Благодаря знакомству с нужными людьми я узнал, что найденный в роще номер автомобиля принадлежит «Ниве» темно-синего цвета. «Нива» оформлена на

гражданина Воробьева Сергея Геннадьевича, проживающего в поселке Янтарный. Поселок расположен в пятнадцати километрах от поселка Отрадный, в котором не так давно поселился пенсионер Белокобыльский, он же известный спасатель всех пострадавших на дорогах.

Я рванул в Янтарный. Нашел нужный дом и окликнул хозяев. На зов из дома вышла круглолицая женщина в пестром халате и фартуке.

- Здравствуйте, мне нужен Сергей Геннадьевич Воробьев.

- А мне не нужен.

- Это ваш муж?

- Муж объелся груш. Глаза б мои его не видели! Пьяница несчастный!

- А где его можно найти?

- Мы с ним поругались третьего дня, он уехал и больше я его не видела. Так что ничего не могу вам сказать.

- Автомобиль «Нива» госномер... принадлежит ему?

- Господи, случилось что? – перепугалась женщина, слетела с крыльца и подбежала к низкому щелевому забору, возле которого переминался я. – Говорите, что с Сергеем?!

- Точно утверждать не могу, но кажется, ваш муж находится сейчас в больнице.

- Я щас! – Гражданка Воробьева повернула в сторону дома, вскоре вернулась в наброшенном на халате пальто и сапожках на босу ногу. Не дожидаясь приглашения, бухнулась на пассажирское место моего автомобиля и закричала, - чего стоишь, как пень?! Поехали!

И мы поехали в больницу, в которую поместили пострадавшего.

Он по-прежнему находился в состоянии искусственной комы. Но супругу пропустили в палату интенсивной терапии, чтобы она смогла опознать пострадавшего. В пострадавшем она опознала своего супруга, Сергея Геннадьевича Воробьева. Женщине дали успокоительное и выпроводили из палаты. Я взялся довести ее до дома, сидеть в больнице не было смысла. Но врачи успокоили ее – состояние мужа удовлетворительное, его жизни ничего не угрожает.

По дороге я пытался вытянуть из Воробьевой информацию.

Сначала женщина только беззвучно плакала, потом призналась, что скандал вышел из-за постоянных пьянок Сергея. Он клялся и божился – больше ни-ни, но ей надоели обещания, она указала мужу на дверь, он схватил ключи от «Нивы» и уехал.

- Я предполагаю, что ваш муж был не один. Кто-то составил ему компанию. Кто это мог быть?

- Его закадычный дружок, Валька Скворцов. Больше некому. Эти две «птицы» - Воробьев и Скворцов - всегда не разлей вода.

- А где живет Скворцов?

- Так на нашей улице и живет. Я покажу...

Валентин Скворцов рубил во дворе дрова. От голой влажной спины шел пар. Я его окликнул. Он пригласил меня в дом.

- Ваш приятель и собутыльник Сергей Воробьев находится в больнице в тяжелом состоянии.

- Серега все рассказал? – глядя на меня округлившимися от испуга глазами, спросил Скворцов.

- Почти. Нужны подробности, чтобы представить общую картину преступления.

- Я ни в чем не виноват... Нет, виноват, конечно, потому что не помог ему... Но я его не бросил, дотащил до дороги, а сам... смалодушничал. Сбежал я.

- Как дело было?

- Серега поругался с женой. Сел в машину и приехал ко мне. У меня мы не могли... посидеть, жена была дома, она по суткам работает. Пришлось купить выпивку по дороге и ехать в рощу. Мы выпили и уснули. Серега проснулся первым, решил домой вернуться. Спустил машину с «ручника», я так думаю, вышел из машины. И только стал нужду справлять, как машина возьми и поедь... Сама поехала со склона, понимаешь. И надо такому случиться, прямиком на Серегу, который у дерева стоял. Я сильно припечатался лбом в лобовое стекло, со сна не мог разобрать, что произошло. Выскочил из машины, увидел Серегу... Дотащил его до дороги, а сам пошел домой.

- А где «Нива»?

- А я откуда знаю?! «Нива» там осталась.

- Автомобиля в роще нет.

- Значит, кто-то угнал. Машина не сильно пострадала.

- Кто мог угнать «Ниву»?

- Откуда я знаю! Это точно не я, я водить не умею, мальчишки-хулиганы, наверное. Покатались и бросили где-то.

- Как вы могли оставить своего раненого приятеля?! Почему не помогли? Если бы не один хороший человек, Сергей погиб.

- Я его не оставил, я его дотащил до дороги, где его могли найти. И нашли же!

- Вы считаете себя правым?

- Пьяный был, не проспался. Плохо соображал.

- А когда проспались окончательно, могли бы сходить к жене Сергея, обо всем рассказать.

- Испугался я...

С одним разобрался, теперь надо подтвердить свои догадки относительно Юлии Морозевич и ее наставника-афериста. Когда Юлия узнает от меня правду, надеюсь, ее психика быстро восстановится.

Что я знаю об наставнике? Имя – Марат, занимается ремонтом автомобилей частным способом, и приблизительный адрес проживания – микрорайон Лабутино. Юля была не в том состоянии, чтобы запоминать его точный адрес, но сообщила сестре, что недалеко от дома Марата когда-то жил или живет в настоящий момент один ее знакомый. Они дружили в юности. Юля была у него пару раз в гостях. Как зовут бывшего приятеля, мне совсем неинтересно и не нужно знать, главное – адрес: улица Менжинского, двадцать три. Еще бы разобраться, что значит – недалеко. Совсем близко – рядом, или в ближайшем окружении. Но у меня есть хотя бы какой-то ориентир, от этой «печки» буду прыгать. И поможет мне в поисках не только адрес бывшего знакомого Юли Морозевич, но и марка автомобиля Марата – «Ford» белого цвета. Госномер Юля, конечно, не запомнила. Ей было не до номеров, такой кадр, обаяшка, нарисовался и заинтересовался ею.

Жаль, подобных автомобилей в нашем городе вагон и маленькая тележка. Остается надеяться на удачу и сообразительность...

Было уже поздно разыскивать «Ford» неизвестного Марата, пришлось отложить поиски на следующий день.

Вернувшись домой, я отчитался жене о проделанной работе. Мне показалось, что Варя невнимательно меня слушает, подозрительно косится и все время порывается что-то сказать. Закончив отчет, я поделился планами на завтрашний день. Жена без эмоций произнесла:

- Ты молодец, Рома. – Это она меня так похвалила. Похвала была так себе, но меня сие не озаботило. Беспокоило душевное состояние жены.

- Варюша, что произошло? – напрямую спросил я, позабыв о желании растянуться на кровати, закрыть глаза и обо всем забыть.
 - Я дура, Рома. Зачем я уговорила тебя занять расследованием?!
 - Что-то изменилось за прошедший день?
 - Давай начистоту... Ты... ты выглядишь просто ужасно!
 - Если ты хочешь меня напугать и заставить обратиться к врачу, то тебе это не удастся.
 - Рома, ты маленький мальчик? Ты взрослый мужчина, замечу – семейный! Тебе срочно нужно заняться своим здоровьем! Ради нас!
 - Не кричи, Симку разбудишь.
 - Вспомнил о дочери. Ты подумал, каково ей будет без тебя? Ей всего девять лет.
 - Я тоже остался без матери приблизительно в ее возрасте, - ляпнул я.
 - Роман! – вскрикнула Варя и тут же понизила голос, - Роман, как ты можешь ТАКОЕ говорить?! Я всегда считала тебя здравомыслящим человеком, а ты... а ты...
 - Варя разревелась. Я сел рядом, обнял ее за плечи.
 - Прости меня, родная. Я не знаю, как тебе объяснить мое состояние, но что-то мне подсказывает, что я должен спустить все на тормозах. Я заслужил...
 - Чего? Смерти? - ошарашенно произнесла жена. – Рома, ты о чем сейчас?
 - Я заслуживаю того, чего заслуживаю. Я не всегда вел себя правильно. Кто-то свыше решил испытать меня. Я должен справиться самостоятельно.
 - Рома, ты бредишь. После смерти Александра Федоровича ты очень изменился. Я думала, что решение чужих проблем вернет тебя к жизни, заставит задуматься о будущем, но глубоко ошиблась. При всем при том, ты сильно вымотался за этот день, ты зеленого цвета, губы синие, глаза красные.
 - Писанный красавец, - печально улыбнулся я.
 - Давай поставим в этом деле точку. Все закончилось! Пусть Даша расскажет Юле, что она невиновна. Что ДТП на дороге подстроил этот Марат.
 - У меня нет доказательств. Горка песка и спортивный костюм с эмблемой на рукаве – слабое утешение для девушки с расстройством психики.
 - Ладно, хорошо, пусть тебя не устраивают явные улики, пусть. Тогда скажи мне – где тело? Тела нет! Его нигде нет, ни в больницах, ни в моргах. А тот пьяница, который сам угодил под колеса своей «Нивы», это не тот человек... Все-таки, ты, Ромка, гений! Так ловко всё раскрутить в сжатые сроки, это не каждому дано! – на этом раз с восхищением высказалась супруга.
 - Всего лишь совпадение и везение. Надеюсь, что завтра мне тоже повезет.
 - Это намек на то, что все мои слова, все мое возмущение ты пропустил мимо ушей.
 - Варюша, ты пойми, я не могу бросить расследование на полдороге. Так поступать непорядочно по отношению к Юле Морозевич.
 - Ты эту Юлю... Лучше я промолчу, тебя все равно не переубедить. Но я-то тупица, иначе не назовешь: хотела как лучше, получилось только хуже. Ромочка, но пообещай мне, что выбросишь из головы всякую ерунду об испытании, которое ты должен пройти самостоятельно. Завтра... я на это надеюсь, ты завершишь это дело, найдешь Марата, и уже послезавтра ты ляжешь в больницу на обследование. Ради детей и внучки, ради меня.
 - Это шантаж. Давай обсудим это позже...
- Слово «заслужил» накрепко засело в моей голове. Надо как-то договориться с высшей силой... Хочется еще пожить... Или лучше уйти по-тихому? Ради детей, внучки, любимой женщины? Чтобы все мои тайны ушли вместе со мной.
- Я не собираюсь ни перед кем исповедоваться, но бывают случаи, когда человек, не отдавая отчета, рассказывает о том, что у него наболело, что камнем лежит на душе.

Так бывает. И я не исключение. Вдруг в бреду, в полубессознательном состоянии я расскажу то, что может удивить (не хочу подбирать других слов) моих родных. Как изменится их отношение ко мне?

Я хочу уйти любимым человеком.

И зачем я начал записывать свои воспоминания в дневник? Конечно, мой личный дневник никто и никогда не найдет – он надежно спрятан, но лучше его сжечь. Чтобы никаких следов...

Зачем я писал? Хотелось с кем-то откровенно поговорить, высказать свои мысли.

Что ж так болит в верхней части живота... Боль меня извела... Наверное, желудок. Обычный гастрит. Сейчас осень, обострение хронических заболеваний. Но я не хроник, никогда не жаловался на боли в желудке, вообще ни на что не жаловался. Но всему свое время. Увы, не молодею... Надо выпить обезболивающее в тайне от жены... Выпил... Помогло... Не сразу и не совсем, но стало легче. Боль не такая сильная... Все-таки желудок. Гастрит. Переживу. Выживу...

Наутро я выглядел бодрым. Цвет лица был более-менее нормальным, губы не синие, глаза не красные. Я балагурил за завтраком, веселил жену и дочку.

Потом проводил Симку до школы, хотя она и сопротивлялась. У калитки топтался Симкин одноклассник, мой тезка, Роман Филиппов. Завидев нас, он быстро ретировался в здание школы.

- Небось тебя подждал? – спросил я у дочери, справившись с недовольством.

- Меня, - с неискренним пренебрежением ответила дочь.

- Прости, что помешал, - извинился я и подумал: если Симка начнет говорить, что я не помешал, что этот Филиппов ей даром не нужен, то стоит задуматься: дочь повзрослела и заинтересовалась мальчиками. Если промолчит, то Филиппов ей, действительно, даром не нужен. Я голосую за молчание. Дочери всего девять лет, а я уже ревную ее к противоположному полу. То ли еще будет!

- Пап, ты видел этого Филиппова? От горшка два вершка! Он мне даром не нужен.

- Понятно, - вздохнул я. Мне взгрустнулось. И не потому, что моя дочь незаметно повзрослела, и кто-то старается увести ее внимание от нас, родителей, а потому что я могу не увидеть, какой она будет через пять лет, через десять. Как сложится ее судьба?

Варюшка права – я должен бороться, а не забивать голову разными глупостями...

Все-таки пока займусь поисками пресловутого Марата...

В сторону микрорайона Лабутино добрался быстро, без «пробок». Я надеялся найти во дворах домов, расположенных по улице Менжинского, автомобиль «Ford» белого цвета и расспросить аборигенов о владельце автомобиля. Других умных мыслей у меня не появилось. Но прежде я навел справки. По сведениям из достоверного источника в нашем городе не зарегистрирован нужный мне автомобиль, владельцем которого является человек с нераспространенным именем Марат. Белых «Фордов» много, но владельцы другие. Возможно, Марат управляет машиной по доверенности, но мне от этого не легче. Мои надежды на легкую победу не оправдались. Не все коту масленица. Очень жаль. Везение закончилось накануне.

Придется «бить» ноги, другого выхода у меня нет.

Как я и предполагал, во дворах было немало белых «Фордов». По одному-два стояло точно. А сколько уже покинуло парковки у домов? Я был уверен, что Марат не просыпается с рассветом. Он сам себе начальник, никто над ним не стоит.

Для жителей домой придумал версию: меня подвозил мужчина на белом «Форде», мы разговорились, познакомились, я вышел и вскоре обнаружил, что потерял свой

мобильный телефон, в котором находится ценная информация. Знаю, что зовут водителя Марат, и он живет в этом районе.

Версия так себе: где вы видели, чтобы водитель, который вас подвозил на своем автомобиле, называл свое имя и рассказывал, в каком микрорайоне он проживает. Но моя сообразительность сегодня «хромала на обе ноги». И всему виною вчерашний разговор с женой. И нескончаемые боли.

А, может быть, у меня ничего не болит? Мне всего лишь только кажется? Моей болезни одно название - депрессия. Затянувшая депрессия. Я закрылся в себе, я вижу мир под другим углом, воспринимаю его не так, как нужно воспринимать, как будто уже стою на известной границе, которую рано или поздно придется преодолеть любому из нас, и боюсь, что мне кто-то помешает ее перейти. Я настроен, я собран. Меня не волнует окружающий мир.

Я лгу. Меня волнуют мои близкие. И меня волнует мое расследование. Моя лебединая песня.

Мои поиски меня измотали. Я взглянул на свои часы и понял, что брожу по дворам всего лишь полчаса. Что значит возраст, что значит недомогание.

И куда делась излюбленная фраза: какие наши годы?!

Какие наши годы!.. Какие наши годы!.. Не помогает. Ромка, взбодрись! – приказал бы мне отец. – Батя, я бодрюсь... Бодриться больше нет сил... Но я стараюсь...

- Вы что-то сказали, молодой человек? – окликнула меня старушка.

Я так задумался, что не заметил, что начал разговаривать вслух.

- Нет, ничего, - ответил я, бросил на нее мимолетный взгляд и пошел дальше.

- Рома? Рома Хруцкий? – взволнованно произнесла старушка.

Я обернулся. Ее лицо показалось мне знакомым.

- Да, я Роман Хруцкий, - напряженно проговорил я, силясь вспомнить, кто передо мной.

- Не узнаешь? Не мудрено, мы с тобой виделись в последний раз...дай Бог памяти... в семьдесят восьмом.

В семьдесят восьмом я окончил школу. И больше никогда не переступал ее порога, не посещал встречи выпускников, хотя, мой школьный друг Артур Барабанщиков специально приезжает в город, чтобы встретиться с одноклассниками, тянет и меня с собой. Я не знаю, почему упираюсь. Просто не хочу. Не хочу возвращаться в то время. Я, вообще, не люблю вспоминать прошлое.

- Римма Ивановна! – воскликнул я, вспомнив старушку. Передо мной стоял мой классный руководитель, который окрестил меня гениальным лентяем. – Как я рад!

- Как я рада тебя видеть! Рома, ты такой статный! И, как всегда, особенный, ни на кого не похож. Я тебя узнала с первого взгляда, несмотря на долгие годы, которые мы с тобой не виделись. Живем в одном городе, а ни разу не встретились.

- Вы здесь живете?

- Перебралась к дочери, а в моей квартире живет внук с женой и сынишкой. У меня уже есть правнук.

- Как быстро бежит время. Римма Ивановна, вы хорошо сохранились.

- Где там, - отмахнулась она, но в глазах промелькнуло кокетство.

Больше всего я боялся, что старушка спросит об отце, к которому она «нервно дышала» в мои школьные годы. Так считала наблюдательная Рита Державина. Я был с ней не согласен. Не хотел соглашаться. Хотя понимал, что мой отец видный мужчина, опять же вдовец. Римма Ивановна в то время одна воспитывала дочь.

- Рома, у тебя озабоченный вид. Что-то случилось?

- Римма Ивановна, я ищу одного человека. Он мне очень нужен. - Озвучивать сочиненную версию я не решился, но и говорить правду не собирался. – Знаю, что его зовут Марат. Он передвигается на белом «Форде».

- Как он выглядит?

Сказано – голова с дырой! – я совсем забыл, что у меня есть описание внешности Марата. Не уверен, что можно довериться «слепому» восхвалению Юлии Морозевич, но стоит попытаться. Другого описания у меня нет.

- Брюнет, волнистые волосы до плеч. Хм... Красивый правильный профиль... Со слов его знакомой. Губы тонкие. Рост выше среднего. Телосложение худощавое, но плечевой пояс развит.

- По всей видимости, девушка влюблена в этого Марата?

Я пожал плечами, чтобы прекратить допрос.

- Марат на белом «Форде», - задумалась Римма Ивановна. – Кажется, в нашем доме живет один молодой человек, похожий под твоё описание. Но Марат он или не Марат, я не знаю. Он ездит на каком-то белом автомобиле. Но в марках я не разбираюсь.

- Девушка говорила, что Марат занимается авторемонтом частным образом.

- Вот этого я тебе не скажу, потому что никакого интереса у меня в авторемонте нет, - усмехнулась моя бывшая классная руководительница. - Я хотела сходить в магазин, но мой поход можно отложить. Сейчас мы вернемся к моему дому, и я тебе покажу подъезд, в котором живет тот молодой человек. А дальше ты уж действуй сам.

- Вы скажите мне адрес. Я сам найду.

- Конечно, без меня ты всё сделаешь быстрее, я уже еле хожу... Значит, слушай: улица Менжинского, дом двадцать семь, у него второй подъезд. Я живу я третьем подъезде, квартира восемьдесят четыре. Приходи в гости.

- Спасибо. И за приглашение, и за помощь...

Я уже проверял этот двор. Никакого белого «Форда» во дворе не было и тогда, и сейчас. Я встал у двери второго подъезда и задумался – как мне поступить? Из подъезда никто из жителей не выходил, я никого не беспокоил расспросами по домофону. Эдак можно нарваться на самого Марата, который обо всем догадается и скроется.

Я собрался с мыслями, протянул руку к домофону, но дверь тут же распахнулась, как будто ждала моего первого шага.

Сегодня мне везло на пожилых людей. На этот раз на моем пути встал грозный старик, который сразу набросился на меня:

- Ты чего здесь околачиваешься?! С виду нормальный человек, а ведешь себя подозрительно. Я за тобой давно из окна наблюдаю.

- Вы живете на первом этаже? – брякнул я.

- А тебе какое дело, где я живу?! Иди-как ты отсюда подобра-поздорову, а то я сейчас участкового позову.

- Очень хорошо, зовите. Может быть, он мне поможет найти одного человека.

- Какого еще человека? – притих старик.

- Мне нужен Марат, фамилии я не знаю. У него есть автомобиль марки «Форд» белого цвета.

- Этого я знаю. Он живет на девятом этаже. Не так давно сюда переехал. В этой квартире его родной дед жил, мой старый друг. Дед умер, квартира досталась внуку.

- Как фамилия Марата?

- Как у его деда.

- А у деда как фамилия была?
- Так это... Бабаевы они. И дед, и внук.
- И белый «Форд» есть у внука?
- Есть. Но он по доверенности ездит, а на самом деле машина принадлежит его отчиму. Отчима Марата я один раз всего видел, на похоронах друга. Мать Марата хотя и в разводе с мужем, отцом Марата, но про бывшего свекра никогда не забывала. В общем хорошая женщина, положительная во всех отношениях. Чего не скажешь о ее сыне.
- Чем же вам Марат не угодил?
- Бабник. Пора бы уже остепениться, жениться, а у нее молодецкая дурь в голове. Но скажу тебе честно: думаю свадьба не за горами. Уже несколько раз видел в нем одну красотку. Раньше постоянных девушек у Марата никогда не было, то одну к себе приведет, то другую.
- Если красотка, то речь идет не о Юлии Морозевич, - подумал я. - Хотя, как сказать – на вкус и цвет...
- Могу предположить, что речь идет о моей дочери. Вот хотел познакомиться с ее избранником. Разобраться, что он за человек. Мнению влюбленной девушки доверять нельзя.
- Ох, зря я на Марата наговорил. Ты не подумай, что он ни одной юбки не пропускает, да, всё это было, но до появления твоей дочери. - Старик говорил не очень убедительно.
- Так ли? Вы уж расскажите, как есть, прошу вас. Все-таки дочь, единственная.
- С твоей-то он уже месяц хорохорится. И никого рядом с ним не было с тех пор, пока... - Дед понизил голос, - пока однажды ночью не появилась тут одна чувырла. Страшная, как моя жизнь, - закатил он выцветшие глаза. – Я ее и Марата из окна заметил. Они из машины вышли и в подъезд нырнули. Девушка странно выглядела. То ли долго плакала, то ли еще что. Над подъездом яркий фонарь висит, но все равно не разобрал – плакала и лицо опухло или по жизни такая. И кажись, покачивалась она. Может быть, выпивши была, - предположил он и сразу отверг, - неее, скорее расстроенная была, от печали качалась.
- С чего вы так решили?
- Маратик ее за плечи обнимал, когда они к подъезду шли, и успокаивал. Так мне показалось. Когда они в подъезд зашли, я шмыг к своей двери. В «глазок» за ними наблюдал. Пока лифт ждали, переговаривались, но я не разобрал, о чем они говорили, слух не тот. Потом лифт приехал... Вот и все.
- Марат с девушкой приехали на машине Марата?
- В том-то и дело, что на другой машине, не на «Форде», хотя, Марат сидел за рулем. Машина такая примечательная... - Я открыл рот, чтобы уточнить, но дед мне не позволил, - даже не спрашивай, что за марка автомобиля, я в них не разбираюсь. Я и про «Форд» бы ничего не знал, мне Марат сам сказал.
- А цвет вы не рассмотрели?
- Темный. Ночь была, не разобрал.
- И на том спасибо.
- Если ты хочешь поговорить с Маратом, то его дома нет. Он ушел спозаранку. Ищи его в гараже. Он неподалеку гараж снимает.
- Спасибо.
- Да погоди ты, заладил, спасибо, спасибо, я тебе еще не все сказал. Ты машину у своей дочери видел?
- Нет, - опешил я.

- Вот что странно: то одна на этой машине ездил, теперь другая. Твоя-то давеча приезжала к Марату на том самом автомобиле. Я по очертаниям догадался. У меня глаз наметанный. Но про цвет ничего не скажу, опять видел машину в темное время суток...

Когда я увидел Марата, то сразу понял, что Юля оказалась права в одном: у парня были длинные волнистые волосы, в данный момент стянутые резинкой. Рост невысокий, нос крючковатый (никакого красивого правильного профиля), верхняя губа практически отсутствует, нижняя обычная, но сочетание верхней и нижней делает лицо непривлекательным, это мягко сказано, если быть честным, то дебиловатым. Добавляли образ маленькие хитрые глазки.

Марат склонился над открытым капотом автомобиля. Еще несколько дней назад этот автомобиль принадлежал Юлии Морозевич. Но по известным причинам она поспешила от него избавиться. Марат настоял. Но душевного равновесия это избавление ей не принесло.

Марат так увлекся изучением внутренностей автомобиля, что не сразу меня заметил. Пришлось его окликнуть.

- Что за проблема? - спросил он, зыркнув в сторону моего автомобиля. Не выслушав ответ, сразу заявил, - сейчас совсем нет времени, приезжай завтра.

- Лучше сегодня, - внушительно сказал я голосом судьи, который предоставляет подсудимому последнее слово.

- Говорю же – нет времени.

- Думаю, время появится, если вы вернете вот этот автомобиль законной владелице.

– Я любовно провел ладонью по крыше автомобиля. Изучая испачканную пылью ладонь, проговорил «доброжелательно», - а скудную сумму денег, которую вы заплатили за него Юлии, позвольте ей оставить себе, в качестве моральной компенсации. Думаю, вы не будете против. В противном случае вам придется ответить за свою аферу по всей строгости закона.

- Я вообще не понимаю, о чем вы говорите, - сразу перешел он на «вы». В голосе исчезли пренебрежительно-высокомерные нотки.

Думаю, если бы мы встретились на улице, Марат дал бы стрекоча. Он и сейчас дергался из стороны в сторону, как будто ее тянул канатом кто-то невидимый, а он противостоял.

- Чтобы вы поняли, о чем я говорю, - с издевкой произнес я, - я подробно расскажу о ваших махинациях с автомобилем Юлии Морозевич...

После живописного повествования я поинтересовался у Марата:

- Кроме вашей девушки, которая мечтала о таком автомобиле, но у нее не было средств на его покупку, в афере участвовал кто-то еще? Кто выбрасывал на проезжую часть аля-человека, набитого песком? Это был мужчина, не ваша девушка. А она, вообще-то, в курсе дела?

- Какая теперь разница, - обреченно сказал Марат, вытирая грязные руки о рабочий комбинезон. – Вы не думайте, что у меня... это... поставлено на поток. Это случилось со мной впервые. Клянусь. Ради нее все... Мог бы взять кредит в банке, взял бы. Но я не могу взять кредит по определенным причинам. А очень хотелось сделать ей приятное.

- Я так понимаю, что вы не преминули прихвастнуть перед своей невестой: вот как я обманул доверчивую дурочку! Когда других достоинств нет, приходится гордиться недостатками. Не всяк разберет, что хорошо и что плохо, особенно если умишка маловато и льстит преклонение.

- Не надо ее обижать, вы ее совсем не знаете, - защитил свою подругу Марат.

- Я говорил о вас обоих.
- Меня можете унижать, ее – не смейте!
- О человеке судят по поступкам.
- Из-за любви мужчины шли на преступления.
- Преступление преступлению рознь. Если вашей любимой грозит опасность, то вы обязаны ее защитить любым способом. А обман одной ради благоволения другой это гадко, настоящие мужчины так не поступают... Сам не знаю, зачем я развел философию, но все же хочу вам сказать: если человек, которого вы любите, позволяет вам рисковать собой, то стоит задуматься – достоин ли этот человек вашей любви? Я знаю одно – этот человек вас не любит. И никогда не полюбит. Будет принимать ваши жертвы, но и жертвы, жертвоприношения, ей рано или поздно наскучат. Неизвестно, где вы можете оказаться из-за своего безрассудства. – А потом я сказал то, чего не собирался говорить. – Марат, вам нужна такая девушка, как Юля.
- Юля... Юля хорошая девушка. Но люблю я другую.
- Ваше право. – Я покачнулся и схватился на дверную ручку автомобиля.
- Вам плохо? Я могу чем-то помочь?
- Верните Юле автомобиль.
- Верну, конечно, и деньги не стану забирать... Вам лучше присесть.
- Все нормально. Голова закружилась, сейчас пройдет. – Я попытался улыбнуться. - Набегался, разыскивая вас, Марат. Ради Юли. Она верит, что убила человека. Как бы вы с этим жили?
- Не знаю. Не приходилось... Я не хочу встречаться с Юлей, мне стыдно смотреть ей в глаза... Тогда я не думал, что совершаю преступление.
- Но вы обязаны пойти к Юле и честно обо всем рассказать. Сейчас вы не задумываетесь о своих поступках, считаете их правильными, но жизнь коротка, и на склоне лет вы окунетесь в воспоминания, переосмыслите свои поступки и будет казнить себя за все обиды, которые вольно или невольно нанесли другим людям... Зачем я всё это говорю? Мысли вслух...
- Послушайте, давайте я вызову «Скорую», на вас лица нет.
- Не нужно, я доберусь до дома, отлежусь и все будет нормально. Но обещайте мне...
- Я обещаю пойти к Юле и покаяться.
- Сейчас с Юлей встретиться проблематично. Я дам вам номер телефона ее сестры, она устроит вашу встречу... Не хочу вас шантажировать, но если вы не сдержите слова, то вам придется нести ответ уже не перед Юлей. Не только перед Юлей.
- Я сдержу слово. Обещаю...

Я сел в свой автомобиль, доехал до городского парка, прогулялся по аллеям, потом решил отдохнуть на скамейке, искупаться в слабых лучах ноябрьского солнца, так редко радующего нас в последнее время. Я старался ни о чем не думать. Но разве я способен не думать, не размышлять. Я мысленно философствовал о жестокости, доброте, неразборчивости, четкости выбора, любви, ненависти. Мыслями заглушал боль в груди. Совсем разомлел на солнышке. Переключил внимание на редких прохожих. Никто меня не замечал, словно на скамейке никого не было. Чему я был только рад.

Я не заметил, как солнце спряталось за высотками, очнулся от своих мыслей, когда оокоченели руки и ноги. С трудом поднялся со скамейки и поковылял к своей машине...

Дома меня встретили две зареванные дамы.

- Рома, почему ты не отвечаешь на телефонные звонки?! – взревела Варя.

- Папа, как тебе не стыдно, - загнусавила дочь Сима. – Где ты был? Мы волнуемся, а он... Мы думали, с тобой что-то случилось.
- Со мной всё в порядке. Телефон почему-то отключился.
- Ага, взял и сам отключился, - не поверила Симка и улыбнулась сквозь слезы. – Придумай что-нибудь более оригинальное.
- Как поживает наш друг Филиппов?
- Кому это он друг? – поджала губы дочь. – Лично мне он не друг. Нисколько не друг, даже напротив...
- Рома, что произошло? – вглядываясь в мое лицо, спросила жена.
- Говорю же – всё хорошо. Я сделал дело и гулял смело, - высказался, употребив известную поговорку. - Дарья не звонила?
- Звонила, минут двадцать назад. Хотела поговорить с тобой, на мои вопросы никак не отреагировала, словно вмиг оглохла.
- Я ей сейчас перезвоню.
- Может быть, сначала мы поужинаем, а потом позвонишь.
- От ее новостей многое зависит. – Я имел в виду не только Марата, но и себя. Все-таки, «лебединая песня» должна пройти безукоризненно, все точки и запятые расставлены...

Дарья рассказала, что Марат ей позвонил и попросил встречи с Юлей. У него есть для Юли важная информация. Дарья организовала встречу. Сама стояла в сторонке и наблюдала за сестрой и незнакомцем, чтобы в любую минуту прийти ей на помощь. Сначала Юля выглядела потерянной, потом внимательно слушала парня и хмурилась, а потом принялась его отчитывать. А он встал на колени перед ней. Добрячка Юлька его тотчас простила. Схватила парня за руку, заставила подняться с колен, подвела к сестре, познакомила и затем заявила, что не намерена оставаться в клинике ни на минуту.

До больницы Дарья и Марат добирались порознь, поэтому она не видела, на чем он приехал. Когда они втроем покинули территорию клиники, спустя время, которое ушло на оформление необходимых бумаг и сбор вещей, Дарья очень удивилась, завидев четырехколесного любимца сестры. Как ни в чем не бывало Юля скользнула за руль. Она была жизнерадостна как никогда и совсем не походила на ту тень, которой была еще утром.

- Роман Александрович, Юля мне так ничего и не рассказала, - обидчиво доложила Дарья. – Но я сама догадалась, что это тот самый парень? Марат?
- Тот самый. Не думаю, что вам нужно знать все подробности, главное, что ваша сестра ожила, стала прежней или лучше прежнего. Если Юлия захочет, она сама всё расскажет со временем.
- Марат причинил ей боль. Но, кажется, Юля его простила. Эта дурочка влюблена в него по уши, видно невооруженным взглядом. Что же делать?
- Лично вам ничего делать не надо. Юля взрослая девочка, хороший человек, плохих поступков не совершит, и надеюсь, больше не попадет на удочку проходимцев...

Мы ужинали в полном молчании. Я сразу пресек все вопросы, перенес все подробности дела на завтрашний день...

Мне приснился странный сон.

Сначала меня пытали огнем и требовали признаний. Кто требовал, я разобрать не мог: на палаче была маска. Потом палач куда-то исчез. Мне стало легко и хорошо. Мне никогда не было так хорошо, даже в тот момент, когда я понял, что Варя любит меня, и в тот день, когда на свет появилась моя Симка.

В комнате, в которой я находился было множество светильников. Светильники висели на потолке, на стенах, причем в несуразном виде, как будто стена – это потолок. Мне показалось, что даже к полу были приклеены шарообразные светильники, которые походили на инопланетные корабли. Вокруг было белым-бело, словно комната завалена снегом. Это был не снег, это был холодный свет. Белый свет. Я лежал на кровати с белым бельем и водил глазами. Я что-то искал. Или кого-то. Я точно знал, что в комнате должен кто-то быть. Вдруг в сторону отъехала невидимая дверь, и появился отец. Во всем белом. За отцом шла бабушка, тоже во всем белом. За бабушкой шла моя мать. И тоже в белом. Отец усадил женщин на края моей кровати, а сам встал рядом.

- Ромка, зачем ты здесь? - спросил он у меня.

- Я просто сплю, - подумав, нашел я вразумительный ответ.

Трое моих родных переглянулись, а бабушка сказала внушительным голосом:

- Мальчик спит.

Отец и мать согласно кивнули.

- Я чувствую какой-то подвох, - пробормотал я, хотел подняться с кровати, но не смог. Хотел обнять своих близких, тоже не смог, тянулся к ним, а они отодвигались от меня, как от прокаженного.

- Ничего не хочешь нам сказать? – спросила мать.

- Мам, мне тебя очень не хватало, - сказал я, проигнорировав ее вопрос.

- Отец заменил тебе меня. И справился с этим замечательно. При жизни я его не ценила. Он всегда очень любил меня, а я...

- Лучше не будем об этом говорить, - ласково осадил маму батя.

- Мой сын однолюб, он доказал это всей своей жизнью, так и не создав новую полноценную семью, - с укоризной произнесла бабушка.

- Он пытался создать семью, - напомнил я. – Но я ему не позволил.

- Я тебе благодарен за это, ты открыл мне глаза, - признался отец, почему-то отводя от меня взгляд. Мама и бабушка смотрели на меня с трогательной заботой и одновременно настороженностью.

- Ты не всё знаешь, папа, - обдуманно заявил я.

- Я знаю всё, я читал твой дневник, - еле слышно проговорил он.

- Как? Откуда?

- Я его нашел совершенно случайно.

- Зря я спрятал дневник у тебя в квартире. Надо было его сжечь. Ты очень расстроился?

- Я тебя совсем не знал, - осторожно увильнул отец от ответа.

- Я тебя убил своими признаниями, - выдохнул я. Моя грудная клетка разрывалась от боли. Опять эта боль! Как она мне надоела! Несколько минут перерыва и снова...-

Батя, скажи мне, я должен знать правду: ты умер после того, как прочел мой личный дневник? От твоего ответа зависит мое... моя... многое зависит, - выкрутился я, чтобы не шокировать своих близких.

- Саша, почему ты нам ничего не рассказывал? – удивилась бабушка. – Что ты прочел в его дневнике? Наш мальчик не мог совершить плохих поступков.

- Пусть наш хороший мальчик сам вам обо всем расскажет...

Заключение

Правда о первой истории

Почему я начал вести дневник? Иногда наступает момент, когда хочется излить душу. Исповедоваться. И случается это, когда стоишь на финише жизни. Ты финишировал, но финишную ленту еще не пересек. Лента тебя тормозит, не дает перейти на другой уровень, скажем так. Я атеист, в загробную жизнь не верю. Покойный остается в памяти близких и родных людей, и будет жить до тех пор, пока жива память о нем.

И зачем в этом случае исповедоваться? Лучше остаться в памяти положительным героем...

Но я больше не мог держать в себе прошлое...

Я скоро уйду. Я знаю. Боль... Постоянная боль во всем теле - это ли не доказательство близкого конца. Я должен рассказать всю правду...

Началось всё с Ольги Даниловой. Да, той самой пятнадцатилетней девочки, которая вела двойную жизнь, и которая оборвала свою жизнь в сарае на школьном дворе. Якобы оборвала.

В тот день мы договорились с ней встретиться в два часа дня.

На большой перемене я не пошел вместе со всеми в школьную столовую. Я отправился в Ольге. За день до этого я тоже приходил к ее школе на большой перемене. Ольга Данилова сидела на скамейке под раскидистой ивой, в стороне от всех, и читала книгу. Мне очень хотелось, чтобы Ольга не изменяла своей привычке сидеть в стороне и читать, почти невидимой для чужих глаз. Мое желание было исполнено. Ольга снова притаилась под ивой и погрузилась в чтение.

Я незаметно подкрался к ней сзади и тихо окликнул. Она удивилась, увидев меня. Я пояснил, что пришел раньше назначенного времени по одной причине: после уроков у меня дополнительные занятия по геометрии, о которых я позабыл утром, когда мы договаривались о встрече. Ольга согласилась пойти в сарай сейчас, тем более ключ от сарая лежал в кармане ее школьного фартука.

Я предложил разделить, не хочу ее компрометировать. Ольга не поняла, чем я могу ее скомпрометировать – не кривой-косой, не бродяжка с улицы, но согласно кивнула и напрямик направилась к сараю, огибая спортивную площадку. А я покинул школьный двор, с беспечным видом прошел вдоль забора, выждал, когда меня никто не видит и перемахнул через забор. Ольга уже меня ждала у двери сарая.

Пока Данилова открывала замок, я копался в своем портфеле – будто бы искал фотографии. Ольга зашла первой, я – за ней. Пока она не успела опомниться, я сразу набросил ей на шею веревку-удавку, которую достал из портфеля вместо обещанных фотографий. Ольга ожесточенно сопротивлялась, боролась за свою нелепую жизнь, но я с ней справился, ненависть придала мне сил.

Первый пункт плана был выполнен. Однако второй пункт плана оказался не таким уж простым. Размякшее тело никак не хотело подвешиваться. Но мне это удалось после... уж и не упомяну с какой попытки. И откуда силы взялись! В завершении выстроил под висящим телом деревянные ящики (была уверенность, что в сарае окажется или стул, или ящики, или что-то еще, на что человек может встать перед самоповешиванием).

Удача была на моей стороне. Как незаметно проник в сарай, так незаметно и покинул место «самоубийства» Ольги Даниловой, выполнив свой план в точности.

Удача всегда была ко мне благосклонна. Потому что я всегда совершал благие дела.

Я не собирался разбираться – виновна Ольга или невиновна. Я назначил ее преступницей – она самая подходящая кандидатура: ведет себя омерзительно, сама вызвалась в свидетельницы – ее никто за «язык не тянул»! И основное: я ее ненавижу! Спросите, почему? Она похожа на меня, на человека, который ведет двойную жизнь. Но она – слабая пародия на меня. Соглашусь, на земле живут люди, похожие на меня, не слабая пародия, как Данилова. Они талантливы, обладают изощренным умом, занимаются серьезными делами, не размениваются по мелочам. И всегда выходят «сухими из воды», потому что другие люди на порядок глупее их. Талантливые люди попадают в ловушку лишь тогда, когда сами этого хотят. Устали. Или желают испытать новые ощущения, пощекотать нервишки...

«Покончив с собой», Ольга доказала свою вину.

Так я решил проблему с Вячеславом. Доказал его невиновность не из жалости к нему, тем более, не ради его матушки. Ради своего отца.

Я с самого начала не сомневался, что одноклассника «замочил», простите за сленг, Славик Саможенов. Он был мямлей до определенного момента. Когда достигал максимального градуса кипения, не отдавал отчета своим действиями и поступкам.

Однажды я провел эксперимент. Мы сидели вдвоем в комнате Славика, я просматривал его любимые книги и нарочно обходился с ними «невежливо»: бросал на пол, наступал ногой и так далее. Славик терпел - только сопел и морщил нос. А когда я нарочно вырвал из книги страницу, он кинулся на меня с кулаками. Я не мог справиться с этим хлюпиком.

Я хотел убедиться в его скрытном сумасшествии и убедился.

Спустя годы, когда еще достаточно молодой Саможенов умирал в хосписе, я его навещал по его же просьбе. Он решил покаяться. Силы Вячеслава были на исходе, поэтому без лишних отступлений он признался, что это он убил своего одноклассника. Убийство наложило печать на всю дальнейшую жизнь. А потом еще мать...

Архиумный парень не добился успехов в науке, прожил рядом с женщиной, которая его не любила. И Славик не любил свою жену. Детей они так и не нажили. Естественно, я не сказал ему СВОЮ правду. Время не пришло.

А вот теперь пришло...

Пойдем далее...

Когда я впервые увидел Анастасию Саможенову рядом с отцом я сразу решил: им вместе не быть! Новость о том, что они успели тайно сочетаться законным браком, нисколько не остудила мое горячее желание.

Случай с Ольгой Даниловой придал мне уверенности: у меня все получится!

Удача... Ну, вы помните....

Когда я шел к Рите, мне постоянно попадался навстречу один и тот же мужчина с портфелем. На него я мало обращал внимания, больше на портфель, который его владелец, видимо, очень любил – никогда не расставался. Но потом обратил внимание и на мужчину. Сначала мы просто улыбались друг другу, после начали вежливо раскланиваться. Мы ни разу не заговорили, я не знал, кем и где он работает, но в ближайшем окружении был всего один НИИ, сотрудники которого заканчивали рабочий день в 16-45. Я позже в этом убедился – сходил к зданию НИИ и прочитал табличку на дверях: «Научно-исследовательский институт стали и сплавов», время работы...

Идея созрела быстро. Я долго искал портфель-близнец. И, наконец, я его нашел. Удача? Удача!

Однажды я повстречал одного приятеля из детства. Он жил в бабушкином дворе, в смысле не во дворе жил, а в соседнем доме. Я сразу его узнал, он меня тоже. Мы поболтали. Оказалось, что теперь он живет неподалеку: его мать развелась с отцом и вышла замуж за другого мужчину. Я не стал делиться изменениями в своей жизни. Но «намотал на ус» новость, поведенную приятелем.

Я не догадывался, что отец Артема Буточкина крепко выпивает. Артем сам раскрыл мне причину развода родителей. Семья Буточкиных всегда казалась образцовой. Я знал, что у отца Артема есть пистолет «Вальтер» - трофейное оружие, которое он привез с фронта.

Мать Артема была гораздо моложе своего мужа, лет на десять, а то и двенадцать. К тому же она выглядела молодой девчонкой. Особенно рядом с супругом. Супруг ее сильно ревновал – практически к «каждому телеграфному столбу». Об этом мне откровенно рассказал старший Буточкин, когда я «пришел в гости к ему сыну» – якобы был не в курсе, что он здесь больше не живет. Буточкин был крепко выпившим, но говорил членораздельно, более-менее соображал. Я задал вопрос, который меня интересовал больше всего. От этого вопроса зависит выполнение моего плана: а знаком ли бывший муж с теперешним мужем? И опять удача на моей стороне! Я везунчик! Бывший муж в глаза не видел теперешнего, действующего, мужа, потому как «боится не сдержаться – легко начистит ему морду». Далее, по мере опустошения второй бутылки спиртного, разговор напоминал бред сумасшедшего – угрозы и проклятья в адрес незнакомца, который увел у него жену...

Я снова заглянул к Буточкину через день, после уроков – хотел застать его в нормальном состоянии. Видимо, он успел поправить здоровье, но выглядел адекватным.

- Я на минутку забежал домой, тебе повезло – застал меня. Кое-какой инструмент надо захватить. У тебя что-то срочное?

Оценив взглядом его спецовку, я спросил:

- Я вы где работаете?

- Электриком в жилконторе.

- В вашем состоянии опасно работать с электричеством. Вы подвергаете свою жизнь опасности, - с трогательной заботой в голосе произнес я.

Буточкин потрепал меня по волосам и успокоил:

- Не бойсь! Я свою работу знаю, любые ремонтные работы могу делать с завязанными глазами. – И подумав, признался, - знаешь, Ромка, мне моя жизнь недорога. Зачем жить на свете, если ты никому не нужен. Жена ушла к другому, с сыном мне видется запрещает... Надо выпить. – Он распахнул холодильник и достал бутылку пива.

- Не надо пить! Довольно! – остановил я его грозным приказом.

Мне не было никакого дела до этого опустившегося человека, но в моих планах он должен сыграть ключевую роль.

От неожиданности Буточкин оставил в покое бутылку и присел на табурет. Я пристроился на соседний табурет и поведал:

- Вчера я разговаривал с вашим сыном, с Артемом. Мы случайно с ним встретились. Он признался, что мать несчастлива в новом браке, жалеет, что развелась с вами...

- Но я же...

- Вы же, - хмыкнул я, повторив его оборванную фразу. – Вы обязаны привести себя в божеский вид! Бросить пить, тогда у вас есть шанс вернуть жену. Она вас по-прежнему любит. И сыну лучше с родным отцом, чем с отчимом. Но сыну нужен положительный пример.

- Я брошу пить, обещаю. А когда она вернется?
- Вопрос правильный, - обронил я, не сдержав эмоций. – Пока она не может уйти от мужа. – Я сделал трагическое лицо, с трудом расставшись с безумной радостью от того, что всё складывается строго по плану.
- Ну, почему? – задохнулся от возмущения Буточкин.
- Новый муж заявил: если она уйдет, то он наложит на себя руки.
- Вот значит как, - вздохнул мужчина. – Моя бывшая жена очень добрый человек. И терпеливый. Уж сколько она терпела мои выходки... Я один виноват виновен в нашем расставании.
- Но вы можете исправить ситуацию, вернуть любимую жену. – Я сделал ударение на слове «любимая».
- Я ее очень люблю. Без нее жизнь потеряла всякий смысл. – Буточкин сидел, понурился. Но вдруг опомнился и спросил, - что я могу сделать?
- Зря я завел весь этот разговор, - запоздало «опомнился» я и собрался уходить.
- погоди! – Буточкин вернул меня на место. – Давай, рассказывай. Ты парень умный, надеюсь, твой план сработает.

Надо ковать железо, пока оно горячо, - решил я и лоб спросил:

- Вы способны убить соперника ради свободы жены? – Я намеренно не назвал жену бывшей, как будто вопрос возвращения почти решен, осталось обмозговать кое-какие детали.
- Убить, – в полувопросительных интонациях произнес он без всяких эмоций. Только брови выставил домиком.
- Убить врага ради свободы любимой женщины, - повторил я с коммунистической непримиримостью, дав понять, что убийство ради воссоединения семьи, ради счастья, не считается преступлением.
- Как ты предлагаешь мне его убить? – заинтересовался брошенный муж, переходя к обсуждению деталей убийства. Из чего я заключил – негласное согласие уже дано.
- Для начала вы восстанавливаете здоровье, упражняетесь в меткости стрельбы....
- Откуда ты знаешь о «Вальтере»? – перебил он меня.
- Тёма рассказывал. И не только рассказывал, но и показывал, когда вас дома не было.
- Вот паршивец! Еще хорошо, что я отдельно храню патроны. Надежный пистолет «Вальтер Р-38», легкий, 8-ми зарядная обойма, патроны 9мм... Ромка, ты мне поможешь? – вернулся он к содержательному разговору.
- Я уже помогаю. Можете на меня положиться.
- Спасибо.
- Рано благодарить. Лишь бы дело выгорело.
- Выгорит. Мы все для этого сделаем. Когда ты будешь разрабатывать план, учти, что эффективная дальность стрельбы у «Вальтера Р-38» не более двадцати пяти метров.
- Учту, спасибо, что сказали...

Мы расстались довольные другом. Не знаю, куда направился Буточкин, скорее всего, в свою жилконтору, а я поехал на дачу к бабушке. Я знал, что в подвале дома бабушка на зиму раскладывает крысиный яд. У нее есть запасы этой отравы...

Убийство незнакомца, которого я выдал за теперешнего мужа бывшей жены Буточкина, прошло гладко.

Я всегда ходил к Ритке одним и тем же маршрутом – через чужие дворы, «срезал» путь. В одном из дворов постоянно встречал мужчину с портфелем.

Я специально это повторяю.

Но встречал не в том дворе, который был мне нужен для выполнения плана. Именно в нужном мне дворе находилась трансформаторная будка, в которую мог без труда попасть действующий электрик, затаиться в будке и ждать появления «своего злейшего врага». Пришлось перекроить время, провести расчеты.

Я сообщил Буточкину, что он без труда узнает будущую жертву – в руках жертва будет держать коричневый кожаный портфель. Не ошибется, я заговорю с будущей жертвой, как бы подтверждаю – это он!..

После удачного попадания, убийца Буточкин незаметно покинул трансформаторную будку, не привлекая к себе внимания – и спецодежда, и выдержка помогли ему в этом. Тем более, народ выбегал из домов, группировался вокруг расprostертого на тротуаре тела. Народу было не до электрика.

Буточкин вернулся домой и на радостях решил выпить. Повод есть – успешный исход операции. В последний раз выпить, чтобы потом завязать навсегда: скоро вернется жена с сыном.

Завязал. Навсегда. Скончался бедолага от отравления крысиным ядом. Естественно, я приложил руку к его отравлению – позаимствовал ключ от входной двери, проник в квартиру, добавил в початую бутылку водки крысиный яд, подбросил улики против Анастасии Саможеновой. В том числе, ее волосы и бутылку водки из ее холодильника, совершив замену бутылок. «Старательно» вытер ее отпечатки, но не совсем качественно потрудился: отпечаток должен обнаружить ответственный криминалист...

Кстати, разорванную на мелкие клочки «записку» от Анастасии Олеговны к Буточкину, обнаруженную в его квартире в мусорном ведре, тоже подбросил я... Графологическая экспертиза подтвердила, что записку писала Саможенова. Кто бы сомневался: я позаимствовал отрывок из черновика сочинения по роману Шолохова «Они сражались за Родину». Даже предложил следствию для изучения и последующих выводов некоторые интересные фразы: «Милый мой, до чего ты...» Далее шло «прокопился». С такими словами обращался один из героев романа, бывший комбайнер Звягинцев, к охваченной огнем пшенице. Но убери «прокопился» и додумывай, что хочешь. Или: «...хотелось обнять и расцеловать»... Кому кого? Саможеновой Буточкина? А на самом деле? На самом деле – Петру Лопахину друга Стрельцова...

Теперь про деньги, которые отец снял со сберегательной книжки.

Я был в курсе его планов. Подслушал его телефонный разговор с Саможеновой. Когда деньги оказались в ее доме, я дождался, когда в квартире никого не будет, проник туда и спрятал деньги в комнате Славика. Времени было в обрез, работы много, но я справился с задачей.

Славик сам заговорил о своей мечте учиться за границей, сам назвал нашу страну «совком»...

Чем невероятнее задумка, тем легче ее претворить в жизнь и проще убедить окружающих в ее правдивости.

В дальнейшем я ни раз в этом убеждался...

Правда о второй истории

В судебном зале заседаний, где проходило слушание дела о краже ценностей из квартиры моей бабушки двумя малолетними преступниками, я заметил одну девушку. Она проходила свидетелем. Я помню ее фамилию – Редкозубова. Дав показания, она устроилась неподалеку от меня. Девушка сильно волновалась. Ее

всю трясло, а взгляд, устремленный на двух преступников, сидящих в клетке, был молящим и жалобным.

Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: Мария Редкозубова - подельница преступников.

Ей удалось избежать наказания, подельники ее не выдали.

Я на всю жизнь запомнил ее молящий испуганный взгляд. И родимое пятно тоже врезалось в память. Но со временем забылась и обладательница родимого пятна, и само пятно.

Вспомнил то несчастливое время, когда заметил на руке Маруси родимое пятно, связал пятно с девушкой из поезда, с которой мы весело провели время. Совсем не помню свою попутчицу, но кажется – увидел бы и тотчас вспомнил.

Дина Чайка назвала девичью фамилию Маруси – Редкозубова. Сразу всё встало на свои места.

Получив информацию, я начал действовать. Но преследовал свои цели: куда бы не зашло мое расследование, я обязан наказать Марию Редкозубову-Рыбкину. Она должна ответить за преступление, даже спустя много лет. Редкозубова и ее приятели виновны в бабушкиной болезни. Сначала insult, затем провалы в памяти и смерть. Вина лежит на малолетних преступниках, двое из которых понесли заслуженное наказание, а один... одна «вышла сухой из воды». Лучше поздно, чем никогда.

Прежде чем заняться поисками Якова Рыбкина, я решил изменить свою внешность. Прибегнул к помощи своей знакомой, которая работает гримером в молодежном театре. Теперь на моей голове был непримечательный парик, под носом красовались небольшие усики. Еще несколько мазков по лицу, и я прибавил лет десять – стал старше и солиднее. Кажется, мелочь - всего лишь парик и усики, немного грима, и меня не узнать.

Своей знакомой я объяснил так – хочу разыграть новую подружку. Провести эксперимент – узнает или не узнает?

В новом образе я следил за Валентином Гулящиком, в этом же образе посетил автостоянку и пообщался с Никодимом, а потом нанес визит Артамонову...

Эдуард Артамонов сидел на скамейке и кормил рыбой дворовых котов. Благодаря отличному зрению я смог хорошо его рассмотреть на расстоянии двадцати метров.

Я узнал Артамонова почти сразу, несмотря на то, что прошло достаточно много времени с того дня...

Инцидент случился лет пятнадцать назад, а то и больше. В ту пору Эдуард Артамонов жил в одном доме с моей бабушкой. Мы играли с ребятами во дворе, наверное, слишком шумели – как без этого, побеспокоили мужчину. Никто из жителей не делал нам замечания, только он. Он тоже не сделал корректного замечания, сразу открыл рот - начал орать как резаная свинья, а потом и вовсе схватил меня за ухо своими пальцами-щупальцами. Вмиг подлетела моя бабушка, выступила в мою защиту. Думаете, он отпустил мое ухо? Он еще больнее выкрутил ухо, а бабушку обозвал... нехорошим словом. В итоге у бабушки подскочило давление. Ей сделалось плохо. Мне тоже было очень плохо – я переживал за бабушку, которую обозвал этот сволочный мужик, меня изводило унижение, которому он меня подверг при всем честном народе. И пусть это был взрослый мужчина, этот факт не успокаивал. Я должен... я обязан был дать ему достойный отпор. Бабушка взяла с меня слово – я ничего не скажу отцу. Слово я дал без лишних разговоров - ябедой никогда не был. Мне запомнились бабушкины слова: «Мы не будем разжигать конфликт». Не будем. Но я мучился от обиды долгие годы, рассматривал ситуацию с разных сторон – как бы я поступил. Вступать в открытую схватку мне, мальчишке, с взрослым дядькой не с руки. И что бы я мог сделать?

Заехать ему ногой по коленке и сбежать? Или больно укусить? Расцарапать? Был бы сам взрослым, так бы засветил ему по физиономии, что он бухнулся на землю и еще долго валялся без чувств. Отомстил за бабушку и за себя. Я был уверен, рано или поздно судьба сведет меня с этим низким человеком.

Конечно, отец заинтересовался моим опухшим красным ухом. Я объяснил так: ударили мячом во время футбольного матча. Отец был удовлетворен. Я мечтал об удовлетворении – мечтал вызвать обидчика бабушки на дуэль и застрелить его. Я представлял его лежащим на белом снегу, из раны на груди струйкой вытекает кровь, он корчится, хочет что-то мне сказать, но смерть забирает его. Остекленевший взгляд, красное на белом, запах пороха, тишина...

Обидчика я больше не видел. Я старался не появляться в бабушкином дворе, если и гостил у нее, то сидел в квартире и читал.

Из разговоров бабушки с приятельницами я знал, что наш обидчик постоянно со всеми скандалит, поднимает руку на чужих детей, делает гадости соседям. Но никто с ним не связывается, все отмалчиваются, в итоге мужик совсем распоясался. Когда точка кипения народа достигла максимума, обидчику решили устроить самосуд. Но за обидчика вступилась его супруга, нормальная тетка, которая каждый раз сглаживала конфликтную ситуацию: извинялась, задабривала соседней выпечкой. Соседи ее жалели. Именно супруга злодея служила для народа тормозом для ответных действий. Но не в этот раз. Однако супруга загородила обидчика своим крупным телом и огласила довод в его защиту: надо немного потерпеть, на днях их семья переезжает на другую квартиру в новом микрорайоне. Так и вышло. Народ вздохнул с облегчением.

Дочь Артамонова я помню в общих чертах: высокая, худющая, некрасивая, длинные волосы. Волосы, блестящие, волнистые – ее единственное украшение. Вполне возможно, у нее ангельский характер – не в папочку пошла, и это еще одно ее достоинство. Дочь Артамонова вышла замуж, родила ребенка, а ее мать, супруга Эдуарда Артамонова, сразу нашла повод сбежать от мужа с невыносимым характером – дочери нужна помощь.

То, что Артамонов остался один, сыграло мне на руку.

Номер квартиры мне был известен, я поднялся на нужный этаж и позвонил в дверь. Мне долго не открывали, показалось, что меня изучают через дверной глазок. Наконец, дверь открылась. На пороге стоял хозяин с голым торсом и в сатиновых трусах. В руках он держал надкусанный бутерброд с любительской колбасой.

- Чего тебе? – «любезно» поинтересовался Артамонов и откусил от бутерброда.

- Эдуард Викторович, - обратился я к нему по имени и отчеству, дав понять, что не ошибся адресом, - у меня к вам конфиденциальный разговор. Дело очень серьезное. В ваших же интересах пригласить меня в квартиру.

Наверное, я выглядел, как главный заговорщик во время революционной борьбы трудящихся масс. Артамонов заподозрил неладное, но отодвинулся с прохода, дав понять, что я могу войти.

Хозяин молча указал мне направление, куда мне двигаться. Я проследовал согласно направлению и оказался в захлавленной гостиной.

Артамонов засунул остатки бутерброда в рот, отряхнул ладони и принялся собирать вещи, которые живописно валялись на всех возможных и невозможных местах. Освободив ближайший ко мне стул, он крикнул – дал понять, что я могу занять это место. Не раздумывая, я сел на стул. И сразу заявил:

- Я все знаю.

Артамонов замер посередине гостиной с охапкой вещей. Недолго думая, бросил охапку на диван, поставил руки в боки, внимательно меня изучил и спросил:

- Ты больной? Если больной, то лечись.
- Я здоровый, - признался я, наслаждаясь произведенным эффектом. Короткая фраза, а как изменила человека!
- Чего тебе надо? – спросил Артамонов, подвинул к себе стул и сел задом наперед, сложив на спинку стула руки, как школьник на парту.
- Чего ж мне надо? – призадумался я. Думал недолго. - Мне надо засадить жену Якова Рыбкина в тюрьму. Только не говорите мне, что впервые слышите фамилию Рыбкин. Яков Рыбкин - это тот человек, который вас шантажировал. Я ничего не перепутал?
- А если и так, то что? Доказательства у тебя есть?
- Еще посоветуйте мне обратиться к Рыбкину, - хмыкнул я.
- А что! И обратись!
- Да где ж мне его искать?! – с большим огорчением произнес я. - Ведь нет нигде Рыбкина Якова Вадимовича! Ищут пожарные, ищет милиция, ищут и не могут найти! – процитировал я вдохновенно. – Может быть вы, Эдуард Викторович, знаете, где найти Рыбкина? Будьте любезны, подскажите. Вам это зачтется.
- После таких многообещающих слов, Артамонов заерзал на стуле, убрал локти со спинки, схватился за спинку пальцами с такой силой, будто собрался ее сломать. Спинка стула скрипела, но держалась.
- Эдуард Викторович, - обратился я к хозяину проникновенным голосом, - рано или поздно милиция постучит в вашу дверь. В этом случае ваши... отношения с правоохранительными органами будут развиваться по другому сценарию. Знаете, какой срок вам светит? Не знаете, а я знаю. Доживете ли вы до конца срока, вот вопрос. Но можете облегчить свою участь явкой с повинной и чистосердечным признанием.
- Тебе какая забота? Чего ты обо мне так печешься? Я тебя в первый раз вижу!
- Преследую свои корыстные интересы, я вам об этом уже говорил. Я предлагаю вам сделку: вы напишите чистосердечное признание, укажите на заказчика убийства Рыбкина – его супругу. Напишите, что долго не давали своего согласия, но потом согласились – вам нужны деньги. На что нужны – сами придумайте. Вас обоих осудят, только на разные сроки. Она организатор, вы всего лишь исполнитель. А учитывая ваш возраст и подорванное здоровье, быстро попадете под амнистию.
- С чего ты взял, что я убил Рыбкина? – напряженно спросил Артамонов.
- Я же сказал – я все знаю, - доверительно сообщил я, поддавшись вперед. – Рано или поздно следствие все равно на вас выйдет и поедете вы по тундре, по широкой дороге, - иначе выразился я, не меняя смысла ранее сказанного. - Так-то вот, гражданин Артамонов.
- Я тебе не верю.
- Дело ваше, - пожал я плечами. Я вам сделал выгодное предложение, вы отказались. Теперь я с чистой совестью и с имеющимся на вас компроматом иду в милицию. – Я резко встал на ноги. Так резко, что напугал хозяина.
- Погоди. Мне надо подумать. А вдруг...
- Никакого «вдруг» не будет! Если я берусь за дело, все выходит на «отлично». Сейчас вы напишите под мою диктовку чистосердечное признание, выпьете на ночь снотворное, хорошо выспитесь, а завтра с этим признанием пойдете сдаваться в ближайшее отделение милиции, где вам оформят явку с повинной. И вам легче станет, и я своей цели достигну.
- Чем же тебе насолила эта Рыбкина?
- А это не ваше дело. Ну, что? Согласны?
- У меня есть другой выход?

- Конечно, пуститься в бега, - мстительно сощурившись, предложил я.
 - Делать нечего, я согласен, - хриплым голосом произнес Артамонов.

Под мою диктовку он выводил на бумаге пляшущие буквы. Писал, что давно знаком с Марией Рыбкиной, в девичестве Редкозубова, в подробности не вдавался, знакомы и знакомы. Давно не виделись, но однажды Мария заглянула к нему в гости. Посидели, чаю попили, потом она засобиралась домой. Догадался, женщину что-то тревожит, но вопросов не задавал. Захочет, сама расскажет. И она заговорила, уже стоя на пороге - решилась-таки. Без всяких вступительных слов предложила старому знакомому убить ее мужа. Эдуард удивился, покрутил пальцем у виска, перевел разговор в шутку. Но Мария не шутила, предложила большие деньги за убийство мужа. Он отказывался, она настаивала, в итоге взял время на раздумье. И потом согласился.

Именно Мария разработала план убийства супруга.

Она знала о мечте мужа продать старый автомобиль и купить новый. Мужу позвонил «покупатель», которого порекомендовал знакомый из гаражного кооператива. Мария сама уговорила его стать посредником. Встречу назначили за городом.

Эдуард Артамонов добрался до места на своем старом мопеде. Приехал заранее, спрятал мопед и стал ждать. Он никак не ожидал, что Рыбкин приедет не один, а с молодым мужчиной крепкого телосложения. Получается, почуял опасность, взял с собой помощника. Помощник и Рыбкин разделились в ожидании «покупателя». Первым попал под раздачу помощник, более сильный соперник, он получил удар лопатой по голове. Черенок лопаты был обмотан тряпицей. Когда помощник отключился, дошла очередь и до Рыбкина.

Рыбкину хватило одного удара лопатой по голове, он скончался сразу, но убийца, для подстраховки, саданул его еще пару раз.

Могилу он подготовил заранее. Неглубокую, на глубокую сил не хватило, и без того, руки тряслись – волновался перед убийством. Похоронив убитого, Артамонов вернулся в город на мопеде и стал ждать обещанных денег...

Написанное выше произошло на самом деле, выдумкой было участие Марии Редкозубовой. Якова Рыбкина, действительно, убил Эдуард Артамонов, устал быть «дойной коровой». От шантажиста можно избавиться одним способом - убить. Что Артамонов и сделал.

В своем чистосердечном признании Артамонов указал место захоронения Рыбкина...

Заявление в милицию осталось недописанным... Как бы... На этом настоял я.

Предложил Эдуарду Викторовичу еще раз перечитать заявление, и направился с разрешения хозяина на кухню – попить воды. На самом деле – в спальню. Порыскал в шифоньере, нашел старый женский халат и пояс к нему. Вернулся в гостиную с поясом, встал позади хозяина, недолго думая, набросил пояс на шею и задушил. Причем, провел удушение в лучших традициях детектива – странгуляционная борозда должна подтвердить самоубийство.

После чего я быстро снял люстру, даже оставил на ней отпечатки пальцев «самоубийцы», предварительно вытерев свои пальчики. И подвесил бездыханное тело обидчика моей бабушки на крюк.

Полюбовался картинкой, и занялся уликами. На пальце Эдуарда появился женский волос, естественно, волос Маруси Рыбкиной. Я прихватил волос с ее расчески на всякий случай, авось пригодится. И солнцезащитные очки я тоже прихватил, очень аккуратно засунул в целлофановый пакет, все как положено по жанру. Я слышал, что на очках остаются мельчайшие частицы кожи и волос. Да, задал я работы

криминалисту. Его труд вознаградит удача – следствие получит убийцу Рыбкина, пусть и неживого, а на столе письменное подтверждение. Кто ответит за убийство Рыбкина? Заказчик убийства – молодая супруга. Теперь Маруся Рыбкина-Редкозубова не отвертится.

Я вытер свои отпечатки со всех мест, к которым прикасался, похвалил себя за ударный труд и отчалил, захлопнув дверь...

Зло должно быть наказано!.. Вуа-ля!

Теперь о страшной трагедии с Диной Чайкой.

Дина мне позвонила в ту роковую ночь, но я не успел ее защитить.

Но мимоходом успел подстроить автомобильную аварию с «Мерседесом» ее супруга...

Я заметил у подъезда автомобиль немецкой марки. Колеса были вывернуты. Я, как дурак, заиклился на этих вывернутых колесах. Понимал, надо спешить, но стоял и смотрел на колеса.

Кое-какие знания по автоделу у меня имелись. В старших классах школы у нас был профессиональный день, называемый профцентр. Нас, учеников, обучали разным специальностям. Кого-то учили на швею, кого-то на чертежника, кого-то на автомеханика. Я записался в автомеханики. И сейчас школа профцентра мне пригодилась.

Я действовал автоматически, как будто только и занимаюсь, что надрезаю перочинным ножом тормозной шланг. Слегка надрезал, чтобы по мере движения автомобиля, по мере увеличения скорости, произошел полный разрыв тормозного шланга, тормозная жидкость вытекла и... далее произошло то, что произошло. Силантий погиб...

Наверное, я «заочно» разработал план устранения Силантия Бурундукова, когда услышал от Дины новость о покупке им «Мерседеса». Поэтому постоянно носил в кармане перочинный нож.

Но я очень рисковал, надрезая тормозной шланг: ведь в машине вместе с Силантием могла оказаться Дина с детьми. Я был уверен – Дины и детей на момент аварии в машине не будет! Откуда взяться такой уверенности? Я предполагал, что мои воспитательные разговоры с Чайкой не пройдут даром: Дина заявит и расставании, на этот раз резко и доходчиво, что станет сюрпризом для мужа-угнетателя, и, естественно, наотрез откажется уезжать вместе с ним. Тут подоспею я, и помогу погасить спор. В итоге Силантий Бурундуков, уедет один, без вариантов, потому как не захочет «наломать двор», довести дело до точки невозврата, испортить свою карьеру, подмочить свою репутацию.

Я никогда не узнаю, какие слова Дины вывели Силантия из себя. Он уехал, но сначала довел дело до точки невозврата.

Гибель Дины Чайки лежит на моей совести. Я мог настоять на разводе. И она бы согласилась. Она отмалчивалась по одной причине, ждала от меня другого предложения – предложения выйти за меня замуж. Я понял это позднее, в то время не думал о браке, не хотел задумываться об особом отношении Дины ко мне, и, что самое невероятное, старательно уводил мысли о своем чувстве к ней. Да-да, в моем сердце появился робкий росток любви к той, которую презирал в отрочестве, которую называл Шимпанзе с косичками.

Дина ждала от меня Поступка. Ее ожиданий я не оправдал...

Не переставал удивляться одному обстоятельству – почему мой мудрый отец, человек, который видит меня насквозь, не догадывается о моих... проделках, назовем их так? У меня есть ответ – отец меня идеализирует: его сын самый лучший,

он не способен совершать плохие поступки. Он добрый, он сообразительный, он отличный друг и товарищ, всегда придет на помощь.

Похоже на характеристику при приеме в члены Коммунистической Партии Советского Союза.

Кто бы мог подумать, что ни Компартии, ни самого Союза в скором времени не будет...

Правда о третьей истории...

Не знаю, чем бы всё закончилось, если бы не правда, которую на меня обрушил мой отец.

Оказывается, через две недели после моего рождения, я собрался покинуть этот мир, так его и не познав. Причина была в диагнозе – у ребенка врожденный порок сердца. И я бы умер. Но произошло чудо. В городе, в котором в то время жили мои родители и в котором я родился, волею случая оказался отец Ильи Михайлова, врач-кардиолог Денис Михайлов. Мой отец уже не вспомнит, что привело известного кардиолога в наше захолустье, но главное – он оказался в нужном месте в нужное время. Знаменитый кардиолог согласился сделать мне операцию. Он очень рисковал. Но операция прошла успешно.

Мне никто об этом не рассказывал до появления в нашей жизни Ильи Михайлова. Отец разговорился с ним о его семье, об отце, по стопам которого он пошел. Мой отец захотел увидеть фотографию отца Ильи. Тот показал.

Почему от меня скрыли сам факт операции на сердце? Отец ответил моими же словами: меньше знаешь, крепче спишь. И добавил: чем меньше прислушиваешься к своим болячкам, тем успешнее их избегаешь...

Благодаря отцу Ильи я выжил. И обязан ответить благодарностью за чудо, которое совершил доктор. Если не самому доктору, так его сыну.

Сын тоже заслужил благодарности: «не стоял в сторонке», прикладывал все свои силы, чтобы избежать хирургического вмешательства, ограничиться терапевтическим лечением моего отца.

Новость о возможной пересадке отцу донорского сердца выбила меня из колеи. Но я собрался, ради отца, которому проведет сложную операцию, если не удастся ее избежать, потомственный врач-кардиолог Илья Михайлов.

Илья Михайлов мне нужен на свободе. Не в тюремных стенах.

Дело было так.

Илья действительно полюбил Нелли Эльцину, свою пациентку. Нелли, как ему показалось поначалу, ответила ему взаимностью. Они поженились. Поначалу все шло хорошо.

А потом Илья стал замечать, что его дети сильно изменились. Раньше были веселые, подвижные – живые, а теперь – полусонные, безразличные ко всему. Решил обратиться за консультацией к хорошему педиатру. Но некстати заболела Нелли. Болезнь всегда приходит некстати, а тут тем более – проблема с детьми, требующая незамедлительного решения. Но сначала Нелли.

Соседка Ильи, Ольга Павловна, временно забрала к себе ребятишек. Отец забегал к ним по утрам и вечерам, приносил продукты, интересовался, как дети себя вели, как ели? Все было отлично, мальчишки посвежели, порозовели, вернулись в «моторному» образу жизни.

Нелли выздоровела. Мальчишки вернулись домой и вновь стали кукситься. Ничего не говоря жене, Илья взял у них кровь на анализ. Анализ показал наличие в крови детей психотропного вещества.

Илья спросил у жены напрямую, не стал вести собственное расследование. Нелли все отрицала, но Илья догадался – врет! Указал ей на дверь. Нелли показала фигу и добавила: если он с ней разведется, она найдет способ известить детей, и никто ничего не докажет.

Илья нисколько не сомневался, что эта женщина готова на все ради квартиры и безбедного существования.

Нелли осталась, но жили они с этих пор в параллельных мирах. У Илья были дети, работа, дом. У Нелли – одна комната в шикарной профессорской квартире, безбедное существование и любовник. Кто? Илья не интересовался.

Он жил как на вулкане. Доверия к Нелли не было. Она могла сотворить с детьми что-угодно и когда угодно. А потом испариться. Хотел заявить на нее в милицию, но доказательств угроз не было. Анализ крови детей – не доказательство. Нелли может сказать, что вина полностью лежит на соседке, у которой дети часто бывают. В общем, ситуация безвыходная.

Я рассказал Илье о парне, который изнасиловал Нору, и который поплатился за это. Палачом выступила Нелли.

- Вот видишь! – ответил на мои слова Илья Михайлов. - Значит, я поступил правильно, приняв ее условия.

В тот воскресный день Илья отправился с детьми на цирковое представление. Здание цирка находилось в двух кварталах от дома Михайловых. Дети смотрели представление, отец отлучился... якобы в туалет. Прибежал домой и утопил в ванной Нелли. Потом быстро вернулся назад.

Каким-то непостижимым образом в полый ножке ванны оказалась поломанная запонка в виде самолета СУ-27, принадлежавшая соседу Нечипоруку. Вероятно, потерял ее, когда перекрывал в ванной воду. Я вернул поломанную запонку на место, мы обговорили с Ильей дальнейшие действия.

По моему указанию Илья решил поменять ванну – лишние напоминания о трагедии, с этой целью пригласил работников из жилконторы. При замене ванны работники обнаружили поломанную запонку. Работу пришлось приостановить, вызвать следственную группу, и указать им на пропущенную важную улику. Соседи подтвердили, что подобные запонки носит их экстравагантный сосед, тот самый, что живет этажом ниже и тот самый, который обнаружил тело в ванной.

Если быть честным до конца, я не поверил словам Ильи Михайлова. Он якобы не при делах, был с детьми на цирковом представлении. Он искал способ избавиться от жены, и он его нашел. Безвыходных ситуаций не бывает, просто надо сильно захотеть и хорошо всё продумать.

Но я его не оправдываю. Если ты боишься за жизнь своих детей, пойдешь на любую сделку. Он мог согласиться на обмен квартиры. И пусть он вырос в этой квартире, она ему дорога, но дороже детей никого нет...

Надо идти на риск ради своих близких, не спорю. Но только в том случае, если нет другого выхода, менее опасного. Лично у меня других путей для защиты своей семьи или наказания врагов не было...

Чем-то Нелли сильно насолила Илье, и торг с квартирой здесь ни при чем. Потому он все хорошо рассчитал и пошел на убийство. Расчет оказался верным: семь минут от цирка до дома быстрым шагом, одна минута на расправу, семь минут на обратную дорогу. Итого – пятнадцать минут.

Какое хладнокровие! Ничем себя не выдал, ни действием, ни взглядом.

Но меня не обманешь. Я высказал Илье свою догадку наедине: это ты убил Нелли. И сразу успокоил: приложу все силы, чтобы оградить тебя от неприятностей. Ради своего отца и ради памяти отца Ильи, который сохранил мне жизнь...

Это я нашептал Эмме Хоружиной о «планах» ее мужа Феликса Колдунова. Как же она разозлилась! Если бы он оказался в эту минуту рядом с ней, а уже не находился в СИЗО, я бы ему не позавидовал.

И я же подкупил старика из будки «Заточка ножей. Изготовление ключей». Он крайне нуждался в деньгах – внучка была серьезно больна. Я выступил спонсором. Девочке была успешно проведена операция. Чему я очень рад.

Колдунова мне несколько не жаль. Неприятный тип. И как только Нелли могла в него влюбиться?!

И все-таки интересно, что побудило Илью Михайлова к убийству супруги? Что стало последней каплей?

Я обязан разобраться. Не для того, чтобы что-то изменить – уже слишком поздно что-то менять – хочу убедиться в своей правоте. Кто я на самом деле – восьмое чудо света, как утверждают мои родные, или олух царя небесного, которого ловко обвел вокруг пальца светило медицины? Но зачем ему понадобилось обводить меня вокруг пальца, вот в чем вопрос!

Илья догадывался, что его версия с психотропными препаратами, с угрозами, выглядит полной фальшивкой. Тем более для меня, человека неглупого, не впервые сталкивающегося с человеческими пороками, и кое-что соображающего.

После того, как уголовное дело закрыли по факту смерти подозреваемого, надобность во мне, как в главном прикрытии, у Ильи отпала, он начал меня избегать. А я не стремился к встречам. Тем более, лечение моего отца удачно завершилось, если так можно выразиться: каждый год отец обязан проходить медицинское обследование. Но операция по пересадке донорского сердца не потребовалась.

Время от времени я мысленно возвращался к убийству Нелли Эльциной. Вновь прокручивал в голове события того времени.

Когда я догадался, что Илья все-таки причастен к убийству своей жены, и прямо ему заявил – я на его стороне, Илья не стал юлить. Признался, причем слишком поспешно. Даже вздохнул с облегчением – снял камень с души.

А вдруг причина была в другом – он не знал, как поступить, я ему подсказал. Но тогда я не обратил внимания, сосредоточился на способах его защиты: постарался свалить вину на другого человека, любовника Нелли Эльциной. Пришлось постараться: не только договорился со старичком-ключником, но и ловко подбросил ключи, изготовленные тем же старичком, в кабинет Феликса Колдунова.

Объяснения Ильи Михайлова «выносили мне мозг», как говорят мои дети.

Я уговаривал себя: дело сделало, нечего «шашкой махать». Безуспешно силился не возвращаться в недавнее прошлое...

Спустя некоторое время, если быть точным, прошло шесть лет со дня смерти Нелли, мне неожиданно позвонил Илья. Он сообщил, что скоропостижно скончалась Ольга Павловна Кулемина, его соседка, часто выручавшая его с детьми. Илья хотел, чтобы я присутствовал на погребении. Я удивился. И согласился, раз человек этого хочет.

Илья был совершенно убит горем. Он, действительно, потерял близкого человека.

Стоя возле гроба, меня неожиданно осенила догадка – а ведь Нелли убила ныне покойная Ольга Павловна Кулемина! Я был так поражен своей догадкой, что не сдержался, хотя, понимал, что сейчас не время и не место задавать подобные вопросы.

- Илья, признайся, это Кулемина убила твою жену?

Илья не дернулся, не повернул голову в мою сторону. Он по-прежнему смотрел на восковое лицо той, которая всю жизнь его опекала, оберегала.

- Когда ты это понял? – почти беззвучно спросил он.

- Сейчас.

- Странно, что ты не догадался об этом тогда... Извини, что мне пришлось тебя обмануть... Я сделал это ради нее, - он кивнул в сторону гроба. - Ольга Павловна... не хотела, чтобы я мучился и страдал... Рано или поздно, я бы узнал... о... похождениях Нелли... Ольга Павловна решила освободить меня от жены...

- Как она справилась с молодой женщиной?

- Эффект неожиданности...

- Когда ты узнал правду?

- После того, как уговорил тебя заняться расследованием убийства. После пожалел – о твоих подвигах был наслышан. Испугался, что докопаешься до истины... Я не хотел, чтобы Кулемина оказалась в тюрьме. Мое волнение ты принял за косвенное признание, и напрямую спросил меня об этом, добавив, что ты на моей стороне, что поможешь ради памяти моего отца... Ради Ольги Павловны ты не стал бы рисковать...

Вот так, с опозданием на шесть лет, я, восьмое чудо света, догадался, кто истинный убийца Нелли Эльциной...

Правда о четвертой истории...

Я, действительно, горе-прорицатель, раз не сразу догадался, кто живет рядом со мной. Почему не захотел разобраться? А ведь скребся в душе червь сомнения, напоминал о себе время от времени. Что-то не так. Кто или что является причиной моих сомнений? Сомнений в чем – в правильности жизни? В правильности выбора? В чем? Если догадался об источнике сомнений, продолжал был разборки с пристрастием?

Я не хотел докапываться до истины. Я был обманчиво счастлив. Я был поверхностно влюблен. Несвойственное для меня состояние. Потому глуп и доверчив. От навязчивых мыслей, редко влетающих в мою голову и то по причине легкой грусти, я только отмахивался.

Если в жизни всё бесппроблемно, на первый взгляд, зачем анализировать. Живешь себе и живи...

Горе, взорвавшее сердце и душу, пришло ко мне с потерей неродившегося ребенка. И опять я не анализировал то прошлое, которое у Наташи было до меня. Горе у меня в настоящем, к прошлому оно не имеет отношения.

И какое мне дело до прошлой жизни Наташи! До меня, хоть потоп, - как говорит мой старый друг Артур Барабанщиков, который взял в жены женщину, имевшую за плечами три неудачных брака. Они живут в любви и согласии много лет, нажили двоих замечательных детей.

Встреча с Варей Скорлупкиной, стала лучом света в моем царстве печали, сомнений и однообразия.

Она позже призналась мне, что необычайно обрадовалась нашей встрече на парковке у магазина. Не сдержала эмоций и произнесла: «Как я рада...» Чтобы я ничего не заподозрил, быстро нашла выход, заговорила о своем кавалере. Его, так скажем, суеверия до неприличия, всегда вызывали у нее легкое возмущение. Но она помалкивала. При встрече со мной заговорила о суевериях Руслана Поночевного – нашла повод, заодно рассказала о похищении обручальных колец, денег и часов из ее квартиры. Я занялся расследованием.

После раскрытия преступления и разоблачения «двоеженца» и альфонса Поночевного, я мог бы его строго наказать – пусть ответит за всё то зло, что принес двум девушкам, которых я знаю долгие годы. Я способен на коварство, теперь вам это известно. Но я передумал. Стал добрым самаритянином благодаря одной девушке. Ради Варвары, еще одной доброй самаритянки. Начнет убиваться, винить себя... Не декабристка, но все же... Не достоин ее этот прыщ Поночевный!

Дело раскрыто, ценности возвращены, Поночевный безжалостно удален из жизни. Нерадостное прошлое ушло вместе с ним, впереди у Вари счастливое будущее... с новым-старым знакомым. Я загорелся желанием выступить сватом – свести Варю с моим сыном Мишкой, но пока сводил, незаметно для себя сам в нее влюбился. Всё вышло само собой. Но я боялся признаться в своем чувстве. Все равно считал ее одноклассницей своих сыновей, для нее я старик... Я боялся своего чувства, что уж говорить о признании.

Однажды Варя позвонила мне и пригласила на чашку чая. Голос у нее был загадочный. Я поинтересовался, что произошло. – Кое-что, - пространно ответила девушка.

В то время я занимался расследованием нападения на Матвея Рыбальченко, ушел в расследование с головой, но откликнулся на ее просьбу.

Едва переступил порог ее дома, Варвара вплотную подошла ко мне и сказала: - Роман Александрович, я давно хотела вам сказать... хотела сказать, что люблю вас. Еще со школы. Думала, детская любовь, она пройдет, чувства угаснут. И вот встретила вас и поняла, что ничего не угасло. Роман Александрович, я люблю вас еще сильнее, еще осознаннее. Понимаю, вы женаты, но я должна вам рассказать о своем чувстве... И будь, что будет. Можете меня высмеять.

- Для начала предлагаю перейти на «ты», - огорошил я ее своим предложением. В душе пели соловьи. Но я не спешил с ответным признанием. Не хорошо как-то... Нельзя выходить за рамки приличия: мне сорок пять, ей двадцать четыре. Такая разница в возрасте! А если любовь нечаянно нагрянет? Что делать с любовью? Утопить в болоте повседневности?

- Вы... ты ничего не хочешь мне сказать? – неотрывно глядя мне в глаза, спросила Варя.

- Варюша, я уже стар для тебя. – Я боролся. Я стоически уходил от ответа.

- Ты моложе всех, ты лучше всех, ты умнее всех, ты самый замечательный...

- Ты меня идеализируешь, потому что совсем меня не знаешь.

- Я тебя люблю всю свою сознательную жизнь. Ты... меня тоже любишь, я вижу это по твоим глазам. Не хочешь – не говори. Я подожду. Я привыкла ждать. Но если ты думаешь, что я тебя когда-нибудь разлюблю, ты ошибаешься. Я пробовала разлюбить, но безрезультатно. Наверное, я однолюбка.

А я посмотрел на нее другими глазами. Не как смотрят на девочку, одноклассницу моих сыновей, не способную на глубокие чувства, которую ты тайно обожаешь. Это была другая Варя Скорлупкина. Взрослая женщина со взрослым чувством в сердце.

У нас начался роман. Не бешеный, не темпераментный. Надежный, если это слово подходит к любовному роману. Но это не только был любовный роман молодой женщины и немолодого мужчины, это были дружеские отношения с безграничным доверием. Чего у меня никогда не было с Наташей.

Я знал, что никогда не отставлю жену. С Варей мы вообще не затрагивали тему моей жены. Думаю, Варя мечтала, чтобы я принадлежал только ей одной. Но свои мечты держала при себе.

Когда тайна Натальи была раскрыта, я впервые за последние месяцы стал на перепутье. Я жалел жену и хотел ее оставить. Видя мое состояние, отец снова вклинился со своим колким замечанием, назвал Наталью «гнилым человеком». И признался, что ошибся в ней, что она еще хуже, чем он о ней думал. И, конечно, она недостойна его сына. Все в таком духе – сел на своего любимого конька.

Отец добился своего, я задумался: почему я должен приносить себя в жертву этой женщине? Но продолжал ее, больную и несчастную, жалеть, продолжал ей сострадать...

Я не мог ей простить своей ошибки. Делал вид, что простил, забыл, что все будет как прежде. Не будет ни-ког-да!

Я точно знал, что убью ее. Освобожусь. Ждал подходящего момента. И дождался.

Я подменил ампулы. Вместо препарата для стабилизации давления положил ампулы с лекарством, разжижающим кровь. Медсестра сделала свое дело и удалилась.

Ампулы остались лежать на блюде, на тумбочке в спальне. Я вернулся домой. Дело было сделано - жена была мертва.

Я специально приберег для этого случая использованные ампулы «правильного» лекарства. Мне оставалось только подменить «правильные» на «неправильные».

Никаких подозрений ни у медиков, ни у милиции смерть моей жены не вызвала. Да, бывают рецидивы после улучшения состояния здоровья.

Допустим, мой план не сработал бы: у жены не закружилась бы голова, она бы не упала, не ударилась виском, не умерла. Я нашел бы другой способ избавиться от нее.

Развод – слабое для меня утешение.

Я должен был ее переиграть.

Последнее, решающее слово должно быть за мной!

Я не хочу быть горе-прорицателем.

Надеюсь, эта ошибка была последней и единственной моей ошибкой.

Жизнь только начинается. Новая жизнь с Варей.

Какие мои годы!..

Правда о пятой истории

Я обязан был освободить своего сына Михаила от Людмилы.

Я убил ее ради него.

Если я когда-то совершаю противоправные действия, то только ради своих близких. Меня не интересует чужое мнение, альтернативное. Я действую быстро, чтобы процесс не зашел слишком далеко.

Мишка была на грани нервного срыва, неизвестно, чем бы всё закончилось. Я не позволю этой женщине издеваться над моим старшим сыном, доводить его до крайней меры. Не думаю, что Мишка убил бы Милу, но мог не рассчитать силы и покалечить. Обиженная Мила точно бы над ним не сжалилась, накатала заявление в полицию, Мишку осудили на несколько лет, сломали...

Будучи человеком всесторонне развитым, говорю без ложной скромности, я был осведомлен об одном растении из семейства пасленовых. Конкретно, о белене. Оброненная кем-то фраза «белены объелся», натолкнула меня на мысль об отравлении «дорогой моему сердцу» снохе Людмиле.

Ну, до чего же красивые цветы у этого растения! Именно в период цветения белена особенно ядовита. В малых дозах белена применяется в лечебных целях: в виде масла – для растирок при растяжении, экстракт – в гинекологии, порошок – для

уничтожения тли и паутинного клеща, спиртовая настойка – при ревматизме. Работа с беленой требует применения защитных средств: осторожно – яд!

Для начала я припорошил порошком белены пакет, в который положил сто тысяч русских рубликов, приготовленных для «любимой» снохи, ничего для нее не жаль. Без труда подбросил конверт с деньгами в потолочный отсек для очков. Был уверен, что новая владелица автомобиля обнаружит чужую записку. Что и случилось. Некоторая доза ядовитого вещества оказалась у будущей жертвы на руках. Но этой дозы было недостаточно для полного избавления Михаила от супруги.

О пристрастии Милы к крепким напиткам я тоже знал. Я знаю всё! Мишка не увлекался спиртным, в связи с чем, я был уверен – он не притронется к початой бутылке водки в холодильнике. Мила выпьет водку в одиночку, пустая тара переключается в помойку. Никаких улик. Если следы белены найдут в конверте (при невероятности сохранении пакета и конверта), на меня никто не подумает. Мало ли с какого периода деньги пролежали в закрытом отсеке для очков.

Людмила схватила малую дозу яда, сухого порошка белены из пакета с деньгами, потом добавила, каждый день прикладываясь к бутылке водки... с беленой лошадиной дозы.

Сухой порошок для уничтожения тли и паутинного клеща я приобрел в специализированном магазине для садоводов. Спиртовую настойку, применяемую при ревматизме, сделал сам: 30 граммов сухого сырья залил стаканом водки, настаивал три дня. Для лечения достаточно одной-двух капель за двадцать минут до приема пищи. Мила принимала микстуру, приготовленную лично для нее заботливым свекром, в больших дозах: случай-то запущенный!

Знаю, мой старший сын Михаил избавится от чувств к покойной супруге не сразу. Я очень надеюсь на его полное излечение. Мы, семья, ему в этом поможем.

Да, я приложил руку к смерти Милы, как и ко многим другим смертям, но...

Сильным людям не нужны оправдания, а слабым они не помогут. Вот и весь ответ...

Р. S. Я открыл глаза. Рассчитывал увидеть осуждение на лицах отца, матери и бабушки. Но их рядом не было, как не было белой холодной комнаты.

Я находился в другой белой комнате, теплой.

Рядом с моей кроватью стояли Варя и мои дети. Они смотрели на меня с ожиданием.

- Рома, - всхлинула жена.

- Папа, - трогательными голосами слились в хор трое детей.

Федька исчез и вскоре вернулся с женой и дочерью, моей любимой внучкой.

- Что за сбор? - сдерживая рвущиеся наружу слезы, выдавил я из себя. Голос меня не слушался.

- Скоро новый год, я хотела спросить, как мы будем его отмечать, - пролепетала Симка, рассматривая присутствующих родственников, как будто мысленно им внушала свою уже высказанную вслух мысль.

- Как новый год? – не понял я, прислушиваясь к своим новым внутренним ощущениям. Несмотря на то, что мой голос напоминал скрипучее старое дерево, и я ощущал жуткую слабость, я все равно ликовал от того, что постоянная изнуряющая боль в груди исчезла. Не было боли, ни это счастье?!

- Скоро новый год, - подтвердила моя невестка Яна.

- Странно. Получается, я уснул в ноябре, а проснулся... в канун нового года? А какой сейчас год? – на всякий случай уточнил я.

- 2016, - ответил Мишка, - наступает 2017.

- И то хорошо, проспал какой-то месяц с небольшим. Что это было? Летаргический сон? Я в больнице?

- Остановка сердца и серьезная операция. Ты был на волоске от смерти, - собравшись с духом, взяла инициативу в свои руки жена.

Я подумал: с чего начал свою жизнь – с болезни сердца, к тому и вернулся...

- Мы с мамой очень испугались за тебя, - завздохала Сима, - вызвали реанимационный автомобиль. Федечка поднял всех на ноги.

- Тебя оперировал лучший кардиохирург области, Илья Денисович Михайлов, - вставил Федечка с гордостью.

- Долг платежом красен, - прошептал я.

- Что ты сказал? – испугалась Варя, решила, что я заговариваюсь.

- Хочу выразить вам, мои дорогие, и лучшему кардиологу свою благодарность.

- Это тебе спасибо, отец, - в унисон поблагодарили меня сыновья. – Если бы не ты...

- Мне нельзя волноваться, так что не будем пускаться в воспоминания... Когда меня выпишут из больницы? Я хочу встречать Новый год в родных стенах.

- Надо спросить у доктора. До сегодняшнего дня он не давал никаких прогнозов. Только говорил – состояние больного удовлетворительное, - сообщила Симка с важным видом.

Я обратился к жене:

- Варюша, я хочу с тобой поговорить.

- Дети, оставьте нас вдвоем с папой, - попросила Варя.

Прежде чем покинуть больничную палату, они по очереди меня расцеловали. Симка еще и потерлась носом о мой нос. Я назвал ее своей лебединой песней. Симка – моя лебединая песня!

После моих слов все обратили взоры на Варю, которая очень смутилась и сказала:

- Идите уже.

Когда дети удалились, я опередил жену:

- Варя, я обязан тебе кое в чем признаться. Возможно, после моего признания ты не захочешь меня знать...

- Я все знаю. Ты сам мне обо всем рассказал...

- Как я мог это сделать?

- Ты постоянно твердил о каком-то дневнике, который спрятан на квартире Александра Федоровича. Я нашла твой дневник.

- Ты его прочла, - упавшим голосом сказал я, словно еще минуту назад не собирался признаться во всех грехах.

- Будем считать, что я его не читала. Читать чужие дневники – непорядочно, - слукавила она.

- Но... я...

- Раз Бог тебя простил – ты выжил, то я, женщина, которая тебя любит всю свою сознательную жизнь, не имею права тебя судить.

- Я действовал ради своих близких, но это не оправдание... Отец тоже прочел мой дневник и скончался.

- Откуда ты знаешь, что он читал твой дневник? – с подозрением поглядывая на меня, спросила Варя.

- Он сам мне сказал. Я видел отца, мать, бабушку в белой холодной комнате. Они были очень недовольны, что я с ними встретился.

- Они хотели, чтобы ты жил долго и счастливо. А твой отец не мог читать твой дневник, потому что ты начал его писать совсем недавно, когда отца уже не стало. Я поняла это по дате начала записей.

- А ведь правда... Получается, я не виновен в его смерти?

- Конечно нет.
- Варя, и ты никогда не вспомнишь о том, что я натворил?
- Рома, я ничего не находила и ничего не читала. Ты все выдумал. Ты написал детективный роман. Роман написал роман! Согласен?
- Не знаю. Надо подумать.
- А теперь насчет лебединой песни... Симка - это не твоя лебединая песня...
- Я что-то запутался. Симка – не моя дочь? – поперхнулся я.
- Рома! Конечно, она твоя дочь, я не так выразилась! Но не лебединая песня. В начале апреля у нас будет прибавление в семействе. Я долго собиралась с духом, боялась тебе признаться, а когда почти решилась, ты заболел.
- То-то я смотрю, ты сильно поправилась.
- Ты только это хочешь мне сказать? - насупилась беременная женщина.
- Не только. Кто у нас родится? – деловито поинтересовался я.
- Ты кого бы хотел?
- Ребенка, - «здорово» рассудил я и, подумав, добавил, – и не одного.
- Какие наши годы! – усмехнулась жена.
- Варька, как хорошо жить! Особенно без «скелетов в шкафу»!..

2017 год